Русские дневники

А. ПУШКИН

Дневники. Автобиографическая проза

РУССКИЕ
ДНЕВНИКИ

МОСКВА «СОВЕТСКАЯ РОССИЯ» 1989

А. ПУШКИН

Дневники. Автобиографическая проза

МОСКВА «СОВЕТСКАЯ РОССИЯ» 1989

Составление, подготовка текстов
и вступительная статья
доктора филологических наук
С. А. Фомичева

Примечания и именной указатель
кандидата филологических наук
Н. Е. Мясоедовой

Художник **Г. Г. Федоров**

Пушкин А. С.

П91 Дневники. Автобиографическая проза/Сост., подгот. текстов и вступ. ст. С. А. Фомичева; Примеч. и им. указ. Н. Е. Мясоедовой: Худож. Г. Г. Федоров.— М.: Сов. Россия, 1989.— 384 с.— (Русские дневники).

В книгу включена дневниковая проза Пушкина: «Лицейский дневник» (1815), «Кишиневский дневник» (1821), «Кавказский дневник» (1829), «Дневник 1833—1835 гг.», «Путешествие из Москвы в Петербург», а также «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года» (1835) и т. д.

П $\frac{4702010104-212}{М-105(03)89}$ № 156—1989 г. **Р1**

ISBN 5—268—00704—1

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Издательство «Советская Россия» приступает к выпуску новой серии «Русские дневники». Она, разумеется, не претендует на сколько-нибудь полное собрание произведений мемуарного жанра. Наиболее подробно перечень их отражен в двух библиографических указателях: История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. Аннотированный указатель книг и публикаций в журналах. Т. 1—4. М., 1976—1986 и Воспоминания и дневники XVIII—XX вв. М., 1976. Редакторы этих указателей справедливо подчеркивают значение такого рода произведений в качестве важнейших исторических источников.

Но дневники нередко имеют и более широкое культурное значение. Подчас по своему искреннему психологизму и изощренной наблюдательности они соперничают с собственно художественной прозой. Конечно, прежде всего это дневники, записные книжки самих писателей и других деятелей искусства, хотя и не предназначавшиеся для печати, но в полной мере отмеченные литературным талантом авторов. Впрочем, в отдельных случаях незаурядное художественное дарование проявлялось только в мемуарном жанре.

Так история русской литературы первой половины XIX века была бы неполна без желчно-талантливых «Записок» Ф. Ф. Вигеля, знакомца Пушкина. «История души человеческой,— полемически замечал в «Герое нашего времени» М. Ю. Лермонтов,— хотя бы самой мелкой души, едва ли не любопытнее и не полезнее истории целого народа, особенно когда... она писана без тщеславного желания возбудить участие и удивление». Довольно неожиданно лермонтовские строки вспоминаются, когда мы читаем «Дневник» А. С. Суворина, издателя официозной газеты «Новое время», оценивавшего для себя в потаенной тетради текущие события едко и точно.

Особую группу дневников составляют путевые записки бывалых русских людей. Еще в конце XV века на Руси появился их первый опыт: бесхитростное, но увлекательное «Хождение за три моря» Афанасия Никитина. В ряду таких произведений и «Посольские дневники» XVI—XVII веков, дневники великого русского этнографа Н. Н. Миклухо-Маклая и легендарного полярника И. Д. Папанина.

Вообще говоря, более чем в каком-либо другом жанре эпохальное значение в дневнике достигается вовсе не хитростями литературного

мастерства, но прежде всего обнаженным переживанием событий, столько же личных, сколько и исторических. В этом смысле ни с чем не сравнима тетрадочка ленинградской девочки Тани Савичевой, исписанная крупными детскими буквами, обжигающими немыслимой блокадной болью.

Серия «Русские дневники» включает в себя произведения разных лет. И думается, что наибольшие откровения ожидают нас в скупых поденных записях о событиях, не столь далеких от нас во времени, реальное содержание и смысл которых осознаются только сейчас.

А открывается серия книгой дневников и автобиографической прозы А. С. Пушкина, который первым в России в полной мере оценил значение мемуарного жанра литературы, был его неутомимым автором, издателем, пропагандистом.

«НЕСКОЛЬКО РАЗ ПРИНИМАЛСЯ Я ЗА ЕЖЕДНЕВНЫЕ ЗАПИСКИ...»

Дневники и автобиографическая проза Пушкина никогда до сих пор не издавались отдельной книгой. Соответствующие разделы в собраниях его сочинений невелики по объему. Слишком жесткая жанровая рубрикация, стремление издателей и редакторов произвести привычное разделение прозы на художественную, литературно-критическую и т. д. не позволяли в полной мере оценить постоянные и нередко экспериментальные поиски Пушкина в мемуаристике, которые были важны в равной степени для его поэзии и прозы.

Пушкин не первым из русских обратился к мемуарной прозе. Первым был еще пустозерский узник протопоп Аввакум, чье «Житие» будет издано в послепушкинское время. И все же Пушкин и здесь явился первооткрывателем, «началом всех начал», так как прежде всего он впервые по достоинству оценил этот особый род литературы, выступал неутомимым его пропагандистом, в полной мере понял значение личностного восприятия эпохи, выстраданного каждым права судить и осмыслять событие — со-бытие́,— общее для всех и неповторимое все же для каждого из его участников.

А как многообразна автобиографическая проза самого Пушкина! Дневники, мемуары, мысли и замечания (осколки уничтоженных записок или заготовки впрок), разговоры, антикритики и опыты «отражения нелитературных обвинений», путешествия — целая чрезвычайно развитая система жанров, смыкающаяся с иными родами прозы: художественной, исторической, литературно-критической, эпистолярной. В разделе «Историческая проза», например, традиционно помещается «Заметка о революции Ипсиланти», изложенная по слухам, дошедшим до Кишинева, о первых неудачах восстания гетеристов против турецкого ига. Среди пушкинской переписки печатается отрывок о греческих беженцах («Мы видели этих новых Леонидов на улицах Одессы и Кишинева — со многими из них лично знакомы...» и пр.), который до сих пор считали черновым наброском письма к неизвестному адресату. Новейшее исследование показало, что оба текста написаны на бумаге одного сорта, одновременно, в конце 1821 года*. И становится понятным, что в своей сово-

---

* См.: Левичева Т. И. К заметкам Пушкина о Греческой революции//Временник Пушкинской комиссии; Вып. 23 (в печати). См. с. 82 настоящего издания.

купности это единый, хотя и с пропуском (верхний край второго листа оборван), текст, конечно же относящийся к автобиографическим запискам, к которым Пушкин впервые приступил как раз в этом году: об историческом событии он повествует как очевидец.

Пушкин всегда был внимателен к датам: в его рабочих тетрадях они неизменно отмечали этапы работы над произведениями, перебивались пометами о событиях разного масштаба, в какой-то связи для него особенно важных: «<1822 г.>. После обеда во сне видел Кюхельбекера. 1 июля день счастливый...»; «1824. 19/7 апреля. Смерть Байрона»; «19 октября <1830 г.> Сожжена X песнь» и т. п. Подчас эти записи остались в зашифрованном виде: «1826, июль. Услышал о смерти Р<ылеева>, П<естеля>, М<уравьева-Апостола>, К<аховского>, Б<естужева-Рюмина>, 24» и пр. Такого рода зарубок на память в черновых рукописях Пушкина чрезвычайно много, и, вдумываясь в них, мы понимаем, насколько все его творчество было наэлектризовано живым ощущением неповторимого, насыщенного событиями и запечатленного в памяти времени. Не потому ли сравнительно редко Пушкин вел «дневник для себя», что творческие рукописи были для него одним большим дневником?

Самый первый из дошедших до нас опытов пушкинского дневника, за ноябрь — декабрь 1815 года, весь подчинен целям творчества. Это и понятно. Только что получен очередной том журнала «Российский Музеум», где впервые за полной подписью «Александр Пушкин» напечатано стихотворение «Воспоминания в Царском Селе», прочитанное на переводном экзамене перед самим Державиным и утвердившее за Пушкиным не только славу первого лицейского поэта, но и надежду всей русской литературы. В Лицей, специально чтобы познакомиться с юным дарованием, приезжают Жуковский и Батюшков. Может быть, именно в это время Пушкин напишет пророческие строки, которые тогда могли показаться нескромными:

Великим быть желаю,
Люблю России честь,
Я много обещаю —
Исполню ли? Бог весть!

И юный поэт торопился оправдать надежды. Удивительно, как много различных замыслов отмечено в его лицейском дневнике,— замыслов, лишь мелькнувших в воображении или уже продвинувшихся в работе: роман «Фатам, или Разум человеческий...», ироическая поэма «Игорь и Ольга», нравоописательный очерк «Картина Царского Села». И здесь же, также торопясь, Пушкин записывает и сатирические лицейские куплеты (авторство многих из них несомненно принадлежит ему), и злободневную эпиграмму на Шишкова, Шаховского и Шихматова, и элегические строки, посвященные Екатерине Бакуниной, и опыт психологического портрета одного из лицейских наставников, и набросок критической статьи «Мои мысли о Шаховском», и анекдот о любимце публики

поэте-партизане Денисе Давыдове, завезенный в Лицей едва ли не Жуковским, который упоминается тут же... Характерная особенность пушкинского дневника: личные впечатления здесь просматриваются крайне скупо, зато он широко открыт в мир. То же качество мы замечаем и в стихотворении «Воспоминания в Царском Селе», и в позднейших его дневниковых записях. Отсюда, по-видимому, сравнительно раннее обращение Пушкина к прозе мемуарной, воссоздающей события прежних лет.

* * *

Так случилось, что самое значительное автобиографическое произведение Пушкина до нас целиком не дошло — сохранились лишь немногие его отрывки. А между тем это были «Записки», которые писались одновременно с центральными главами «Евгения Онегина» и трагедией «Борис Годунов» и имели, конечно, столь же определяющее значение для творчества Пушкина в целом.

Ближайший друг Пушкина П. В. Нащокин так рассказывал о последних минутах пребывания поэта в михайловской ссылке:

«...нарочный прискакал к Пушкину. Он в это время сидел перед печкою, подбрасывал дров, грелся. Ему сказывают о приезде фельдъегеря. Встревоженный этим и никак не ожидавший чего-либо благоприятного, он тотчас схватил свои бумаги и бросил в печь: тут погибли его записки и некоторые стихотворные пьесы, между прочим, стихотворение «Пророк», где предсказывались совершившиеся уже события 14 декабря»*.

Можно догадываться, что 4 сентября 1826 года в огонь была брошена рабочая тетрадь Пушкина, которая содержала, наряду с другими произведениями, черновик автобиографических записок.

«Несколько раз,— вспоминал в 1830-е годы поэт,— принимался я за ежедневные записки и всегда отступался из лености. В 1821 году начал я свою биографию и несколько лет занимался ею. В конце 1825 года, при открытии несчастного заговора, я принужден был сжечь сии записки. Они могли замешать многих и, может быть, умножить число жертв. Не могу не сожалеть об их потере; я в них говорил о людях, которые после сделались историческими лицами с откровенностию дружбы или короткого знакомства».

Писать мемуары в двадцать два года было вроде бы рановато. Однако, насильственно отторгнутый от петербургских друзей, остро переживая несправедливое гонение, ссыльный поэт отчетливо чувствовал, что в жизни его пройден первый перевал, с высоты которого открылась вдруг новая перспектива. Сравнительно узкий круг как лицейских, так и петербургских впечатлений сменился ошеломляюще бескрайними просторами. Живописность южных пейзажей, этнографическая пестрота обступивших поэта нравов и обычаев, воспоминания, которые невольно

* А. С. Пушкин в воспоминаниях современников.— Т. 2.— М., 1985.— С. 226.

пробуждались в местах исторических, легендарных, мелькание лиц, любовные увлечения, вольные разговоры в кругу новых друзей — все это само по себе не могло не затронуть впечатлительную натуру Пушкина. Может быть, никогда в жизни он не ощущал так остро чувства свободы, радостного обновления. Но чувство это было изначально отравлено ссылкой.

Впервые жизнь проверяла характер поэта на излом. Он не знал еще, что ссылка продлится шесть лет. Будут еще и столкновения в Одессе с графом Воронцовым, которые откроют постоянную борьбу поэта со светской чернью, и михайловское одиночество, и страшная весть о гибели и ссылке друзей-декабристов. Тем более далеки пока еще тридцатые годы: мелочная травля в журналах, мучительные объяснения с Бенкендорфом, высочайшая цензура, изнуряющие денежные долги, камер-юнкерский мундир, роковая дуэль... И все же — наперекор всем гонениям — как светла по своему основному тону муза Пушкина!

Нет, он не возносился над прозой жизни, но подчинял ее своему гармоническому дару, заставлял служить своей поэзии, ощущая себя хозяином судьбы. В основе этого дара было чувство исторического оптимизма. Недаром юность Пушкина совпала со славным 1812 годом.

И сейчас, в Кишиневе, чувство это упрочилось. История предстала не книжным знанием, а живым процессом. В буднях стал ясно ощутим гул эпохи. Время было неспокойным, насыщенным ожиданием перемен. Вся Европа пришла в движение. В начале 1821 года, в Каменке, Пушкин пометит в записной книжке:

«О<рлов> говорил в 1820 году: «Революция в Испании, революция в Италии, революция в Португалии, конституция тут, конституция там. Господа государи, вы поступили глупо, свергнув с престола Наполеона».

Регулярные подневные записи Пушкин, вероятно, снова начал вести, возвратившись из Каменки в Кишинев. 2 апреля 1821 года он запишет:

«Говорили об А. Ипсиланти; между пятью греками я один говорил как грек: все отчаивались в успехе предприятия *этерии*. Я твердо уверен, что Греция восторжествует...»

9 апреля: «Утро провел с Пестелем; умный человек во всем смысле этого слова... Мы имели с ним разговор метафизический, политический, нравственный и проч. ...»

Уже эти подневные записи предвосхищали исторический масштаб пушкинских мемуаров, к которым он приступил в Кишиневе же. О том, что записки должны носить не узкобиографический характер, со всей очевидностью свидетельствуют предваряющие их «Некоторые исторические замечания»*:

* Ранее эта работа А. С. Пушкина публиковалась под условным названием «Заметки по русской истории XVIII в.». Публикатор возвращается к названию, известному по копии Н. С. Алексеева, которому Пушкин передал ее еще в Кишиневе. Подробнее см.: Эйдель-

«По смерти Петра I движение, переданное сильным человеком, все еще продолжалось в огромных составах государства преобразованного» и пр.

Кончаются «Замечания» также фразой, в которой запечатлена историческая ситуация, чреватая будущими потрясениями:

«Царствование Павла доказывает одно: что в просвещенные времена могут родиться Калигулы. Русские защитники самовластия в том несогласны и принимают славную шутку г-жи де Сталь за основание нашей конституции: «Правление в России есть самовластие, ограниченное удавкою».

Конечно, составить по первой вступительной главе определенное впечатление об общем плане и характере замечаний затруднительно. Судить об этом помог бы тот жанровый образец, на который ориентировался Пушкин, приступая к собственным мемуарам.

В письме к Вяземскому, написанном во второй половине ноября 1825 года, то есть как раз тогда, когда Пушкин кончал работу над своей автобиографией, встречается одно странное, на первый взгляд, замечание:

«Зачем ты жалеешь о потере записок Байрона? черт с ними! слава богу, что потеряны. Он исповедался в своих стихах, невольно, увлеченный восторгом поэзии. В хладнокровной прозе он бы лгал и хитрил, то стараясь блеснуть искренностью, то марая своих врагов...»

Необходимо понять, о каких «Записках» Байрона идет здесь речь. При известии о гибели английского поэта, по настоянию представителей вдовы, издателем Джоном Мерреем были сожжены мемуары, посвященные в основном истории женитьбы Байрона, разлада с женой и тем гонениям, которые заставили его навсегда покинуть родину. Как можно было догадаться, записки эти были написаны в жанре исповеди, которая недаром упоминается Пушкиным далее. Продолжим цитату: «...Его бы уличили, как уличили Руссо — а там злоба и клевета снова бы торжествовали... Толпа жадно читает исповеди, записки etc., потому что в подлости своей радуется унижению высокого, слабостям могущего. При открытии всякой мерзости она в восхищении. *Он мал, как мы, он мерзок, как мы!* Врете, подлецы: он мал и мерзок — не так, как вы — иначе...»

Становится понятным, что, приступая к запискам, Пушкин следовал не за «Исповедью» Руссо с ее установкой на самоанализ, на откровенное повествование о личной жизни. И здесь нужно вспомнить, что в пушкинское время подлинного расцвета достиг иной жанр мемуаров, о котором в 1835 году В. Г. Белинский писал:

«К числу самых необыкновенных и самых интересных явлений в умственном мире нашего времени принадлежат записки или *мемуары*.

ман Н. Я: «По смерти Петра I...»//Прометей.— 1974.— № 10.— С. 302—354; Эйдельман Н. Я. Пушкин. История и современность в художественном сознании поэта.— М., 1984.— С. 35.

Это суть истинные летописи наших времен... И в самом деле, что может быть любопытнее этих записок: это история, это роман, это драма, это все, что вам угодно»*,— и справедливо связывал возникновение этого жанра с бурной эпохой французской революции, обнаружившей тесную связь частного (личного) и исторического бытия человека. Недаром, однако, критик пишет об этом спустя десять лет со времени окончания Пушкиным своих записок. В 1820-е годы такого рода мемуары были новинкой**. И одним из первых таких произведений стало «Десятилетнее изгнание» Жермен де Сталь, вышедшее в свет в 1821 году — в то время, когда Пушкин начал свои записки.

Для молодого Пушкина многое значило сходство собственной судьбы с жизнью иного знаменитого писателя. Овидий, Байрон, А. Шенье именно потому на многие годы стали его духовными спутниками. Среди них — и Ж. де Сталь, изгнанная из Парижа в 1803 году за оппозицию к деспотизму Наполеона. О том, что мысль о знаменитой изгнаннице действительно приходила на ум Пушкину, свидетельствует концовка «Некоторых исторических замечаний» с цитатой из Ж. де Сталь.

Следующая вводная — вторая — глава записок (в беловом автографе «Замечаний» стоит № 1) должна была стать быстрым очерком александровского царствования (вероятно, до 1811 года, времени открытия Лицея). Не вспомнить о Ж. де Сталь, работая над этой главой, Пушкин не мог. Страстный борец с деспотизмом, французская писательница была, однако, очарована Александром I, которого принимала в своем салоне в 1814 году, искренне веря (вера эта отразилась в «Десятилетнем изгнании»), что русский царь являет собою просвещенного монарха, готового дать народу конституцию. Можно понять, с каким пристрастным вниманием Пушкин читал об этих иллюзиях в мемуарах Ж. де Сталь.

Была ли Пушкиным написана вторая вводная глава записок? Да, была. Давно замечено***, что в черновике записки «О народном воспитании», которую Пушкин писал в ноябре 1826 года по поручению Николая I, предполагались некоторые вставки — по крайней мере три, и в каждом случае здесь помечено: «из записок», а один раз даже конкретнее: «из записок 2 гл.» И вот что интересно: в окончательном тексте официальной записки в развитие этих помет включены рассуждения, которые имеют текстуальное совпадение с суждениями, почерпнутыми в «Десятилетнем изгнании»,— о недостатках воспитания подрастающего поколения в России****.

---

* Белинский В. Г. Полн. собр. соч.— Т. 1.— М., 1953.— С. 159.

** В библиотеке Пушкина имелась серия Collection des Mémoires relatifs à la Révolution Française, tt. I—XXIII, Paris, 1821—1825.

*** См.: Фейнберг И. Читая тетради Пушкина.— 2-е изд.— М., 1981.— С. 299—301.

**** См.: Томашевский Б. В. «Кинжал» и m-me de Staël// Пушкин и его современники; Вып. XXXVI.— Пг., 1923.— С. 85.

Отметим здесь же и еще одно обстоятельство. В 1825 году Пушкин в «Сыне отечества» резко откликнулся на уничижительный отзыв о «Десятилетнем изгнании», принадлежавший П. Муханову:

«Вот что сказано об ней (то есть Ж. де Сталь.— *С. Ф.*) в одной рукописи: «Читая ее книгу Dix ans d'exil, можно видеть ясно, что, тронутая ласковым приемом русских бояр, она не высказала всего, что бросалось в глаза. (Речь идет о большом обществе петербургском, прежде 1812 года.) Не смею в том укорять красноречивую, благородную чужеземку, которая первая отдала полную справедливость русскому народу, вечному предмету невежественной клеветы писателей иностранных».

«Вряд ли можно сомневаться,— замечал по этому поводу Б. В. Томашевский,— что автором цитируемой рукописи был он сам (Пушкин.— *С. Ф.*) и что здесь мы имеем дело с невинной литературной мистификацией, что было в нравах Пушкина»*. Очевидно, в данном случае поэт цитировал свои «Записки» (черновик которых он заканчивал как раз в то время, когда писал статью для «Сына отечества»), и именно вторую их главу.

Ориентация Пушкина на мемуары де Сталь позволяет представить, каковы были характер и стиль сожженных пушкинских записок. Личная биография здесь воспроизводилась в той степени, в какой она была связана с важнейшими историческими событиями эпохи. Сохранено было, по-видимому, в пушкинской «Автобиографии» и сочетание мемуаров с путевыми записками; маршруты Пушкина были, конечно, скромнее, чем у французской путешественницы, но тоже по-своему значительны: первый длительный путь в Екатеринослав, поездки на Кавказ и в Крым, возвращение оттуда в Кишинев, жизнь в Одессе, отлучки в Каменку и в Киев, путешествие по Молдавии и, наконец, переселение в псковскую деревеньку Михайловское. В начале 1820-х годов в творчестве Пушкина наблюдается пристальное внимание к своеобразию национальных обычаев и культур — оно не могло не отразиться в его «Записках». Можно не сомневаться, что в них — почти целиком или в несколько переработанном виде — вошло замечательное письмо Пушкина к брату от 24 сентября 1820 года, первый опыт пушкинской автобиографической прозы в жанре путешествия, описывающий поездку на Кавказ и в Крым.

Мемуары, начатые в Кишиневе, не были, однако, там дописаны. Свободолюбивым чаяниям в то время не суждено было осуществиться. Одна за другой были подавлены революции в Испании и в Португалии, в Неаполе, в Палермо и в Пьемонте. Выступление греческих этеристов против турецкого ига тоже оказалось неудачным: разброд в стане вождей привел к неисчислимым жертвам. В России утверждался жестокий аракчеевский режим. Уже томился в Тираспольской крепости кишиневский друг Пушкина, майор В. Ф. Раевский, которого позже назовут первым декабристом.

---

* См.: Томашевский Б. В. «Кинжал» и m-me de Staël// Пушкин и его современники: Вып. XXXVI.— Пг., 1923.— С. 85.

В той же рабочей тетради (так называемой «второй кишиневской»), где Пушкин вел подневные записи, набрасываются начерно горькие строки:

Бывало, в сладком ослепленье
Я верил избранным душам,
Я мнил — их тайное рожденье
Угодно властным небесам,
На них указывало мненье —
Едва приблизился я к ним...

Взглянул на мир я взором ясным
И изумился в тишине;
Ужели он казался мне
Столь величавым и прекрасным?..*

Вернулся Пушкин к замыслу автобиографических записок спустя два года, в Михайловском.

Шел уже четвертый месяц михайловского заточения. «Знаешь ли мои занятия? — писал поэт брату,— до обеда пишу «Записки», обедаю поздно...» «Образ жизни моей все тот же,— повторил он через несколько дней,— стихов не пишу, продолжаю свои «Записки»...»

Начиная работу над крупным произведением, Пушкин обычно заводил новую тетрадь. Теперь он продолжил в ней рассказ о своей жизни — о Лицее и Петербурге, о каменских словопрениях, о ссылках кишиневской, одесской, михайловской.

Работа, видимо, спорилась. Впрочем, можно не сомневаться, что мысль подчас убегала в сторону, и тогда на полях тетради возникали рисунки: портреты друзей и недругов, детали знакомых пейзажей, стремительные росчерки, похожие на летящих птиц. Вероятно, рядом с биографической прозой возникали и стихотворные строки, и, как всегда, Пушкин начинал исправлять и перечеркивать их, отыскивая самое нужное, самое заветное и точное слово.

Несомненно, в связи с собственными мемуарами, прочтя в петербургском журнале отрывки из воспоминаний, как потом оказалось, поддельных, видного политического деятеля наполеоновской эпохи Жозефа Фуше, Пушкин в феврале 1825 года пишет брату: «...но, милый мой, если только возможно, отыщи, купи, выпроси, укради «Записки» Фуше и давай мне их сюда; за них отдал бы я всего Шекспира; ты не воображаешь, что такое Fouché! Он по мне очаровательнее Байрона. Эти записки должны быть сто раз поучительнее, занимательнее, ярче записок Наполеона, т. е. как политика, потому что в войне я ни черта не понимаю... Читал ли ты записки Napoléon? Если нет, так прочти: это, между прочим, прекрасный роман, но все, что относится к политике, писано только для черни». Как видим, Пушкин особенно пристрастно судит публицистическую направленность записок, имея в виду собствен-

* Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: Т. I—XVI.— М.; Л., 1937—1949.— Т. II (2).— С. 293, 294, 1128, 1129.

ный замысел (в том же письме он замечает: «стихов новых нет — пишу «Записки», но и презренная проза мне надоела»).

Уже в сентябре 1825 года Пушкин сообщал П. А. Катенину: «Стихи покамест я бросил и пишу свои мемуары, то есть переписываю набело скучную, сбивчивую, черновую тетрадь...» Из беловика записок до нас дошел лишь отрывок, посвященный послелицейским событиям:

«Болезнь остановила на время образ жизни, избранный мною. Я занемог гнилою горячкою. Лейтон за меня не отвечал. Семья моя была в отчаянье; но через шесть недель я выздоровел. Сия болезнь оставила во мне впечатление приятное. Друзья навещали меня достаточно часто; их разговоры сокращали скучные вечера... Первые восемь томов «Русской истории» Карамзина вышли в свет. Я прочел их в моей постели с жадностию и вниманием...» И далее в этом отрывке просматривается господствующая, по-видимому, манера пушкинских мемуаров: от краткого упоминания о личных своих обстоятельствах автор переходит к характеристике общественных настроений, скрываясь порой в толпе своих знакомых:

«...Некоторые остряки за ужином переложили первые главы Тита Ливия слогом Карамзина. Римляне времен Тарквиния, не понимающие *спасительной пользы самодержавия*, и Брут, осуждающий на смерть своих сынов, *ибо редко основатели республик славятся нежной чувствительностию,*— конечно, были очень смешны. Мне приписали одну из лучших русских эпиграмм; это не лучшая черта моей жизни».

Едва ли можно сомневаться в том, что «некоторые остряки» — это не кто иной, как сам юный Пушкин, который-таки написал «одну из лучших русских эпиграмм»;

В его «Истории» изящность, простота
Доказывают нам, без всякого пристрастья,
Необходимость самовластья
И прелести кнута.

Записки писались без оглядки на цензуру. Это и предопределило их дальнейшую судьбу.

Сейчас установлено, что Пушкин неточен в сообщении о времени уничтожения мемуаров («в конце 1825-го года»)*. При первых известиях о разгроме декабристов он поначалу не беспокоился о себе: к заговору он не принадлежал и не мог предполагать, что может быть привлечен к следствию. Только в апреле 1826 года, когда поэт попытался через Жуковского узнать, нельзя ли возвратиться из ссылки,— выяснилось, что в бумагах заговорщиков найдено множество «возмутительных стихов» Пушкина. Стало ясно и то, что правительство сурово наказывает не только лиц, которые приняли участие в восстании или принадлежали к тайным обществам, но и тех, которые знали о существовании заговора

* См.: Левкович Я. Л. Когда Пушкин уничтожил свои записки//Временник Пушкинской комиссии. 1979.— Л., 1982.— С. 102—106.

и не донесли о нем. Только теперь поэт почувствовал опасность. Он начал систематическую чистку своих бумаг и прежде всего — той рабочей тетради, в которой находился черновик записок, одновременно перебеливая из нее произведения, записанные там помимо мемуаров. Но переписка набело никогда не была для Пушкина механическим делом — она затянулась на несколько месяцев.

4 сентября 1826 года в Михайловское прибыл офицер, чтобы сопроводить поэта в Москву к императору. Отлучиться из Михайловского, под взором фельдъегеря, Пушкин не мог, как и не мог надеяться, что после его отъезда в кабинете не будет произведен тщательный обыск. Черновая тетрадь с записками и, вероятно, их беловик были брошены в печку.

От записок 1821—1825 годов осталось немного, но след их отчетливо распознается в творчестве Пушкина. Ряд стихотворений конца 1824—1825 годов возникает в прямой связи с «Записками», ретроспективно воссоздавая события и настроения прошедших лет: «Чаадаеву» («К чему холодные сомненья...»), «Вакхическая песня», «19 октября» («Роняет лес багряный свой убор...»), «К***» («Я помню чудное мгновенье...») и др. Именно в ходе работы над «Записками» Пушкин остро ощутил исторический пульс времени, тем более что после посещения Михайловского в январе 1825 г. И. И. Пущиным, открывшим другу существование тайного общества, поэт мог иными глазами взглянуть на былые встречи с вольнолюбцами в Петербурге, Кишиневе, Каменке, Киеве. Уже в феврале — апреле 1825 г. в исторической элегии «Андрей Шенье» появятся строки:

И час придет... и он уж недалек:
  Падешь тиран! Негодованье
Воспрянет наконец, Отечества рыданье
Разбудит утомленный рок.

Узнав о смерти Александра I, Пушкин напишет об этих строчках П. А. Плетневу:

«Душа! я пророк, ей-богу пророк! Я «Андрея Шенье» велю напечатать церковными буквами во имя отца и сына etc.».

* * *

Особенно важна роль «Записок» в становлении прозы Пушкина.

Во всех работах, касающихся общей характеристики пушкинской прозы, с неизменным постоянством звучат два утверждения, которые, несмотря на их кажущуюся самоочевидность, тем не менее фактически неверны. Первый опыт повествовательной прозы Пушкина (исключая ранние ученические опыты) видят в романе о царском арапе (1829). Второе утверждение сводится к тому, что в теоретическом осмыслении принципов прозы Пушкин намного опередил свои первые серьезные

практические шаги в этой области; здесь имеется в виду набросок заметки «О прозе» (1821), вся «теория» которой стягивается к афористическому определению: «Точность и краткость — вот первые достоинства прозы. Она требует мыслей и мыслей — без них блестящие выражения ни к чему не служат».

Между тем первым завершенным замыслом Пушкина-прозаика стали, конечно же, автобиографические записки (1821—1825). Изучение их предварительных набросков («Заметка о революции Ипсиланти», «Заметка о Пенда-Деке») позволяет высказать предположение, что мемуары свои Пушкин начал писать по-французски. Возможно, этот первоначальный французский набросок был уничтожен во второй кишиневской тетради, в которой вслед за дневниковыми записями шел какой-то перебеленный французский текст, о чем можно судить по остаткам слов на корешках вырванных листов,— а далее сохранилась загадочная заметка: «Только революционная голова, подобная Мирабо и Петру, может любить Россию, так как писатель только может любить ее язык. Все должно творить в этой России и в этом русском языке»,— которую следует оценить как первый приступ Пушкина к русскому тексту своих записок. С этим высказыванием впрямую связаны его рассуждения о «метафизическом языке», без которого русская литература, по убеждению Пушкина, не выйдет из младенческого возраста. «Когда-нибудь должно же вслух сказать,— писал Пушкин Вяземскому 13 июля 1825 г.,— что русский метафизический язык находится у нас в диком состоянии. Дай бог ему когда-нибудь образоваться наподобие французского языка (ясного точного языка прозы, т. е. языка мыслей)». Так говорил Пушкин, завершая работу над записками. О том же, по сути дела, он писал и едва приступая к ним: проза «требует мыслей и мыслей». Таковы были истоки пушкинской прозы, многое в ее движении определившие. Заметим в этой связи, что «мысли» из уничтоженных записок отчасти были сохранены Пушкиным в «Отрывках из писем, мыслях и замечаниях», напечатанных в альманахе «Северные цветы» на 1828 год и в материалах к ним.

Исследуя поэтику пушкинской прозы, А. П. Чудаков на основе наблюдений над стилем описаний уверенно замечает: «Устанавливая жанровые истоки пушкинской прозы, будущий исследователь, несомненно, среди первейших назовет жанры событийно-повествовательные по преимуществу — путешествие, хронику, реляцию, летопись»*, и здесь же цитирует академика В. В. Виноградова, писавшего об истоках пушкинских прозаических принципов так: «В основе летописного стиля и близкого к нему стиля «просторечных», то есть свободных от правил литературного «красноречия» бытовых записей, дневников, мемуаров, анекдотов, хроник лежит принцип быстрого и сжатого называния и перечисления главных или характерных предметов и событий. Это как

* Чудаков А. П. К поэтике пушкинской прозы//Болдинские чтения.— Горький, 1981.— С. 63.

бы опорные пункты жизненного движения с точки зрения «летописца»*.

Такой стиль, как выясняется, действительно в прозе Пушкина возобладал в процессе его работы над собственными дневниками и мемуарами, в которых собственно «описания» потому и были столь строги и лапидарны, что они играли подчиненную роль: над ними доминировали «мысли и мысли».

Все последующие прозаические замыслы Пушкина конца 1820-х годов были попыткой сохранить «мысли» уничтоженных записок, и преимущественно художественная форма данных произведений представляла собою более или менее осмысленный камуфляж этих идей. Но сами идеи были, с одной стороны, слишком опасны в цензурном отношении, а с другой,— неминуемо в последекабрьские годы подверглись у Пушкина определенной ревизии, что и предопределило незавершенность данных замыслов. Особенно это заметно в «Романе в письмах» (1829), оставленном в тот момент, когда, наметив достаточно условную литературную завязку сюжета, писатель впрямую вышел к изложению идей о судьбах русского дворянства и народа, которые мы обнаруживаем в дошедшем до нас вступлении к заметкам («По смерти Петра...»).

Интерес Пушкина к исторической литературе был всегда велик. Но еще в юности его поразило расхождение между парадной версией и личным восприятием событий даже у тех лиц, которые были ответственны за официальную политику. В одесской ссылке поэт прочтет в рукописной копии «Записки Екатерины II», позже — «Записки» Е. Р. Дашковой, а в 1833 году отметит в дневнике: «Государыня пишет свои записки... Дойдут ли они до потомства? Елисавета Алексеевна писала свои, они были сожжены ее фрейлиною: Мария Федоровна также,— государь сжег их по ее приказанию. Какая потеря!» Сообщая в письме к жене о смерти некогда всесильного и всеми проклятого Аракчеева, Пушкин всерьез добавит: «Об этом во всей России жалею я один — не удалось мне с ним свидеться и наговориться».

Среди источников созданной Пушкиным «Истории Пугачева» на равных с официальными документами использованы рассказы самих пугачевцев, отмеченные печатью «истины, неукрашенной и простодушной».

«Одна из причин жадности, с которой читаем записки великих людей,— замечал Пушкин в «Материалах к «Отрывкам из писем, мыслям и замечаниям» (1827),— есть наше самолюбие: мы рады, ежели сходствуем с замечательным человеком чем бы то ни было, мнениями, чувствами, привычками — даже слабостями и пороками. Вероятно, больше сходства нашли бы мы с мнениями, привычками и слабостями людей вовсе ничтожных, если б они оставляли нам свои признания».

Спустя три года, прослеживая судьбы мемуарного жанра в европейской литературе, Пушкин напишет: «После соблазнительных «Исповедей» философии XVIII века явились политические, не менее соблазни-

* Виноградов В. В. Стиль Пушкина.— М., 1941.— С. 523.

тельные откровения. Мы не довольствовались видеть людей известных в колпаке и в шлафроке, мы захотели последовать за ними в их спальню и далее. Когда нам и это надоело, явилась толпа людей темных с позорными своими сказаниями».

Ориентируясь в записках 1821—1825 годов на «политические откровения», Пушкин не допускал своего появления перед будущим читателем «в колпаке и шлафроке».

Тенденция автобиографизма с позиций частного человека проявляется вполне серьезно — в отрывках «Участь моя решена...», «Несмотря на великие преимущества, коими пользуются стихотворцы...», в «Путешествии из Москвы в Петербург»,— то есть в жанре своеобразно остраненной автобиографической прозы.

«Путешествие из Москвы в Петербург» — что.это: описание собственной жизни Пушкина и изложение его «мыслей на дороге» или же произведение художественно-публицистическое? Биография рассказчика «Путешествия», очерченная в начале очерка, не совпадает с пушкинской. Но фактически мы несомненно слышим здесь самого Пушкина: более десятка раз торивший главный путь Российской империи — между старой и новой столицами, снова и снова сравнивал он свои впечатления с «Путешествием из Петербурга в Москву» Радищева, с горечью убеждаясь, насколько верными и спустя несколько десятилетий остаются радищевские размышления о России.

Во всех этих опытах несомненны подступы к принципам повествования, в наиболее развитой форме осуществившимся в «Капитанской дочке», также изложенной с позиций наивного сознания и здравого смысла. Рассказчик здесь не только силою неожиданных обстоятельств соприкасается с историческими событиями (сюжетно они столь же случайно сопряжены с перипетиями любовной истории Петра Гринева и Маши Мироновой, как и война 1812 года — с судьбою героев «Метели»), но и благодаря своей простоте по-человечески сочувствует мужицкому царю, отделенный от него социальной пропастью.

Однако и последний пушкинский роман не исчерпывал эволюции пушкинской прозы, в середине 1830-х годов особенно приверженной к документально-публицистическим жанрам. Здесь следует вспомнить такие произведения, как «Вольтер», «Записки бригадира Моро-де-Бразе», «Джон Теннер». Все они, хотя и основаны на чужом, обильно цитируемом материале, вовсе не сводятся к его пересказу. По сути дела, это опыты очерково-исторической прозы, предельно сближенной с мемуарами (Пушкин как бы выступает издателем чужих мемуаров, столь же самостоятельным в творческом отношении, как и издатель «Повестей Белкина»).

Такая направленность пушкинской прозы также была подготовлена одним из характернейших жанров пушкинской мемуаристики, к которому он был привержен издавна, жанром «Разговоров». На протяжении всей жизни Пушкин был всегда внимателен к своим собеседникам,

свидетелям минувшей эпохи, в «домашних» рассказах которых сохранились колоритные черты исторических событий и лиц, не проникающие в исторические хроники и сглаживающиеся в памяти поколений. Уже в кишиневской ссылке он жадно ловил рассказы греческих этеристов. Важное источниковедческое значение подобных рассказов Пушкин особенно оценил в ходе работы над «Историей Пугачева», первым из русских историков откорректировав сухие, односторонне пристрастные, официальные документы свидетельствами очевидцев.

Большинство из пушкинских записей такого рода, несмотря на их краткость, сюжетно закончены, диалогичны, остры и при всей объективности пересказа ясно выявляют отнюдь не бесстрастное отношение Пушкина к событиям и лицам.

* * *

Следует остановиться и еще на одном оригинальном жанре пушкинской автобиографической прозы.

Первым из русских писателей отчетливо осознавая себя профессиональным литератором, Пушкин был небезразличен к своей литературной биографии. Отдельные штрихи ее намечались уже в первых опытах антикритики, в которых он давал отпор попыткам исказить его творческие замыслы и стремился влиять на становление своей литературной репутации. Отсюда вырастают два, по сути дела, законченных произведения, созданные в период замечательной Болдинской осени 1830 года: «Опровержение на критики» и «Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений». В первом из них Пушкин последовательно комментирует критические оценки произведений, появившиеся на протяжении шестнадцатилетней его литературной деятельности, приоткрывая двери творческой лаборатории, трезво сравнивая намерения с результатами, так часто не удовлетворявшими его в полной мере. В «Опыте отражения» — задание иное, не исповедальное, а откровенно публицистическое. Здесь защищалось достоинство честного русского писателя, его независимость от суда литературных сплетников, доносчиков, завистников. Через головы таких критиков Пушкин обращался непосредственно к публике, выделяя из потока клеветы два основных обвинения — в безнравственности и аристократизме. Оба они имели отчетливую политическую подоплеку, были попыткой дискредитировать свободомыслие писателя, обвиняя его в пренебрежении к публике. Булгаринскому пресмыкательству Пушкин противопоставлял высокую просветительскую миссию литературы, ее патриотический долг. Тем самым впервые формулируется положение о писателе как об «общественном лице», стоящем не выше, а впереди текущей жизни, ответственном за возрастание могущества общего мнения, «на котором в просвещенном народе основана чистота его нравов». «Таким образом,— подытоживает Пушкин,— дружина ученых и писателей, какого б рода они ни были, всегда впереди во всех набегах

просвещения, во всех приступах образованности. Не должно им малодушно негодовать на то, что вечно им определено выносить первые выстрелы и все невзгоды, все опасности».

* * *

Последним опытом пушкинской автобиографической прозы стало «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года». Построенное как непритязательный путевой дневник, якобы сохранившийся со времени поездки на Кавказ, произведение это на самом деле было написано заново в 1835 году и лишь отчасти основано на дневниковых заметках шестилетней давности. Замечено, что в «Путешествии в Арзрум» нашли отражение как официальные документы, так и записки иных лиц, опубликованные уже в 1830-е годы. Любопытно, что подчас материалом пушкинской прозы становятся даже его стихотворения, написанные по следам кавказского путешествия: стихи эти перелагаются в смиренную прозу. Работая над «Путешествием в Арзрум», Пушкин предполагал издать его отдельной книгой. Все говорит о том, что произведению этому он придавал принципиальное значение, что до некоторой степени скрадывается в современных изданиях пушкинской прозы, где «Путешествие» помещается, как правило, в конце раздела «Художественная проза», иногда даже после набросков и планов незаконченных произведений.

Добившись права издавать в 1836 году свой журнал, Пушкин печатает «Путешествие в Арзрум» в первом томе «Современника», который открывался программным стихотворением «Пир Петра Первого». В десятилетнюю годовщину суда над декабристами поэт возбуждал в общественном мнении мысль о необходимости не только прощения осужденных, но и возвращения их к активной деятельности, нужной отечеству.

Мысль об этом пронизывает все содержание и «Путешествия в Арзрум», где впервые в открытой русской печати были возвращены из официального небытия, предстали перед читателем вживе, со своими трудами, заботами и надеждами декабристы, сосланные в Кавказский корпус, в «теплую Сибирь», под пули неприятелей: «Здесь увидел я и Михаила Пущина, раненного в прошлом году. Он любим и уважаем как славный товарищ и храбрый солдат. Многие из старых моих приятелей окружили меня. Как они переменились! как быстро уходит время!»; «Вечера проводил я с умным и любезным Сухоруковым; сходство наших занятий сближало нас. Он говорил мне о своих литературных предположениях, о своих исторических изысканиях, некогда начатых им с такою ревностию и удачей. Ограниченность его желаний и требований поистине трогательна. Жаль, если они не будут исполнены»; «19 июля, пришед проститься с графом Паскевичем, я нашел его в сильном огорчении. Получено было печальное известие, что генерал Бурцов был убит под Байбуртом. Жаль храброго Бурцова...»* Только в таком контексте

* О художественной обработке этого эпизода см. в примечаниях, с. 340.

становится понятным появление в «Путешествии в Арзрум», избегающем пространных отступлений от путевого дневника, развернутой характеристики Грибоедова, славного представителя декабристского поколения, личности, по мысли Пушкина, в полной мере состоявшейся,— к славе отечества. «Могучие обстоятельства» и «пылкие страсти» лишь на время затемнили «облаками» его судьбу*, но сколь многое успел он совершить! Неужели «Наполеонами, не предводительствовавшими ни одною егерскою ротою», Декартами, «не напечатавшими ни одной строчки в «Московском телеграфе», останутся те, кто томится в «мрачных пропастях земли», носит клеймо государственных преступников?

Вынужденный учитывать цензурные условия (фамилии декабристов в печатном тексте были обозначены лишь начальными буквами), Пушкин тем не менее в «Путешествии в Арзрум», как некогда в своих сожженных записках, пишет о «людях, которые после сделались историческими лицами с откровенностию дружбы или короткого знакомства». Поразительно неожиданный в своих художественных замыслах, он всегда оставался верным светлым и мужественным началам своего творчества.

В последнем своем лицейском послании Пушкин, окидывая мысленно четверть века со времени открытия Лицея, восклицал:

Припомните, о други, с той поры,
Когда наш круг судьбы соединили,
Чему, чему свидетели мы были!
Игралища таинственной игры,
Металися смущенные** народы;
И высились и падали цари:
И кровь людей то Славы, то Свободы,
То Гордости багрила алтари.

Дневники и автобиографическая проза Пушкина, разнообразные по жанрам, предстают в своей совокупности летописью жизни, «мыслями и мыслями», устремляющимися то в предшествующие эпохи, то в будущее,— подвигом честного человека.

С. Фомичев

* Нам представляется, что в пушкинском замечании о «некоторых облаках» заключался намек на причастность Грибоедова к декабристскому движению, за что он был подвергнут заключению и следствию, в ходе которого, однако, сумел оправдаться. Ср. во «Введении», которым Пушкин первоначально намеревался открыть роман «Капитанская дочка» и в котором участник пугачевщины обращался к своему внуку, находящемуся в 1833 году, как надо полагать, в заключении: «Начинаю для тебя свои записки, или лучше искреннюю исповедь... я все полагаю, что в тебе прок будет, и главным тому доказательством почитаю сходство твоей молодости с моею... Ты увидишь, что завлеченный пылкостию моих страстей во многие заблуждения, находясь несколько раз в самых затруднительных обстоятельствах, я выплыл наконец...»

** «Смущенные» — здесь в смысле «беспокойные», «возмущенные» (от слова «смута»).

ДНЕВНИКИ

ИЗ «ЛИЦЕЙСКОГО ДНЕВНИКА»

1815

...большой грузинский нос, а партизан[1] почти и вовсе был без носу. Давыдов является к Бенигсену: «Князь Багратион,— говорит,— прислал меня доложить вашему высокопревосходительству, что неприятель у нас на носу...»

— На каком носу, Денис Васильевич? — отвечает генерал.— Ежели на Вашем, так он уже близко, если же на носу князя Багратиона, то мы успеем еще отобедать...

Жуковский дарит мне свои стихотворения.[2]

---

28 ноября.

Шишков и г-жа Бунина увенчали недавно князя Шаховского лавровым венком; на этот случай сочинили очень остроумную пиесу под названием «Венчанье Шутовского»[3]. *(Гимн на голос:* de Béchamel).

Вчера в торжественном венчанье
Творца *затей*[4]
Мы зрели полное собранье
Беседы всей;
И все в один кричали строй:
Хвала, хвала тебе, о Шутовской!
Хвала, герой!
Хвала, герой!

Он злой Карамзина гонитель,
Гроза баллад;[5]
В беседе добрый усыпитель,
Хлыстову[6] брат.
И враг талантов записной!
Хвала, хвала тебе, о Шутовской!
Хвала, герой!
Хвала, герой!

Всей братьи дал свои он *шубы,*[7]
И все дрожат!
Его величие не трубы —
Свистки гласят.
Он мил и телом и душой!
Хвала, хвала тебе, о Шутовской!
Хвала, герой!
Хвала, герой!

И вот под сенью обветшалой
Старик седой![8]
Пред ним вязанки прозы вялой,
Псалтырь в десной.[9]
Кругом поэтов бледный строй:[10]
Хвала, хвала тебе, старик седой!
О дед седой! (bis)

И вдруг раздался за дверями
И скрып и вой —
Идут сотрудники с гудками
И сам герой!
Поет он гимн венчальный свой,
Хвала, хвала тебе, о Шутовской!
Хвала, герой!
Хвала, герой!

«Я князь, поэт, директор, воин —
Везде велик,
Венца лаврового достоин
Мой тучный лик.
Венчая, пойте всей толпой:
Хвала, хвала тебе, о Шутовской!
Хвала, герой!
Хвала, герой!

Писал я на друзей пасквили
И на отца;
Поэмы, тощи водевили —
Им нет конца.
И *воды* я пишу водой.[11]
Хвала, хвала тебе, о Шутовской!
Тебе, герой,
Тебе, герой!

Еврей мой написал „Дебору“,[12]
А я списал.
В моих твореньях много сору —
Кто ж их читал?
Доволен, право, я собой.
Хвала, хвала тебе, о Шутовской!
Хвала, герой!
Хвала, герой!»

Потом к Макару и Ежовой
Герой бежит.
«Вот орден мой — венок лавровый,
Пусть буду бит,
Зато увенчан красотой!»
Хвала, хвала тебе, о Шутовской!
Хвала, герой!
Хвала, герой!

---

29 ноября.

Итак я счастлив был, итак я наслаждался,
Отрадой тихою, восторгом упивался...
И где веселья быстрый день?
Промчался лётом сновиденья,
Увяла прелесть наслажденья,
И снова вкруг меня угрюмой скуки тень!..

Я счастлив был!.. нет, я вчера не был счастлив; поутру я мучился ожиданьем, с неописанным волненьем стоя под окошком, смотрел на снежную дорогу — ее не видно было! Наконец я потерял надежду, вдруг нечаянно встречаюсь с нею на лестнице,— сладкая минута!..

Он пел любовь, но был печален глас,
Увы! Он знал любви одну лишь муку![13]

Жуковский.

Как она мила была! как черное платье пристало к милой Бакуниной!

Но я не видел ее 18 часов — ах! какое положенье, какая мука! — — —

Но я был счастлив 5 минут — —

10 декабря.

Вчера написал я третью главу «Фатама, или Разума человеческого: Право естественное».[14] Читал ее С. С. и вечером с товарищами тушил свечки и лампы в зале. Прекрасное занятие для философа! — Поутру читал «Жизнь Вольтера».

Начал я комедию[15] — не знаю, кончу ли ее. Третьего дни хотел я начать ироическую поэму «Игорь и Ольга», а написал эпиграмму на Шаховского, Шихматова и Шишкова,— вот она:

Угрюмых тройка есть певцов:[16]
Шихматов, Шаховской, Шишков.
Уму есть тройка супостатов:
Шишков наш, Шаховской, Шихматов.
Но кто глупей из тройки злой?
Шишков, Шихматов, Шаховской!

———

Летом напишу я «Картину Царского Села».[17]

1. Картина сада.
2. Дворец. *День в Царском Селе.*
3. Утреннее гулянье.
4. Полуденное гулянье.
5. Вечернее гулянье.
6. *Жители Царского Села.*

Вот главные предметы вседневных записок. Но это еще *будущее.*

———

Вчера не тушили свечек; зато пели куплеты[18] на голос: «Бери себе повесу».[19] Запишу, сколько могу упомнить:

На Георгиевского

Предложив — и дальше
На грацию намек.
Ну-с — Августин богóслов.
Профессор Бутервек.

или:

Над печкою богóслов,
А в печке Бутервек.

Потом Ниобы группа,
Кореджиев тьмо-свет,[20]
Прелестна грациозность
И счастлив он, поэт.

На Кайданова

Потише, животины!
Да долго ль, говорю?
Потише — Борнгольм, Борнгольм[21]
Еще раз повторю.

На Карцева

Какие ж вы ленивцы!
Ну, на кого напасть?
Да нуте-ка, Вольховский,
Вы ересь понесли.

А что читает Пушкин?
Подайте-ка сюды!
Ступай из класса с богом,
Назад не приходи.

А слышали ль вы новость?
Наш доктор стал ленив.
Драгуна посылает,

или ревнив

И граф послал драгуна,
Чтоб отпереть жену.

А Камараж взбесился.
Роспини обокрал;
А Фридебург свалился,
А граф захохотал.

Наш доктор хромоглазый
В банк выиграл вчера,
А следственно, гоняет
Он лошадей с утра.

На Шумахера

Скашите мне шастицы,
Как например: wenn so,
Je weniger und wenn so, desto
Die Sonne scheint also.*

На Гакена

Мольшать! я сам фидала,
Мольшать! я гуфернер!
Мольшать! — ты сам софрала —
Пошалуюсь теперь.

На Владиславлева

Матвеюшка! дай соли,
Нет моченьки, мой свет,
Служил я государю
Одиннадцать уж лет.

На Левашова

Bonjour, Messieurs,**— потише!
Поводьем не играй!
Уж я тебя потешу
A quand l'équitation.***

На Вильгельма

Лишь для безумцев, Зульма,[22]
Вино запрещено.
А Вильмушке, поэту,
Стихи писать грешно.

или: А не даны поэту
Ни гений, ни вино.

---

* если так, чем меньше и тем... Итак, солнце светит *(нем.)*.
** Здравствуйте, господа... *(фр.)*
*** Когда будет урок верховой езды *(фр.)*.

На Зябловского и Петрова

Какой столичный город,
Желательно бы знать?
— А что такое ворот,
Извольте мне сказать?

На Иконникова

Скажите: раз, два, три,
Тут скажут все скоты:
Да где ж его взрасти?
Да на святой Руси!

На Куницына

Известен третий способ:
Через откупщиков;
В сем случае помещик
Владелец лишь земли.

---

17 декабря.

Вчера провел я вечер с Иконниковым.

Хотите ли видеть странного человека, чудака,— посмотрите на Иконникова. Поступки его — поступки сумасшедшего; вы входите в его комнату, видите высокого, худого человека, в черном сертуке, с шеей, окутанной черным изорванным платком. Лицо бледное, волосы не острижены, не расчесаны; он стоит задумавшись, кулаком нюхает табак из коробочки, он дико смотрит на вас — вы ему близкий знакомый, вы ему родственник, или друг — он вас не узнает, вы подходите, зовете его по имени, говорите свое имя — он вскрикивает, кидается на шею, целует, жмет руку, хохочет задушевным голосом, кланяется, садится, начинает речь, не доканчивает, трет себе лоб, ерошит голову, вздыхает. Перед ним карафин воды; он наливает стакан и пьет, наливает другой, третий, четвертый, спрашивает еще воды и еще пьет, говорит о своем бедном положении. Он не имеет ни денег, ни места, ни покровительства, ходит пешком из Петербурга в Царское

Село, чтобы осведомиться о каком-то месте, которое обещал ему какой-то шарлатан. Он беден, горд и дерзок, рассыпается в благодареньях за ничтожную услугу или простую учтивость, неблагодарен и даже сердится за благодеянье, ему оказанное, легкомыслен до чрезвычайности, мнителен, чувствителен и честолюбив. Иконников имеет дарованья, пишет изрядно стихи и любит поэзию, вы читаете ему свою пиесу — наотрез говорит он: такое-то место глупо, без смысла, низко: зато за самые посредственные стихи кидается вам на шею и называет вас гением. Иногда он учтив до бесконечности, в другое время груб нестерпимо. Его любят — иногда, смешит он часто, а жалок почти всегда.

Мои мысли о Шаховском

Шаховской никогда не хотел учиться своему искусству и стал посредственный стихотворец. Шаховской не имеет большого вкуса, он худой писатель — что ж он такой? — Неглупый человек, который, замечая всё смешное или замысловатое в обществах, пришед домой, всё записывает и потом как ни попало вклеивает в свои комедии.

Он написал «Нового Стерна»:[23] холодный пасквиль на Карамзина.

Он написал водевиль «Ломоносов»:[24] представил отца русской поэзии в кабаке, и заставил его немцам говорить русские свои стихи, и растянул на три действия две или три занимательные сцены.

Он написал *«Казак-стихотворец»;*[25] в нем есть счастливые *слова*, песни замысловатые, но нет даже и тени ни завязки, ни развязки.— *Маруся* занимает, но все прочие холодны и скучны.

Не говорю о «Встрече незваных»[26] — пустом представлении, без малейшего искусства или занимательности.

Он написал поэму *«Шубы»*[27] — *и все дрожат*. Наконец он написал *«Кокетку»*[28]. И наконец написал он комедию, хотя исполненную ошибок во всех родах, в продолжение трех первых действий холодную и скучную и без завязки, но всё комедию.

Первые ее явления скучны. Князь Холмский, лицо не действующее, усыпительный проповедник, надутый педант — и в Липецк приезжает только для того, чтобы пошептать на ухо своей тетке в конце пятого действия.

ИЗ «КИШИНЕВСКОГО ДНЕВНИКА»

1821

2 апреля. Вечер провел у H. G.[1] — прелестная гречанка. Говорили об А. Ипсиланти,[2] между пятью греками я один говорил как грек: все отчаивались в успехе предприятия *этерии.* Я твердо уверен, что Греция восторжествует, а 25 000 000 турков оставят цветущую страну Эллады законным наследникам Гомера и Фемистокла. С крайним сожалением узнал я, что Владимиреско не имеет другого достоинства,[3] кроме храбрости необыкновенной. Храбрости достанет и у Ипсиланти.

3. Третьего дни хоронили мы здешнего митрополита;[4] во всей церемонии более всего понравились мне жиды: они наполняли тесные улицы, взбирались на кровли и составляли там живописные группы. Равнодушие изображалось на их лицах; со всем тем ни одной улыбки, ни одного нескромного движенья! Они боятся христиан и потому во сто крат благочестивее их.

Читал сегодня послание князя Вяземского к Жуковскому. Смелость, сила, ум и резкость; но что за звуки! *Кому был Феб из русских ласков.*[5] Неожиданная рифма *Херасков* не примиряет меня с такой какофонией. Баратынский[6] — прелесть.

9 апреля. Утро провел с Пестелем[7]; умный человек во всем смысле этого слова. «Mon cœur est matérialiste,— говорит он,— mais ma raison s'y refuse».* Мы с ним имели разговор метафизический, политический, нравственный и проч. Он один из самых оригинальных умов, которых я знаю...

Получил письмо от Чаадаева.[8] — Друг мой, упреки твои жестоки и несправедливы; никогда я тебя не забуду. Твоя дружба мне заменила счастье, одного тебя может любить холодная душа моя.— Жалею, что не получил он моих писем: они его бы обрадовали. Мне надобно его видеть.

В «Сыне отечества» напечатали одно письмо мое к Василию Львовичу.[9] Это меня взбесило; тотчас написал Гречу официальное письмо.[10]

* Сердцем я материалист, но мой разум этому противится *(фр.)*.

Вчера князь Дм. Ипсиланти[11] сказал мне, что греки перешли через Дунай и разбили корпус неприятельский.

4 мая был я принят в масоны.[12]

9 мая. Вот уже ровно год, как я оставил Петербург.[13] Третьего дня писал я к князю Ипсиланти,[14] с молодым французом, который отправляется в греческое войско.— Вчера был у кн. Суццо.

Баранов умер. Жаль честного гражданина, умного человека.

26 мая. Поутру был у меня Алексеев. Обедал у Инзова. После обеда приехали ко мне Пущин, Алексеев и Пестель,[15] потом был я в здешнем остроге. NB. Тарас Кирилов. Вечер у Крупенских.

6 июня написал следующую записку:

Avis à M-r Deguilly[16] ex-officier français.

Il ne suffit pas d'être un Jean Foutre, il faut encore l'être franchement.

A la veille d'un foutu duel au sabre on n'écrit pas sous les yeux de sa femme des jérémiades et son testament etc. etc.*

Оставим этого несчастного.

15 ОКТЯБРЯ 1827 г.

15 октября 1827. Вчерашний день был для меня замечателен. Приехав в Боровичи[1] в 12 часов утра, застал я проезжающего в постеле. Он метал банк гусарскому офицеру. Между тем я обедал. При расплате недостало мне 5 рублей, я поставил их на карту и, карта за картой, проиграл 1600. Я расплатился довольно сердито, взял взаймы 200 руб. и уехал очень недоволен сам собою. На следующей станции[2] нашел я Шиллерова «Духовидца»[3], но едва успел прочитать я первые страницы, как вдруг подъехали четыре тройки[4] с фельдъегерем. «Вероятно, поляки?»[5] — сказал я хозяйке. «Да,— отвечала она,— их нынче отвозят назад». Я вышел взглянуть на них.

---

* К сведению г. Дегильи, бывшего французского офицера. Недостаточно быть дрянью, надо еще быть им открыто. Накануне дрянной дуэли на саблях не пишут на глазах жены иеремиад, завещания и пр. и пр. *(фр.)*

Один из арестантов стоял, опершись у колонны. К нему подошел высокий, бледный и худой молодой человек с черною бородою, в фризовой шинели, и с виду настоящий жид — я и принял его за жида, и неразлучные понятия жида и шпиона произвели во мне обыкновенное действие; я поворотился им спиною, подумав, что он был потребован в Петербург для доносов или объяснений. Увидев меня, он с живостию на меня взглянул. Я невольно обратился к нему. Мы пристально смотрим друг на друга — и я узнаю Кюхельбекера[6]. Мы кинулись друг другу в объятия. Жандармы нас растащили. Фельдъегерь взял меня за руку с угрозами и ругательством — я его не слышал. Кюхельбекеру сделалось дурно. Жандармы дали ему воды, посадили в тележку и ускакали. Я поехал в свою сторону. На следующей станции[7] узнал я, что их везут из Шлиссельбурга,— но куда же?[8]

Луга.

КАВКАЗСКИЙ ДНЕВНИК

1829 г.

15 мая. Георгиевск.

Из Москвы поехал я на Калугу, Белев и Орел, и сделал таким образом 200 верст лишних; зато увидел Ермолова.[1] Он живет в Орле, близ коего находится его деревня. Я приехал к нему в восемь часов утра и не застал его дома. Извозчик мой сказал мне, что Ермолов ни у кого не бывает, кроме как у отца своего, простого, набожного старика, что он не принимает одних только городских чиновников, а что всякому другому доступ свободен. Через час я снова к нему приехал. Ермолов принял меня с обыкновенной своей любезностию. С первого взгляда я не нашел в нем ни малейшего сходства с его портретами, писанными обыкновенно профилем. Лицо круглое, огненные серые глаза, седые волосы дыбом. Голова тигра на Геркулесовом торсе. Улыбка неприятная, потому что неестественна. Когда же он задумывается и хмурится, то он становится прекрасен и разительно напоминает портрет, писанный Довом.[2] Он был в зеленом черкесском чекмене. На стенах его кабинета висели шашки и кинжалы, памятники его владычества на Кавказе. Он, по-видимому, нетерпеливо сносит свое бездействие. Несколько раз прини-

мался он говорить о Паскевиче и всегда язвительно; говоря о легкости его побед, он сравнивал его с Навином, перед которым стены падали от трубного звука, и называл графа Эриванского графом Ерихонским. «Пускай нападет он,— говорил Ермолов,— на пашу не умного, не искусного, но только упрямого, например на пашу, начальствовавшего в Шумле,— и Паскевич пропал». Я передал Ермолову слова гр. Толстого, что Паскевич так хорошо действовал в персидскую кампанию, что умному человеку осталось бы только действовать похуже, чтобы отличиться от него. Ермолов засмеялся, но не согласился. «Можно было бы сберечь людей и издержки»,— сказал он. Думаю, что он пишет или хочет писать свои записки.[3] Он недоволен Историей Карамзина; он желал бы, чтобы пламенное перо изобразило переход русского народа из ничтожества к славе и могуществу. О записках кн. Курбского говорил он con amore.* Немцам досталось. «Лет через 50,— сказал он,— подумают, что в нынешнем походе была вспомогательная прусская или австрийская армия, предводительственная такими-то немецкими генералами». Я пробыл у него часа два. Ему было досадно, что не помнил моего полного имени. Он извинялся комплиментами. Разговор несколько раз касался литературы. О стихах Грибоедова говорит он, что от их чтения — скулы болят. О правительстве и политике не было ни слова.

Мне предстоял путь через Курск и Харьков; но я своротил на прямую тифлисскую дорогу, жертвуя хорошим обедом в курском трактире (что не безделица в наших путешествиях) и не любопытствуя посетить Харьковский университет, который не стоит курской ресторации.

До Ельца дороги ужасны. Несколько раз коляска моя вязла в грязи, достойной грязи одесской. Мне случалось в сутки проехать не более 50 верст.—

Смотря на маневры ямщиков, я со скуки пародировал американца Купера в его описаниях морских эволюций.[4] Наконец воронежские степи оживили мое путешествие. Я свободно покати<лся> по зеленой равнине — и я благополучно прибыл в Новочеркасск, где нашел графа Вл. Пушкина,[5] также едущего в Тифлис,— я сердечно ему обрадовался, и мы поехали вместе. Он едет в огромной бричке. Это род укрепленного местечка, мы ее прозвали *Отрадною.* В северной ее части хранятся вины и съестные припасы.— В южной — книги, мундиры, шляпы etc. etc.—

---

* с увлечением *(ит.).*

С западной и восточной стороны она защищена ружьями, пистолетами, мушкетонами [саблями] и проч.— На каждой станции выгружается часть северных запасов, и, таким образом, мы проводим время как нельзя лучше.—

Переход от Европы к Азии делается час от часу чувствительнее.— Леса исчезают, холмы сглаживаются, трава густеет и являет бо́льшую силу растительности (végétations); показываются птицы, неведомые в наших дубравах; орлы как часовые на пикетах сидят на кочках, означающих большую дорогу, и спокойно смотрят на путешественника; по тучным пастбищам

Кобылиц неукротимых
Гордо бродят табуны.[6]

Кочующие кибитки полудиких племен начинают появляться, оживляя необразимую однообразность степи. Разные народы каши варят. Калмыки располагаются около станционных хат.— Татары пасут своих вельблюдов, и мы дружески навещаем наших дальных соотечественников.

На днях, покаместь запрягали мне лошадей, пошел я к калмыцким кибиткам (т. е. круглому плетню, крытому шестами, обтянуто<м>у белым войлоком, с отверстием вверху). У кибитки паслись уродливые и косматые кони, знакомые нам по верному карандашу Орловского. В кибитке я нашел целое калмыцкое семейство: котел варился посередине, и дым выходил в верхнее отверстие. Молодая калмычка, собой очень недурная, шила, куря табак. Лицо смуглое, темно-румяное. Багровые губки, зубы жемчужные.— Замечу, что порода калмыков начинает изменяться и первобытные черты их лица мало-помалу исчезают.— Я сел подле нее.— Как тебя зовут? — — — сколько тебе лет? — Десять и восемь.— Что ты шьешь? — Портка.— Кому? — Себя.— Поцалуй меня.— Неможна, стыдно.— Голос ее был чрезвычайно приятен. Она подала мне свою трубку и стала завтракать со всем своим семейством. В котле варился чай с бараньим жиром и солью. Не думаю, чтобы кухня какого б то ни было народу могла произвести что-нибудь гаже. Она предложила мне свой ковшик — и я не имел силы отказаться.— Я хлебнул, стараясь не перевести духа,— я попросил заесть чем-нибудь — мне подали кусочек сушеной кобылятины. И я с большим удовольствием проглотил его. После сего подвига я думал, что имею право на некоторое вознаграждение. Но моя гордая красавица ударила меня по голове

мусикийским орудием, подобным нашей балалайке.— Калмыцкая любезность мне надоела, я выбрался из кибитки и поехал далее. Вот к ней послание, которое вероятно никогда до нее не дойдет — — —*

В Ставрополе увидел я на краю неба белую недвижную массу облаков, поразившую мне взоры тому ровно 9 лет.— Они всё те же, всё на том же месте.— Это были снежные вершины Кавказа — —

Подъезжая к Георгиевску, яснее увидел я их светлую цепь и темные массы передовых пред<горий>. Они обнимали всю правую сторону горизонта и ярко рисовались на ясном утреннем небе. Я увидел остроконечный Бешту, окруженный Машуком, Змеиной и Лысой горою — [как царь своими вассалами].

Несмотря на мое намерение доехать до Грузии, я решился пожертвовать одним днем и из Георгиевска отправился в телеге к Горячим водам. Я нашел на водах большую перемену.— В мое время[7] ванны находились в [бедных] лачужках, наскоро построенных.— Посетители жили кто в землянках, кто в балаганах. Источники, по большей части в первобытном своем виде, били, дымились и стекали с гор по разным направлениям, оставляя по себе серные и селитровые следы.— У целебных ключей старый инвалид подавал вам ковшик из коры или разбитую бутылку. Нынче выстроены великолепные ванны и дома. Бульвар, обсаженный липками, проведен по склонению Машука.— Везде чистенькие дорожки, зеленые лавочки, правильные партеры, мостики, павильоны.— Ключи обделаны, выложены камнем, и на стенах ванн прибиты полицейские предписания.— Везде порядок, чистота, красивость — — —

Что сказать об этом.— Конечно, Кавказские воды нынче представляют более удобностей, более усовершенствования.— Таков естественный ход вещей.— Но признаюсь: мне было жаль прежнего их дикого, вольного состояния.— Мне было жаль наших крутых каменистых тропинок, кустарников и неогражденных пропастей, по которым бродили мы в прохладные кавказские вечера.— Конечно, этот край усовершенствовался, но потерял много прелести.— Так бедный молодой шалун, сделавшись со временем человеком степенным и порядочным, теряет свою прежнюю любезность — — —

С неизъяснимой грустью пробыл я часа три на водах;

---

* Последняя фраза приписана позже, когда было уже написано стихотворение «Калмычке», датированное 22 мая.

с полнотою чувства разговаривал я с любезными Же... и Жи... и старался изъяснить им мои печальные впечатления. Они меня поняли и дружески со мною распростились. Я поехал обратно в Георгиевск — берегом быстрой Подкумки. Здесь, бывало, сиживал со мною Н.<иколай> Р.<аевский>, молча прислушиваясь к мелодии волн.— Я сел на облучок и не спускал глаз с величавого Бешту, уже покрывавшегося вечернею тенью. Скоро настала ночь.— Небо усеялось миллионами звезд — Бешту чернее и чернее рисовался в отдалении, окруженный горными своими вассалами. Наконец он исчез во мраке. Я приехал в Георгиевск поздно и застал гр.<афа> Пуш<кина> уже спящего.

М<ая> 22. Владикавказ.

С Екатеринограда начинается военная Грузинская дорога.— Почтовый тракт прекращается, нанимают лошадей до Владикавказа — дается конвой казачий и пехотный — и одна пушка — почта отправляется 2 раза в неделю, и приезжие к ней присоединяются — это называется *оказией.* Мы дожидались оной недолго — почта пришла на другой день [нашего приезда] — и на третье утро в 9 часов мы были готовы отправиться в путь. На сборном месте соединился весь [наш] караван, состоявший из 500 че<ловек> или около.— [Наше общество представляло зрелище самое оживленное —]. Пробили в барабан. Мы тронулись.— Впереди поехала пушка, окруженная пехотными солдатами — фитиль горел, и они им раскуривали свои трубки — за нею потянулись коляски, брички, кибитки солдаток, переезжающих из одной крепости в другую, за ними заскрыпел необозримой обоз двуколесных ароб.— По сторонам бежали конские табуны и стада волов, около них скакали проводники в бурках, в косматых шапках и с арканами.— Сначала нам это очень нравилось, но скоро надоело; нестерпимая медленность нашего похода (в первый день от Екатеринограда до Пришиба мы прошли только 15 верст), несносная жара, недостаток припасов, беспокойные ночлеги, наконец беспрерывный скрып ногайских ароб выводили нас из терпения. Татары тщеславятся этим скрыпом, говоря, что они разъезжают как честные люди, не имеющие нужды укрываться.— На сей раз приятнее было бы нам путешествовать с плутами.— Дорога довольно однообразна — равнина, по сторонам холмы — на краю неба вершины Кавказа, каждый день являющиеся выше и выше — крепости достаточные для

здешнего края — со рвом, который каждый из нас перепрыгнул <бы> не разбегаясь, с заржавой пушкой, не стрелявшей со времен гр.<афа> Гудовича, с обрушенным валом, по которому бродит гарнизон уток и цыплят. В крепости несколько лачужек, где с трудом можно достать десяток яиц и кислого молока —

Первое замечательное место есть крепость Минарет — приближаясь к нему, наш караван ехал по прелестной долине — между курганами, обросшими липой и чинаром.— Это могилы нескольких тысяч умерших чумою — блистали цветы, порожденные зараженным пеплом.— Справа всё сиял снежный Кавказ.— Слева шумел Терек, впереди возвышалась огромная лесистая гора. За нею находится крепость. Кругом ее видны следы разоренного аула.— И легкий одинокий минарет свидетельствует о бытии исчезнувшего селения, называемого Татартуб[8] и бывшего одно из главных в Б<ольшой Кабарде>.— Кругом его высокие горы. Он стройно возвышается между грудами камней на берегу иссохшего потока — памятник, переживший многое. Внутренняя лестница еще не обрушилась. Я взобрался на то место, где уже не раздается голос муллы.— Там нашел я несколько неизвестных имен, нацарапанных на кирпичах проезжими офицерами.— Суета сует. Гр. П[ушкин] последовал за мною.— Он начертал на кирпиче имя ему любезное — имя своей жены[9] — счастливая — а я свое

Любите самого себя,
Любезный милый мой читатель.[10]

Дорога наша сделалась очень живописна.— Горы тянулись над нами — на вершинах ползали чуть видные стада.— Мы различили и человека, их пасущего. Кто ж это был, вольный черкес или пленник? Он видит нас, но с каким чувством, с сильной <?> ненавистью или с волнением грусти и жаждой свободы? — Мы встретили еще курганы, еще развалины.— Два, три надгробных памятника стояли на краю дороги.— Там по обычаю старых черкесов погребены их наездники.— Татарская надпись, изображения шашек, кинжалов — танга — оставлены хищнику-внуку в память хищного предка.—

Черкесы нас ненавидят, и русские в долгу не остаются.— Мы вытеснили их из привольных пастбищ — аулы их разрушены — целые племена уничтожены.— Они далее, далее уходят и стесняются в горах, и оттуда направляют свои набеги — дружба мирных черкесов не надежна.—

Они всегда готовы помочь буйным своим одноплеменникам. Все меры, предпринимаемые к их укрощению, были тщетны.— Но меры жестокие более действительны.-- Дух дикого их рыцарства заметно упал. Они редко нападают в равном числе на казаков — никогда на пехоту, и бегут, завидя пушки.— Зато никогда не пропустят случая напасть на слабый отряд — или на беззащитного.— Здешняя сторона полна молвой о их злодействах. Не имеют никакой надежды их усмирить, пока их не обезоружат, как обезоружили кры<мских> татар, что чрезвычайно трудно исполнить по причине господствующих между ими наследственных мщений и так называемого *долга крови.*

Кинжал и шашка суть члены их тела — и младенец начинает владе<ть> ими прежде, нежели языком.— У них убийство — простое телодвижение.— Пленников они сохраняют в надежде на выкуп, но обходятся с ними с ужасным бесчеловечием — заставляют работать сверх сил, кормят сырым тестом, бьют, когда вздумается,— и приставляют к ним для стражи своих мальчишек, которые за одно слово вправе их изрубить своими детскими шашками. Что делать с таким народом?

Пока черкес вооруженный не будет почитаться вне закона, можно попробовать влияние роскоши — новые потребности мало-помалу сблизят с нами черкесов[11] — самовар был бы важным нововведением.* Есть наконец средство более сильное, более нравственное — более сообразное с просвещением нашего века, но этим средством Россия доныне не брежет: проповедание Евангелия. Терпимость сама по себе вещь очень хорошая, но разве Апостольство с нею несовместно? Разве истина дана для того, чтобы скрывать ее под спудом? Мы окружены народами, пресмыкающимися во мраке детских заблуждений,— и никто еще из нас не подумал препоясаться и идти с миром и крестом к бедным братиям, доныне лишенным света истинного. Легче для нашей холодной лености в замену слова живого выливать мертвые буквы и посылать немые книги людям, не знающим грамоты.— Нам тяжело странствовать между ими, подвергаясь трудам, опасностям по примеру древних Апостолов и новейших рим<ско>-кат<олических> миссионеров.

---

* Позднее приписано: «Должно надеяться, что с приобретением части восточного берега Черн<ого> моря — черкесы, отрезанные от Турции».

Лицемеры! Так ли исполняете долг христианства.— Христиане ли вы.— С сокрушением раскаяния должны вы потупить голову и безмолствовать. — — — Кто из вас, муж Веры и Смирения, уподобился святым старцам, скитающимся по пустыням Африки, Азии и Америки, без обуви, в рубищах, часто без крова, без пищи — но оживленным теплым усердием и смиренномудрием.— Какая награда их ожидает? Обращение престарелого рыбака или странствующего семейства диких, нужда, голод, иногда — мученическая смерть. Мы умеем спокойно блистать велеречием, упиваться похвалами слушателей.— Мы читаем книги и важно находим в суетных произведениях выражения предосудительные.—

Предвижу улыбку на многих устах.— Многие, сближая мои калмыцкие нежности с черкесским негодованием, подумают, что не всякий и не везде имеет право говорить языком высшей истины — я не такого мнения.— Истина, как добро Молиера,[12] там и берется, где попадается.—

Мы в первый раз переехали Терек.

Но мы во Владикавказе в самом преддверии гор. Снежные горы над нами. Мы окружены аулами. Завтра святилище дикой природы будет нам доступно.—

Влад<икавказ>. 22 мая 1829.

25 мая. Коби.

Арзрум. 12 июля 1829.

Вот уже 6 дней, как я стою в Арзруме в доме Сераскира и долго не мог привыкнуть к этой мысли. Целый день бродил я по бесчисленным переходам, из комнаты в комнату, с лестницы на лестницу, с кровли на кровлю и долго не знал топографии этого лабиринта.— Везде следы роскоши, но Сераскир, предполагая бежать, вывез из него что только мог.— Тюфяк и подушки диванов были ободраны, ковры сняты — дворец казался разграбленным.

Здесь воображение поминутно поражено противуречием Случая.— Там, где грозный Паша молчаливо курил свою длинную трубку, окруженный бесчестными отроками, там ныне счастливый его победитель принимает донесения о победах своих генералов, разговаривает с ними о Байроне и Наполеоне, отпускает пленных, раздает подарки, там Султ<ан> <...>

14 июля. Арзр.<умская> баня — чума.

18 июля. Арзрум — карантин. Об<ед> у гр.<афа> Паск.<евича>.— Харем.[13] — Сабля.

Переход через Кавказ
Дариал, Казбек, осетинцы, похороны
Поэт Перси<дский>
Принц персидск<ий>. / Снеговая Крестовая гора
Грузия, Арагва, Душет
Тифлис
дорога до креп<ости> <?> Карса. Гумры, Арарат, Граница. Гергеры. Карс.

Лагерь гр. Паскевича
Перестрелка, рекогносцировка
война
Источн<ик> Мост.
Гассан Кале
27 июня. Арзрум
дворцы
обратный путь.

<19 июля — начало августа. Арзрум — Тифлис (?)>.

Мы достигли Владикавказа, прежнего Кап-Кая — преддверия гор. Он окружен аулами,— и я посетил один из них — и попал на осетинские похороны.[14] — Около сакли толпился народ.— На дворе стояла арба, запряженная двумя волами,— родственники и друзья умершего съезжались со всех сторон — [подъехав к сакле, они слезали с седла] и с громким плачем шли в саклю, ударяя себя кулаком в лоб, что меня очень *<нрзб.>*.* — Женщины молчали.— Мертвеца вынесли на бурке и положили в арбу. Один из гостей взял ружье покойника, сдул порох с полки и положил его подле тела — волы тронулись, и гости поехали следом.— Тело должно было быть похоронено в горах, в 30 верстах от аула.— К сожалению, никто не мог объяснить мне сих обрядов.

Осетинцы самое бедное племя из племен, обитающих Кавказ.— Женщины их прекрасны и, как слышно, очень благосклонны к путешественникам.—

У ворот крепости встретил я двух — жену и дочь заключенного осетинца; они принесли ему обед.— Обе казались спокойны и смелы.— Однако ж при моем приближении обе потупили голову и закрылись изодранными своими чадрами.— В крепости видел я черкесских амана-

* «Что меня очень» вписано сверху, другим почерком, после «кулаком в лоб», однако мысль осталась незаконченной.

тов — красивых и резвых мальчиков.— Они поминутно проказничают и убегают из крепости. Их держат в жалком положении.— Они ходят в лохмотьях, полунагие — и в отвратительной нечистоте — на иных видел я деревянные колодки.— Мудрено таким образом достичь желаемой цели: заставить их полюбить [русские] наши обычаи.

Вероятно, что аманаты, выпущенные на волю, без большого сожаления вспомнят свое пребывание во Владикавказе.

Пушка оставила нас, мы отправились с пехотой и казаками.— Кавказ принял на<с> в свое святилище. Мы услышали глухой рев, скоро увидели Терек, разливающий<ся> в разны<х> направления<х>.— Мы поехали по его левому берегу — чем далее углублялись мы в горы, тем у́же становилось ущелие. Стесненный Терек с ужасным ревом бросал свои аспидные волны через камни, прегра<жда>ющие ему путь.— Погода была пасмурная, облако тянулось около черных вершин, туманное ущелье извивалось по течению Терека. Каменные подошвы гор обточены были его волнами.— Я шел пешком и поминутно останавливался, пораженный дикими красотами природы.— Гр.<аф> Пуш<кин> и Ш.<ернваль>, смотря на Терек, вспоминали Иматру и отдавали преимущество *реке на севере гремящей.*[15] Но я ни с чем не мог сравнить мне предст<оявшего> зрелища.

Не доходя до *Ларса**, отстал я от конвоя, засмотревшись на огромные скалы, между которыми хлещет Терек с бешенством неизъяснимым. Вдруг бежит ко мне солдат, говоря: — В<аше> б<лагородие>, не останавливайтесь: *убьют!* — Это предостережение с непривычки показалось мне чрезвычайно странным — дело в том, что осетинские разбойники, совершенно безопасные на той стороне Терека, здесь иногда из-за утесов стреляют по путешественникам.— Накануне нашего перехода они таким образом по<тревожили> <?> конвой ген.<ерала> Бековича, проскакавшего под их выстрелами,— убили одну лошадь и ранили одного солдата.

В Ларсе остановились мы ночевать. Там нашли путешествующего француза, который напугал нас предстоящею дорогою — переход через Крестовую Гору в коляске, по его мнению, была вещь невозможная. Он пророчил, что

* У Пушкина ошибочно: «Карса».

мы бросим экипажи в Коби и проедем верьхом в Тифлис. С ним в первый раз мы пили кахетинское вино из *бурдюка* — вспоминая пирования Илиады:

И в козиих мехах вино, от<раду нашу>.[16]

Здесь нашел я у ком<енданта> рукопись Кавказского Пленника и, признаюсь, перечел его с удовольствием. Всё это мол<одо>, многое неполно, но многое угадано.— Сам не понимаю, каким образом мог я так верно, хотя и слабо, изобразить нравы и природу, виденные мною издали.

На другой день поутру отправились мы далее.— Турецкие пленные разработывали дорогу; они жаловались на пищу, им выдаваемую. Им невозможно было привыкнуть к черному хлебу. Это напоминало мне слова приятеля моего Ш.<ереметева> — приехавшего из Парижу: — Худо жить, брат, есть нечего — черного хлеба не допросишься.

Скоро притупляются наши впечатления.— Едва прошли одни сутки, уже шум Терека, уже его беспорядочное течение, уже утесы и пропасти не привлекали моего внимания.— Нетерпение доехать до Тифлиса исключительно овладело мною.— Я ехал мимо Казбека столь же равнодушно, как некогда плыл мимо Чатырдага. Правда и то, что дождливая и туманная погода мешала мне видеть его снеговую груду, по выражению поэта, *подпирающую небосклон.*[17]

На дороге ждали персидского пр<инца>.[18] В некотором расстояньи от деревни Казбек попались нам навстречу несколько колясок — и дорога затруднилась.— Конвойный офицер объявил, что он сопровождает придв.<орного> поэта Фазиль Хана,— и по моему желанию представил меня ему — я через переводчика начал было ему высокопарное восточное приветствие, отчасти увлеченный врожденной насмешливостью.— Но как мне стало совестно, когда Ф.<азиль> Х.<ан> отвечал на мо<ю> неуместную затейливость просто, <с> умом <и> учтивостию порядочного человека. «Я надеялся застать вас в П<етер> б<урге>». Он жалел, что знакомство наше будет столь непродолжительным и проч.— Со стыдом принужден <был> я оставить полушутливый тон и съехать на обыкновенные европейские фразы. Это мне был урок — не судить человека по бараньей папахе и по крашеным ногтям.

[В Коби остались мы ночевать]. Местечко Коби нахо-

дится у подошвы Крестовой горы, чрез которую предстоял нам переход.— Мы тут остановились ночевать и стали думать о том, каким образом совершить ужасный подвиг — бросить ли наши коляски и брички и сесть на казачьих лошадей, или послать за осетинскими быками.— На всякий случай я написал от имени всего нашего каравана красноречивую просьбу к***, начальствующему в здешнем краю, и <мы> легли спать в ожидании подвод.—

На другой день около 12 часов мы услышали шум, дикие крики <и> увидели зрелище необыкновенное. 15 пар тощих и малорослых быков, окруженных полунагими осетинцами, тащили легенькую Венскую коляску моего приятеля Ор — — — —. Это зрелище разрешило все мои сомнения.— Я решился отправи<ть> мою тяжелую коляску обратно в Влади<кавказ> и верхом доехать до Тифлиса.— Гр.<аф> П.<ушкин> не хотел следовать моему примеру. Он préféra впречь целое стадо в огромную свою бричку, нагруженную запасами всякого рода,— и торжественно перевезти ее через снеговой хребет.— Мы расстались. Я поехал с полк.<овником> Ога<ревым>, осматривающим здешние дороги.—

Мы подымались все выше и выше. Лошади наши вязли в рыхлом снегу. Я с удивлением смотрел на дорогу и не понимал возможности езды на колесах. Мы достигли снежной вершины Кавказа.— В это время услышал я глухой грохот.— Обвал,— сказал мне полковник. Я оглянулся и увидел в стороне огромную груду снега, которая сыпалась и медленно съезжала с крутизны. Наконец увидели мы на самой вершине горы *крест*[19] — памятник Петра, обновленный Ермоловым, и начали спускаться.—

Мгновенный переход от грозного дикого К.<авказа> к прелестной, миловидн.<ой> Грузии восхитителен. С высоты Гут-горы открывается Кашаурская долина — с ее обитаемыми скалами, с ее цветущими нивами,— с ее богатыми темно-зелеными садами,— с ее синим, синим, прозрачным небом, с ее светлой Арагвой, *ми<лой> сестрою свирепого Терека.*— Дыханье благовонного Юга вдруг начинает повевать на путешественника.— Видны развалины старинного замка, облепленного бедными саклями, как будто гнездами ласточек.— [Здесь Челяев]

<Начало августа 1829, Тифлис (?)>.

Мы ехали из Арзрума в Тифлис.— 30 человек линейских казаков нас конвоировали, возвращающихся на

свою родину,— перед нами показался линейский полк, идущий им на смену.— Казаки узнали своих земляков и поскакали к ним навстречу, приветствуя их радостными выстрелами из ружей и пистолетов.— Обе толпы съехались и обнялись на конях при свисте пуль и в облаках дыма и пыли — обменявшись известиями, они расстались — и догнали нас с новыми прощальными выстрелами.

— Какие вести,— спросил я у прискакавшего ко мне урядника,— всё ли дома благополучно.— Слава богу,— отвечал он,— старики мои живы; жена здорова.— А давно ли ты с ними расстался?— Да вот уже три года, хоть по положению надлежало бы служить только год.— — А скажи,— прервал его молодой арт. <иллерийский> офицер, — не родила ли у тебя жена во время отсутствия?— Ребята говорят, что нет,— отвечал веселый урядник.— А не <.........> ли без тебя?— Помаленьку, слышно, <.........>.— Что ж, побьешь ты ее за это? — А зачем ее бить? Разве я безгрешен.— Справедливо; а у тебя, брат,— спросил я другого казака,— так ли честна хозяйка, как у урядника?— Моя родила,— отвечал он, стараясь скрыть свою досаду.— А кого бог дал?— Сына.— Что ж, брат, побьешь ее?— Да посмотрю, коли на зиму сена припасла, так и прощу, коли нет — так побью.— И дело,— подхватил товарищ,— побьешь, да и будешь горевать, как старик Черкасов; с молоду был он дюж и горяч, случился с ним тот же грех, как и с тобой, поколотил он хозяйку, так что она после того 30 лет жила калекой.— С сыном его случилась та же беда, и тот было стал колотить молодицу — а старик-то ему: «Слушай, Иван, оставь ее — посмотри-ка на мать, и я с молоду поколотил ее за то же, да и жизни не рад».— Так и ты,— продолжал урядник,— жену-то прости, а выблядка посылай чаще по дождю.— Ладно, ладно, посмотрим,— отвечал казак [уряднику]. — А в самом деле,— спросил я,— что ты сделаешь с выблядком?— Да что с ним делать, корми да отвечай за него как за родного.— Сердит,— шепнул мне урядник,— теперь жена не смей и показаться ему — прибьет до смерти.—

Это заставило меня размышлять о простоте казачьих нравов.— Каких лет у вас женят?— спросил я.— Да лет 14-ти,— отвеч.<ал> у.<рядник>.— Слишком рано, муж не сладит с женою.— Свекор, если добр, так поможет — вот у нас старик Суслов женил сына да и сделал себе внука.

ИЗ ДНЕВНИКА 1831 г.

26-го июля. Вчера государь император отправился в военные поселения (в Новгородской губернии) для усмирения возникших там беспокойств[1]. Несколько офицеров и лекарей убито бунтовщиками. Их депутаты пришли в Ижору с повинной головою и с распискою одного из офицеров, которого пред смертию принудили бунтовщики письменно показать, будто бы он и лекаря отравливали людей. Государь говорил с депутатами мятежников, послал их назад, приказал во всем слушаться графа Орлова, посланного в поселения при первом известии о бунте, и обещал сам к ним приехать. «Тогда я вас прощу»,— сказал он им. Кажется, всё усмирено, а если нет еще, то всё усмирится присутствием государя.

Однако же сие решительное средство, как последнее, не должно быть всуе употребляемо. Народ не должен привыкать к царскому лицу, как обыкновенному явлению. Расправа полицейская должна одна вмешиваться в волнения площади,— и царский голос не должен угрожать ни картечью, ни кнутом[2]. Царю не должно сближаться лично с народом. Чернь перестает скоро бояться таинственной власти и начинает тщеславиться своими сношениями с государем. Скоро в своих мятежах она будет требовать появления его, как необходимого обряда. Доныне государь, обладающий даром слова, говорил один; но может найтиться в толпе голос для возражения. Таковые разговоры неприличны, а прения площадные превращаются тотчас в рев и вой голодного зверя. Россия имеет 12 000 верст в ширину; государь не может явиться везде, где может вспыхнуть мятеж.

Покамест полагали, что холера прилипчива, как чума, до тех пор карантины были зло необходимое. Но коль скоро начали замечать, что холера находится в воздухе, то карантины должны были тотчас быть уничтожены. 16 губерний вдруг не могут быть оцеплены, а карантины, не подкрепленные достаточно цепию, военною силою,— суть только средства к притеснению и причины к общему неудовольствию. Вспомним, что турки предпочитают чуму карантинам. В прошлом году карантины остановили всю промышленность, заградили путь обозам, привели

в нищету подрядчиков и извозчиков, прекратили доходы крестьян и помещиков и чуть не взбунтовали 16 губерний. Злоупотребления неразлучны с карантинными постановлениями, которых не понимают ни употребляемые на то люди, ни народ. Уничтожьте карантины, народ не будет отрицать существования заразы, станет принимать предохранительные меры и прибегнет к лекарям и правительству; но покамест карантины тут, меньшее зло будет предпочтено бо́льшему и народ будет более беспокоиться о своем продовольствии, о угрожающей нищете и голоде, нежели о болезни неведомой и коей признаки так близки к отраве.

29-го. Третьего дня государыня родила великого князя Николая[3]. Накануне она позволила фрейлине Россети выйти за Смирнова.

Государь приехал перед самыми родами императрицы. Бунт в Новгородских колониях усмирен его присутствием. Несколько генералов, полковников и почти все офицеры полков Аракчеевского и короля Прусского перерезаны. Мятежники имели списки мнимых отравителей, т. е. начальников и лекарей. Генерала они засекли на плаце; над некоторыми жертвами убийцы ругались. Посадив на стул одного майора, они подходили к нему с шутками: «Ваше высокоблагородие, что это вы так побледнели? Вы сами не свои, вы так смирны»,— и с этим словом били его по лицу. Лекарей убито 15 человек; один из них спасен больными, лежащими в лазарете. Этот лекарь находился 12 лет в колонии, был отменно любим солдатами за его усердие и добродушие. Мятежники отдавали ему справедливость, но хотели, однако ж, его зарезать, ибо и он стоял в списке жертв. Больные вытребовали его из-под караула. Мятежники хотели было ехать к Аракчееву в Грузино, чтоб убить его, а дом разграбить. 30 троек были уже готовы. Жандармский офицер, взявший над ними власть, успел уговорить их оставить это намерение. Он было спас и офицеров полка Прусского короля, уговорив мятежников содержать несчастных под арестом; но после его отъезда убийства совершились. Государь обедал в Аракчеевском полку. Солдаты встретили его с хлебом и медом. Арнт[4], находившийся при нем, сказал им с негодованием: «Вам бы должно вынести кутью»[5]. Государь собрал полк в манеже, приказал попу читать молитвы, приложился ко кресту и обратился к мятежникам. Он разругал их, объявил, что

не может их простить, и требовал, чтоб они выдали ему зачинщиков. Полк обещался. Свидетели с восторгом и с изумлением говорят о мужестве и силе духа императора.

Восемь полков, возмутившихся в Старой Руссе, получили повеление идти в Гатчино.

Сентября 4. Суворов привез сегодня известие о взятии Варшавы[6]. Паскевич ранен в бок. Мартынов и Ефимович убиты; Гейсмар ранен.— Наших пало 6000. Поляки защищались отчаянно. Приступ начался 24 августа. Варшава сдалась безусловно 27. Раненый Паскевич сказал: Du moins j'ai fait mon devoir*. Гвардия всё время стояла под ядрами. Суворов был два раза на переговорах и в опасности быть повешенным. Государь пожаловал его полковником в Суворовском полку. Паскевич сделан князем и светлейшим. Скржнецкий скрывается; Лелевель при Раморино; Суворов видел в Варшаве Montebello (Lannes), Высоцкого, начинщика революции, гр. А. Потоцкого и других. Взятие под стражу еще не началось. Государь тому удивился; мы также.

На днях скончался в Петербурге Фон-Фок, начальник 3-го отделения государевой канцелярии (тайной полиции), человек добрый, честный и твердый. Смерть его есть бедствие общественное. Государь сказал: J'ai perdu Fock; je ne puis que le pleurer et me plaindre de n'avoir pas pu l'aimer.** Вопрос: кто будет на его месте? важнее другого вопроса: что сделаем с Польшей?

Мнение Жомини о польской кампании: Главная ошибка Дибича состояла в том, что он, предвидя скорую оттепель, поспешил начать свои действия наперекор здравому смыслу, 15 дней разницы не сделали бы. Счастие во многом помогло Паскевичу: 1) Он не мог перейти со всеми силами Вислу; но на Палена Скржнецкий не напал. 2) Он должен был пойти на приступ, а из Варшавы выступило 20 000 и ушли слишком далеко. Ошибка Скржнецкого состояла в том, что он пожертвовал 8000

---

* По крайней мере я исполнил мой долг *(фр.)*.

** Я потерял Фока; могу лишь оплакивать его и жалеть о себе, что не мог его любить *(фр.)*.

избранного войска понапрасну под Остроленкой.[7] Позиция его была чрезвычайно сильная, и Паскевич опасался ее. Но Скржнецкого сменили недовольные его действиями или бездействием начальники мятежа, и Польша погибла.

«Сколько в суворовском полку осталось?»— спросил государь у Суворова.— «300 человек, ваше величество».— «Нет, 301: ты в нем полковник».

ДНЕВНИК 1833—1835 гг.

1833

24 ноября. Обедал у К. А. Карамзиной[1], видел Жуковского[2]. Он здоров и помолодел. Вечером rout у Фикельмонт. Странная встреча: ко мне подошел мужчина лет 45, в усах и с проседью. Я узнал по лицу грека и принял его за одного из моих старых кишиневских приятелей. Это был Суццо, бывший молдавский господарь. Он теперь посланником в Париже; не знаю еще, зачем здесь. Он напомнил мне, что в 1821 году был я у него в Кишиневе вместе с Пестелем. Я рассказал ему, каким образом Пестель обманул его и предал этерию, представя ее императору Александру отраслию карбонаризма[3]. Суццо не мог скрыть ни своего удивления, ни досады. Тонкость фанариота[4] была побеждена хитростию русского офицера! Это оскорбляло его самолюбие.

Государь уехал нечаянно в Москву накануне в ночь.

27. Обед у Энгельгардта, говорили о Сухозанете[5], назначенном в начальники всем корпусам.— C'est apparemment pour donner une autre tournure à ces établissements*,— сказал Энгельгардт.

Осуждают очень дамские мундиры[6] — бархатные, шитые золотом, особенно в настоящее время, бедное и бедственное[7].

Вечер у Вяземских.

28. Раут у С. В. Салтыкова. Гр. Орлов говорит о ту-

---

* Это, по-видимому, для того, чтобы дать другой оборот этим заведениям *(фр.)*.

рецком посланнике[8]: — C'est un animal.— Il a donc un secrétaire? — Oui, un Phanariote, et c'est tout dire.*

29. Три вещи осуждаются вообще — и по справедливости: 1) Выбор Сухозанета, человека запятнанного, вошедшего в люди через Яшвиля-педераста и отъявленного игрока, товарища Мартынова и Никитина. Государь видел в нем только изувеченного воина и назначил ему важнейший пост в государстве, как спокойное местечко в доме инвалидов. 2) Дамские мундиры. 3) Выдача гвардейского офицера фон Бринкена курляндскому дворянству. Бринкен пойман в воровстве; государь не приказал его судить по законам, а отдал его на суд курляндскому дворянству. Это зачем? К чему такое своенравное различие между дворянином псковским и курляндским; между гвардейским офицером и другим чиновником? Прилично ли государю вмешиваться в обыкновенный ход судопроизводства? Или нет у нас законов на воровство? Что, если курляндцы выключат его из среды своего дворянства и отошлют его, уже как дворянина русского, к суду обыкновенному? Вот вопросы, которые повторяются везде. Конечно, со стороны государя есть что-то рыцарское, но государь не рыцарь... Или хочет он сделать опять из гвардии то, что была она прежде? Поздно!

Молодая графиня Штакельберг (урожд. Тизенгаузен) умерла в родах. Траур у Хитровой и у Фикельмонт. Вчера играли здесь «Les enfants d'Edouard[9]»**, и с большим успехом. Трагедия, говорят, будет запрещена. Экерн удивляется смелости применений... Блай их не заметил. Блай, кажется, прав.

30 ноября. Вчера бал у Бутурлина (Жомини). Любопытный разговор с Блайем: зачем у вас флот в Балтийском море? для безопасности Петербурга? но он защищен Кронштадтом. Игрушка!

— Долго ли вам распространяться? (Мы смотрели карту постепенного распространения России[10], составленную Бутурлиным). Ваше место Азия; там совершите вы достойный подвиг сивилизации...etc.

Несколько офицеров под судом за неисправность в дежурстве. Великий князь их застал за ужином, кого в шлафорке, кого без шарфа... Он поражен мыслию об упад-

---

* Это животное.— Значит у него есть секретарь? — Да, фанариот, и этим всё сказано *(фр.)*.

** «Дети Эдуарда» *(фр.)*.

ке гвардии. Но какими средствами думает он возвысить ее дух? При Екатерине караульный офицер ехал за своим взводом в возке и в лисьей шубе. В начале царствования Александра офицеры были своевольны, заносчивы, неисправны — а гвардия была в своем цветущем состоянии.

...При открытии Александровской колонны[11], говорят, будет 100 000 гвардии под ружьем.

Декабрь 1833.

3. Вчера государь возвратился из Москвы, он приехал в 38 часов. В Москве его не ожидали. Во дворце не было ни одной топленой комнаты. Он не мог добиться чашки чаю.

Вчера Гоголь читал мне сказку: «Как Иван Иванович поссорился с Иваном Тимофеевичем»[12],— очень оригинально и очень смешно.

4 вечером у Загряжской (Нат. Кир.). Разговор о Екатерине[13]: Наталья Кирилловна была на галере вместе с Петром III во время революции[14]. Только два раза видела она Екатерину сердитою, и оба раза на княгиню Дашкову[15]. Екатерина звала ее в Эрмитаж. Кн. Дашкова спросила у придворных, как ходят они туда. Ей отвечали: через алтарь. Дашкова на другой день с десятилетним сыном прямо забралась в алтарь. Остановилась на минуту — поговорила с сыном о святости того места — и прошла с ним в Эрмитаж. На другой день все ожидали государыню, в том числе и Дашкова. Вдруг дверь отворилась, и государыня влетела, и прямо к Дашковой. Все заметили по краске ее лица и по живости речи, что она была сердита. Фрейлины перепугались. Дашкова извинялась во вчерашнем проступке, говоря, что она не знала, чтобы женщине был запрещен вход в алтарь.

— Как вам не стыдно,— отвечала Екатерина.— Вы русская — и не знаете своего закона; священник принужден на вас мне жаловаться... Наталья Кирилловна рассказала анекдот с большой живостию. Княгиня Кочубей заметила, что Дашкова вошла, вероятно, в алтарь в качестве президента Русской академии. Второго анекдота я не выслушал.

Шум о дамских мундирах продолжается,— к 6-му мало будет готовых. Позволено явиться в прежних русских платьях.

Храповицкий (автор записок) был некогда адъютантом у графа Кирилла Разумовского. У Елисаветы Пет-

ровны была одна побочная дочь, *Будакова.* Это знала Наталья Кирилловна от *прежних* елисаветинских фрейлин.

Государыня пишет свои записки[16]... Дойдут ли они до потомства? Елисавета Алексеевна писала свои, они были сожжены ее фрейлиною; Мария Федоровна также,— государь сжег их по ее приказанию[17]. Какая потеря! Елисавета[18] хотела завещать свои записки Карамзину (слышал от Катерины Андреевны).

6 декабря. Именины государя. Мартынов комендант. 4 полных генералов[19]. Перовский — генерал-лейтенант. Меншиков — адмирал. Дамы представлялись в русском платье. На это некоторые смотрят как на торжество. Скобелев безрукий сказал кн. В-ой: я отдал бы последние три пальца для такого торжества! В. сначала не могла его понять.

Обедал у гр. А. Бобринского... Мятлев читал уморительные стихи[20]. Молодые офицеры, которых великий князь застал ночью в неисправности и которые содержались под арестом, прощены.

14 декабря. Обед у Блая, вечер у Смирновых.

11-го получено мною приглашение от Бенкендорфа явиться к нему на другой день утром. Я приехал. Мне возвращен «Медный всадник» с замечаниями государя[21]. Слово *кумир* не пропущено высочайшею цензурою; стихи

И перед младшею столицей
Померкла старая Москва,
Как перед новою царицей
Порфироносная вдова —

вымараны. На многих местах поставлен (?),— всё это делает мне большую разницу. Я принужден был переменить условия со Смирдиным.

Кочубей и Нессельроде получили по 200 000 на прокормление своих голодных крестьян. Эти четыреста тысяч останутся в их карманах. В голодный год должно стараться о сниcкании работ и о уменьшении цен на хлеб; если же крестьяне узнают, что правительство или помещики намерены их кормить, то они не станут работать, и никто не в состоянии будет отвратить от них голода. Всё это очень соблазнительно. В обществе ропщут,— а у Нессельроде и Кочубей будут балы (что также есть способ льстить двору).

15. Вчера не было обыкновенного бала[22] при дворе; императрица была нездорова. Поутру обедня и молебен.

16. Бал у Кочубея. Императрица должна была быть, но не приехала. Она простудилась. Бал был очень блистателен. Гр. Шувалова удивительно была хороша.

17. Вечер у Жуковского. Немецкий amateur* ученик Тиков, читал «Фауста»— неудачно, по моему мнению.

В городе говорят о странном происшествии. В одном из домов, принадлежащих ведомству придворной конюшни, мебели вздумали двигаться[23] и прыгать; дело пошло по начальству. Кн. В. Долгорукий нарядил следствие. Один из чиновников призвал попа, но во время молебна стулья и столы не хотели стоять смирно. Об этом идут разные толки. N сказал, что мебель придворная и просится в Аничков.

Улицы не безопасны. Сухтельн был атакован на Дворцовой площади и ограблен. Полиция, видимо, занимается политикой, а не ворами и мостовою. Блудова обокрали прошедшею ночью.

1834

1 января. Третьего дня я пожалован в камер-юнкеры[24] (что довольно неприлично моим летам). Но двору хотелось, чтобы Наталья Николаевна танцевала в Аничкове. Так я же сделаюсь русским Dangeau.

Скоро по городу разнесутся толки о семейных ссорах Безобразова[25] с молодою своей женою. Он ревнив до безумия. Дело доходило не раз до драки и даже до ножа. Он прогнал всех своих людей, не доверяя никому. Третьего дня она решилась броситься к ногам государыни, прося развода или чего-то подобного. Государь очень сердит. Безобразов под арестом. Он, кажется, сошел с ума.

Меня спрашивали, доволен ли я моим камер-юнкерством. Доволен, потому что государь имел намерение отличить меня, а не сделать смешным,— а по мне хоть в камер-пажи, только б не заставили меня учиться французским вокабулам и арифметике.

Встретил Новый год у Натальи Кирилловны Загряжской. Разговор со Сперанским о Пугачеве, о Собрании

* Любитель *(фр.)*.

законов, о первом времени царствования Александра, о Ермолове etc.

7-го. Вигель получил звезду и очень ею доволен[26]. Вчера был он у меня. Я люблю его разговор — он занимателен и делен, но всегда кончается толками о мужеложстве. Вигель рассказал мне любопытный анекдот. Некто Норман или Мэрман, сын кормилицы Екатерины II, умершей 96 лет, некогда рассказал Вигелю следующее.— Мать его жила в белорусской деревне, пожалованной ей государыней. Однажды сказала она своему сыну: «Запиши сегодняшнее число: я видела странный сон. Мне снилось, будто я держу на коленях маленькую мою Екатерину в белом платьице — как помню ее 60 лет тому назад». Сын исполнил ее приказание. Несколько времени спустя дошло до него известие о смерти Екатерины. Он бросился к своей записи,— на ней стояло 6-ое ноября 1796. Старая мать его, узнав о кончине государыни, не оказала никакого знака горести, но замолчала — и уже не сказала ни слова до самой своей смерти, случившейся пять лет после.

В свете очень шумят о Безобразовых. Он еще под арестом. Жена его вчера ночью уехала к своему брату, к дивизионному генералу. Думают, что Безобразов не останется флигель-адъютантом[27].

Государь сказал княгине Вяземской: «J'espère que Pouchkine a pris en bonne part sa nomination. Jusqu'à présent in m'a tenu parole, et j'ai été content de lui» etc. etc*. Великий князь намедни поздравил меня в театре: — Покорнейше благодарю, ваше высочество; до сих пор все надо мною смеялись, вы первый меня поздравили.

17. Бал у гр. Бобринского, один из самых блистательных. Государь мне о моем камер-юнкерстве не говорил, а я не благодарил его. Говоря о моем «Пугачеве», он сказал мне: «Жаль, что я не знал, что ты о нем пишешь; я бы тебя познакомил с его сестрицей[28], которая тому три недели умерла в крепости Эрлингфоской[29]» (с 1774-го году!). Правда, она жила на свободе в предместии, но далеко от своей донской станицы, на чужой, холодной стороне. Государыня спросила у меня, куда ездил я летом. Узнав, что в Оренбург, осведомилась о Перовском с большим добродушием.

---

* «Я надеюсь, что Пушкин принял в хорошую сторону свое назначение. До сих пор он сдержал данное мне слово, и я был доволен им» и т. д. и т. д. *(фр.)*.

26-го января. В прошедший вторник зван я был в Аничков[30]. Приехал в мундире. Мне сказали, что гости во фраках. Я уехал, оставя Наталью Николаевну, и, переодевшись, отправился на вечер к С. В. Салтыкову. Государь был недоволен и несколько раз принимался говорить обо мне: Il aurait pu se donner la peine d'aller mettre un frac et de revenir. Faites lui des reproches*.

В четверг бал у кн. Трубецкого, траур по каком-то князе[31] (т. е. принце). Дамы в черном. Государь приехал неожиданно. Был на полчаса. Сказал жене: Est-ce à propos de bottes ou de boutons que votre mari n'est pas venu dernièrement**? (Мундирные пуговицы. Старуха гр. Бобринская извиняла меня тем, что у меня не были они нашиты.)

Барон д'Антес[32] и маркиз де Пина[33], два шуана[34], будут приняты в гвардию прямо офицерами. Гвардия ропщет.

Безобразов отправлен на Кавказ, жена его уже в Москве.

28 февраля. Протекший месяц был довольно шумен,— множество балов, раутов etc. Масленица[35]. Государыня была больна и около двух недель не выезжала. Я представлялся. Государь позволил мне печатать «Пугачева»; мне возвращена моя рукопись[36] с его замечаниями (очень дельными). В воскресение на бале, в концертной, государь долго со мною разговаривал; он говорит очень хорошо, не смешивая обоих языков, не делая обыкновенных ошибок и употребляя настоящие выражения.

Вчера обед у гр. Бобринского. Третьего дня бал у гр. Шувалова. На бале[37] явился цареубийца Скарятин. Великий князь говорил множество каламбуров: полиции много дела (такой *распутной* масленицы я не видывал). Сегодня бал у австрийского посланника.

6 марта. Слава богу! Масленица кончилась, а с нею и балы.

Описание последнего дня масленицы *(4-го марта)* даст понятие и о прочих. Избранные званы были во дворец на бал утренний, к половине первого. Другие на ве-

---

* Он мог бы дать себе труд съездить надеть фрак и возвратиться. Попеняйте ему *(фр.)*.

** Из-за сапог (т. е. без повода, по капризу) или из-за пуговиц ваш муж не явился в последний раз? *(фр.)*

черний, к половине девятого. Я приехал в 9. Танцевали мазурку, коей оканчивался утренний бал. Дамы съезжались, а те, которые были с утра во дворце, переменяли свой наряд. Было пропасть недовольных: те, которые званы были на вечер, завидовали утренним счастливцам. Приглашения были разосланы кое-как и по списку балов князя Кочубея; таким образом ни Кочубей, ни его семейство, ни его приближенные не были приглашены, потому что их имена в списке не стояли. Всё это кончилось тем, что жена моя выкинула. Вот до чего доплясались.

Царь дал мне взаймы[38] 20 000 на напечатание «Пугачева». Спасибо.

В городе много говорят о связи молодой княгини Суворовой с графом Витгенштейном. Заметили на ней новые бриллианты,— рассказывали, что она приняла их в подарок от Витгенштейна (будто бы по завещанию покойной его жены), что Суворов имел за то жестокое объяснение с женою etc. etc. Всё это пустые сплетни: бриллианты принадлежали К-вой, золовке Суворовой, и были присланы из Одессы для продажи. Однако неосторожное поведение Суворовой привлекает общее внимание. Царица ее призывала к себе и побранила ее, царь еще пуще. Суворова расплакалась. Votre Majesté, je suis jeune, je suis heureuse, j'ai des succès, voilà pourquoi l'on m'envie, etc*. Суворова очень глупа и очень смелая кокетка, если не хуже.

Соболевский говорит о графе Вельегорском: Il est du juste milieu, car il est toujours entre deux vins**.

3 марта был я вечером у кн. Одоевского, Соболевский, любезничая с Ланской (бывшей Полетика), сказал ей велегласно: le ciel n'est pas plus pur que le fond de mon — cul***. Он ужасно смутился, свидетели (в том числе Ланская) не могли воздержаться от смеха. Княгиня Одоевская обратилась к нему, позеленев от злости. Соболевский убежал.

13 июля 1826[39] года в полдень государь находился в Царском Селе. Он стоял над прудом, что за Кагульским

* Ваше величество, я молода, я счастлива, имею успех, вот почему мне завидуют, и проч. *(фр.)*.

** Он держится середины, потому что всегда навеселе. (Игра слов: juste milieu — золотая середина и название правительственной партии во Франции, entre deux vins — навеселе, буквально: между двух вин, опьянений) *(фр.)*.

*** Небо не чище недр моего зада (cul — вместо coeur, сердце) *(фр.)*.

памятником, и бросал платок в воду, заставляя собаку свою выносить его на берег. В эту минуту слуга прибежал сказать ему что-то на ухо. Царь бросил и собаку и платок и побежал во дворец. Собака, выплыв на берег и не нашед его, оставила платок и побежала за ним. Фр...[40] подняла платок в память исторического дня.

8 марта. Вчера был у Смирновой, ц. н.[41] — анекдоты: Жуковский поймал недавно на бале у Фикельмон (куда я не явился, потому что все были в мундирах) цареубийцу Скарятина и заставил его рассказывать 11-ое марта. Они сели. В эту минуту входит государь с гр. Бенкендорфом и застает наставника своего сына, дружелюбно беседующего с убийцею его отца! Скарятин снял с себя шарф, прекративший жизнь Павла 1-го. Княжна Туркистанова, фрейлина, была в тайной связи с покойным государем и с кн. Владимиром Голицыным, который ее обрюхатил. Княжна призналась государю. Приняты были нужные меры, и она родила во дворце, так что никто и не подозревал. Императрица Мария Федоровна приходила к ней и читала ей Евангелие, в то время как она без памяти лежала в постеле. Ее перевели в другие комнаты — и она умерла. Государыня сердилась, узнав обо всем; Вл. Голицын разболтал всё по городу.

На похоронах Уварова покойный государь следовал за гробом. Аракчеев сказал громко (кажется, А. Орлову): «Один царь здесь его провожает, каково-то другой там его встретит?» (Уваров один из цареубийц 11-го марта).

Государь не любит Аракчеева. «Это изверг», говорил он в 1825 году *(après avoir travaillé avec lui et en rentrant chez l'impératrice dans le plus grand désordre de toilette)**.

17 марта. Вчера было совещание литературное у Греча об издании русского Conversation's Lexikon**. Нас было человек со сто, большею частию неизвестных мне русских великих людей. Греч сказал мне, предварительно: «Плюшар в этом деле есть шарлатан[43], а я пальяс: пью его лекарство и хвалю его». Так и вышло. Я подсмотрел много шарлатанства и очень мало толку. Предприятие в миллион, а выгоды не вижу. Не говорю уже о чести. Охота лезть в омут, где полощутся Булгарин, Полевой, и Свиньин. Гаевский подписался, но с условием. Князь

* Поработав с ним и возвращаясь к императрице в совершенно беспорядочном костюме *(фр.)*.

** Энциклопедический лексикон[42] *(фр.)*.

Одоевский и я последовали его примеру. Вяземский не был приглашен на сие литературное сборище. Тут я встретил доброго Галича и очень ему обрадовался. Он был некогда моим профессором и ободрял меня на поприще, мною избранном. Он заставил меня написать для экзамена 1814 года мои «Воспоминания в Царском Селе». Устрялов сказывал мне, что издает процесс Никонов[44]. Важная вещь!

Третьего дня обед у австрийского посланника. Я сделал несколько промахов: 1) приехал в 5 часов, вместо $5^1/_2$, и ждал несколько времени хозяйку; 2) приехал в сапогах, что сердило меня во всё время. Сидя втроем с посланником и его женою, разговорился я об 11-м марте. Недавно на бале у него был цареубийца Скарятин; Фикельмон не знал за ним этого греха. Он удивляется странностям нашего общества. Но покойный государь окружен был убийцами его отца. Вот причина, почему при жизни его никогда не было бы суда над молодыми заговорщиками, погибшими 14-го декабря. Он услышал бы слишком жестокие истины. NB. Государь, ныне царствующий, первый у нас имел право и возможность казнить цареубийц или помышления о цареубийстве; его предшественники принуждены были терпеть и прощать.

Много говорят о бале, который должно дать дворянство по случаю совершеннолетия государя наследника[45]. Князь Долгорукий (обер-шталмейстер и петербургский предводитель) и граф Шувалов распоряжают этим. Долгорукий послал Нарышкину письмо, писанное по-французски, в котором просил он его участвовать в подписке. Нарышкин отвечал: «Милостивый государь, из перевода с письма вашего сиятельства усмотрел я etc.». Вероятно, купечество даст также свой бал. Праздников будет на полмиллиона. Что скажет народ, умирающий с голода?

Из Москвы пишут, что Безобразова выкинула.

Из Италии пишут, что графиня Полье[46] идет замуж за какого-то принца, вдовца и богача. Похоже на шутку; но здесь об этом смеются и рады верить.

20. Третьего дня был у кн. Мещерского. Из кареты моей украли подушки, но оставили медвежий ковер, вероятно за недосугом.

Некто Карцов, женатый на парижской девке в 1814 году, развелся с нею и жил розно. На днях он к ней пришел ночью и выстрелил ей в лицо из пистолета, заряженного ртутью. Он под судом, она еще жива.

2 апреля. На днях (в прошлый четверг) обедал у кн. Ник. Трубецкого с Вяземским, Норовым и с Кукольником[47], которого видел в первый раз. Он, кажется, очень порядочный молодой человек. Не знаю, имеет ли он талант. Я не дочел его «Тасса» и не видал его «Руки» etc. Он хороший музыкант. Вяземский сказал об его игре на фортепьяно: Il brédouille en musique comme en vers*. Кукольник пишет «Ляпунова». Хомяков тоже. Ни тот, ни другой не напишут хорошей трагедии. Барон Розен имеет более таланта.

Третьего дня в Английском клобе избирали новых членов. Смирнов (камер-юнкер) был забаллотирован; иные говорят потому, что его записал Икскуль; другие — потому, что его смешали с его однофамильцем игроком. Неправда: его не хотели выбрать некоторые гвардейские офицеры, которые, подпив, тут буянили. Однако большая часть членов вступилась за Смирнова. Говорили, что после такого примера ни один порядочный человек не возьмется предложить нового члена, что шутить общим мнением не годится и что надлежит снова баллотировать. Закон говорит именно, что раз забаллотированный человек не имеет уже никогда права быть избираемым. Но были исключения: гр. Чернышев (воен. министр) и Гладков (обер-полицмейстер). Их избрали по желанию правительства, хотя по первому разу они и были отвергнуты. Смирнова баллотировали снова, и он был выбран. Это, впрочем, делает ему честь. Он не министр и не обер-полицмейстер. И знак уважения к человеку частному должен быть ему приятен.

Кн. Одоевский, доктор Гаевский, Зайцевский и я выключены из числа издателей Conversation's Lexikon. Прочие были обижены нашей оговоркою[48], но честный человек, говорит Одоевский, может быть однажды обманут; но в другой раз обманут только дурак. Этот лексикон будет не что иное, как «Северная пчела» и «Библиотека для чтения» в новом порядке и объеме.

В прошлое воскресение обедал я у Сперанского. Он рассказывал мне о своем изгнании в 1812 году. Он выслан был из Петербурга по Тихвинской глухой дороге. Ему дан был в провожатые полицейский чиновник, человек добрый и глупый. На одной станции не давали ему лошадей; чиновник пришел просить покровительства у своего арестанта: «Ваше превосходительство! помилуйте! засту-

* Он лепечет в музыке как в стихах *(фр.)*.

питесь великодушно. Эти канальи лошадей нам не дают».

Сперанский у себя очень любезен. Я говорил ему о прекрасном начале царствования Александра: *Вы и Аракчеев, вы стоите в дверях противоположных этого царствования, как гении Зла и Блага.* Он отвечал комплиментами и советовал мне писать историю моего времени.

7 апреля. «Телеграф» запрещен. Уваров представил государю выписки, веденные несколько месяцев и обнаруживающие неблагонамеренное направление, данное Полевым его журналу. (Выписки ведены Брюновым, по совету Блудова). Жуковский говорит:— *Я рад, что «Телеграф» запрещен, хотя жалею, что запретили.* «Телеграф» достоин был участи своей; мудрено с большей наглостию проповедовать якобинизм перед носом правительства, но Полевой был баловень полиции. Он умел уверить ее, что его либерализм пустая только маска.

Вчера rout у гр. Фикельмон. S. не была. Впрочем весь город.

Моя «Пиковая дама» в большой моде. Игроки понтируют на тройку, семерку и туза. При дворе нашли сходство между старой графиней и кн. Натальей Петровной[49] и, кажется, не сердятся...

Гоголь по моему[50] совету начал Историю русской критики.

8 апреля. Вчера rout у кн. Одоевского. Изъяснение с S. K[51]. Вся семья гр. Л**, гр. Кас..., идеализированная ее мать. Сейчас еду во дворец представиться царице.

2 часа. Представлялся. Ждали царицу часа три. Нас было человек 20. Брат Паскевича, Шереметев, Болховской, два Корфа, Вольховский и другие. Я по списку был последний. Царица подошла ко мне смеясь:— Non, c'est unique!.. Je me creusais la tête pour savoir quel Pouchkine me sera présenté. Il se trouve que c'est vous!.. Comment va votre femme? Sa tante est bien impatiente de la voir en bonne santé, la fille de son cœur, sa fille d'adoption...* и перевернулась. Я ужасно люблю царицу, несмотря на то, что ей уже 35 лет и даже 36.

---

* Нет, это беспримерно! Я себе голову ломала, думая, какой Пушкин будет мне представлен. Оказывается, что это вы... Как поживает ваша жена? Ее тетка в нетерпении увидеть ее в добром здравии,— дочь ее сердца, ее приемную дочь... *(фр.)*

Я простился с Вольховским, который на днях едет в Грузию. Болховской сказывал мне, что Воронцову вымыли голову по письму Котляревского[52] (героя). Он (т. е. Болховской) очень зло отзывается об одесской жизни, о гр. Воронцове, о его соблазнительной связи с О. Нарышкиной etc. etc.— Хвалит очень графиню Воронцову.

Бринкена, сказывают, финляндское дворянство повесило или повесит.

10 апреля. Вчера вечер у Уварова — живые картины. Долго сидели в темноте. S. не было — скука смертная. После картин вальс и кадриль, ужин плохой. Говоря о Свиньине[53], предлагающем Российской Академии свои манускрипты XVI-го века, Уваров сказал: «Надобно будет удостовериться, нет ли тут подлога. Пожалуй, Свиньин продаст за старинные рукописи тетрадки своих мальчиков».

Говорят, будто бы Полевой в крепости: какой вздор[54]!

11-е апреля. Сейчас получаю от графа Строгонова листок «Франкфуртского журнала», где напечатана следующая статья:

S.-Pétersbourg. 27 février.

Depuis la catastrophe de la révolte de Varsovie les Coryphées de l'émigration polonaise nous ont démontré trop souvent par leurs paroles et leurs écrits que pour avancer leurs dessins et disculper leur conduite antérieure, ils ne craignent pas le mensonge et la calomnie: aussi personne ne s'étonnera des nouvelles preuves de leur impudence obstinée... (Дело идет о празднике, данном в Брисселе польскими эмигрантами, и о речах[55], произнесенных Лелевелем, Пулавским, Ворцелем и другими. Праздник был дан в годовщину 14-го декабря.)

...aprés avoir faussé de la sorte l'histoire des siècles passés pour la faire parler en faveur de sa cause, M-r Lelevel maltraite de même l'histoire moderne. En ce point il est conséquent.

Il nous retrace à sa manière le développement progressif du principe révolutionnaire en Russie, il nous cite l'un des meilleurs poètes russes de nos jours afin de révéler par son exemple la tendance politique de la jeunesse russe. Nous ignorons si A. Pouchkine à une époque, où son talent éminent

en fermentation ne s'était pas débarrassé encore de son écume, a composé les strophes citées par Lelevel; mais nous pouvons assurer avec conviction qu'il se repentira d'autant plus des premiers essais de sa Muse, qu'ils ont fourni à un ennemi de sa patrie l'occasion de lui supposer une conformité quelconque d'idées ou d'intentions. Quant au jugement porté par Pouchkine relativement à la rébellion polonaise il se trouve énoncé dans son poème *Aux detracteurs de la Russie* qu'il a fait paraître dans le temps.

Puisque cependant le S. Lelevel semble éprouver de l'intérêt sur le sort de ce poète *rélegué aux confins réculés de l'empire* notre humanité naturelle nous porte à l'informer de la présence de Pouchkine à Pétersbourg, en remarquant qu'on le voit souvent à la cour et qu'il y est traité par son souverain avec bonté et bienveillance...*

14 апреля. Вчера концерт для бедных[56]. Двор в концерте — 800 мест и 2000 билетов!

Ропщут на двух дам, выбранных для будущего бала в представительницы петербургского дворянства: княгиню К. Ф. Долгорукую и графиню Шувалову. Первая — наложница кн. Потемкина[57] и любовница всех итальянских

---

* С.-Петербург. 27 февраля. Со времени крушения Варшавского мятежа корифеи польской эмиграции слишком часто доказывали нам своими словами и писаниями, что для продвижения своих планов и оправдания своего прежнего поведения они не страшатся лжи и клеветы: поэтому никто не будет поражен новыми свидетельствами их упорного бесстыдства...

...извратив в таком роде историю прошедших веков, чтобы заставить ее говорить в пользу своего дела, г. Лелевель так же жестоко обходится с новейшей историей. В этом отношении он последователен.

Он передает нам на свой лад поступательное развитие революционного начала в России, он цитирует нам одного из лучших русских поэтов наших дней, чтобы на его примере раскрыть политическое устремление русской молодежи. Не знаем, правда ли, что А. Пушкин сложил строфы, приведенные Лелевелем, в те времена, когда его выдающийся талант, находясь в брожении, еще не избавился от накипи, но можем убежденно уверить, что он тем более раскается в первых опытах своей музы, что они доставили врагу его родины случай предположить в нем какое бы то ни было соответствие мыслей и стремлений. Что касается до высказанного Пушкиным суждения о польском восстании, то оно выражено в его пьесе «Клеветникам России», которую он напечатал в свое время.

Так как однако г. Лелевель, по-видимому, интересуется судьбою этого поэта, «сосланного в отдаленные края империи», то присущее нам естественное человеческое чувство вынуждает нас сообщить ему о пребывании Пушкина в Петербурге, отметив, что его часто видят при дворе, причем он пользуется милостью и благоволением своего государя... *(фр.)*

кастратов, а вторая — кокетка польская, т. е. очень неблагопристойная; надобно признаться, что мы в благопристойности общественной не очень тверды.

Слух о том, что Полевой был взят и привезен в Петербург, подтверждается. Говорят, кто-то его встретил в большом смущении здесь на улице тому с неделю.

16-го. Вчера проводил Наталью Николаевну до Ижоры. Возвратясь, нашел у себя на столе приглашение на дворянский бал и приказ явиться к графу Литте. Я догадался, что дело идет о том, что я не явился в придворную церковь ни к вечерне в субботу, ни к обедне в вербное воскресение. Так и вышло: Жуковский сказал мне, что государь был недоволен отсутствием многих камергеров и камер-юнкеров, и сказал: «Если им тяжело выполнять свои обязанности, то я найду средство их избавить».

Литта, толкуя о том же с К. А. Нарышкиным, сказал с жаром: — Mais enfin il y a des règles fixés pour les chambellans et les gentilshommes de la chambre*. На что Нарышкин возразил: — Pardonnez moi, ce n'est que pour les demoiselles d'honneur**.

Однако ж я не поехал на головомытье, а написал изъяснение.

Говорят, будто бы на днях выйдет указ о том, что уничтожается право русским подданным пребывать в чужих краях. Жаль во всех отношениях, если слух сей оправдается.

Суворова брюхата и, кажется, не вовремя. Любопытные справляются в «Инвалиде» о времени приезда ее мужа в Петербург. Она уехала в Москву.

Середа на святой неделе. Праздник совершеннолетия совершился. Я не был свидетелем. Это было вместе торжество государственное и семейственное. Великий князь был чрезвычайно тронут. Присягу произнес он твердым и веселым голосом, но, начав молитву, принужден был остановиться и залился слезами. Государь и государыня плакали также. Наследник, прочитав молитву, кинулся обнимать отца, который расцеловал его в лоб и в очи и в щеки и потом подвел сына к императрице. Все трое

---

* Но наконец есть же определенные правила для камергеров и камер-юнкеров *(фр.)*.

** Извините, это только для фрейлин (здесь игра слов, слово règles по-французски имеет два значения: правила и регулы, месячные) *(фр.)*.

обнялися в слезах. Присяга в Георгиевской зале под знаменами была повторением первой — и охолодила действие. Все были в восхищении от необыкновенного зрелища. Многие плакали, а кто не плакал, тот отирал сухие глаза, силясь выжать несколько слез. Дворец был полон народу; мне надобно было свидеться с Катериной Ивановной Загряжской — я к ней пошел по задней лестнице, надеясь никого не встретить, но и тут была давка. Придворные ропщут: их не пустили в церковь, куда, говорят, всех пускали. Всегда много смешного подвернется в случаи самые торжественные. Филарет сочинял службу на случай присяги[58]. Он выбрал для паремии главу из Книги царств, где между прочим сказано, что *царь собрал и тысящников, и сотников, и евнухов своих.* К. А. Нарышкин сказал, что это искусное применение к камергерам. А в городе стали говорить, что во время службы будут молиться за евнухов. Принуждены были слово евнух заменить другим.

Милостей множество. Кочубей сделан государственным канцлером.

Мердер умер, человек добрый и честный, незаменимый. Великий князь еще того не знает. От него таят известие, чтобы не отравить его радости. Откроют ему после бала 28-го. Также умер Аракчеев[59], и смерть этого самодержца не произвела никакого впечатления. Губернатор новогородский приехал в Петербург и явился к Блудову с известием о его болезни и для принятия приказаний на счет бумаг, у графа находящихся. «Это не мое дело,— отвечал Блудов,— отнеситесь к Бенкендорфу». В Грузино посланы Клейнмихель и Игнатьев.

Петербург полон вестями и толками об минувшем торжестве[60]. Разговоры несносны. Слышишь везде одно и то же. Одна Смирнова по-прежнему мила и холодна к окружающей суете. Дай бог ей счастливо родить, а страшно за нее[61].

3 мая. Прошедшего апреля 28 был наконец бал, данный дворянством[62] по случаю совершеннолетия великого князя. Он очень удался, как говорят. Не было суматохи при разъезде, ни несчастия на тесной улице от множества собравшегося народа.

Царь уехал в Царское Село.

Мердер умер в Италии. Великому князю, очень к нему привязанному, не объявляли о том до самого бала.

Вышел указ о русских подданных[63], пребывающих в чужих краях. Он есть явное нарушение права, данного дворянству Петром III; но так как допускаются исключения, то и будет одною из бесчисленных пустых мер, принимаемых ежедневно к досаде благомыслящих людей и ко вреду правительства.

Гуляние 1-го мая[64] не удалось от дурной погоды,— было экипажей десять. Графиня Хребтович, однако, поплелась туда же: мало ей рассеяния. Случилось несчастие: какая-то деревянная башня, памятник затей Милорадовича в Екатерингофе, обрушилась, и несколько людей, бывших на ней, ушиблись. Кстати, вот надпись к воротам Екатерингофа:

Хвостовым некогда воспетая дыра![65]
Провозглашаешь ты природы русской скупость,
Самодержавие Петра
И Милорадовича глупость.

Гоголь читал у Дашкова свою комедию[66]. Дашков звал Вяземского на свой вечер, говоря в своей записке:

Moliére avec Tartuffe y doit jouer son rôle
Et Lambert, qui plus est, m'a donné sa parole
etc*[67].

Вяземский отвечал:

Как! будет граф Ламбер и с ним его супруга,
Зовите ж и Лаваль.

Лифляндское дворянство[68] отказалось судить Бринкена, потому что он воспитывался в корпусе в Петербурге. Вот тебе шиш, и поделом.

10 мая. Несколько дней тому получил я от Жуковского записочку из Царского Села. Он уведомлял меня, что какое-то письмо мое ходит по городу и что государь об нем ему говорил. Я вообразил, что дело идет о скверных стихах[69], исполненных отвратительного похабства и которые публика благосклонно и милостиво приписывала мне. Но вышло не то. Московская почта распечатала письмо[70], писанное мною Наталье Николаевне, и, нашед в нем отчет о присяге великого князя, писанный, видно, слогом не официальным, донесла обо всем полиции. По-

* Мольер с Тартюфом должен там играть свою роль, и Ламбер, что важнее, мне дал слово *(фр.)*.

лиция, не разобрав смысла, представила письмо государю, который сгоряча также его не понял. К счастию, письмо показано было Жуковскому, который и объяснил его. Всё успокоилось. Государю неугодно было, что о своем камер-юнкерстве отзывался я не с умилением и благодарностию. Но я могу быть подданным, даже рабом, но холопом и шутом не буду и у царя небесного[71]. Однако какая глубокая безнравственность в привычках нашего правительства! Полиция распечатывает письма мужа к жене и приносит их читать царю (человеку благовоспитанному и честному), и царь не стыдится в том признаться — и давать ход интриге, достойной Видока и Булгарина! Что ни говори, мудрено быть самодержавным.

12. Вчера был парад, который как-то не удался. Государь посадил наследника под арест на дворцовую обвахту за то, что он проскакал галопом вместо рыси.

Аракчеев во время прошедшего царствования выпросил майоратство[72] для Грузина, предоставя себе избрать себе наследника, а в случае незапной смерти поручая то государю. Он умер, не написав духовной и не причастившись, потому что, по его мнению, должен он был дожить до 30 августа, дня открытия Александровской колонны. Государь назначил наследником графу Аракчееву кадетский Новогородский корпус, которому и повелено назваться Аракчеевским.

21. Вчера обедал у Смирновых с Полетикой, с Вельгорским и с Жуковским. Разговор коснулся Екатерины. Полетика рассказал несколько анекдотов. Некто Чертков, человек крутой и неустойчивый, был однажды во дворце. Зубов подошел к нему и обнял его, говоря: «Ах ты, мой красавец!». Чертков был очень дурен лицом. Он осердился и, обратясь к Зубову, сказал ему: «Я, сударь, своею фигурою фортуны себе не ищу». Все замолчали. Екатерина, игравшая тут же в карты, обратилась к Зубову и сказала: «Вы не можете помнить *такого-то* (Черткова по имени и отчеству), а я его помню и могу вас уверить, что он очень был недурен».

Конец ее царствования был отвратителен. Константин уверял, что он в Таврическом дворце застал однажды свою старую бабку с графом Зубовым. Все негодовали; но воцарился Павел, и негодование увеличилось. Laharpe

показывал письма молодого великого князя (Александра)[73], в которых сильно выражается это чувство. Я видел письма его же Ланжерону, в которых он говорит столь же откровенно. Одна фраза меня поразила: — Je vous écris peu et rarement car je suis sous la hache*. Ланжерон был тогда недоволен и сказал мне: — Voilà comme il m'écrivait; il me traitait de son ami, me confiait tout — aussi lui étais-je dévoué. Mais à présent, ma foi, je suis prêt à détacher ma propre écharpe**. В Александре было много детского. Он писал однажды Лагарпу, что, дав свободу и конституцию земле своей, он отречется от трона и удалится в Америку. Полетика сказал:— L'empereur Nicolas est plus positif, il a des idées fausses comme son frère, mais il est moins visionnaire***. Кто-то сказал о государе:— Il y a beaucoup du praporchique en lui, et un peu du Pièrre le Grand****.

2 июня. Много говорят в городе об Медеме, назначенном министром в Лондон. Это дипломатические *суспиции*[75], как говорят городничихи. Англия не посылала нам посланника; мы отзываем Ливена. Блай недоволен. Он говорит: — Mais Medème c'est un tout jeune homme, c'est à dire un blanc-bec*****. Государь не хотел принять Каннинга[76] (Strangford), потому что, будучи великим князем, имел с ним какую-то неприятность.

26 мая был я на пароходе и провожал Мещерских, отправляющихся в Италию.

На другой день представлялся великой княгине. Нас было человек 8, между прочим Красовский (славный цензор). Великая княгиня спросила его:—Cela doit bien vous ennuyer d'être obligé de lire tout ce qui paraît.— Oui, V. A. I., отвечал он, la littérature actuelle est si détestable que c'est un supplice******. Великая княги-

* Я вам пишу мало и редко, потому что я под топором *(фр.)*.

** Вот как он мне писал; он обращался со мною как со своим другом, всё мне поверял,— зато и я был ему предан. Но теперь, право, я готов развязать мой собственный шарф[74] *(фр.)*.

*** Император Николай положительнее, у него есть ложные идеи, как у его брата, но он менее фантастичен *(фр.)*.

**** В нем много от прапорщика и немного от Петра Великого *(фр.)*.

***** Но ведь Медем совсем молодой человек, т. е. желторотый *(фр.)*.

****** Вам, должно быть, очень докучна обязанность читать всё, что появляется *(фр.)*.

Да, ваше императорское высочество,— отвечал он,— современная литература так отвратительна, что это мученье *(фр.)*.

ня скорей от него отошла. Говорила со мной о Пугачеве.

Вчера вечер у Катерины Андреевны. Она едет в Тайцы[77], принадлежавшие некогда Ганибалу, моему прадеду. У ней был Вяземский, Жуковский и Полетика.— Я очень люблю Полетику. Говорили много о Павле I-м, романтическом нашем императоре.

3-го июня обедали мы у Вяземского: Жуковский, Давыдов и Киселев[78]. Много говорили об его правлении в Валахии. Он, может, самый замечательный из наших государственных людей, не исключая Ермолова, великого шарлатана.

Цари уехали в Петергоф.

Вечер у Смирновых; играл, выиграл 1200 р.

Генерал Болховской хотел писать свои записки (и даже начал их; некогда, в бытность мою в Кишиневе, он их мне читал). Киселев сказал ему: «Помилуй! да о чем ты будешь писать? что ты видел?»— Что я видел?— возразил Болховской.— Да я видел такие вещи, о которых никто и понятия не имеет. Начиная с того, что я видел голую . . . . государыни (Екатерины II-ой, в день ее смерти).

Гр. Фикельмон очень болен. Семья его в большом огорчении. Elisa им и живет.

19 числа послал 1000 Нащокину. Слава богу! слухи о смерти его сына ложны.

Тому недели две получено здесь известие о смерти кн. Кочубея[79]. Оно произвело сильное действие; государь был неутешен. Новые министры повесили голову. Казалось, смерть такого ничтожного человека не должна была сделать никакого переворота в течении дел. Но такова бедность России в государственных людях, что и Кочубея некем заменить! Вот суждение о нем: — C'était un esprit éminemment conciliant; nul n'excellait comme lui à trancher une question difficile, à amener les opinions à s'entendre, etc...* Без него Совет иногда превращался только что не в драку, так что принуждены были посылать за ним больным, чтоб его присутствием усмирить волнение. Дело в том, что он был человек хорошо воспитанный,— и это у нас редко, и за то спасибо. О Кочубее сказано:

* Это был ум в высшей степени примирительный; никто не умел так хорошо, как он, решить какой-нибудь вопрос, привести мнения к согласию и проч. *(фр.)*.

Под камнем сим лежит граф Виктор Кочубей.
Что в жизни доброго он сделал для людей,
Не знаю, черт меня убей.

Согласен; но эпиграмму припишут мне, и правительство опять на меня надуется.

Здесь прусский кронпринц с его женою[80]. Ее возили по Петергофской дороге, и у ней глаза разболелись.

22 июля. Прошедший месяц был бурен[81]. Чуть было не поссорился я со двором,— но всё перемололось. Однако это мне не пройдет.

Маршал Мезон упал на маневрах с лошади и чуть не был раздавлен Образцовым полком. Арнт объявил, что он вне опасности. Под Остерлицом[82] он искрошил кавалергардов. Долг платежом красен.

Последний частный дом в Кремле принадлежал кн. Трубецкому[83]. Екатерина купила его и поместила в нем сенат.

9 авг. Трощинский в конце царствования Павла был в опале. Исключенный из службы, просился он в деревню. Государь, ему назло, не велел ему выезжать из города. Трощинский остался в Петербурге, никуда не являясь, сидя дома, вставая рано, ложась рано. Однажды, в 2 часа ночи, является к его воротам фельдъегерь. Ворота заперты. Весь дом спит. Он стучится, никто нейдет. Фельдъегерь в протаявшем снегу отыскал камень и пустил его в окошко. В доме проснулись, пошли отворять ворота — и поспешно прибежали к спящему Трощинскому, объявляя ему, что государь его требует и что фельдъегерь за ним приехал. Трощинский встает, одевается, садится в сани и едет. Фельдъегерь привозит его прямо к Зимнему дворцу. Трощинский не может понять, что с ним делается. Наконец видит он, что ведут его на половину великого князя Александра. Тут только догадался он о перемене, происшедшей в государстве. У дверей кабинета встретил его Панин, обнял и поздравил с новым императором. Трощинский нашел государя в мундире, облокотившимся на стол и всего в слезах. Александр кинулся к нему на шею и сказал: «Будь моим руководителем». Тут был тотчас же написан манифест и подписан государем, не имевшим силы ничем заняться.

28 ноября. Я ничего не записывал в течение трех месяцев. Я был в отсутствии[84] — выехал из Петербурга за 5 дней до открытия Александровской колонны, чтоб не присутствовать при церемонии вместе с камер-юнкерами,— своими товарищами,— был в Москве несколько часов — видел А. Раевского, которого нашел поглупевшим от ревматизмов в голове. Может быть, это пройдет. Отправился потом в Калугу на перекладных, без человека. В Тарутине[85] пьяные ямщики чуть меня не убили. Но я поставил на своем.— «Какие мы разбойники?— говорили мне они.— Нам дана вольность, и поставлен столп нам в честь». Графа Румянцева вообще не хвалят за его памятник и уверяют, что церковь была бы приличнее. Я довольно с этим согласен. Церковь, а при ней школа, полезнее колонны с орлом и с длинной надписью, которую безграмотный мужик наш долго еще не разберет. В Заводе прожил я 2 недели[86], потом привез Наталью Николаевну в Москву, а сам съездил в нижегородскую деревню, где управители меня морочили[87], а я перед ними шарлатанил и, кажется, неудачно. Воротился к 15 октября в Петербург, где и проживаю. «Пугачев» мой отпечатан[88]. Я ждал всё возвращения царя из Пруссии[89]. Вечор он приехал. Великий князь Михаил Павлович привез эту новость на бал Бутурлина. Бал был прекрасен. Воротились в 3 ч.

5 декабря. Завтра[90] надобно будет явиться во дворец. У меня еще нет мундира. Ни за что не поеду представляться с моими товарищами камер-юнкерами, молокососами 18-тилетними. Царь рассердится,— да что мне делать? Покамест давайте злословить.

В бытность его в Москве нынешнего году много было проказ. Москва, хотя уж и не то, что прежде, но все-таки имеет еще похоти боярские, des velléités d'Aristocratie*. Царь мало занимался старыми сенаторами, заступившими место екатерининских бригадиров,— они роптали, глядя, как он ухаживал за молодою княгиней Долгоруковой (за дочерью Сашки Булгакова!— говорили ворчуны с негодованием).

Царь однажды пошел за кулисы и на сцене разговаривал с московскими актрисами; это еще менее понравилось публике. В бытность его пойманы зажигатели.

---

* аристократические потуги *(фр.)*.

Князь М. Голицын[91] взял на себя должность полицейского сыщика, одевался жидом и проч. В каком веке мы живем! — В Нижнем Новгороде царь был очень суров и встретил дворянство очень немилостиво. Оно перетрусилось и не знало за что (ни я).

Вчера бал у Лекса. Я знал его в 821 году в Кишиневе. У него не было кровати, он спал вместе с каким-то чиновником под одним тулупом. Я первый открыл Инзову, что Лекс человек умный и деловой.

В тот же день бал у Салтыкова. N. N. сказала: — Voilà M-me Yermolof la sale (Lassale)*. Ермолова и Курваль (дочь ген. Моро) всех хуже одеваются.

Я все-таки не был 6-го во дворце — и рапортовался больным. За мною царь хотел прислать фельдъегеря или Арнта.

18-го дек. Третьего дня был я наконец в Аничковом. Опишу всё в подробности, в пользу будущего Вальтер Скотта.

Придворный лакей поутру явился ко мне с приглашением: быть в $8^1/_2$ в Аничковом, мне в мундирном фраке, Наталье Николаевне как обыкновенно. В 9 часов мы приехали. На лестнице встретил я старую графиню Бобринскую, которая всегда за меня лжет и вывозит меня из хлопот. Она заметила, что у меня треугольная шляпа с плюмажем (не по форме: в Аничков ездят с круглыми шляпами; но это еще не всё). Гостей было уже довольно; бал начался контрдансами. Государыня была вся в белом, с бирюзовым головным убором; государь в кавалергардском мундире. Государыня очень похорошела. Граф Бобринский, заметя мою треугольную шляпу, велел принести мне круглую. Мне дали одну, такую засаленную помадой, что перчатки у меня промокли и пожелтели.— Вообще бал мне понравился. Государь очень прост в своем обращении, совершенно по-домашнему. Тут же были молодые сыновья Кеннинга и Веллингтона. У Дуро спросили, как находит он бал.— Je m'ennuie,— отвечал он.— Pourquoi cela? — On est debout, et j'aime à être assis. Я заговорил с Ленским о Мицкевиче и потом о Польше. Он прервал разговор, сказав: — Mon cher ami, ce n'est

---

* Вот госпожа Ермолова, грязная (Лассаль) (непереводимая игра слов «La sale» по-французски — грязная, произносится так же, как Lassale, фамилия Лассаль) *(фр.)*.

pas ici le lieu de parler de la Pologne. Choisissez un terrain neutre, chez l'ambassadeur d'Autriche par exemple*. Бал кончился в $1^1/_2$.

Утром того дня встретил я в Дворцовом саду великого князя. «Что ты один здесь философствуешь?» — «Гуляю». — «Пойдем вместе». Разговорились о плешивых. «Вы не в родню, в вашем семействе мужчины молоды оплешивливают».—«Государь Александр и Константин Павлович оттого рано оплешивели, что при отце моем носили пудру и зачесывали волоса; на морозе сало леденело, и волоса лезли. Нет ли новых каламбуров?»— «Есть, да нехороши, не смею представить их вашему высочеству».—«У меня их также нет; я замерз». Доведши великого князя до моста, я ему откланялся (вероятно, противу этикета).

Вчера (17) вечер у S. Разговор с Нордингом о русском дворянстве, о гербах, о семействе Екатерины[92] I-ой etc. Гербы наши все весьма новы. Оттого в гербе князей Вяземских, Ржевских пушка. Многие из наших старых дворян не имеют гербов.

22 декабря, суббота. В середу был я у Хитровой. Имел долгий разговор с великим князем[93]. Началось журналами: «Вообрази, какую глупость напечатали в „Северной пчеле“, дело идет о пребывании государя в Москве. „Пчела“ говорит: „Государь император, обошед соборы, возвратился во дворец и с высоты красного крыльца *низко* (низко!) поклонился народу“. Этого не довольно: журналист дурак продолжает: „Как восхитительно было видеть великого государя, преклоняющего священную главу перед гражданами московскими!“— Не забудь, что это читают лавочники». Великий князь прав, а журналист, конечно, глуп. Потом разговорились о дворянстве. Великий князь был противу постановления о почетном гражданстве: зачем преграждать заслугам высшую цель честолюбия? Зачем составлять tiers état**, сию вечную стихию мятежей и оппозиции? Я заметил, что или дворянство не нужно в государстве, или должно быть ограждено и недоступно иначе как по собственной воле государя. Если во дворянство можно будет поступать из других

* Мне скучно.— Это почему? — Здесь стоят, а я люблю сидеть. Мой милый друг, здесь не место говорить о Польше. Изберем какую-нибудь нейтральную почву, у австрийского посла например *(фр.)*.

** третье сословие *(фр.)*.

состояний, как из чина в чин, не по исключительной воле государя, а по порядку службы, то вскоре дворянство не будет существовать или (что всё равно) всё будет дворянством. Что касается до tiers état, что же значит наше старинное дворянство с имениями, уничтоженными бесконечными раздроблениями, с просвещением, с ненавистью противу аристократии и со всеми притязаниями на власть и богатства? Эдакой страшной стихии мятежей нет и в Европе. Кто были на площади 14 декабря? Одни дворяне. Сколько же их будет при первом новом возмущении? Не знаю, а кажется много. Говоря о старом дворянстве, я сказал:— «Nous, qui sommes aussi bons gentilshommes que l'empereur et vous...» etc. Великий князь был очень любезен и откровенен. «Vous êtes bien de votre famille,—сказал я ему: tous les Romanof sont révolutionnaires et niveleurs».—«Спасибо: так ты меня жалуешь в якобинцы! благодарю, voilà une réputation que me manquait»*. Разговор обратился к воспитанию, любимому предмету его высочества. Я успел высказать ему многое. Дай бог, чтобы слова мои произвели хоть каплю добра!

Цензор Никитенко на обвахте под арестом[94], и вот по какому случаю: Деларю напечатал в «Библиотеке» Смирдина перевод оды В. Юго, в которой находится следующая глубокая мысль: Если-де я был бы богом, то я бы отдал свой рай и своих ангелов за поцелуй Милены или Хлои. Митрополит[95] (которому досуг читать наши бредни) жаловался государю, прося защитить православие от нападений Деларю и Смирдина. Отселе буря. Крылов сказал очень хорошо:

Мой друг! когда бы был ты бог,
То глупости такой сказать бы ты не мог.

Это всё равно, заметил он мне, что я бы написал: когда б я был архиерей, то пошел бы во всем облачении плясать французский кадриль. А всё виноват Глинка (Федор). После его ухарского псалма[96], где он заставил бога говорить языком Дениса Давыдова, цензор подумал, что *он* пустился во всё тяжкое...[97]

Псалом Глинки уморительно смешон.

---

* «Мы такие же хорошие дворяне, как император и вы...» и т. д. «Вы истинный член вашей семьи. Все Романовы революционеры и уравнители». «...вот репутация, которой мне недоставало» *(фр.)*.

1835

8 января. Начнем новый год злословием, на счастие...

Бриллианты[98] и дорогие каменья были еще недавно в низкой цене. Они никому не были нужны. Выкупив бриллианты Натальи Николаевны, заложенные в московском ломбарде, я принужден был их перезаложить в частные руки, не согласившись продать их за бесценок. Нынче узнаю, что бриллианты опять возвысились. Их требуют в кабинет, и вот по какому случаю.

Недавно государь приказал князю Волконскому принести к нему из кабинета самую дорогую табакерку. Дороже не нашлось, как в 9000 руб. Князь Волконский принес табакерку. Государю показалась она довольно бедна.— «Дороже нет»,— отвечал Волконский. «Если так, делать нечего,— отвечал государь: — я хотел тебе сделать подарок, возьми ее себе». Вообразите себе рожу старого скряги. С этой поры начали требовать бриллианты. Теперь в кабинете табакерки завелися уже в 60 000 р.

Великая княгиня взяла у меня Записки Екатерины II[99] и сходит от них с ума.

6-го умерла С. М. Смирнова, милая молодая девушка.

В конце прошлого года свояченица моя[100] ездила в моей карете поздравлять великую княгиню. Ее лакей повздорил со швейцаром. Комендант Мартынов посадил его на обвахту, и Катерина Николаевна принуждена была без шубы ждать 4 часа на подъезде. Комендантское место около полустолетия занято дураками; но такой скотины, каков Мартынов, мы еще не видали.

6-го бал придворный (приватный маскарад). Двор в мундирах времен Павла I-го; граф Панин (товарищ министра) одет дитятей. Бобринский Брызгаловым (кастеланом Михайловского замка; полуумный старик, щеголяющий в шутовском своем мундире, в сопровождении двух калек-сыновей, одетых скоморохами. *Замеч. для потомства)*. Государь полковником Измайловского полка etc[101]. В городе шум. Находят это всё неприличным.

Февраль. С генваря очень я занят Петром. На балах был раза 3; уезжал с них рано. Придворными сплетнями мало занят. Шиш потомству.

На днях в театре граф Фикельмон, говоря, что Bertrand и Raton[102]* не были играны на петербургском театре по представлению Блума, датского посланника (и нашего старинного шпиона), присовокупил: «Je ne sais pourquoi; dans la comédie il n'est seulement pas question du Danemark»**. Я прибавил: «Pas plus qu'en Europe»***.

Филарет[103] сделал донос на Павского, будто бы он лютеранин.— Павский отставлен от великого князя[104]. Митрополит и синод подтвердили мнение Филарета. Государь сказал, что в делах духовных он не судия; но ласково простился с Павским. Жаль умного ученого и доброго священника! Павского не любят. Шишков, который набил академию попами, никак не хотел принять Павского в число членов за то, что он, зная еврейский язык, доказал какую-то нелепость в *корнях* президента. Митрополит на место Павского предлагал попа Кочтова, плута и сплетника. Государь не захотел и выбрал другого, человека, говорят, очень порядочного. Этот приезжал к митрополиту, а старый лукавец сказал: «Я вас рекомендовал государю». Qui est-ce que l'on trompe ici?[105]****

В публике очень бранят моего Пугачева, а что хуже — не покупают. Уваров большой подлец. Он кричит о моей книге как о возмутительном сочинении. Его клеврет Дундуков[106] (дурак и бардаш) преследует меня своим ценсурным комитетом. Он не соглашается, чтоб я печатал свои сочинения с одного согласия государя. Царь любит, да псарь не любит. Кстати об Уварове: это большой негодяй и шарлатан. Разврат его известен. Низость до того доходит, что он у детей Канкрина был на посылках[107]. Об нем сказали, что он начал тем, что был б..., потом нянькой, и попал в президенты Академии Наук, как княгиня Дашкова в президенты Российской академии. Он крал казенные дрова и до сих пор на нем есть счеты (у него 11 000 душ), казенных слесарей употреблял в собственную работу etc. etc. Дашков (министр), который прежде был с ним приятель, встретив Жуковского под руку с Уваровым, отвел его в сторону, говоря: «Как тебе не стыдно гулять публично с таким человеком!»

---

* Бертран и Ратон *(фр.)*.
** «Не знаю почему, только о Дании нет речи в комедии» *(фр.)*.
*** «Не более, чем в Европе» *(фр.)*.
**** Кого же здесь обманывают? *(фр.)*

Ценсура не пропустила следующие стихи в сказке моей о золотом петушке:

Царствуй, лежа на боку

и

Сказка ложь, да в ней намек,
Добрым молодцам урок.

Времена Красовского возвратились. Никитенко глупее Бирукова.

ЗАПИСКИ

NOTE SUR LA REVOLUTION D'IPSYLANTI

Le hospodar Ipsylanti trahit la cause de l'Ethérie et fut cause de la mort de Riga etc.

Son fils Alexandre fut éthériste, probablement du choix de Capo-d'Istria et de l'aveu de l'empereur; ses frères, Кантакузин, Кантогони, Сафианос, Мano.— Michel Souzzo fut reçu éthériste en 1820; Alexandre Souzzo, hospodar de Valachie, apprit le secret de l'Ethérie par son secrétaire (Viletto) qui se laissa pénétrer ou gagner en devenant son gendre. Alexandre Ipsylanti en janvier 1821 envoya un certain Aristide en *Servie* avec un traité d'alliance offensive et défensive entre cette province et lui, général des armées de la Grèce. Aristide fut saisi par Alexandre Souzzo, ses papiers et sa tête furent envoyés à Constantinople — cela fit que les plans furent changés tout de suite.— Michel Souzzo écrivit à Kichéneff.— On empoisonna Alexandre Souzzo et Ipsylanti passa à la tête de quelques arnautes et proclama la révolution.

Les capitans sont des indépendants, corsaires, brigands ou employés turcs revêtus d'un certain pouvoir. Tels furent Lampro etc. et en dernier lieu *Formaki*, Iordaki-Olimbiotti, Калакотрони, Кантогони, Anastasas etc.— Iordaki-Olimbiotti fut dans l'armée d'Ipsylanti. Ils se retirèrent ensemble vers les frontières de la Hongrie.— Alexandre Ipsylanti menacé d'assassinat s'enfuit d'après son avis et fulmina sa proclamation. Iordaki à la tête de 800 hommes combattit 5 fois l'armée turque, s'enferma enfin dans le monastère (de Sekou), trahi par les juifs, entouré de turcs il mit le feu à sa poudre et sauta.

Formaki, capitan, éthériste, fut envoyé de la Morée à Ipsylanti, se battit en brave et se rendit à cette dernière affaire. Décapité à Constantinople.*

---

* Заметка о революции Ипсиланти

Господарь Ипсиланти изменил делу гетерии[1] и был виновником смерти Ригаса[2] и т. д. Его сын Александр был гетеристом (вероятно, по выбору Каподистрии[3] и с согласия императора); его братья Кантакузин[4], Кантогони, Сафианос, Мано. Михаил Суццо сделался гетеристом в 1820 г.; Александр Суццо, валашский господарь, узнал о тайном существовании гетерии от своего секретаря (Валетто), который, сделавшись его зятем, не сумел сберечь тайну и выдал ее. Александр Ипсиланти[5] в январе 1821 г. послал некоего Аристида[6] в *Сербию* с предложением наступательного и оборонительного союза между этой провинцией и им, генералом греческой армии. Аристид был схвачен Александром Суццо, и его бумаги вместе с его головой были отосланы в Константинополь. Это заставило немедленно переменить планы. Михаил Суццо[7] написал в Кишинев. Александр Суццо[8] был от-

...из Константинополя — толпа трусливой сволочи, воров и бродяг, которые не могли выдержать даже первого огня дрянных турецких стрелков, составила бы забавный отряд в армии графа Витгенштейна. Что касается офицеров, то они еще хуже солдат. Мы видели этих новых Леонидов на улицах Одессы[1] и Кишинева — со многими из них лично знакомы, мы можем удостоверить их полное ничтожество — они умудрились быть болванами даже в такую минуту, когда их рассказы должны были интересовать всякого европейца,— ни малейшего понятия о военном деле, никакого представления о чести, никакого энтузиазма — французы и русские, которые здесь живут, высказывают им вполне заслуженное презрение; они все сносят, даже палочные удары, с хладнокровием, достойным Фемистокла. Я не варвар и не проповедник Корана, дело Греции вызывает во мне горячее сочувствие, именно потому-то я и негодую, видя, что на этих ничтожных людей возложена священная обязанность защищать свободу *(фр.)*.

NOTE SUR PENDA-DEKA

Penda-Déka fut élevé à Moscou — en 1817 il servit de truchement à un évêque grec réfugié, et fut remarqué de l'empereur et de Capo-d'Istria. Lors du massacre de Galatz il s'y trouva. Deux cents grecs assassinèrent 150 turcs; 60 de ces derniers furent brûlés dans une maison où ils s'etaient réfugiés. Penda-Déka vint quelques jours après à Ibraïl comme espion. Il se présenta chez le Pacha et fuma avec lui somme sujet russe. Il rejoignit Ipsylanti à Tergovitch: celui-ci l'envoya calmer les troubles de Yassy. Il y trouva

---

равлен, и Ипсиланти, став во главе горсточки арнаутов, провозгласил революцию.

Капитаны — это независимые, корсары, разбойники или турецкие чиновники, облеченные некоторой властью. Таковы были Лампро и т. д., и наконец — *Формаки*[9], Иордаки-Олимбиотти[10], Калакотрони, Кантогони, Анастас и т. д. Иордаки-Олимбиотти был в армии Ипсиланти. Они вместе отступили к венгерским границам. Александр Ипсиланти, боясь быть убитым, счел необходимым бежать и разразился своей прокламацией. Иордаки, во главе 800 чел., 5 раз сражался с турецкой армией и наконец заперся в монастыре (Секу). Преданный евреями, окруженный турками, он поджег свой пороховой склад и взорвался.

Формаки, капитан, гетерист, был послан из Мореи[11] к Ипсиланти, храбро сражался и сдался в последней битве. Обезглавлен в Константинополе *(фр.)*.

les Grecs vexés par les boyards; sa présence d'esprit et sa fermeté les sauvèrent. Il prit de munitions pour 1.500 h. tandis qu'il n'en avait que 300. Pendant 2 mois il fut prince de Moldavie. Кантакузин arriva et prit le commandement; on se retira vers Stinka. Kantakuzin envoya Penda-Déka reconnaître les ennemis; l'avis de Penda-Déka fut de se fortifier à Barda (I-re station vers Yassy). Kantakuzin se retira à Skoulian et demanda que Penda-Déka fit son entrée dans la quarantaine. Penda-Déka accepta.

Penda-Déka nomma son second Papas-Ouglou arnaute.

Il n'y a pas de doute que le prince Ipsylanti eut pu prendre *Ibraïl et Jourja.* Les turcs fuyaient de toute part croyant voir les Russes à leur trousses. A Boucharest — les députés bulgares (entre autres Capigibachi) proposèrent à Ipsylanti d'insurger tout leur pays — il n'osa!

Le massacre de Galatz fut ordonné par A. Ipsylanti — en cas que les Turcs ne voulûssent pas rendre les armes.*

НЕКОТОРЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

По смерти Петра I движение, переданное сильным человеком, все еще продолжалось в огромных составах

---

* Заметка о Пенда-Деке

Пенда-Дека воспитывался в Москве — в 1817 г. он служил толмачом у одного бежавшего греческого епископа, был замечен императором и Каподистрией. Он находился в Галаце во время тамошней резни. Двести греков убили 150 турок. 60 из их числа были сожжены в одном доме, где они укрывались. Несколько дней спустя Пенда-Дека прибыл в Браилов в качестве шпиона. Он явился к паше и курил с ним, как русский подданный. В Тырговиште он присоединился к Ипсиланти; тот послал его успокоить волнения в Яссах. Он нашел там греков, притесняемых боярами; его находчивость и твердость спасли их. Он запасся снаряжением на 1500 человек, тогда как на самом деле у него было только 1300. В течение двух месяцев он был князем Молдавии. Кантакузин прибыл и принял командование. Отступили к Стинке[1]. Кантакузин послал Пенда-Деку разведать о врагах. Пенда-Дека полагал нужным укрепиться в Барде (1-я станция по дороге в Яссы). Кантакузин отступил в Скуляны и предложил Пенда-Деке вступить в карантин[2]. Пенда-Дека согласился.

Пенда-Дека назначил своим помощником арнаута Папаса-Углу.

Нет сомнения, что князь Ипсиланти мог бы овладеть Браиловом и Журжей. Турки бежали во все стороны, вообразив, что за ними гонятся русские. В Бухаресте болгарские делегаты (в том числе Капиджи баши) предлагали Ипсиланти поднять всю их страну — он не решился!

Галацкую резню[3] велел произвести Ипсиланти, в случае, если бы турки не захотели сложить оружие *(фр.)*.

государства преобразованного. Связи древнего порядка вещей были прерваны навеки; воспоминания старины мало-помалу исчезали. Народ, упорным постоянством удержав бороду и русский кафтан, доволен был своей победою и смотрел уже равнодушно на немецкий образ жизни обритых своих бояр. Новое поколение, воспитанное под влиянием европейским, час от часу более привыкало к выгодам просвещения. Гражданские и военные чиновники более и более умножались; иностранцы, в то время столь нужные, пользовались прежними правами; схоластический педантизм по-прежнему приносил свою неприметную пользу. Отечественные таланты стали изредка появляться и щедро были награждаемы. Ничтожные наследники северного исполина, изумленные блеском его величия, с суеверной точностию подражали ему во всем, что только не требовало нового вдохновения. Таким образом, действия правительства были выше собственной его образованности и добро производилось ненарочно, между тем как азиатское невежество обитало при дворе.*

Петр I не страшился народной свободы, неминуемого следствия просвещения, ибо доверял своему могуществу и презирал человечество, может быть, более чем Наполеон[1]**

Аристократия после его неоднократно замышляла ограничить самодержавие; к счастию, хитрость государей торжествовала над честолюбием вельмож, и образ правления остался неприкосновенным. Это спасло нас от чудовищного феодализма, и существование народа не отделилось вечною чертою от существования дворян. Если бы гордые замыслы Долгоруких[3] и проч. совершились, то владельцы душ, сильные своими правами, всеми силами затруднили б или даже вовсе уничтожили способы освобождения людей крепостного состояния, ограничили б число дворян и заградили б для прочих сословий путь к достижению должностей и почестей государственных. Одно только страшное потрясение могло бы уничтожить в России закоренелое рабство; нынче же политическая

---

* Доказательства тому царствование безграмотной Екатерины I, кровавого злодея Бирона и сладострастной Елисаветы. *(Примеч. Пушкина.)*

** История представляет около его всеобщее рабство. Указ, разорванный кн. Долгоруким, и письмо с берегов Прута[2] приносят великую честь необыкновенной душе самовластного государя; впрочем, все состояния, окованные без разбора, были равны пред его *дубинкою.* Всё дрожало, всё безмолвно повиновалось. *(Примеч. Пушкина.)*

наша свобода неразлучна с освобождением крестьян, желание лучшего соединяет все состояния противу общего зла, и твердое, мирное единодушие может скоро поставить нас наряду с просвещенными народами Европы. Памятниками неудачного борения аристократии с деспотизмом остались только два указа Петра III-го *о вольности дворян*[4], указы, коими предки наши столько гордились и коих справедливее должны были бы стыдиться.

Царствование Екатерины II имело новое и сильное влияние на политическое и нравственное состояние России. Возведенная на престол заговором нескольких мятежников, она обогатила их на счет народа и унизила беспокойное наше дворянство. Если царствовать значит знать слабость души человеческой и ею пользоваться, то в сем отношении Екатерина заслуживает удивление потомства. Ее великолепие ослепляло, приветливость привлекала, щедроты привязывали. Самое сластолюбие сей хитрой женщины утверждало ее владычество. Производя слабый ропот в народе, привыкшем уважать пороки своих властителей, оно возбуждало гнусное соревнование в высших состояниях, ибо не нужно было ни ума, ни заслуг, ни талантов для достижения второго места в государстве. Много было званых и много избранных; но в длинном списке ее любимцев, обреченных презрению потомства, имя странного Потемкина будет отмечено рукою истории. Он разделит с Екатериною часть воинской ее славы, ибо ему обязаны мы Черным морем и блестящими, хоть и бесплодными, победами в северной Турции.*

Униженная Швеция и уничтоженная Польша, вот великие права Екатерины на благодарность русского народа. Но со временем история оценит влияние ее царствования на нравы, откроет жестокую деятельность ее деспотизма под личиной кротости и терпимости, народ, угнетенный наместниками, казну, расхищенную любовниками, покажет важные ошибки ее в политической экономии, ничтожность в законодательстве, отвратительное фиглярство в сношениях с философами ее столетия — и тогда голос обольщенного Вольтера[5] не избавит ее славной памяти от проклятия России.

---

* *Бесплодными*, ибо Дунай должен быть настоящею границею между Турциею и Россией. Зачем Екатерина не совершила сего важного плана в начале Французской революции, когда Европа не могла обратить деятельного внимания на воинские наши предприятия и изнуренная Турция нам упорствовать? Это избавило бы нас от будущих хлопот. *(Примеч. Пушкина.)*

Мы видели, каким образом Екатерина унизила дух дворянства. В этом деле ревностно помогали ей любимцы. Стоит напомнить о пощечинах, щедро ими раздаваемых нашим князьям и боярам, о славной расписке Потемкина, хранимой доныне в одном из присутственных мест государства,* об обезьяне графа Зубова[6], о кофейнике князя Кутузова[7] и проч. и проч.

Екатерина знала плутни и грабежи своих любовников, но молчала. Ободренные таковою слабостью, они не знали меры своему корыстолюбию, и самые отдаленные родственники временщика с жадностию пользовались кратким его царствованием. Отселе произошли сии огромные имения вовсе неизвестных фамилий и совершенное отсутствие чести и честности в высшем классе народа. От канцлера до последнего протоколиста всё крало и всё было продажно. Таким образом развратная государыня развратила свое государство.

Екатерина уничтожила звание (справедливее, название) рабства,[8] а раздарила около миллиона государственных крестьян (т. е. свободных хлебопашцев) и закрепостила вольную Малороссию и польские провинции. Екатерина уничтожила пытку — а тайная канцелярия процветала под ее патриархальным правлением; Екатерина любила просвещение, а Новиков, распространивший первые лучи его, перешел из рук Шешковского** в темницу, где и находился до самой ее смерти. Радищев был сослан в Сибирь; Княжнин умер под розгами[9] — и Фонвизин, которого она боялась, не избегнул бы той же участи, если б не чрезвычайная его известность.

Екатерина явно гнала духовенство, жертвуя тем своему неограниченному властолюбию и угождая духу времени. Но лишив его независимого состояния и ограничив монастырские доходы, она нанесла сильный удар просвещению народному. Семинарии пришли в совершенный упадок. Многие деревни нуждаются в священниках. Бедность и невежество этих людей, необходимых в государстве, их унижает и отнимает у них самую возможность заниматься важною своею должностию. От сего происходит в нашем народе презрение к попам и равнодушие к отечественной религии; ибо напрасно почитают русских

* Потемкин послал однажды адъютанта взять из казенного места 100 000 рублей. Чиновники не осмелились отпустить эту сумму без письменного вида. Потемкин на другой стороне их отношения своеручно приписал: дать, е... м... *(Примеч. Пушкина.)*

** Домашний палач кроткой Екатерины. *(Примеч. Пушкина.)*

суеверными: может быть, нигде более, как между нашим простым народом, не слышно насмешек на счет всего церковного. Жаль! ибо греческое вероисповедание, отдельное от всех прочих, дает нам особенный национальный характер.

В России влияние духовенства столь же было благотворно, сколько пагубно в землях римско-католических. Там оно, признавая главою своею папу, составляло особое общество, независимое от гражданских законов, и вечно полагало суеверные преграды просвещению. У нас, напротив того, завися, как и все прочие состояния, от единой власти, но огражденное святыней религии, оно всегда было посредником между народом и государем, как между человеком и божеством. Мы обязаны монахам нашей историею, следственно и просвещением. Екатерина знала всё это и имела свои виды.

Современные иностранные писатели осыпали Екатерину чрезмерными похвалами; очень естественно; они знали ее только по переписке с Вольтером и по рассказам тех именно, коим она позволяла путешествовать.

Фарса наших депутатов, столь непристойно разыгранная, имела в Европе свое действие; «Наказ» ее читали везде и на всех языках. Довольно было, чтобы поставить ее наряду с Титами и Траянами, но, перечитывая сей лицемерный «Наказ», нельзя воздержаться от праведного негодования. Простительно было фернейскому философу превозносить добродетели Тартюфа в юбке и в короне, он не знал, он не мог знать истины, но подлость русских писателей для меня непонятна.

Царствование Павла доказывает одно: что и в просвещенные времена могут родиться Калигулы. Русские защитники самовластия в том несогласны и принимают славную шутку г-жи де Сталь[10] за основание нашей конституции: *En Russie le gouvernement est un despotisme mitigé par la strangulation.**

2 августа 1822 г.

* Правление в России есть самовластие, ограниченное удавкою *(фр.)*.

КАРАМЗИН

........печатью вольномыслия.

Болезнь[1] остановила на время образ жизни, избранный мною. Я занемог гнилою горячкой. Лейтон за меня не отвечал. Семья моя была в отчаянье; но через шесть недель я выздоровел. Сия болезнь оставила во мне впечатление приятное. Друзья навещали меня довольно часто; их разговоры сокращали скучные вечера. Чувство выздоровления — одно из самых сладостных. Помню нетерпение, с которым ожидал я весны, хоть это время года обыкновенно наводит на меня тоску и даже вредит моему здоровью. Но душный воздух и закрытые окна так мне надоели во время болезни моей, что весна являлась моему воображению со всею поэтической своей прелестию. Это было в феврале 1818 года. Первые восемь томов «Русской истории» Карамзина вышли в свет. Я прочел их в моей постеле с жадностию и со вниманием. Появление сей книги (так и быть надлежало) наделало много шуму и произвело сильное впечатление, 3000 экземпляров разошлись в один месяц (чего никак не ожидал и сам Карамзин) — пример единственный в нашей земле. Все, даже светские женщины, бросились читать историю своего отечества, дотоле им неизвестную. Она была для них новым открытием. Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка — Коломбом. Несколько времени ни о чем ином не говорили. Когда, по моем выздоровлении, я снова явился в свет, толки были во всей силе. Признаюсь, они были в состоянии отучить всякого от охоты к славе. Ничего не могу вообразить глупей светских суждений, которые удалось мне слышать насчет духа и слова «Истории» Карамзина. Одна дама,[2] впрочем весьма почтенная, при мне, открыв вторую часть, прочла вслух: «*„Владимир усыновил Святополка, однако не любил его...“ Однако!*.. Зачем не *но? Однако!* Как это глупо! чувствуете ли всю ничтожность вашего Карамзина? *Однако!*» — В журналах его не критиковали. Каченовский[3] бросился на одно предисловие.

У нас никто не в состоянии исследовать огромное создание Карамзина — зато никто не сказал спасибо человеку, уединившемуся в ученый кабинет во время самых лестных успехов и посвятившему целых 12 лет жизни безмолвным и неутомимым трудам. *Ноты* «Русской истории»[4] свидетельствуют обширную ученость Карамзина, приобретенную им уже в тех летах, когда для обыкно-

венных людей круг образования и познаний давно окончен и хлопоты по службе заменяют усилия к просвещению.— Молодые якобинцы негодовали; несколько отдельных размышлений в пользу самодержавия, красноречиво опровергнутые верным рассказом событий, казались им верхом варварства и унижения. Они забывали, что Карамзин печатал «Историю» свою в России; что государь, освободив его от цензуры, сим знаком доверенности некоторым образом налагал на Карамзина обязанность всевозможной скромности и умеренности. Он рассказывал со всею верностию историка, он везде ссылался на источники — чего же более требовать было от него? Повторяю, что «История государства Российского» есть не только создание великого писателя, но и подвиг честного человека.[5]

Некоторые из людей светских письменно критиковали Карамзина. Никита Муравьев, молодой человек, умный и пылкий, разобрал предисловие или введение: предисловие!.. Мих. Орлов в письме к Вяземскому пенял[6] Карамзину, зачем в начале «Истории» не поместил он *какой-нибудь блестящей гипотезы о происхождении славян,* т. е. требовал романа в истории — ново и смело! Некоторые остряки за ужином переложили первые главы Тита Ливия слогом Карамзина. Римляне времен Тарквиния, не понимающие *спасительной пользы самодержавия,* и Брут, осуждающий на смерть своих сынов, *ибо редко основатели республик славятся нежной чувствительностию,*— конечно, были очень смешны. Мне приписали одну из лучших русских эпиграмм;[7] это не лучшая черта моей жизни.

...Кстати, замечательная черта. Однажды начал он при мне излагать свои любимые парадоксы.[8] Оспоривая его, я сказал: «Итак, вы рабство предпочитаете свободе». Карамзин вспыхнул и назвал меня своим клеветником. Я замолчал, уважая самый гнев прекрасной души. Разговор переменился. Скоро Карамзину стало совестно, и, прощаясь со мною, как обыкновенно, упрекал меня, как бы сам извиняясь в своей горячности: «Вы сегодня сказали на меня то, чего ни Шихматов, ни Кутузов на меня не говорили». В течение шестилетнего знакомства[9] только в этом случае упомянул он при мне о своих неприятелях, против которых не имел он, кажется, никакой злобы; не говорю уж о Шишкове, которого он просто полюбил.

Однажды, отправляясь в Павловск[10] и надевая свою ленту, он посмотрел на меня наискось и не мог удержаться от смеха. Я прыснул, и мы оба расхохотались...

«ВЫШЕД ИЗ ЛИЦЕЯ...»

1824. Ноября 19. Михайловское.

Вышед из Лицея, я почти тотчас уехал в Псковскую деревню моей матери. Помню, как обрадовался сельской жизни, русской бане, клубнике и проч., но всё это нравилось мне недолго. Я любил и доныне люблю шум и толпу и согласен с Вольтером в том, что деревня est le premier...[1]

...попросил водки. Подали водку. Налив рюмку себе, велел он и мне поднести; я не поморщился — и тем, казалось, чрезвычайно одолжил старого арапа. Через четверть часа он опять попросил водки и повторил это раз 5 или 6 до обеда. Принесли... кушанья поставили...

ПЕРВАЯ ПРОГРАММА ЗАПИСОК

Семья моего отца[1] — его воспитание — французы-учителя.— Mr. Вонт. секретарь Mr. Martin. Отец и дядя в гвардии. Их литературные знакомства.— Бабушка и ее мать[2] — их бедность.— Иван Абрамович.[3]— Свадьба отца.— Смерть Екатерины.[4] — Рождение Ольги.[5] — Отец выходит в отставку,[6] едет в Москву.— Рождение мое.[7]

Первые впечатления. Юсупов сад.[8] — Землетрясение.[9] — Няня.[10] Отъезд матери в деревню.— Первые неприятности.— Гувернантки.[11] Ранняя любовь.[12]— Рождение Льва.[13]— Мои неприятные воспоминания.— Смерть Николая.[14]— Монфор — Русло — Кат. П. и Ан. Ив.— Нестерпимое состояние.— Охота к чтению.[15] Меня везут в П. Б.[16] Езуиты.[17] Тургенев. Лицей.

1811

Дядя Василий Львович.— Дмитриев. Дашков. Блудов. Война с Ш. Ан. Ник.[18]— Светская жизнь.— *Лицей.*[19] Открытие. Государь. Малиновский, Куницын, Аракчеев.— Начальники наши.— Мое положение.— Философические мысли.— Мартинизм.— Мы прогоняем Пилецкого.

1812 год

1813

Государыня в Сарском Селе.[20] Гр. Кочубей. Смерть Малиновского[21] — безначалие, Чачков, Фролов — 15 лет.

1814

Экзамен, Галич, Державин — стихотворство — смерть.

Известие о взятии Парижа.[22] — Смерть Малиновского. Безначалие.— Больница.[23] Приезд матери.[24] Приезд отца.[25] Стихи etc.— Отношение к товарищам. Мое тщеславие.

1815

Экзамен[26]

ВТОРАЯ ПРОГРАММА ЗАПИСОК

Кишинев.[1] — Приезд мой из Кавказа и Крыму — Орлов — Ипсиланти[2] — Каменка[3] — *Фонт.*[4] — Греческая революция — *Липранди.— 12 год — mort de sa femme*[5] — *le rénégat**[6] — Паша арзрумский. [7]

НАЧАЛО АВТОБИОГРАФИИ

Несколько раз принимался я за ежедневные записки[1] и всегда отступался из лености. В 1821 году начал я свою биографию и несколько лет сряду занимался ею. В конце 1825 года, при открытии несчастного заговора, я принужден был сжечь сии записки.[2] Они могли замешать многих и, может быть, умножить число жертв. Не могу не сожалеть о их потере; я в них говорил о людях, которые после сделались историческими лицами[3] с откровенностию дружбы или короткого знакомства. Теперь некоторая торжественность их окружает и, вероятно, будет действовать на мой слог и образ мыслей.

* Смерть его жены — ренегат *(фр.)*.

Зато буду осмотрительнее в своих показаниях, и если записки будут менее живы, то более достоверны.

Избрав себя лицом, около которого постараюсь собрать другие, более достойные замечания, скажу несколько слов о моем происхождении.

Мы ведем свой род от прусского выходца *Радши* или *Рачи*[4] *(мужа честна,* говорит летописец, т. е. знатного, благородного), выехавшего в Россию во время княжества св. Александра Ярославича Невского.[5] От него произошли Мусины, Бобрищевы, Мятлевы, Поводовы, Каменские, Бутурлины, Кологривовы, Шерефединовы и Товарковы. Имя предков моих встречается поминутно в нашей истории.[6] В малом числе знатных родов, уцелевших от кровавых опал царя Ивана Васильевича Грозного, историограф именует и Пушкиных. Григорий Гаврилович[7] Пушкин принадлежит к числу самых замечательных лиц в эпоху самозванцев. Другой Пушкин[8] во время междуцарствия, начальствуя отдельным войском, один с Измайловым, по словам Карамзина, *сделал честно свое дело.* Четверо Пушкиных подписались[9] под грамотою о избрании на царство Романовых, а один из них, окольничий Матвей Степанович,[10] под соборным деянием об уничтожении местничества (что мало делает чести его характеру). При Петре I сын его, стольник Федор Матвеевич, уличен был в заговоре противу государя и казнен вместе с Цыклером и Соковниным. Прадед мой Александр Петрович был женат на меньшой дочери графа Головина, первого андреевского кавалера. Он умер весьма молод, в припадке сумасшествия зарезав свою жену, находившуюся в родах. Единственный сын его, Лев Александрович, служил в артиллерии и в 1762 году, во время возмущения, остался верен Петру III. Он был посажен в крепость и выпущен через два года. С тех пор он уже в службу не вступал и жил в Москве и в своих деревнях.

Дед мой был человек пылкий и жестокий. Первая жена его, урожденная Воейкова, умерла на соломе, заключенная им в домашнюю тюрьму за мнимую или настоящую ее связь с французом,[11] бывшим учителем его сыновей,[12] и которого он весьма феодально повесил на черном дворе. Вторая жена[13] его, урожденная Чичерина, довольно от него натерпелась. Однажды велел он ей одеться и ехать с ним куда-то в гости. Бабушка была на сносях и чувствовала себя нездоровой, но не смела

отказаться. Дорогой она почувствовала муки. Дед мой велел кучеру остановиться, и она в карете разрешилась — чуть ли не моим отцом. Родильницу привезли домой полумертвую и положили на постелю всю разряженную и в бриллиантах. Всё это знаю я довольно темно. Отец мой никогда не говорит о странностях деда, а старые слуги давно перемерли.

Родословная матери моей еще любопытнее. Дед ее был негр,[14] сын владетельного князька. Русский посланник в Константинополе как-то достал его из сераля, где содержался он аманатом, и отослал его Петру Первому вместе с двумя другими арапчатами. Государь крестил маленького Ибрагима в Вильне, в 1707 году,[15] с польской королевою, супругою Августа, и дал ему фамилию Ганибал. В крещении наименован он был Петром; но как он плакал и не хотел носить нового имени, то до самой смерти назывался Абрамом. Старший брат его приезжал в Петербург, предлагая за него выкуп. Но Петр оставил при себе своего крестника. До 1716 году Ганибал находился неотлучно при особе государя, спал в его токарне, сопровождал его во всех походах; потом послан был в Париж,[16] где несколько времени обучался в военном училище,[17] вступил во французскую службу, во время испанской войны был в голову ранен *в одном подземном сражении* (сказано в рукописной его биографии) и возвратился в Париж, где долгое время жил в рассеянии большого света. Петр I неоднократно призывал его к себе, но Ганибал не торопился, отговариваясь под разными предлогами. Наконец государь написал ему,[18] что он неволить его не намерен, что предоставляет его доброй воле возвратиться в Россию или остаться во Франции, но что во всяком случае он никогда не оставит прежнего своего питомца. Тронутый Ганибал немедленно отправился в Петербург. Государь выехал к нему навстречу и благословил образом Петра и Павла, который хранился у его сыновей, но которого я не мог уж отыскать. Государь пожаловал Ганибала в бомбардирскую роту Преображенского полка капитан-лейтенантом. Известно, что сам Петр был ее капитаном. Это было в 1722 году.

После смерти Петра Великого судьба его переменилась. Меншиков, опасаясь его влияния на императора Петра II, нашел способ удалить его от двора. Ганибал был переименован в майоры Тобольского гарнизона и послан в Сибирь[19] с препоручением измерить Китайскую стену. Ганибал пробыл там несколько времени, соскучился и

самовольно возвратился в Петербург,[20] узнав о падении Меншикова и надеясь на покровительство князей Долгоруких, с которыми был он связан. Судьба Долгоруких известна. Миних спас Ганибала, отправя его тайно в ревельскую деревню, где и жил он около десяти лет в поминутном беспокойстве. До самой кончины своей он не мог без трепета слышать звон колокольчика. Когда императрица Елисавета взошла на престол,[21] тогда Ганибал написал ей евангельские слова: «Помяни мя, егда приидеши во царствие свое». Елисавета тотчас призвала его ко двору, произвела его в бригадиры и вскоре потом в генерал-майоры и в генерал-аншефы, пожаловала ему несколько деревень в губерниях Псковской и Петербургской, в первой Зуево, Бор, Петровское и другие, во второй Кобрино, Суйду и Таицы, также деревню *Раголу,* близ Ревеля, в котором несколько времени был он обер-комендантом. При Петре III вышел он в отставку и умер философом (говорит его немецкий биограф)[22] в 1781 году, на 93 году своей жизни. Он написал было свои записки на французском языке,[23] но в припадке панического страха, коему был подвержен, велел их при себе сжечь вместе с другими драгоценными бумагами.

В семейственной жизни прадед мой Ганибал так же был несчастлив, как и прадед мой Пушкин. Первая жена его,[24] красавица, родом гречанка, родила ему белую дочь. Он с нею развелся и принудил ее постричься в Тихвинском монастыре, а дочь ее Поликсену оставил при себе, дал ей тщательное воспитание, богатое приданое, но никогда не пускал ее себе на глаза. Вторая жена его, Христина-Регина фон Шеберх, вышла за него в бытность его в Ревеле обер-комендантом и родила ему множество черных детей обоего пола.

Старший сын его, Иван Абрамович,[25] столь же достоин замечания, как и его отец. Он пошел в военную службу вопреки воле родителя, отличился и, ползая на коленах, выпросил отцовское прощение. Под Чесмою он распоряжал брандерами и был один из тех, которые спаслись с корабля, взлетевшего на воздух. В 1770 году он взял Наварин; в 1779 выстроил Херсон. Его постановления доныне уважаются в полуденном краю России, где в 1821 году видел я стариков, живо еще хранивших его память. Он поссорился с Потемкиным. Государыня оправдала Ганибала и надела на него Александровскую ленту; но он оставил службу и с тех пор жил по большей части в Суйде, уважаемый всеми замечательными людьми

славного века, между прочими Суворовым, который при нем оставлял свои проказы и которого принимал он, не завешивая зеркал и не наблюдая никаких тому подобных церемоний.

Дед мой, Осип Абрамович[26] (настоящее имя его было Януарий, но прабабушка моя не согласилась звать его этим именем, трудным для ее немецкого произношения: *Шорн шорт,* говорила она, *делат мне шорни репят и дает им шертовск имя)* — дед мой служил во флоте и женился на Марье Алексеевне Пушкиной, дочери тамбовского воеводы, родного брата деду отца моего (который доводится внучатым братом моей матери). И сей брак был несчастлив. Ревность жены и непостоянство мужа были причиною неудовольствий и ссор, которые кончились разводом. Африканский характер моего деда, пылкие страсти, соединенные с ужасным легкомыслием, вовлекли его в удивительные заблуждения. Он женился на другой жене,[27] представя фальшивое свидетельство о смерти первой. Бабушка принуждена была подать просьбу на имя императрицы, которая с живостию вмешалась в это дело. Новый брак деда моего объявлен был незаконным, бабушке моей возвращена трехлетняя ее дочь, а дедушка послан на службу в черноморский флот. Тридцать лет они жили розно. Дед мой умер в 1807 году,[28] в своей псковской деревне, от следствий невоздержанной жизни. Одиннадцать лет после того бабушка скончалась в той же деревне. Смерть соединила их. Они покоятся друг подле друга в Святогорском монастыре.

ДЕЛЬВИГ

I

Дельвиг родился в Москве (1798 году, 6 августа). Отец его, умерший генерал-майором в 1828 году, был женат на девице Рахмановой.

Дельвиг первоначальное образование получил в частном пансионе; в конце 1811 года вступил он в Царскосельский лицей. Способности его развивались медленно. Память у него была тупа, понятия ленивы. На 14-м году он не знал никакого иностранного языка и не оказывал склонности ни к какой науке. В нем заметна была только живость воображения. Однажды вздумалось ему рассказать нескольким из своих товарищей поход 1807-го года, выдавая себя за очевидца тогдашних происшествий.

Его повествование было так живо и правдоподобно и так сильно подействовало на воображение молодых слушателей, что несколько дней около него собирался кружок любопытных, требовавших новых подробностей о походе. Слух о том дошел до нашего директора А. Ф. Малиновского, который захотел услышать от самого Дельвига рассказ о его приключениях. Дельвиг постыдился признаться во лжи столь же невинной, как и замысловатой, и решился ее поддержать, что и сделал с удивительным успехом, так что никто из нас не сомневался в истине его рассказов, покамест он сам не признался в своем вымысле. Будучи еще пяти лет отроду, вздумал он рассказывать о каком-то чудесном видении и смутил им всю свою семью. В детях, одаренных игривостию ума, склонность ко лжи не мешает искренности и прямодушию. Дельвиг, рассказывающий о таинственных своих видениях и о мнимых опасностях, которым будто бы подвергался в обозе отца своего, никогда не лгал в оправдание какой-нибудь вины, для избежания выговора или наказания.

Любовь к поэзии пробудилась в нем рано. Он знал почти наизусть Собрание русских стихотворений, изданное Жуковским. С Державиным он не расставался. Клопштока, Шиллера и Гельти прочел он с одним из своих товарищей, живым лексиконом и вдохновенным комментарием;[1] Горация изучил в классе, под руководством профессора Кошанского. Дельвиг никогда не вмешивался в игры, требовавшие проворства и силы; он предпочитал прогулки по аллеям Царского Села и разговоры с товарищами, коих умственные склонности сходствовали с его собственными. Первыми его опытами в стихотворстве были подражания Горацию. Оды «К Диону», «К Лилете», «Дориде» писаны им на пятнадцатом году и напечатаны в собрании его сочинений безо всякой перемены. В них уже заметно необыкновенное чувство гармонии и той классической стройности, которой никогда он не изменял. В то время (1814 году) покойный Влад. Измайлов был издателем «Вестника Европы». Дельвиг послал ему свои первые опыты;[2] они были напечатаны без имени его и привлекли внимание одного знатока, который, видя произведения нового, неизвестного пера, уже носящие на себе печать опыта и зрелости, ломал себе голову, стараясь угадать тайну анонима. Впрочем, никто не обратил тогда внимания на ранние опресноки столь прекрасного таланта! Никто не приветствовал вдохновенного юношу, между тем как стихи одного из его товарищей,[3] стихи посредствен-

ные, заметные только по некоторой легкости и чистоте мелочной отделки, в то же время были расхвалены и прославлены. как некоторое чудо! Но такова участь Дельвига: он не был оценен при раннем появлении на кратком своем поприще; он еще не оценен и теперь, когда покоится в своей безвременной могиле!

II

Я ехал с Вяземским из Петербурга в Москву. Дельвиг хотел меня проводить до Царского Села. 10 августа 1830 поутру мы вышли из городу. Вяземский должен был нас догнать на дороге.

Дельвиг обыкновенно просыпался очень поздно, и разбудить его преждевременно было почти невозможно. Но в этот день встал он в осьмом часу, и у него с непривычки кружилась и болела голова. Мы принуждены были зайти в низенький трактир. Дельвиг позавтракал. Мы пошли далее, ему стало легче, головная боль прошла, он стал весел и говорлив.

Завтрак в трактире напомнил ему повесть, которую намеревался он написать. Дельвиг долго обдумывал свои произведения, даже самые мелкие. Он любил в разговорах развивать свои поэтические помыслы, и мы знали его прекрасные создания несколько лет прежде, нежели они были написаны. Но когда наконец он их читал, выраженные в звучных гекзаметрах, они казались нам новыми и неожиданными.

Таким образом русская его Идиллия, написанная в самый год его смерти, была в первый раз рассказана мне еще в лицейской зале, после скучного математического класса.

УЧАСТЬ МОЯ РЕШЕНА. Я ЖЕНЮСЬ...

(С французского)

Участь моя решена. Я женюсь...

Та, которую любил я целые два года, которую везде первую отыскивали глаза мои, с которой встреча казалась мне блаженством — боже мой — она... почти моя.

Ожидание решительного ответа было самым болезненным чувством жизни моей. Ожидание последней заметавшейся карты, угрызение совести, сон перед пое-

динком — всё это в сравнении с ним ничего не значит.

Дело в том, что я боялся не одного отказа. Один из моих приятелей говаривал: «Не понимаю, каким образом можно свататься, если знаешь наверное, что не будет отказа».

Жениться! Легко сказать — большая часть людей видят в женитьбе шали, взятые в долг, новую карету и розовый шлафорк.

Другие — приданое и степенную жизнь...

Третьи женятся так, потому что все женятся — потому что им 30 лет. Спросите их, что такое брак, в ответ они скажут вам пошлую эпиграмму.

Я женюсь, т. е. я жертвую независимостию, моею беспечной, прихотливой независимостию, моими роскошными привычками, странствиями без цели, уединением, непостоянством.

Я готов удвоить жизнь и без того неполную. Я никогда не хлопотал о счастии, я мог обойтиться без него. Теперь мне нужно на двоих, а где мне взять его?

Пока я не женат, что значат мои обязанности? Есть у меня больной дядя,[1] которого почти никогда не вижу. Заеду к нему — он очень рад; нет — так он извиняет меня: «Повеса мой молод, ему не до меня». Я ни с кем не в переписке, долги свои выплачиваю каждый месяц. Утром встаю когда хочу, принимаю кого хочу, вздумаю гулять — мне седлают мою умную, смирную Женни, еду переулками, смотрю в окна низеньких домиков: здесь сидит семейство за самоваром, там слуга метет комнаты, далее девочка учится за фортепьяно, подле нее ремесленник музыкант. Она поворачивает ко мне рассеянное лицо, учитель ее бранит, я шагом еду мимо... Приеду домой — разбираю книги, бумаги, привожу в порядок мой туалетный столик, одеваюсь небрежно, если еду в гости, со всевозможной старательностью, если обедаю в ресторации, где читаю или новый роман, или журналы; если ж Вальтер Скотт и Купер ничего не написали, а в газетах нет какого-нибудь уголовного процесса, то требую бутылки шампанского во льду, смотрю, как рюмка стынет от холода, пью медленно, радуясь, что обед стоит мне 17 рублей и что могу позволять себе эту шалость. Еду в театр, отыскиваю в какой-нибудь ложе замечательный убор, черные глаза; между нами начинается сношение — я занят до самого разъезда. Вечер провожу или в шумном обществе, где теснится весь город, где я вижу всех и всё и где никто меня не замечает, или в любезном избранном

кругу, где говорю я про себя и где меня слушают. Возвращаюсь поздно; засыпаю, читая хорошую книгу. На другой день опять еду верхом переулками, мимо дома, где девочка играла на фортепьяно. Она твердит на фортепьяно вчерашний урок. Она взглянула на меня, как на знакомого, и засмеялась.— Вот моя холостая жизнь...

Если мне откажут, думал я, поеду в чужие края,— и уже воображал себя на пироскафе. Около меня суетятся, прощаются, носят чемоданы, смотрят на часы. Пироскаф тронулся: морской, свежий воздух веет мне в лицо; я долго смотрю на убегающий берег — My native land, adieu.[2] Подле меня молодую женщину начинает тошнить; это придает ее бледному лицу выражение томной нежности... Она просит у меня воды. Слава богу, до Кронштадта есть для меня занятие...

В эту минуту подали мне записку: ответ на мое письмо. Отец невесты моей ласково звал меня к себе... Нет сомнения, предложение мое принято. Наденька, мой ангел — она моя!.. Все печальные сомнения исчезли перед этой райской мыслию. Бросаюсь в карету, скачу; вот их дом; вхожу в переднюю; уже по торопливому приему слуг вижу, что я жених. Я смутился: эти люди знают мое сердце; говорят о моей любви на своем холопском языке!..

Отец и мать сидели в гостиной. Первый встретил меня с отверстыми объятиями. Он вынул из кармана платок, он хотел заплакать, но не мог и решился высморкаться. У матери глаза были красны. Позвали Наденьку; она вошла бледная, неловкая. Отец вышел и вынес образа Николая чудотворца и Казанской богоматери. Нас благословили. Наденька подала мне холодную, безответную руку. Мать заговорила о приданом, отец о саратовской деревне — и я жених.

Итак, уж это не тайна двух сердец. Это сегодня новость домашняя, завтра — площадная.

Так поэма, обдуманная в уединении, в летние ночи при свете луны, продается потом в книжной лавке и критикуется в журналах дураками.[3]

Все радуются моему счастию, все поздравляют, все полюбили меня. Всякий предлагает мне свои услуги: кто свой дом, кто денег взаймы, кто знакомого бухарца с шалями. Иной беспокоится о многочисленности будущего моего семейства и предлагает мне 12 дюжин перчаток с портретом m-lle Зонтаг.

Молодые люди начинают со мной чиниться: уважают во мне уже неприятеля.[4] Дамы в глаза хвалят мне мой выбор, а заочно жалеют о моей невесте: «Бедная! Она так молода, так невинна, а он такой ветреный, такой безнравственный...»

Признаюсь, это начинает мне надоедать. Мне нравится обычай какого-то древнего народа: жених тайно похищал свою невесту. На другой день представлял уже он ее городским сплетницам как свою супругу. У нас приуготовляют к семейственному счастию печатными объявлениями, подарками, известными всему городу, форменными письмами, визитами, словом сказать, соблазном всякого рода...

ОТРЫВОК

Несмотря на великие преимущества, коими пользуются стихотворцы (признаться, кроме права ставить винительный вместо родительного падежа после частицы *не* и кой-каких еще так называемых стихотворческих вольностей, мы никаких особенных преимуществ за стихотворцами не ведаем) — как бы то ни было, несмотря на всевозможные их преимущества, эти люди подвержены большим невыгодам и неприятностям. Не говорю о их обыкновенном гражданском ничтожестве и бедности, вошедшей в пословицу, о зависти и клевете братьи, коих они делаются жертвами, если они в славе, о презрении и насмешках, со всех сторон падающих на них, если произведения их не нравятся,— но что, кажется, может сравниться с несчастием для них неизбежимым (разумеем суждения глупцов)? Однако же и сие горе, как оно ни велико, не есть крайним еще для них. Зло самое горькое, самое нестерпимое для стихотворца есть его звание, прозвище, коим он заклеймен и которое никогда его не покидает. Публика смотрит на него как на свою собственность, считает себя вправе требовать от него отчета в малейшем шаге. По ее мнению, он рожден для ее удовольствия и дышит для того только, чтоб подбирать рифмы. Требуют ли обстоятельства присутствия его в деревне, при возвращении его первый встречный спрашивает его: не привезли ли вы нам чего-нибудь нового? Явится ль он в армию, чтоб взглянуть на друзей и родственников, публика требует непременно от него поэмы на последнюю победу, и газетчики сердятся, почему долго заставляет он себя ждать. Задумается ли он о расстроенных своих делах, о предполо-

жении семейственном, о болезни милого ему человека, тотчас уже пошлая улыбка сопровождает пошлое восклицание: верно изволите сочинять. Влюбится ли он, красавица его нарочно покупает себе альбом и ждет уже элегии. Приедет ли он к соседу поговорить о деле или просто для развлечения от трудов, сосед кличет своего сынка и заставляет мальчишку читать стихи *такого-то,* и мальчишка самым жалостным голосом угощает стихотворца его же изуродованными стихами. А это еще называется торжеством. Каковы же должны быть невзгоды? Не знаю, но последние легче, кажется, переносить. По крайней мере один из моих приятелей, известный стихотворец, признавался, что сии приветствия, вопросы, альбомы и мальчишки до такой степени бесили его, что поминутно принужден он был удерживаться от какой-нибудь грубости и твердить себе, что эти добрые люди не имели, вероятно, намерения вывести его из терпения...

Мой приятель был самый простой и обыкновенный человек, хотя и стихотворец. Когда находила на него такая дрянь (так называл он вдохновение), то он запирался в своей комнате и писал в постеле с утра до позднего вечера, одевался наскоро, чтоб пообедать в ресторации, выезжал часа на три, возвратившись, опять ложился в постелю и писал до петухов. Это продолжалось у него недели две, три, много месяц, и случалось единожды в год, всегда осенью. Приятель мой уверял меня, что он только тогда и знал истинное счастие. Остальное время года он гулял, читая мало и не сочиняя ничего, и слыша поминутно неизбежимый вопрос: скоро ли вы нас подарите новым произведением пера вашего? Долго дожидалась бы почтеннейшая публика подарков от моего приятеля, если б книгопродавцы не платили ему довольно дорого за его стихи. Имея поминутно нужду в деньгах, приятель мой печатал свои сочинения и имел удовольствие потом читать о них печатные суждения (см. выше), что называл он в своем энергическом просторечии — подслушать у кабака, что говорят об нас холопья.

Приятель мой происходил от одного из древнейших дворянских наших родов, чем и тщеславился со всевозможным добродушием. Он столько же дорожил тремя строчками летописца, в коих упомянуто было о предке его, как модный камер-юнкер тремя звездами двоюродного своего дяди. Будучи беден, как и почти всё наше старинное дворянство, он, подымая нос, уверял, что никогда не женится или возьмет за себя княжну Рюриковой крови,

именно одну из княжен Елецких,[1] коих отцы и братья, как известно, ныне пашут сами и, встречаясь друг со другом на своих бороздах, отряхают сохи и говорят: «Бог помочь, князь Антип Кузьмич, а сколько твое княжое здоровье[2] сегодня напахало?» — «Спасибо, князь Ерема Авдеевич...» — Кроме сей маленькой слабости, которую, впрочем, относим мы к желанию подражать лорду Байрону, продававшему также очень хорошо свои стихотворения, приятель мой был un homme tout rond, человек совершенно круглый, как говорят французы, homo guadratus, человек четвероугольный, по выражению латинскому — по-нашему очень хороший человек.

Он не любил общества своей братьи литераторов, кроме весьма, весьма немногих. Он находил в них слишком много притязаний у одних на колкость ума, у других на пылкость воображения, у третьих на чувствительность, у четвертых на меланхолию, на разочарованность, на глубокомыслие, на филантропию, на мизантропию, иронию и проч. и проч. Иные казались ему скучными по своей глупости, другие несносными по своему тону, третьи гадкими по своей подлости, четвертые опасными по своему двойному ремеслу,— вообще слишком самолюбивыми и занятыми исключительно собою да своими сочинениями. Он предпочитал им общество женщин и светских людей, которые, видя его ежедневно, переставали с ним чиниться и избавляли его от разговоров об литературе и от известного вопроса: Не написали ли чего-нибудь новенького?

Мы распространились о нашем приятеле по двум причинам: во-первых, потому что он есть единственный литератор, с которым удалось нам коротко познакомиться,— во вторых, что повесть, предлагаемая ныне читателю, слышана нами от него.

Сей отрывок составлял, вероятно, предисловие к повести, не написанной или потерянной. Мы не хотели его уничтожить...

МЫСЛИ И ЗАМЕЧАНИЯ

ОТРЫВКИ ИЗ ПИСЕМ, МЫСЛИ И ЗАМЕЧАНИЯ

Истинный вкус состоит не в безотчетном отвержении такого-то слова, такого-то оборота, но в чувстве соразмерности и сообразности.

*

Ученый без дарования подобен тому бедному мулле, который изрезал и съел Коран, думая исполниться духа Магометова.

*

Однообразность в писателе доказывает односторонность ума, хоть, может быть, и глубокомысленного.

*

Стерн говорит, [1] что живейшее из наших наслаждений кончится содроганием почти болезненным. Несносный наблюдатель! знал бы про себя; многие того не заметили б.

*

Жалуются на равнодушие русских женщин[2] к нашей поэзии, полагая тому причиною незнание отечественного языка: но какая же дама не поймет стихов Жуковского, Вяземского или Баратынского? Дело в том, что женщины везде те же. Природа, одарив их тонким умом и чувствительностию самой раздражительною, едва ли не отказала им в чувстве изящного*. Поэзия скользит по слуху их, не

---

* В рукописи далее следовало:

Руссо заметил уже, что ни одна из женщин-писательниц не доходила далее посредственности — кроме Сафы *и еще одной*, говорит Руссо, разумея Новую Элоизу, которую он выдавал за невымышленное лицо. Vitam impendere vero. Они вообще смешно судят о высоких предметах политики и философии! нежные умы не способны к муже-

досягая души; они бесчувственны к ее гармонии; примечайте, как они поют модные романсы, как искажают стихи самые естественные, расстроивают меру, уничтожают рифму. Вслушивайтесь в их литературные суждения, и вы удивитесь кривизне и даже грубости их понятия... Исключения редки.

*

Мне пришла в голову мысль, говорите вы: не может быть. Нет, NN, вы изъясняетесь ошибочно; что-нибудь да не так.

*

Чем более мы холодны, расчетливы, осмотрительны, тем менее подвергаемся нападениям насмешки. Эгоизм может быть отвратительным, но он не смешон, ибо отменно благоразумен. Однако есть люди, которые любят себя с такою нежностию, удивляются своему гению с таким восторгом, думают о своем благосостоянии с таким умилением, о своих неудовольствиях с таким состраданием, что в них и эгоизм имеет всю смешную сторону энтузиазма и чувствительности.

*

Никто более Баратынского не имеет чувства в своих мыслях и вкуса в своих чувствах.

*

Примеры невежливости

В некотором азиатском народе мужчины каждый день, восстав от сна, благодарят бога, создавшего их не женщинами.

Магомет оспоривает у дам существование души.

Во Франции, в земле, прославленной своею учтивос-

ственному напряжению мыслей; предметы изящных искусств с первого взгляда кажутся их достоянием, но и тут чем более вслушиваетесь в их суждения, тем более вы изумитесь кривизне и даже грубости их понятия. Рожденные с чувствительностью самой раздражительной, они плачут над посредственными романами Августа Лафонтена и холодно читают красноречивые трагедии Расина.

тию, грамматика торжественно провозгласила мужеский род благороднейшим.

Стихотворец отдал свою трагедию на рассмотрение известному критику. В рукописи находился стих:

Я человек и шла путями заблуждений.

Критик подчеркнул стих, усумнясь, может ли женщина называться человеком. Это напоминает славное решение, приписываемое Петру I: женщина не человек, курица не птица, прапорщик не офицер.

Даже люди, выдающие себя за усерднейших почитателей прекрасного пола, не предполагают в женщинах ума, равного нашему, и, приноравливаясь к слабости их понятия, издают ученые книжки для дам, как будто для детей; и т. п.*

*

Тредьяковский пришел однажды жаловаться Шувалову на Сумарокова. «Ваше высокопревосходительство! меня Александр Петрович так ударил в правую щеку, что она до сих пор у меня болит».— «Как же, братец?— отвечал ему Шувалов,— у тебя болит правая щека, а ты держишься за левую».— «Ах, ваше высокопревосходительство, вы имеете резон»,— отвечал Тредьяковский и перенес руку на другую сторону. Тредьяковскому не раз случалось быть битым. В деле Волынского сказано, что сей однажды в какой-то праздник потребовал оду у придворного пииты Василия Тредьяковского, но ода была не готова, и пылкий статс-секретарь наказал тростию оплошного стихотворца.

---

* В рукописи этот отрывок заканчивался так:

Кстати или некстати некоторые критики, добровольные опекуны прекрасного пола, разбирая сочинения, замечают обыкновенно, что такие-то слова, выражения, описания дамам читать будет неприлично, как слишком простонародные, низкие. Как будто остроумная басня Крылова или описания шотландских кабаков в романах Вальтера Скотта должны непременно оскорблять тонкое чувство модной дамы! Как будто женщина какое-то идеальное существо, чуждое всему земному, и должно ужасаться простых прозаических подробностей жизни!

Эта провинциальная чопорность доказывает малое знание света и того, что в нем принято или нет.

Это-то, по несчастию, слишком у нас обыкновенно и приносит немалый вред нашей младенческой и жеманной литературе.

Один из наших поэтов говорил гордо: Пускай в стихах моих найдется бессмыслица, зато уж прозы не найдется. Байрон не мог изъяснить некоторые свои стихи. Есть два рода бессмыслицы: одна происходит от недостатка чувств и мыслей, заменяемого словами; другая — от полноты чувств и мыслей и недостатка слов для их выражения.

*

«Всё, что превышает геометрию, превышает нас»,[3]— сказал Паскаль. И вследствие того написал свои философические мысли!

*

Un sonnet sans défaut vaut seul un long poème[4]*. Хорошая эпиграмма лучше плохой трагедии... что это значит? Можно ли сказать, что хороший завтрак лучше дурной погоды?

*

Tous les genres sont bons, hors le genre ennuyeux[5]**. Хорошо было сказать это в первый раз, но как можно важно повторять столь великую истину? Эта шутка Вольтера служит основаньем поверхностной критике литературных скептиков; но скептицизм во всяком случае есть только первый шаг умствования. Впрочем некто заметил, что и Вольтер не сказал également bons***.

*

Путешественник Ансело[6] говорит о какой-то грамматике, утвердившей правила нашего языка и еще не изданной, о каком-то русском романе, прославившем автора и еще находящемся в рукописи, и о какой-то комедии, лучшей изо всего русского театра и еще не игранной и не напечатанной. В сем последнем случае Ансело чуть ли не прав. Забавная словесность!

---

* Безупречный сонет один стоит длинной поэмы *(фр.)*.

** Все жанры хороши, кроме скучного *(фр.)*.

*** одинаково хороши *(фр.)*.

Л., состаревшийся волокита, говорил: Moralement je suis toujours physique, mais physiquement je suis devenu moral*.

*

Вдохновение есть расположение души к живейшему принятию впечатлений и соображению понятий, следственно, и объяснению оных. Вдохновение нужно в геометрии, как и в поэзии.

*

Иностранцы, утверждающие, что в древнем нашем дворянстве не существовало понятия о чести (point d'honneur), очень ошибаются. Сия честь, состоящая в готовности жертвовать всем для поддержания какого-нибудь условного правила, во всем блеске своего безумия видна в древнем нашем местничестве. Бояре шли на опалу и на казнь, подвергая суду царскому свои родословные распри. Юный Феодор, уничтожив сию гордую дворянскую оппозицию, сделал то, на что не решились ни могущий Иоанн III, ни нетерпеливый внук его, ни тайно злобствующий Годунов.

*

Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие. «Государственное правило[7],— говорит Карамзин,— ставит уважение к предкам в достоинство гражданину образованному». Греки в самом своем унижении помнили славное происхождение свое и тем самым уже были достойны своего освобождения. Может ли быть пороком в частном человеке то, что почитается добродетелью в целом народе? Предрассудок сей, утвержденный демократической завистию некоторых философов, служит только к распространению низкого эгоизма. Бескорыстная мысль, что внуки будут уважены за имя, нами им переданное, не есть ли благороднейшая надежда человеческого сердца?

Mes arrière-neveux me devront cet ombrage![8]**

---

* Морально я остался плотским, но плотски я сделался моральным *(фр.)*.

** Мои правнуки будут мне обязаны этой сенью *(фр.)*.

*

Сказано: Les sociétés secrètes sont la diplomatie des peuples*. Но какой же народ вверит права свои тайным обществам, и какое правительство, уважающее себя, войдет с оными в переговоры?

*

Байрон говорил[9], что никогда не возьмется описывать страну, которой не видал бы собственными глазами. Однако ж в «Дон Жуане» описывает он Россию, зато приметны некоторые погрешности противу местности. Например, он говорит о грязи улиц Измаила; Дон Жуан отправляется в Петербург *в кибитке, беспокойной повозке без рессор, по дурной каменистой дороге.* Измаил взят был зимою, в жестокий мороз. На улицах неприятельские трупы прикрыты были снегом, и победитель ехал по ним, удивляясь опрятности города: Помилуй бог, как чисто!.. Зимняя кибитка не беспокойна, а зимняя дорога не камениста. Есть и другие ошибки, более важные.— Байрон много читал и расспрашивал о России. Он, кажется, любил ее и хорошо знал ее новейшую историю. В своих поэмах он часто говорит о России, о наших обычаях. Сон Сарданапалов[10] напоминает известную политическую карикатуру, изданную в Варшаве во время суворовских войн. В лице Нимврода[11] изобразил он Петра Великого. В 1813 году Байрон намеревался через Персию приехать на Кавказ.

*

Тонкость не доказывает еще ума. Глупцы и даже сумасшедшие бывают удивительно тонки. Прибавить можно, что тонкость редко соединяется с гением, обыкновенно простодушным, и с великим характером, всегда откровенным.

Не знаю где, но не у нас,
Достопочтенный лорд Мидас[12],
С душой посредственной и низкой,—
Чтоб не упасть дорогой склизкой,
Ползком прополз в известный чин
И стал известный господин.
Еще два слова об Мидасе:

* Тайные общества — дипломатия народов *(фр.).*

Он не хранил в своем запасе
Глубоких замыслов и дум;
Имел он не блестящий ум,
Душой не слишком был отважен;
Зато был сух, учтив и важен.
Льстецы героя моего,
Не зная, как хвалить его,
Провозгласить решились тонким, и пр.

Пушкин.

*

Милостивый государь! Вы не знаете правописания и пишете обыкновенно без смысла. Обращаюсь к вам с покорнейшею просьбою: не выдавайте себя за представителя образованной публики и решителя споров трех литератур. С истинным почтением и проч.

*

Coquette, prude[13]. Слово кокетка обрусело, но prude не переведено и не вошло еще в употребление. Слово это означает женщину, чрезмерно щекотливую в своих понятиях о чести (женской) — недотрогу. Таковое свойство предполагает нечистоту воображения, отвратительную в женщине, особенно молодой. Пожилой женщине позволяется многое знать и многого опасаться, но невинность есть лучшее украшение молодости. Во всяком случае *прюдство* или смешно, или несносно.

*

Некоторые люди не заботятся ни о славе, ни о бедствиях отечества, его историю знают только со времени кн. Потемкина, имеют некоторое понятие о статистике только той губернии, в которой находятся их поместия, со всем тем почитают себя патриотами, потому что любят ботвинью и что дети их бегают в красной рубашке.

*

Москва девичья, а Петербург прихожая[14].

*

Должно стараться иметь большинство голосов на своей стороне: не оскорбляйте же глупцов.

Появление «Истории государства Российского»[15] (как и надлежало быть) наделало много шуму и произвело сильное впечатление. 3000 экземпляров разошлись в один месяц, чего не ожидал и сам Карамзин. Светские люди бросились читать историю своего отечества. Она была для них новым открытием. Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка Колумбом. Несколько времени нигде ни о чем ином не говорили. Признаюсь, ничего нельзя вообразить глупее светских суждений, которые удалось мне слышать; они были в состоянии отучить хоть кого от охоты к славе. Одна дама[16] (впрочем, очень милая), при мне открыв вторую часть, прочла вслух: «Владимир усыновил Святополка, однако ж не любил его... *Однако!* зачем не *но?* однако! чувствуете ли всю ничтожность вашего Карамзина?» В журналах его не критиковали: у нас никто не в состоянии исследовать, оценить огромное создание Карамзина. Каченовский бросился на предисловие. Никита Муравьев, молодой человек, умный и пылкий, разобрал предисловие (предисловие!). Михаил Орлов в письме к Вяземскому пенял Карамзину, зачем в начале своего творения не поместил он какой-нибудь блестящей гипотезы о происхождении славян, т. е. требовал от историка не истории, а чего-то другого. Некоторые остряки за ужином переложили первые главы Тита Ливия слогом Карамзина; зато почти никто не сказал спасибо человеку, уединившемуся в ученый кабинет, во время самых лестных успехов, и посвятившему целых 12 лет жизни безмолвным и неутомимым трудам. Примечания к русской истории свидетельствуют обширную ученость Карамзина, приобретенную им уже в тех летах, когда для обыкновенных людей круг образования и познаний давно заключен и хлопоты по службе заменяют усилия к просвещению. Многие забывали, что Карамзин печатал свою Историю в России, в государстве самодержавном; что государь, освободив его от цензуры, сим знаком доверенности налагал на Карамзина обязанность всевозможной скромности и умеренности. Повторяю, что «История государства Российского» есть не только создание великого писателя, но и подвиг честного человека. *(Извлечено из неизданных записок).*

Идиллии Дельвига для меня удивительны. Какую силу воображения должно иметь, дабы так совершенно перенестись из 19 столетия в золотой век, и какое необыкновенное *чутье* изящного, дабы так угадать греческую поэзию сквозь латинские подражания или немецкие переводы, эту роскошь, эту негу, эту прелесть более отрицательную, чем положительную, которая не допускает ничего напряженного в чувствах; тонкого, запутанного в мыслях; лишнего, неестественного в описаниях!*

*

Французская словесность родилась в передней и далее гостиной не доходила.

МАТЕРИАЛЫ К «ОТРЫВКАМ ИЗ ПИСЕМ, МЫСЛЯМ И ЗАМЕЧАНИЯМ»

ПРЕДИСЛОВИЕ

Дядя мой однажды занемог[1]. Приятель посетил его. «Мне скучно,— сказал дядя,— хотел бы я писать, но не знаю о чем».— «Пиши всё, что ни попало,— отвечал приятель,— мысли, замечания литературные и политические, сатирические портреты и т. п. Это очень легко: так писывал Сенека и Монтань». Приятель ушел, и дядя последовал его совету. Поутру сварили ему дурно кофе, и это его рассердило, теперь он философически рассудил, что его огорчила безделица, и написал: нас огорчают иногда сущие безделицы. В эту минуту принесли ему журнал, он в него заглянул и увидел статью о драматическом искусстве, написанную рыцарем романтизма. Дядя, коренной классик, подумал и написал: я предпочитаю Расина и Мольера Шекспиру и Кальдерону — несмотря на крики новейших критиков.— Дядя написал еще дюжины две подобных мыслей и лег в постелю. На другой день послал

---

* Отрывок в черновом тексте продолжался словами: напряженного в чувствах, ничего, что отзывалось бы новейшим остроумием; сию вечную новизну и нечаянность простоты и добродушия, тонкость соображений, дабы оградить себя от прозаического влияния остроумия и умничания, от игривой неправильности романтизма, дабы сохранить полноту и равновесие чувств.

он их журналисту, который учтиво его благодарил, и дядя мой имел удовольствие перечитывать свои мысли напечатанные.

*

Сумароков лучше знал русский язык, нежели Ломоносов, и его критики (в грамматическом отношении) основательны. Ломоносов не отвечал или отшучивался. Сумароков требовал уважения к стихотворству.

*

Если всё уже сказано[2], зачем же вы пишете? чтобы сказать красиво то, что было сказано просто? жалкое занятие! нет, не будем клеветать разума человеческого, неистощимого в соображениях понятий, как язык неистощим в соображении слов. В сем-то смысле счастливая шутка князя Вяземского совершенно справедлива; он, оправдывая излишество эпитетов, делающих столь вялыми русские стихи, сказал очень забавно, что все существительные сказаны и что нам остается заново оттенивать их прилагательными. Добросовестные люди задумались и важно стали доказывать, что и глаголы и деепричастия и прочие части речи давно уже сказаны.

*

У нас употребляют прозу как стихотворство: не из необходимости житейской, не для выражения нужной мысли, а токмо для приятного проявления форм.

*

Браните мужчин вообще, разбирайте все их пороки, ни один не подумает заступиться. Но дотроньтесь сатирически до прекрасного пола — все женщины восстанут на вас единодушно — они составляют *один* народ, одну секту.

*

Одна из причин жадности, с которой читаем записки великих людей,— наше самолюбие: мы рады, ежели сходствуем с замечательным человеком чем бы то ни было, мнениями, чувствами, привычками — даже слабостями и пороками. Вероятно, больше сходства нашли бы мы с мне-

ниями, привычками и слабостями людей вовсе ничтожных, если б они оставляли нам свои признания.

*

Кс. находит какое-то сочинение глупым.— Чем вы это докажете?— Помилуйте,— простодушно уверяет он,— да я мог бы так написать.

*

Проза князя Вяземского чрезвычайно жива. Он обладает редкой способностию оригинально выражать мысли — к счастью, он мыслит, что довольно редко между нами.

*

Есть различная смелость: Державин написал[3]: «орел, на высоте паря», когда счастие «тебе хребет свой с грозным смехом повернуло, ты видишь, видишь, как мечты сиянье вкруг тебя заснуло».

Описание водопада:

Алмазна сыплется гора
С высот и проч.

Жуковский говорит о боге:

Он в дым Москвы себя облек

Крылов говорит о храбром муравье, что

Он даже хаживал один на паука.

Кальдерон называет молнии огненными языками небес, глаголющих земле. Мильтон говорит, что адское пламя давало токмо различать вечную тьму преисподней.

Мы находим эти выражения смелыми, ибо они сильно и необыкновенно передают нам ясную мысль и поэтические картины.

Французы доныне еще удивляются смелости Расина, употребившего слово pavé, помост.

Et baise avec respect le pavé de tes temples*[4].

И Делиль гордится тем, что он употребил слово vache**. Презренная словесность, повинующаяся таковой

* И почтительно целует плиты твоих храмов *(фр.)*.
** корова *(фр.)*.

мелочной и своенравной критике. Жалка участь поэтов (какого б достоинства они, впрочем, ни были), если они принуждены славиться подобными победами над предрассудками вкуса!

Есть высшая смелость: смелость изобретения, создания, где план обширный объемлется творческою мыслию — такова смелость Шекспира, Dante, Milton'a*, Гёте в «Фаусте», Молиера в «Тартюфе».

*

Повторенное острое слово становится глупостью. Как можно переводить эпиграммы? Разумею не антологические, в которых развертывается поэтическая прелесть, не маротическую, в которой сжимается живой рассказ, но ту, которую Буало определяет словами:

Un bon mot de deux rimes orné.**[5]

ЗАМЕТКИ И АФОРИЗМЫ РАЗНЫХ ГОДОВ

Только революционная голова, подобная Мирабо и Петру, может любить Россию, так, как писатель только может любить ее язык.

Всё должно творить в этой России и в этом русском языке.

(1823)

*

Торвальдсен, делая бюст известного человека[1], удивлялся странному разделению лица, впрочем прекрасного — верх нахмуренный, грозный, низ, выражающий всегдашнюю улыбку. Это не нравилось Торвальдсену:

Questa è una bruta figura***.

(1828)

*

Литература у нас существует, но критики еще нет. У нас журналисты бранятся именем *романтик*, как старушки бранят повес франмасонами и волтерианцами — не имея понятия ни о Вольтере, ни о франмасонстве.

(1829)

---

* Данте, Мильтон *(фр.)*.

** Словцо, украшенное двумя рифмами *(фр.)*.

*** Вот грубое лицо *(ит.)*.

Французские критики имеют свое понятие об романтизме. Они относят к нему все произведения, носящие на себе печать уныния или мечтательности. Иные даже называют романтизмом неологизм и ошибки грамматические. Таким образом Андрей Шенье, поэт, напитанный древностию, коего даже недостатки проистекают от желания дать на французском языке формы греческого стихосложения,— попал у них в романтические поэты.

(1830)

*

Первый несчастный воздыхатель возбуждает чувствительность женщины, прочие или едва замечены, или служат лишь... Так в начале сражения первый раненый производит болезненное впечатление и истощает сострадание наше.

(1830)

*

В миг, когда любовь исчезает, наше сердце еще лелеет ее воспоминание. Так гладиатор у Байрона[2] соглашается умирать, но воображение носится по берегам родного Дуная.

(1830)

Острая шутка[3] не есть окончательный приговор. *** сказал, что у нас есть *три* Истории России: одна для *гостиной*, другая для *гостиницы*, третья для *гостиного двора.*

(1830)

*

В одной из Шекспировых комедий[4] крестьянка Одрей спрашивает: «Что такое поэзия? вещь ли это *настоящая?*» Не этот ли вопрос, предложенный в ином виде и гораздо велеречивее, находим мы в рассуждении о поэзии романтической, помещенном в одном из московских журналов 1830 года?

(1830)

Мильтон говаривал[5]: «С меня довольно и малого числа читателей, лишь бы они достойны были понимать меня». Это гордое желание поэта повторяется иногда и в наше время, только с небольшою переменой. Некоторые из наших современников явно и под рукою стараются вразумить нас, что «с них довольно и малого числа читателей, лишь бы много было *покупателей»*.

(1830)

*

В газете Le Furet*[6] напечатано известие из Пекина, что некоторый мандарин приказал побить палками некоторого журналиста. Издатель замечает, что мандарину это стыдно, а журналисту здорово.

(1830)

*

Переводчики — почтовые лошади просвещения.

(1830)

*

Зависть — сестра соревнования, следственно из хорошого роду.

(1830)

Критикою у нас большею частию занимаются журналисты, т. е. entrepreneurs**, люди, хорошо понимающие свое дело, но не только не *критики,* но даже и не литераторы.

В других землях писатели пишут или для толпы, или для малого числа. *** У нас последнее невозможно, должно писать для самого себя.

(1833)

Д.— говаривал, что самою полною сатирою на некоторые литературные общества был бы список членов с означением того, что кем написано.

---

* «Хорек» *(фр.)*.

** предприниматели *(фр.)*.

*** Сии, с любовию изучив новое творение, изрекают ему суд, и таким образом творение, не подлежащее суду публики, получает в ее мнении цену и место, ему принадлежащие. *(Примеч. Пушкина.)*

РАЗГОВОРЫ

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ
1820—1822 гг.

O... disait en 1820: «Révolution en Espagne, révolution en Italie, révolution en Portugal, constitution par ci, constitution par là... Messieurs les souverains, vous avez fait une sottise en détrônant Napoléon».

Le général R. disait à N. affligé d'un mal d'aventure: «Il n'y a qu'un pas du sublimé au sublimé».*

Р., встретив однажды человека весьма услужливого, сказал ему: «Вы простудитесь, на дворе сыро, мокро (maquereau)».**

Plus ou moins j'ai été amoureux de toutes les jolies femmes que j'ai connues, toutes se sont passablement moquées de moi; toutes à l'exception d'une seule ont fait avec moi les coquettes.***

ВООБРАЖАЕМЫЙ РАЗГОВОР С АЛЕКСАНДРОМ I

Когда б я был царь, то позвал бы Александра Пушкина и сказал ему: «Александр Сергеевич, вы прекрасно сочиняете стихи». Александр Пушкин поклонился бы мне с некоторым скромным замешательством, а я бы продолжал: «Я читал вашу оду „Свобода"[1]. Она вся писана немного сбивчиво, слегка обдумано, но тут есть три строфы очень хорошие. Поступив очень неблагоразумно, вы одна-

---

* О... говорил в 1820 году: «Революция в Испании, революция в Италии, революция в Португалии, конституция тут, конституция там. Господа государи, вы поступили глупо, свергнув с престола Наполеона» *(фр.)*.

Генерал Р. говорил Н., заболевшему ногтоедой: «От высокого до сулемы один шаг» *(фр.)*.

** сводник *(фр.)*.

*** Я более или менее влюблялся во всех красивых женщин, которых встречал; все они изрядно пренебрегали мною; все они, за исключением одной, со мной кокетничали *(фр.)*.

ко ж не старались очернить меня в глазах народа распространением нелепой клеветы[2]. Вы можете иметь мнения неосновательные, но вижу, что вы уважили правду и личную честь даже в царе».— «Ах, ваше величество, зачем упоминать об этой детской оде? Лучше бы вы прочли хоть 3 или 6 песнь „Руслана и Людмилы", ежели не всю поэму, или I часть „Кавказского пленника", или „Бахчисарайский фонтан". „Онегин" печатается: буду иметь честь отправить два экз. в библиотеку вашего величества к Ив. Андр. Крылову[3], и если ваше величество найдете время...» — «Помилуйте, Александр Сергеевич... Наше царское правило: дела не делай, от дела не бегай*. Скажите, как это вы могли ужиться с Инзовым, а не ужились с графом Воронцовым?»[4]— «Ваше величество, генерал Инзов добрый и почтенный старик, он русский в душе; он не предпочитает первого английского шалопая всем известным и неизвестным своим соотечественникам. Он уже не волочится, ему не 18 лет от роду; страсти, если и были в нем, то уж давно погасли. Он доверяет благородству чувств, потому что сам имеет чувства благородные, не боится насмешек, потому что выше их, и никогда не подвергнется заслуженной колкости, потому что он со всеми вежлив, не опрометчив, не верит *вражеским пасквилям*. Ваше величество, вспомните, что всякое слово вольное, всякое сочинение противузаконное приписывают мне так, как всякие остроумные вымыслы князю Цицианову. От дурных стихов не отказываюсь, надеясь на добрую славу своего имени, а от хороших, признаюсь, и силы нет отказываться. Слабость непозволительная».— «Но вы же и афей? вот что уж никуда не годится».— «Ваше величество, как можно судить человека по письму, писанному товарищу[5], можно ли школьническую шутку взвешивать как преступление, а две пустые фразы судить как бы все-

---

* В черновой рукописи сохранился зачеркнутый текст:

«Скажите, неужто вы все не перестаете писать на меня пасквили? Вы не должны на меня жаловаться, это нехорошо, если я вас и не отличал, еще дожидая случая, то вам всё же жаловаться не на что. Признайтесь: любезнейший наш товарищ король гишпанский или император австрийский с вами не так бы поступили. За все ваши проказы вы жили в теплом климате; что вы делали у Инзова и у Воронцова?» — «Ваше величество, Инзов меня очень любил и за всякую ссору с молдаванами объявлял мне комнатный арест и присылал мне, скуки ради, «Франкфуртский журнал». А его сиятельство граф Воронцов не сажал меня под арест, не присылал мне газет, но, зная русскую литературу, как герцог Веллингтон, был ко мне чрезвычайно...»

народную проповедь? Я всегда почитал и почитаю вас, как лучшего из европейских нынешних властителей (увидим однако, что будет из Карла X), но ваш последний поступок[6] со мною — и смело ссылаюсь на собственное ваше сердце — противоречит вашим правилам и просвещенному образу мыслей...» — «Признайтесь, вы всегда надеялись на мое великодушие?» — «Это не было бы оскорбительно вашему величеству: вы видите, что я бы ошибся в моих расчетах...»

Но тут бы Пушкин разгорячился и наговорил мне много лишнего, я бы рассердился и сослал его в Сибирь*, где бы он написал поэму «Ермак» или «Кочум», разными размерами с рифмами.

TABLE-TALK**

Езуит Посвин[1], столь известный в нашей истории, был один из самых ревностных гонителей памяти Макиавеллевой. Он соединил в одной книге все клеветы, все нападения, которые навлек на свои сочинения бессмертный флорентинец, и тем остановил новое издание оных. Ученый Gonringius, издавший «Il principe» в 1660 году, доказал, что Посвин никогда не читал Макиавелля, а толковал о нем понаслышке.

Человек по природе своей склонен более к осуждению, нежели к похвале[2] (говорит Макиавелль, сей великий знаток природы человеческой).

Глупость осуждения не столь заметна, как глупая похвала; глупец не видит никакого достоинства в Шекспире, и это приписано разборчивости его вкуса, странности и т. п. Тот же глупец восхищается романом Дюкре-Дюмениля или «Историей» г. Полевого, и на него смотрят с презрением, хотя в первом случае глупость его выразилась яснее для человека мыслящего.

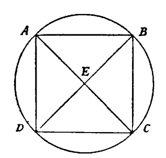
---

* В черновике первоначально было: «Признайтесь, вы всегда надеялись на мое великодушие? — Это не было бы оскорбительно вашему величеству (или иначе: «Хоть бы то было и правда, неужели тем оскорбил я ваше величество?»).— Я бы тут отпустил А. Пушкина».

** Застольные разговоры *(англ.)*.

*Divide et impera** есть правило государственное, не только махиавеллическое (принимаю это слово в его общенародном значении).

Форма цифров арабских составлена из следующей фигуры:



A,
/(1) ABDC (2), ABECD (3), ABD+AE (4), etc.
D

Римские цифры составлены по тому же образцу.

Отелло от природы не ревнив — напротив: он доверчив. Вольтер это понял и, развивая в своем подражании создание Шекспира, вложил в уста своего Орозмана следующий стих:

Je ne suis point jaloux... Si je l'étais jamais!..**[3]

Лица, созданные Шекспиром[4], не суть, как у Мольера, типы такой-то страсти, такого-то порока; но существа живые, исполненные многих страстей, многих пороков; обстоятельства развивают перед зрителем их разнообразные и многосторонние характеры. У Мольера скупой скуп — и только; у Шекспира Шайлок скуп, сметлив, мстителен, чадолюбив, остроумен. У Мольера лицемер волочится за женою своего благодетеля, лицемеря; принимает имение под сохранение, лицемеря; спрашивает стакан воды, лицемеря. У Шекспира лицемер произносит судебный приговор с тщеславною строгостию, но спра-

---

* Разделяй и властвуй *(лат.)*.
** Я не ревнив... Если бы я ревновал когда-нибудь!.. *(фр.)*

ведливо; он оправдывает свою жестокость глубокомысленным суждением государственного человека; он обольщает невинность сильными, увлекательными софизмами, не смешною смесью набожности и волокитства. Анжело лицемер — потому что его гласные действия противуречат тайным страстям! А какая глубина в этом характере!

Но нигде, может быть, многосторонний гений Шекспира не отразился с таким многообразием, как в Фальстафе[5], коего пороки, один с другим связанные, составляют забавную, уродливую цепь, подобную древней вакханалии. Разбирая характер Фальстафа, мы видим, что главная черта его есть сластолюбие; смолоду, вероятно, грубое, дешевое волокитство было первою для него заботою, но ему уже за пятьдесят, он растолстел, одрях; обжорство и вино приметно взяли верх над Венерою. Во-вторых, он трус, но, проведя свою жизнь с молодыми повесами, поминутно подверженный их насмешкам и проказам, он прикрывает свою трусость дерзостью уклончивой и насмешливой. Он хвастлив по привычке и по расчету. Фальстаф совсем не глуп, напротив. Он имеет и некоторые привычки человека, изредка видавшего хорошее общество. Правил нет у него никаких. Он слаб, как баба. Ему нужно крепкое испанское вино (the sack), жирный обед и деньги для своих любовниц; чтоб достать их, он готов на всё, только б не на явную опасность.

В молодости моей случай сблизил меня с человеком, в коем природа, казалось, желая подражать Шекспиру, повторила его гениальное создание.*** был второй Фальстаф: сластолюбив, трус, хвастлив, не глуп, забавен, без всяких правил, слезлив и толст. Одно обстоятельство придавало ему прелесть оригинальную. Он был женат. Шекспир не успел женить своего холостяка. Фальстаф умер у своих приятельниц, не успев быть ни рогатым супругом, ни отцом семейства; сколько сцен, потерянных для кисти Шекспира!

Вот черта из домашней жизни моего почтенного друга. Четырехлетний сынок его[6], вылитый отец, маленький Фальстаф III, однажды в его отсутствие повторял про себя: «Какой папенька хлаблий! как папеньку государь любит!» Мальчика подслушали и кликнули: «Кто тебе это сказывал, Володя?» — «Папенька»,— отвечал Володя.

Одна дама сказывала мне, что если мужчина начинает с нею говорить о предметах ничтожных, как бы приноравливаясь к слабости женского понятия, то в ее глазах он тотчас обличает свое незнание женщин. В самом деле: не смешно ли почитать женщин, которые так часто поражают нас быстротою понятий и тонкостию чувства и разума, существами низшими в сравнении с нами? Это особенно странно в России, где царствовала Екатерина II и где женщины вообще более просвещены, более читают, более следуют за европейским ходом вещей, нежели мы, гордые бог ведает почему.

Гёте имел большое влияние на Байрона. Фауст тревожил воображение творца Чильд-Гарольда. Два раза Байрон пытался бороться с великаном романтической поэзии — и остался хром, как Иаков.

Многие негодуют на журнальную критику за дурной ее тон, незнание приличия и тому подобное: неудовольствие их несправедливо. Ученый человек, занятый своим делом, погруженный в свои размышления, не имеет времени являться в общество и приобретать навык к суетной образованности, подобно праздному жителю большого света. Мы должны быть снисходительны к его простодушной грубости, залогу добросовестности и любви к истине. Педантизм имеет свою хорошую сторону. Он только тогда смешон и отвратителен, когда мелкомыслие и невежество выражаются его языком.

Какой-то лорд, известный ленивец, для своего сына пародировал известное изречение: «Не делай никогда сам то, что можешь заставить сделать чрез другого». N, известный эгоист, прибавил: «Не делай никогда для другого то, что можешь сделать для себя».

Славный анекдот об указе, разорванном князем Яковом Долгоруким[7], рассказан у Голикова ошибочно и не вполне. Долгорукий после дерзкого своего поступка уехал домой из сената. Государь, узнав обо всем, очень прогневался и приехал к нему. Князь Яков стал перед ним на колени и просил помилования. Государь, побранив его, стал с ним

рассуждать о сущности разорванного указа. Долгорукий изложил ему свое мнение. «Разве не мог ты то же самое сказать,— заметил ему Петр,— не раздирая моего указа?» — «Правда твоя, государь,— отвечал Долгорукий,— но я знал, что если я его раздеру, то уже впредь таковых подписывать не станешь, жалея мою старость и усердие».— Государь с ним помирился, но, приехав к себе, приказал царице, которая к князьям Долгоруким была особенно милостива, призвать князя Якова и присоветовать ему на другой день при всем сенате просить прощения у государя. Князь Яков начисто отказался. На другой день он, как ни в чем не бывало, встретил в сенате государя и более чем когда-нибудь его оспоривал. Петр, видя, что с ним делать нечего, оставил это дело и более о том уже не упоминал.

(Слышал от кн. А. Н. Голицына.)

Однажды маленький арап[8], сопровождавший Петра I в его прогулке, остановился за некоторою нуждой и вдруг закричал в испуге: «Государь! Государь! из меня кишка лезет». Петр подошел к нему и увидя, в чем дело, сказал: «Врешь: это не кишка, а глиста» — и выдернул глисту своими пальцами. Анекдот довольно не чист, но рисует обычаи Петра.

Некто, отставной мичман, будучи еще ребенком, представлен был Петру I в числе дворян, присланных на службу. Государь открыл ему лоб, взглянул в лицо и сказал: «Ну! этот плох. Однако записать его во флот. До мичманов авось дослужится». Старик любил рассказывать этот анекдот и всегда прибавлял: «Таков был пророк, что и в мичманы-то попал я только при отставке!»

(Слышал от кн. А. Н. Голицына.)

Всем известны слова Петра Великого, когда представили ему двенадцатилетнего школьника, Василья Тредьяковского[9]: *вечный труженик!* Какой взгляд! какая точность в определении! В самом деле, что был Тредьяковский, как не вечный труженик?

Петр I говаривал: «Несчастия бояться — счастья не видать».

Когда родился Иван Антонович[10], то императрица Анна Иоанновна послала к Эйлеру приказание составить гороскоп новорожденному. Эйлер сначала отказывался, но принужден был повиноваться. Он занялся гороскопом вместе с другим академиком, и, как добросовестные немцы, они составили его по всем правилам астрологии, хоть и не верили ей. Заключение, выведенное ими, ужаснуло обоих математиков — и они послали императрице другой гороскоп, в котором предсказывали новорожденному всякие благополучия. Эйлер сохранил, однако ж, первый и показывал его графу К. Разумовскому, когда судьба несчастного Ивана VI совершилась.

(Слышал от Н. К. Загряжской.)

Некто князь Х.[11], возвратясь из Парижа в Москву, отличался невоздержанностию языка и при всяком случае язвительно поносил Екатерину. Императрица велела сказать ему через фельдмаршала графа Салтыкова, что за таковые дерзости в Париже сажают в Бастилью, а у нас недавно резали язык, что, не будучи от природы жестока, она для *такого бездельника,* каков Х., нрав свой переменять не намерена, однако советует ему впредь быть осторожнее.

Граф К. Разумовский был в заговоре 1762 г. Исполнение было ускорено изменою одного из сообщников. Екатерина уже бежала из Петергофа, а Разумовский еще ничего не знал. Он был дома. Вдруг слышит, к нему стучатся. «Кто там?» — «Орлов, отоприте». Алексей Орлов, которого до тех пор гр. Разумовский не видывал, вошел и объявил, что Екатерина в Измайловском полку, но что полк, взволнованный двумя офицерами (дедом моим Л. А. Пушкиным и не помню кем еще), не хочет ей присягать. Разумовский взял пистолеты в карманы, поехал в фуре, приготовленной для посуды, явился в полк и увлек его. Дед мой посажен был в крепость, где и сидел два года.

Суворов наблюдал посты. Потемкин однажды сказал ему смеясь: «Видно, граф, хотите вы въехать в рай верхом на осетре». Эта шутка, разумеется, принята была с восторгом придворными светлейшего. Несколько дней после один из самых низких угодников Потемкина, прозванный им Сенькою-бандуристом[12], вздумал повторить самому Суворову: «Правда ли, ваше сиятельство, что вы хотите въехать в рай на осетре?» Суворов обратился к забавнику и сказал ему холодно: «Знайте, что Суворов иногда делает вопросы, а никогда не отвечает».

О Потемкине

Однажды Потемкин, недовольный запорожцами, сказал одному из них: «Знаете ли вы, хохлачи, что у меня в Николаеве строится такая колокольня, что как станут на ней звонить, так в Сече будет слышно?» — «То не диво,— отвечает запорожец,— у нас в Запорозцине е такие кобзары, що як заграють, то аже у Петербурси затанцують».

*

N. N.[13], вышедший из певчих в действительные статские советники, был недоволен обхождением князя Потемкина. «Хиба вин не тямит того,— говорил он на своем наречии,— що я такий еднорал, як вин сам». Это пересказали Потемкину, который сказал ему при первой встрече: «Что ты врешь? какой ты генерал? ты генерал-бас».

*

Князь Потемкин во время очаковского похода влюблен был в графиню***[14] Добившись свидания и находясь с нею наедине в своей ставке, он вдруг дернул за звонок, и пушки кругом всего лагеря загремели. Муж графини***, человек острый и безнравственный, узнав о причине пальбы, сказал, пожимая плечами: «Экое кири куку!»

*

Когда Потемкин вошел в силу, он вспомнил об одном из своих деревенских приятелей и написал ему следующие стишки:

Любезный друг,
Коль тебе досуг,
Приезжай ко мне;
Коли не так,
. . . . .
Лежи в . .

Любезный друг поспешил приехать на ласковое приглашение.

*

На Потемкина часто находила хандра. Он по целым суткам сидел один, никого к себе не пуская, в совершенном бездействии. Однажды, когда был он в таком состоянии, накопилось множество бумаг, требовавших немедленного разрешения; но никто не смел к нему войти с докладом. Молодой чиновник по имени Петушков, подслушав толки, вызвался представить нужные бумаги князю для подписи. Ему поручили их с охотою и с нетерпением ожидали, что из этого будет. Петушков с бумагами вошел прямо в кабинет. Потемкин сидел в халате, босой, нечесаный и грызя ногти в задумчивости. Петушков смело объяснил ему, в чем дело, и положил пред ним бумаги. Потемкин молча взял перо и подписал их одну за другою. Петушков поклонился и вышел в переднюю с торжествующим лицом: «Подписал!..» Все к нему кинулись, глядят: все бумаги в самом деле подписаны. Петушкова поздравляют: «Молодец! нечего сказать». Но кто-то всматривается в подпись — и что же? на всех бумагах вместо: князь Потемкин — подписано: *Петушков, Петушков, Петушков...*

*

Надменный в сношениях своих с вельможами, Потемкин был снисходителен к низшим. Однажды ночью он проснулся и начал звонить. Никто не шел. Потемкин соскочил с постели, отворил дверь и увидел ординарца своего спящего в креслах. Потемкин сбросил с себя туфли и босой прошел в переднюю тихонько, чтоб не разбудить молодого офицера.

*

Потемкину доложили однажды, что некто граф Морелли, житель Флоренции, превосходно играет на скрыпке, Потемкину захотелось его послушать; он приказал его

выписать. Один из адъютантов отправился курьером в Италию, явился к графу М., объявил ему приказ светлейшего и предложил тот же час садиться в его тележку и скакать в Россию. Благородный виртуоз взбесился и послал к черту и Потемкина и курьера с его тележкою. Делать было нечего. Но как явиться к князю, не исполнив его приказания! Догадливый адъютант отыскал какого-то скрыпача, бедняка не без таланта, и легко уговорил его назваться графом М. и ехать в Россию. Его привезли и представили Потемкину, который остался доволен его игрою. Он принят был потом в службу под именем графа М. и дослужился до полковничьего чина.

*

Один из адъютантов Потемкина[15], живший в Москве и считавшийся в отпуску, получает приказ явиться; родственники засуетились, не знают, чему приписать требование светлейшего. Одни боятся незапной немилости, другие видят неожиданное счастие. Молодого человека снаряжают наскоро в путь. Он отправляется из Москвы, скачет день и ночь и приезжает в лагерь светлейшего. Об нем тотчас докладывают. Потемкин приказывает ему явиться. Адъютант с трепетом входит в его палатку и находит Потемкина в постеле, со святцами в руках. Вот их разговор: *Потемкин.* Ты, братец, мой адъютант такой-то?— *Адъютант.* Точно так, ваша светлость.— *Потемкин.* Правда ли, что ты святцы знаешь наизусть?— *Адъютант.* Точно так.— *Потемкин* (смотря в святцы). Какого же святого празднуют 18 мая?— *Адъютант.* Мученика Феодота, ваша светлость.— *Потемкин.* Так. А 29 сентября?— *Адъютант.* Преподобного Кириака.— *Потемкин.* Точно. А 5 февраля?— *Адъютант.* Мученицы Агафии.— *Потемкин* (закрывая святцы). Ну, поезжай же себе домой.

*

Молодой Ш. как-то напроказил. Князь Б. собирался пожаловаться на него самой государыне. Родня перепугалась. Кинулись к князю Потемкину, прося его заступиться за молодого человека. Потемкин велел Ш. быть на другой день у него, и прибавил: «Да сказать ему, чтоб он со мною был посмелее».— Ш. явился в назначенное время. Потемкин вышел из кабинета в обыкновенном своем наряде, не сказал никому ни слова и сел играть в карты.

В это время приезжает князь Б. Потемкин принимает его как нельзя хуже и продолжает играть. Вдруг он подзывает к себе Ш. «Скажи, брат,— говорит Потемкин, показывая ему свои карты,— как мне тут сыграть?» — «Да мне какое дело, ваше светлость,— отвечает ему Ш.,— играйте, как умеете».— «Ах, мой батюшка,— возразил Потемкин,— и сло́ва тебе нельзя сказать; уж и рассердился». Услыша такой разговор, князь Б. раздумал жаловаться.

*

Потемкин, встречаясь с Шешковским, обыкновенно говаривал ему: «Что, Степан Иванович, каково кнутобойничаешь?» На что Шешковский отвечал всегда с низким поклоном: «Помаленьку, ваша светлость!»

*

Любимый из племянников князя Потемкина был покойный Н. Н. Раевский. Потемкин для него писал несколько наставлений; Н. Н. их потерял и помнил только первые строки: *Во-первых, старайся испытать, не трус ли ты; если нет, то укрепляй врожденную смелость частым обхождением с неприятелем.*

Государыня (Екатерина II) говаривала: «Когда хочу заняться каким-нибудь новым установлением, я приказываю порыться в архивах и отыскать, не говорено ли было уже о том при Петре Великом,— и почти всегда открывается, что предполагаемое дело было уже им обдумано».

(Слышал от кн. А. Н. Голицына.)

Граф Самойлов получил Георгия на шею в чине полковника. Однажды во дворце государыня заметила его, заслоненного толпою генералов и придворных. «Граф Александр Николаевич,— сказала она ему,— ваше место здесь впереди, как и на войне».

Граф Румянцов[16] однажды утром расхаживал по своему лагерю. Какой-то майор в шлафорке и в колпаке стоял перед своею палаткою и в утренней темноте не узнал приближающегося фельдмаршала, пока не увидел его

перед собой лицом к лицу. Майор хотел было скрыться, но Румянцов взял его под руку и, делая ему разные вопросы, повел с собою по лагерю, который между тем проснулся. Бедный майор был в отчаянии. Фельдмаршал, разгуливая таким образом, возвратился в свою ставку, где уже вся свита ожидала его. Майор, умирая со стыда, очутился посреди генералов, одетых во всей форме. Румянцов, тем еще недовольный, имел жестокость напоить его чаем и потом уж отпустил, не сделав никакого замечания.

Когда Пугачев сидел на Меновом дворе[17], праздные москвичи между обедом и вечером заезжали на него поглядеть, подхватить какое-нибудь от него слово, которое спешили потом развозить по городу. Однажды сидел он задумавшись. Посетители молча окружали его, ожидая, чтоб он заговорил. Пугачев сказал: «Известно по преданиям, что Петр I во время Персидского похода, услыша, что могила Стеньки Разина находилась невдалеке, нарочно к ней поехал и велел разметать курган, дабы увидеть хоть его кости...».[18] Всем известно, что Разин был четвертован и сожжен в Москве. Тем не менее сказка замечательна, особенно в устах Пугачева. В другой раз некто***, симбирский дворянин, бежавший от него, приехал на него посмотреть и, видя его крепко привинченного на цепи, стал осыпать его укоризнами.*** был очень дурен лицом, к тому же и без носу. Пугачев, на него посмотрев, сказал: «Правда, много перевешал я вашей братии, но такой гнусной образины, признаюсь, не видывал».

6 октября 1834 г.

Зорич был очень прост. Собираясь в чужие края, он не знал, как назвать себя, и непременно думал путешествовать под чужим именем, чтобы не обеспокоить Европу. Он был влюблен в кн. Долгорукую, которая жила в Могилеве, где муж ее начальствовал дивизией. У Зорича был домашний театр, и княгиня играла в нем в опере Annette et Lubin. Зорич, не зная, как ее угостить, вздумал велеть палить из пушек, когда Annette взойдет хозяйкой в свою хижину. Когда она бросается на колени перед своим господином, то из-за кулис велено было выдвинуть ей бархатную подушку etc.

Кречетников при возвращении своем из Польши позван был в кабинет императрицы. «Исполнил ли ты мои такие-то приказания?» — спросила императрица. «Нет, государыня»,— отвечал Кречетников. Государыня вспыхнула. «Как нет!» Кречетников стал излагать причины, не дозволившие ему исполнить высочайшие повеления. Императрица его не слушала; в порыве величайшего гнева она осыпала его укоризнами и угрозами. Кречетников ожидал своей погибели. Наконец императрица умолкла и стала ходить взад и вперед по комнате. Кречетников стоял ни жив ни мертв. Через несколько минут государыня снова обратилась к нему и сказала уже гораздо тише: «Скажите же мне, какие причины помешали вам исполнить мою волю?» Кречетников повторил свои прежние оправдания. Екатерина, чувствуя его справедливость, но не желая признаться в своей вспыльчивости, сказала ему с видом совершенно успокоенным: «Это дело другое. Зачем же ты мне тотчас этого не сказал?»

(Слышал от гр. Вельгорского.)

Когда граф д'Артуа приезжал в Петербург, то государыня приняла его самым ласковым и блистательным образом. Он ей, однако, надоедал, и она велела сказать дамам своим, чтоб они постарались его занять. Однажды посадила она графа д'Артуа в свою карету. Граф д'Аваре́, капитан гвардии принца, имея право повсюду следовать за ним, хотел было сесть также в карету, но государыня остановила его, сказав: «Cette fois-ci c'est moi qui me charge d'être le capitaine des gardes de m-r le comte d'Artois»*.

(Слышал от кн. К. Ф. Долгоруковой.)

Херасков очень уважал Кострова и предпочитал его талант своему собственному. Это приносит большую честь и его сердцу и его вкусу. Костров несколько времени жил у Хераскова, который не давал ему напиваться. Это наскучило Кострову. Он однажды пропал. Его бросились искать по всей Москве и не нашли. Вдруг Херасков получает от него письмо из Казани. Костров благодарит его за

* На этот раз я сама принимаю на себя обязанность быть капитаном гвардии графа д'Артуа *(фр.)*.

все его милости, «но, писал поэт, воля для меня всего дороже».

Костров был от императрицы Екатерины именован *университетским стихотворцем* и в сем звании получал 1500 рублей жалования.

Когда наступали торжественные дни, Кострова искали по всему городу для сочинения стихов и находили обыкновенно в кабаке или у дьячка, великого пьяницы, с которым был он в тесной дружбе.

Однажды в университете сделался шум. Студенты, недовольные своим столом, разбили несколько тарелок и швырнули в эконома несколькими пирогами. Начальники, разбирая это дело, в числе бунтовщиков нашли бакалавра Ермила Кострова. Все очень изумились. Костров был нраву самого кроткого, да уж и не в таких летах, чтоб бить тарелки и швырять пирогами. Его позвали в конференцию. «Помилуй, Ермил Иванович,— сказал ему ректор,— ты-то как сюда попался?..» — «Из сострадания к человечеству»,— отвечал добрый Костров.

Никто так не умел сердить Сумарокова, как Барков. Сумароков очень уважал Баркова, как ученого и острого критика, и всегда требовал его мнения касательно своих сочинений. Барков, который обыкновенно его не баловал, пришел однажды к Сумарокову: «Сумароков великий человек, Сумароков первый русский стихотворец!» — сказал он ему. Обрадованный Сумароков велел тотчас подать ему водки, а Баркову только того и хотелось. Он напился пьян. Выходя, сказал он ему: «Александр Петрович, я тебе солгал: первый-то русский стихотворец — я, второй Ломоносов, а ты только что третий». Сумароков чуть его не зарезал.

Барков заспорил однажды с Сумароковым о том, кто из них скорее напишет оду. Сумароков заперся в своем кабинете, оставя Баркова в гостиной. Через четверть часа Сумароков выходит с готовой одою и не застает уже Баркова. Люди докладывают, что он ушел и приказал сказать Александру Петровичу, что-де его *дело в шляпе*. Сумароков догадывается, что тут какая-нибудь проказа. В самом деле, видит он на полу свою шляпу, и———

Будри, профессор французской словесности при Царскосельском лицее, был родной брат Марату. Екатерина II переменила ему фамилию по просьбе его, придав ему аристократическую частицу *de*, которую Будри тщательно сохранял. Он был родом из Будри. Он очень уважал память своего брата и однажды в классе, говоря о Робеспиере, сказал нам, как ни в чем не бывало: «C'est lui qui sous main travailla l'esprit *de* Charlotte Corday et fit de cette fille un second Ravaillac»*. Впрочем, Будри, несмотря на свое родство, демократические мысли, замасленный жилет и вообще наружность, напоминавшую якобинца, был на своих коротеньких ножках очень ловкий придворный.

Будри сказывал, что брат его был необыкновенно силен, несмотря на свою худощавость и малый рост. Он рассказывал также многое о его добродушии, любви к родственникам, etc. etc. В молодости его, чтоб отвадить брата от развратных женщин, Марат повел его в гошпиталь, где показал ему ужасы венерической болезни.

ДЕРЖАВИН

Державина видел я только однажды в жизни, но никогда того не забуду. Это было в 1815 году, на публичном экзамене в Лицее. Как узнали мы, что Державин будет к нам, все мы взволновались. Дельвиг вышел на лестницу, чтоб дождаться его и поцеловать ему руку, руку, написавшую «Водопад». Державин приехал. Он вошел в сени, и Дельвиг услышал, как он спросил у швейцара: где, братец, здесь нужник? Этот прозаический вопрос разочаровал Дельвига, который отменил свое намерение и возвратился в залу. Дельвиг это рассказывал мне с удивительным простодушием и веселостию. Державин был очень стар. Он был в мундире и в плисовых сапогах. Экзамен наш очень его утомил. Он сидел, подперши голову рукою. Лицо его было бессмысленно, глаза мутны, губы отвислы: портрет его (где представлен он в колпаке и халате) очень похож. Он дремал до тех пор, пока не начался экзамен в русской словесности. Тут он оживился, глаза заблистали; он преобразился весь. Разумеется, читаны

* «Это он тайно обрабатывал мысль Шарлотты Кордэ и сделал из этой девушки второго Равальяка» *(фр.)*.

были его стихи, разбирались его стихи, поминутно хвалили его стихи. Он слушал с живостию необыкновенной. Наконец вызвали меня. Я прочел мои «Воспоминания в Царском Селе», стоя в двух шагах от Державина. Я не в силах описать состояния души моей: когда дошел я до стиха, где упоминаю имя Державина, голос мой отроческий зазвенел, а сердце забилось с упоительным восторгом...

Не помню, как я кончил свое чтение, не помню, куда убежал. Державин был в восхищении; он меня требовал, хотел меня обнять... Меня искали, но не нашли...

---

*Об арапе графа С***. У графа С** был арап, молодой и статный мужчина. Дочь его от него родила. В городе о том узнали вот по какому случаю. У графа С** по субботам раздавали милостыню. В назначенный день нищие пришли по своему обыкновению; но швейцар прогнал их, говоря сердито: «Ступайте прочь, не до вас. У нас графинюшка родила ара́пченка, а вы лезете за милостыней».

Генерал Раевский был насмешлив и желчен. Во время турецкой войны, обедая у главнокомандующего графа Каменского, он заметил, что кондитор вздумал выставить графский вензель на крылиях мельницы из сахара, и сказал графу какую-то колкую шутку. В тот же день Раевский был выслан из главной квартиры. Он сказывал мне, что Каменский был трус и не мог хладнокровно слышать ядра; однако под какою-то крепостию он видел Каменского, вдавшегося в опасность. Один из наших генералов, не пользующийся блистательной славою, в 1812 году взял несколько пушек, брошенных неприятелем, и выманил себе за то награждение. Встретясь с генералом Раевским и боясь его шуток, он, дабы их предупредить, бросился было его обнимать; Раевский отступил и сказал ему с улыбкою: «Кажется, ваше превосходительство, принимаете меня за пушку без прикрытия».

Раевский говорил об одном бедном майоре, жившем у него в управителях, что он был заслуженный офицер, отставленный за отличия с мундиром без штанов.

Денис Давыдов явился однажды в авангард к князю Багратиону и сказал: «Главнокомандующий приказал до-

ложить вашему сиятельству, что неприятель у нас на носу, и просит вас немедленно отступить». Багратион отвечал: «Неприятель у нас на носу? на чьем? если на вашем, так он близко; а коли на моем, так мы успеем еще отобедать»[19].

Когда в 1815 году дело шло о восстановлении Польши, тогда граф Поццо ди Борго прислал государю свое мнение (граф противился всеми силами исполнению сей великой ошибки). Государь, прочитав его, сказал князю Козловскому: Le comte Pozzo a plus d'esprit que moi, je le lui accorde. Mais ce que je sais bien, c'est que j'ai plus de conscience, et vous pouvez le lui dire»* Козловский не преминул. Поццо отвечал: «Celà peut être; aussi dans cette occasion, n'ai-je pas parlé comme confesseur»**.

Дмитриев предлагал имп. Александру Муравьева в сенаторы. Царь отказал начисто и, помолчав, объяснил на то причину. Он был в заговоре Палена. Пален заставил Муравьева писать конституцию,— а между тем произошло дело 11 марта. Муравьев хвастался в последствии времени, что он будто бы не иначе соглашался на революцию, как с тем, чтобы наследник подписал хартию. Вздор.— План был начертан Рибасом и Паниным. Первый отстал, раскаясь и будучи осыпан милостями Павла.— Падение Панина произошло от того, что он сказал, что всё произошло по его плану. Слова сии были доведены до государыни Марии Федоровны — и Панин был удален.

(Слышал от Дмитриева.)

Сатирик Милонов пришел однажды к Гнедичу пьяный, по своему обыкновению, оборванный и растрепанный. Гнедич принялся увещевать его. Растроганный Милонов заплакал и, указывая на небо, сказал: «Там, там найду я награду за все мои страдания...» — «Братец,— возразил ему Гнедич,— посмотри на себя в зеркало: пустят ли тебя туда?»

---

* «Граф Поццо благоразумнее меня, сознаюсь в этом. Но твердо знаю, что я совестливее, и вы можете это ему передать» *(фр.)*.

** «Возможно; потому-то в данном случае я и говорил не как исповедник» *(фр.)*.

У Крылова над диваном, где он обыкновенно сиживал, висела большая картина в тяжелой раме. Кто-то ему дал заметить, что гвоздь, на который она была повешена, не прочен и что картина когда-нибудь может сорваться и убить его. «Нет,— отвечал Крылов,— угол рамы должен будет в таком случае непременно описать косвенную линию и миновать мою голову».

Государь долго не производил Болдырева в генералы за картежную игру. Однажды, в какой-то праздник, во дворце, проходя мимо его в церковь, он сказал: «Болдырев, поздравляю тебя». Болдырев обрадовался, все бывшие тут думали, как и он, и поздравили его. Государь, вышед из церкви и проходя опять мимо Болдырева, сказал ему: «Поздравляю тебя: ты, говорят, вчерась выиграл».— Болдырев был в отчаянии.

Дельвиг звал однажды Рылеева к девкам. «Я женат»,— отвечал Рылеев. «Так что же,— сказал Дельвиг,— разве ты не можешь отобедать в ресторации потому только, что у тебя дома есть кухня?»

Дельвиг не любил поэзии мистической. Он говаривал: «Чем ближе к небу, тем холоднее».

Дельвиг однажды вызвал на дуэль Булгарина[20]. Булгарин отказался, сказав: «Скажите барону Дельвигу, что я на своем веку видел более крови, нежели он чернил».

Я встретился с Надеждиным у Погодина[21]. Он показался мне весьма простонародным, vulgar, скучен, заносчив и безо всякого приличия. Например, он поднял платок, мною уроненный. Критики его[22] были очень глупо написаны, но с живостию, а иногда и с красноречием. В них не было мыслей, но было движение; шутки были плоски.

Графа Кочубея похоронили в Невском монастыре. Графиня[23] выпросила у государя позволение огородить решеткою часть пола, под которой он лежит. Старушка Но-

восильцова сказала: «Посмотрим, каково-то будет ему в день второго пришествия. Он еще будет карабкаться через свою решетку, а другие давно уж будут на небесах».

О Дурове

Дуров[24] — брат той Дуровой, которая в 1807 году вошла в военную службу, заслужила георгиевский крест и теперь издает свои записки. Брат в своем роде не уступает в странности сестре. Я познакомился с ним на Кавказе в 1829 г., возвращаясь из Арзрума. Он лечился от какой-то удивительной болезни, вроде каталепсии, и играл с утра до ночи в карты. Наконец он проигрался, и я довез его до Москвы в моей коляске. Дуров помешан был на одном пункте: ему непременно хотелось иметь сто тысяч рублей. Всевозможные способы достать их были им придуманы и передуманы. Иногда ночью в дороге он будил меня вопросом: «Александр Сергеевич! Александр Сергеевич! как бы, думаете вы, достать мне сто тысяч?» Однажды сказал я ему, что на его месте, если уж сто тысяч были необходимы для моего спокойствия и благополучия, то я бы их украл. «Я об этом думал»,— отвечал мне Дуров. «Ну что ж?» — «Мудрено; не у всякого в кармане можно найти сто тысяч, а зарезать или обокрасть человека за безделицу не хочу: у меня есть совесть».— «Ну, так украдьте полковую казну».—«Я об этом думал».— «Что же?» — «Это можно бы сделать летом, когда полк в лагере, а фура с казною стоит у палатки полкового командира. Можно накинуть на дышло длинную веревку и припречь издали лошадь, а там на ней и ускакать; часовой, увидя, что фура скачет без лошадей, вероятно, испугается и не будет знать, что делать; в двух или трех верстах можно будет разбить фуру, а с казною бежать. Но тут много также неудобства. Не знаете ли вы иного способа?» — «Просите денег у государя».— «Я об этом думал».— «Что же?» — «Я даже и просил».— «Как! безо всякого права?» — «Я с того и начал: ваше величество! я никакого права не имею просить у вас то, что составило бы счастие моей жизни; но, ваше величество, на милость образца нет, и так далее».— «Что же вам отвечали?» — «Ничего».— «Это удивительно. Вы бы обратились к Ротшильду».— «Я об этом думал».— «Что ж, за чем дело стало?» — «Да видите ли: один способ выманить у Ротшильда сто тысяч было бы так странно и так забавно написать ему просьбу, чтоб ему было весело, потом рассказать анекдот, который стоил бы

ста тысяч. Но сколько трудностей!..» Словом, нельзя было придумать несообразности и нелепости, о которой бы Дуров уже не подумал. Последний прожект его был выманить эти деньги у англичан, подстрекнув их народное честолюбие и в надежде на их любовь к странностям. Он хотел обратиться к ним с следующим speech: «Гг. англичане! я бился об заклад об 10 000 рублей, что вы не откажетесь мне дать взаймы 100 000. Гг. англичане! избавьте меня от проигрыша, на который навязался я в надежде на ваше всему свету известное великодушие». Дуров просил меня похлопотать об этом в Петербурге через английского посланника, а свой прожект высказал мне не иначе как взяв с меня честное слово не воспользоваться им. Он готов был всегда биться об заклад, и о чем бы то ни было. Говорили ли о женщине,— «хотите со мной биться об заклад,— прерывал Дуров,— что через три дня я буду ее иметь?» Стреляли ли в цель из пистолета,— Дуров предлагал стать в 25 шагах и бился о 1000 р., что вы в него не попадете. Страсть его к женщинам была также очень замечательна. Бывши городничим в Елабуге, влюбился он в одну рыжую бабу, осужденную к кнуту, в ту самую минуту, как она была уже привязана к столбу, а он по должности своей присутствовал при ее казни. Он шепнул палачу, чтоб он ее поберег и не трогал ее прелестей, белых и жирных, что и было исполнено; после чего Дуров жил несколько дней с прекрасной каторжницей. Недавно получил я от него письмо; он пишет мне: «История моя коротка: я женился, а денег все нет». Я отвечал ему: «Жалею, что изо 100 000 способов достать 100 000 рублей ни один еще, видно, вам не удался».

8 октября 1835

Голландская королева[25], женщина с умом замечательным и резким, сказала принцу Орлеанскому[26] на бале: «J'avais des projets hostiles pour vous».—«Et quoi donc, Madame?» — «Je voulais paraître inondée de fleurs de Lys». — «Madame,— отвечал принц,— croyez que j'aurais donné tout mon sang pour avoir le droit de porter cet emblème»*.

1836, июнь

---

* «У меня были по отношению к вам враждебные намерения».— «Какие же, ваше величество?» — «Я хотела появиться вся покрытая лилиями».— «Ваше величество, поверьте, что я отдал бы всю мою кровь за право носить эту эмблему» *(фр.)*.

Французские принцы[27] имели большой успех при всех дворах, куда они явились. Были однако ж с их стороны некоторые промахи: они сыпали деньги и дорогие подарки; в Берлине старый принц Витгенштейн сказал Брессону, который хвастался их расточительностью: «Mais mon cher m-r Bresson, ce n'est pas convenable du tout, vos princes sont de la maison de Bourbon et non pas de la maison Rotschild»*.

(Слышал от гр. Вельгорского.)

Июнь 1836

ОТДЕЛЬНЫЕ ЗАПИСИ

Старый генерал Щ. представлялся однажды Екатерине II. «Я до сих пор не знала вас»,— сказала императрица. «Да и я, матушка государыня, не знал вас до сих пор»,— отвечал он простодушно. «Верю,— возразила она с улыбкой.— Где и знать меня, бедную вдову!»

Шувалов, заспорив однажды с Ломоносовым, сказал ему сердито: «Мы отставим тебя от Академии».— «Нет,— возразил великий человек:— разве Академию отставите от меня».

Разумовский[1], Никита Панин[2], conspirateurs, m-r Dachkof[3] ambassadeur à Constantinople. Epris de Catherine. Pierre III jaloux d'Elisabeth Woronzof**[4]. (M-me Щербинина)[5].

О САЛЬЕРИ

В первое представление «Дон Жуана»[1], в то время когда весь театр, полный изумленных знатоков, безмолвно упивался гармонией Моцарта, раздался свист — все обратились с негодованием, и знаменитый Сальери вышел из залы, в бешенстве, снедаемый завистию.

---

* «Но мой дорогой г. Брессон, ведь это же вовсе непристойно; ваши принцы принадлежат к дому Бурбонов, а не Ротшильдов» *(фр.)*.

** заговорщики. Г-н Дашков посол в Константинополе. Влюблен в Екатерину. Петр III ревнует к Елизавете Воронцовой *(фр.)*.

Сальери умер лет 8 тому назад. Некоторые немецкие журналы говорили, что на одре смерти признался он будто бы в ужасном преступлении — в отравлении великого Моцарта.

Завистник, который мог освистать «Дон Жуана», мог отравить его творца.

РАЗГОВОРЫ Н. К. ЗАГРЯЖСКОЙ

12 августа 1835.— Вы слыхали про Ветошкина? Это удивительно, что никто его не знает. Надобно вам сказать, что Торжок был в то время деревушка; государыня сделала из него порядочный городок. Жители торговали (не знаю, как это сказать: ils faisaient le commerce des grains) крупами, что ли — и привозили на барках, не помню куда. Вот этот Ветошкин был приказчиком на этих барках. Он был раскольник. Однажды он является к митрополиту и просит его объяснить ему догматы православия. Митрополит отвечал ему, что для того нужно быть ученым, знать по-гречески, по-еврейски и бог ведает, что еще. Ветошкин уходит от него и через два года является опять. Вообразите, что в это время успел он выучиться всему этому. Он отрекся от своего раскола и принял истинную веру. В городе только что про него и говорили. Я жила тогда на Мойке, дверь об дверь с графом А. С. Строгановым. Ромм жил у них в учителях,— тот самый, что подписал потом определение... Он очень был умный человек, c'était une forte tête, un grand raisonneur, il vous eût rendu chaire l'Apocalypse*.— Он у меня был каждый день с своим питомцем. Я ему рассказываю про Ветошкина.— Madame, c'est impossible.— Mon cher m-r Romme, je vous répète ce que tout le monde me dit. Au reste si vous êtes curieux de savoir ce qu'il en est vous pouvez voir Ветошкин chez le prince Potemkine, il y vient tous les jours.— Madame, je n'y manquerai pas**. Ромм отправился к Потемкину и увиделся с Ветошкиным. Он приходит ко мне. Eh bien m-r? — Madame, je n'en reviens pas:

---

* Это был большой умница, мастер рассуждать, он бы вам Апокалипсис сделал ясным *(фр.)*.

** Это невозможно.— Мой дорогой г. Ромм, я вам повторяю то, что все говорят. Впрочем, если хотите проверить, можете повидать Ветошкина у кн. Потемкина,— он бывает у него каждый день.— Сударыня, я непременно это сделаю *(фр.)*.

c'est que véritablement c'est un savant*. Мне очень хотелось встретить Ветошкина. Ив. Ив. Шувалов доставил мне случай увидеть его в своем доме. Я застала там двух молодых раскольников, с которыми Ветошкин имел une controverse (прение). Ветошкин был щедушный мужчина лет 35. Прение их очень меня занимало. После того за ужином я сидела против Ветошкина. Я спросила его, каким образом добился он учености. «Сначала было трудно, отвечал он, а потом всё легче да легче. Книги доставляли мне добрые люди, граф Никита Иванович[1] да князь Григорий Александрович»[2].— «Вам, думаю, скучно в Торжке?» — «Нет, сударыня, я живу с моими родителями и целый день занят книгами». Потемкин, страстный ко всему необыкновенному, наконец так полюбил Ветошкина, что не мог с ним расстаться. Он взял его с собою в Молдавию, где Ветошкин занемог тамошней лихорадкою и умер почти в одно время с князем.— Очень странный человек этот Ветошкин.

12 августа.— Это было перед самым Петровым днем; мы ехали в Знаменское[3],— матушка[4], сестра Елисавета Кириловна[5], я — в одной карете, батюшка[6] с Василием Ивановичем[7]— в другой. На дороге останавливает нас курьер из кабинета, подходит к каретам и объявляет, что государь приказал звать нас в Петергоф. Батюшка велел было ехать, а Василий Иванович сказал ему: «Полно, не слушайся; знаю, что такое. Государь сказал, что он когда-нибудь пошлет за дамами, чтоб они явились во дворец, как их застанут, хоть в одних рубашках. И охота ему проказить накануне праздника!» Но курьер попросил батюшку выйти на минуту. Они поговорили — и батюшка велел тотчас ехать в Петергоф. Подъезжаем ко дворцу; нас не пускают, часовой сунул к нам в окошко пистолет или что-то эдакое. Я испугалась и начала плакать и кричать. Отец мне сказал: «Полно, перестань; что за глупость», и потом, оборотясь к часовому: «Мы приехали по приказанию государя».— «Извольте же идти в караульню» — батюшка пошел, а нас отправил к ***, который жил в домиках. Нас приняли. Часа через два приходят от батюшки просить нас в Monplaisir. Мы поехали; матушка в спальнем платье, как была. Приезжаем в Monplaisir: видим множество дам, разряженных, en robe de cour**. А государь с шляпою набекрень и ужасно сердитый.

* — Ну, что, сударь? — Сударыня, я не могу прийти в себя от изумления; это настоящий ученый *(фр.)*.

** в придворных туалетах *(фр.)*.

Увидя государя, я испугалась, села на пол и закричала: «Ни за что не пойду на галеру». Насилу меня уговорили. Миних был с нами. Мы приехали в Кронштадт. Государь первый вышел на берег; все дамы за ним. Матушка с нами осталась на галере (мы не принадлежали той партии). Графиня Анна Карловна Воронцова обещала прислать за нами шлюпку. Вместо шлюпки через несколько минут видим государя и всю его компанию, бегут назад — все опять на галеру — кричат, что сейчас станут нас бомбардировать. Государь ушел à fond de cale* с графиней Лизаветой Романовной[8]; а Миних, как ни в чем не бывало, разговаривает с дамами leur faisant la cour**. Мы приехали в Ораниенбаум[9]. Государь вошел в крепость (?), а мы во дворец; на другой день зовут нас к обедне. Мы знали уже всё. Государь был очень жалок. На ектенье его еще поминали. Мы с ним простились. Он дал матушке траурную свою карету с короною. Мы поехали в ней. В Петербурге народ принял нас за императрицу и кричал нам *ура*. На другой день государыня привезла матушке ленту.

---

12 августа.— Потемкин очень меня любил; не знаю, чего бы он для меня не сделал. У Машеньки[10] была une maîtresse de clavecin. Раз она мне говорит: Madame, je ne puis rester à Pétersbourg.— Pourquoi ça?— Pendant l'hiver je puis donner des leçons, mais en été tout le monde est à la campagne et je ne suis pas en état de payer un équipage ou bien de rester oisive.— Mademoiselle, vous ne partirez pas; il faut arranger cela de manière ou d'autre***. Приезжает ко мне Потемкин. Я говорю ему: «Как ты хочешь, Потемкин, а мамзель мою пристрой куда-нибудь».— «Ах, моя голубушка, сердечно рад, да что для нее сделать, право не знаю». Что же? через несколько дней приписали мою мамзель к какому-то полку и дали ей жалования. Нынче этого сделать уж нельзя.

---

* в трюм *(фр.)*.

** ухаживая за ними *(фр.)*.

*** учительница игры на клавесине...— Сударыня, я не могу оставаться в Петербурге.— Почему? — Зимой я могу давать уроки, а летом все разъезжаются по дачам, и я не в состоянии оплачивать экипаж или оставаться без работы.— Сударыня, вы не уедете, надо это уладить так или иначе *(фр.)*.

Orloff était mal élevé et avait un très mauvais ton*. Однажды у государыни сказал он при нас: по одежке дери ножки. Je trouvai cette expression bien triviale et bien inconvenante. C'était un homme d'esprit et depuis je crois qu'il s'est formé. Il avait l'air d'un brigand avec sa balafre**.

Потемкин, сидя у меня, сказал мне однажды: «Наталья Кириловна, хочешь ты зе́мли?» — «Какие земли?» — «У меня там есть, в Крыму».— «Зачем мне брать у тебя земли, к какой стати?» — «Разумеется, государыня подарит, а я только ей скажу».— «Сделай одолжение».— Я поговорила об этом с Тамарой, который мне сказал: «Спросите у князя планы, а я вам выберу земли». Так и сделалось. Проходит год; мне приносят 80 рублей. «Откуда, батюшка?» — «С ваших новых земель,— там ходят стада, и за это вот вам деньги».— «Спасибо, батюшки». Проходит еще год, другой. Тамара говорит мне: «Что ж вы не думаете о заселении ваших земель; десять лет пройдут, так худо будет; вы заплотите большой штраф».— «Да что же мне делать?» — «Напишите вашему батюшке письмо, он не откажет вам дать крестьян на заселение». Я так и сделала; батюшка пожаловал мне 300 душ. Я их поселила; на другой год они все разбежались, не знаю отчего. В то время Кочубей сватался за Машу[10]. Я ему и сказала: «Кочубей, возьми, пожалуйста, мои крымские земли, мне с ними только что хлопоты». Что же? Эти земли давали после Кочубею 50 000 доходу. Я очень была рада.

Потемкин приехал со мною проститься. Я сказала ему: «Ты не поверишь, как я о тебе грущу».— «А что такое?» — «Не знаю, куда мне будет тебя девать».— «Как так?» — «Ты моложе государыни, ты ее переживешь; что тогда из тебя будет? Я знаю тебя, как свои руки: ты никогда не согласишься быть вторым человеком». Потемкин задумался и сказал: «Не беспокойся; я умру прежде государыни; я умру скоро». И предчувствие его сбылось. Уж я больше его не видала.

---

* Орлов был плохо воспитан и отличался дурным тоном.

** Я нашла это выражение весьма пошлым и очень неприличным. Он был человеком неглупым и впоследствии, я думаю, приобрел манеры. Его шрам делал его похожим на разбойника *(фр.)*.

Orloff était régicide dans l'âme, c'était comme une mauvaise habitude*. Я встретилась с ним в Дрездене, в загородном саду. Он сел подле меня на лавочке. Мы разговорились о Павле I. «Что за урод? Как это его терпят?» — «Ах, батюшка, да что же ты прикажешь делать? ведь не задушить же его?» — «А почему ж нет, матушка?» — «Как! и ты согласился бы, чтобы дочь твоя Анна Алексеевна вмешалась в это дело?»[11] — «Не только согласился бы, а был бы очень тому рад». Вот каков был человек!

Я была очень смешлива; государь, который часто езжал к матушке[12], бывало, нарочно меня смешил разными гримасами; он не похож был на государя.

Государь (Петр III) однажды объявил, что будет в нашем доме церемония в сенях. У него был арап Нарцисс; этот арап Нарцисс подрался на улице с палачом, и государь хотел снять с него бесчестие (il voulait le réhabiliter). Привели арапа к нам в сени, принесли знамена и прикрыли его ими. Тем и дело кончилось.

БОГОРОДИЦЫНЫ ДОЧКИ

Царевича Алексея Петровича положено было отравить ядом. Денщик Петра Первого Ведель заказал оный аптекарю Беру. В назначенный день он прибежал за ним, но аптекарь, узнав, для чего требуется яд, разбил склянку об пол. Денщик взял на себя убиение царевича и вонзил ему тесак в сердце. (Всё это мало правдоподобно). Как бы то ни было, употребленный в сем деле денщик был отправлен в дальную деревню, в Смоленскую губернию. Там женился он на бедной дворянке из роду, кажется, Энгельгардовых. Семейство сие долго томилось в бедности и неизвестности. В последствии времени Ведель умер, оставя вдову и трех дочерей. Об них напомнили императрице Елисавете. Она не знала, под каким предлогом вытребовать ко двору молодых Ведель. Князь Одоевский выдумал сказку о богородице, будто бы явившейся к умирающей матери и приказавшей ей надеяться на ее милость. Девицы призваны были ко двору и приняты на

* Орлов был в душе цареубийцей, это было у него как бы дурной привычкой *(фр.)*.

ноге фрейлин. Они вышли замуж уже при Екатерине: одна за Панина, другая за Чернышева (Анна Родионовна, умершая в прошлом 1830 году), третья не помню за кем.

При Елисавете было всего три фрейлины. При восшествии Екатерины сделали новых шесть — вот по какому случаю. Она, не зная, как благодарить шестерых заговорщиков, возведших ее на престол, заказала шесть вензелей, с тем, чтобы повесить их на шею шестерых избранных. Но Никита Панин отсоветовал ей сие, говоря: «Это будет вывеска». Императрица отменила свое намерение и отдала вензеля фрейлинам.

ЛИТЕРАТУРНАЯ БИОГРАФИЯ

О СТИХОТВОРЕНИИ «ДЕМОН»

[Думаю, что критик ошибся.][1] Многие того же мнения, иные даже указывали на лицо[2], которое Пушкин будто бы хотел изобразить в своем странном стихотворении. Кажется, они неправы, по крайней мере вижу я в «Демоне» цель иную, более нравственную.

В лучшее время жизни сердце, еще не охлажденное опытом, доступно для прекрасного. Оно легковерно и нежно. Мало-помалу вечные противуречия существенности рождают в нем сомнения, чувство мучительное, но непродолжительное. Оно исчезает, уничтожив навсегда лучшие надежды и поэтические предрассудки души. Недаром великий Гёте[3] называет вечного врага человечества *духом отрицающим*. И Пушкин не хотел ли в своем демоне олицетворить сей дух *отрицания или сомнения,* и в сжатой картине начертал отличительные признаки и печальное влияние оного на нравственность нашего века.

ПИСЬМО К ИЗДАТЕЛЮ «МОСКОВСКОГО ВЕСТНИКА»

Благодарю вас за участие, принимаемое вами в судьбе «Годунова»: ваше нетерпение видеть его очень лестно для моего самолюбия; но теперь, когда по стечению благоприятных обстоятельств открылась мне возможность его напечатать, предвижу новые затруднения, мною прежде и не подозреваемые.

С 1820 года, будучи удален от московских и петербургских обществ, я в одних журналах мог наблюдать направление нашей словесности. Читая жаркие споры о романтизме, я вообразил, что и в самом деле нам наскучила правильность и совершенство классической древности и бледные, однообразные списки ее подражателей, что утомленный вкус требует иных, сильнейших ощу-

щений и ищет их в мутных, но кипящих источниках новой, народной поэзии. Мне казалось, однако, довольно странным, что младенческая наша словесность, ни в каком роде не представляющая никаких образцов, уже успела немногими опытами притупить вкус читающей публики; но, думал я, французская словесность, всем нам с младенчества и так коротко знакомая, вероятно, причиною сего явления. Искренно признаюсь, что я воспитан в страхе почтеннейшей публики и что не вижу никакого стыда угождать ей и следовать духу времени. Это первое признанье ведет к другому, более важному: так и быть, каюсь, что я в литературе скептик (чтоб не сказать хуже) и что все ее секты для меня равны, представляя каждая свою выгодную и невыгодную сторону. Обряды и формы должны ли суеверно порабощать литературную совесть? Зачем писателю не повиноваться принятым обычаям в словесности своего народа, как он повинуется законам своего языка? Он должен владеть своим предметом, несмотря на затруднительность правил, как он обязан владеть языком, несмотря на грамматические оковы.

Твердо уверенный, что устарелые формы нашего театра требуют преобразования, я расположил свою трагедию по системе Отца нашего Шекспира, и принес ему в жертву пред его алтарь два классические единства[1], и едва сохранил последнее. Кроме сей пресловутой тройственности есть и единство, о котором французская критика и не упоминает (вероятно, не предполагая, что можно оспоривать его необходимость), единство слога — сего 4-го необходимого условия французской трагедии, от которого избавлен театр испанский, английский и немецкий. Вы чувствуете, что и я последовал столь соблазнительному примеру.

Что сказать еще? Почтенный александрийский стих переменил я на пятистопный белый, в некоторых сценах унизился даже до презренной прозы, не разделил своей трагедии на действия,— и думал уже, что публика скажет мне *большое спасибо.*

Отказавшись добровольно от выгод, мне представляемых системою искусства, оправданной опытами, утвержденной привычкою, я старался заменить сей чувствительный недостаток верным изображением лиц, времени, развитием исторических характеров и событий,— словом, написал трагедию истинно романтическую.

Между тем, внимательнее рассматривая критические статьи, помещаемые в журналах, я начал подозревать, что я жестоко обманулся, думая, что в нашей словесности обнаружилось стремление к романтическому преобразованию. Я увидел[2], что под общим словом романтизма разумеют произведения, носящие на себе печать уныния или мечтательности, что, следуя сему своевольному определению, один из самых оригинальных писателей[3] нашего времени, не всегда правый, но всегда оправданный удовольствием очарованных читателей, не усумнился включить Озерова в число поэтов романтических, что, наконец, наши журнальные Аристархи[4] без церемонии ставят на одну доску Dante и Ламартина, самовластно разделяют Европу литературную на классическую и романтическую, уступая первой — языки латинского Юга и приписывая второй германские племена Севера, так что Dante (il gran padre Alighieri)*, Ариосто, Лопец де Vega, Кальдерон и Сервантес попались в классическую фалангу, которой победа, благодаря сей неожиданной помощи, доставленной издателем «Московского телеграфа», кажется, будет несомненно принадлежать.

Всё это сильно поколебало мою авторскую уверенность. Я начал подозревать, что трагедия моя есть анахронизм.

Между тем, читая мелкие стихотворения, величаемые романтическими, я в них не видел и следов искреннего и свободного хода романтической поэзии, но жеманство лжеклассицизма французского. Скоро я в том удостоверился.

Вы читали в первой книге «Московского вестника» отрывок из «Бориса Годунова», сцену летописца. Характер Пимена не есть мое изобретение. В нем собрал я черты, пленившие меня в наших старых летописях: простодушие, умилительная кротость, нечто младенческое и вместе мудрое, усердие, можно сказать набожное, к власти царя, данной им богом, совершенное отсутствие суетности, пристрастия — дышат в сих драгоценных памятниках времен давно минувших, между коими озлобленная летопись князя Курбского отличается от прочих летописей, как

---

* Данте (великий отец наш Алигиери) *(ит.)*.

бурная жизнь Иоаннова изгнанника отличалась от смиренной жизни безмятежных иноков.

Мне казалось, что сей характер всё вместе нов и знаком для русского сердца; что трогательное добродушие древних летописцев, столь живо постигнутое Карамзиным и отраженное в его бессмертном создании, украсит простоту моих стихов и заслужит снисходительную улыбку читателя; что же вышло? Люди умные обратили внимание на политические мнения Пимена и нашли их запоздалыми; другие сомневались, могут ли стихи без рифм называться стихами. Г-н З. предложил променять сцену «Бориса Годунова» на картинки «Дамского журнала». Тем и кончился строгий суд почтеннейшей публики.

Что ж из этого следует? Что г-н З. и публика правы, но что гг. журналисты виноваты, ошибочными известиями введшие меня во искушение. Воспитанные под влиянием французской литературы, русские привыкли к правилам, утвержденным ее критикою, и неохотно смотрят на всё, что не подходит под сии законы. Нововведения опасны и, кажется, не нужны.

Хотите ли знать, что́ еще удерживает меня от напечатания моей трагедии? Те места, кои в ней могут подать повод применениям, намекам, allusions. Благодаря французам мы не понимаем, как драматической автор может совершенно отказаться от своего образа мыслей, дабы совершенно переселиться в век, им изображаемый. Француз пишет свою трагедию с Constitutionnel или с Quotidienne*[5] перед глазами, дабы шестистопными стихами заставить Сциллу, Тиберия, Леонида[6] высказать его мнение о Виллеле или о Кеннинге. От сего затейливого способа на нынешней французской сцене слышно много красноречивых журнальных выходок, но трагедии истинной не существует. Заметьте, что в Корнеле вы применений не встречаете, что, кроме «Эсфири» и «Вереники», нет их и у Расина. Летопись французского театра видела в «Британике» смелый намек на увеселение двора Людовика XIV[7].

Il ne dit, il ne fait que ce qu'on lui prescrit etc**.

Но вероятно ли, чтоб тонкий, придворный Расин осмелился сделать столь ругательное применение Людовика к Нерону? Будучи истинным поэтом, Расин, написав сии

---

* «Конституционная» (газета), «Ежедневная» (газета) *(фр.)*.
** Он говорит и делает лишь то, что ему предписывают и т. д. *(фр.)*.

прекрасные стихи, был исполнен Тацитом, духом Рима; он изображал ветхий Рим и двор тирана, не думая о версальских балетах, как Юм или Walpole* (не помню кто) замечает о Шекспире в подобном же случае. Самая дерзость сего применения служит доказательством, что Расин о нем и не думал.

ВОЗРАЖЕНИЕ НА СТАТЬЮ «АТЕНЕЯ»

В 4 книге «Афенея» напечатан разбор 4-ой и 5 главы «Онегина».

Под романтическим автор разумеет[1] оговорку, выручающую поэта.

Разбирая характеры в романе, он их находит вообще безнравственными. Порицает Онегина за то, что он открыто и нравственно поступает с Татьяной влюбленной и что жмет руку у Ольги, с дурным намерением подразнить своего приятеля.

Ему странно, что тихий (?) *мечтательный* (?) (справедливее: пылкий влюбленный) Ленский за сущую безделицу хочет вызывать Онегина на дуэль и называет свою бесстрастную невесту кокеткой и ветреным ребенком (ибо молодые люди обыкновенно стреляются за дело, а любовники никогда не поревнуют по пустякам).

Негодует на Татьяну за то, что, раз увидев Онегина, она влюбилась без памяти — и пишет ему любовное письмо; что, конечно, очень неприлично.

Наконец находит он, что сии две главы никуда не годятся, о чем я с ним и не спорю.

Что касается до стихосложения, то критик отзывается о нем снисходительно и с полною похвалою — хотя и находит в двух последних главах «Онегина» 91 мелочь и еще сотни других, цепляющих людей, учившихся по-старинному.

Из 291 мелочи многие достойны осуждения, многие не требуют от автора милостивого отеческого заступления,— вольно всякому хвалить и порицать всё, что относится ко вкусу. Но критик ошибся, указывая на некоторые погрешности противу языка и смысла. И я решился объяснить ему правила грамматики и риторики не столько для

* Вальполь *(англ.)*.

собственной его пользы, как для назидания молодых словесников.

Времян[2], следственно, Державин ошибся, сказав: «Глагол времен».

Но Батюшков (который, впрочем, ошибался почти столь же часто, как и Державин) сказал:

То древню Русь и нравы
Владимира времян.

Что звук пустой вместо подобно звуку, как звук.— В поле etc.

Частица *что* вместо грубого *как* употребляется в песнях и в простонародном нашем наречии, столь чистом, приятном. Крылов употребляет его.

Кстати о Крылове. Вслушивайтесь в простонародное наречие, молодые писатели — вы в нем можете научиться многому, чего не найдете в наших журналах.

Так одевает бури тень
Едва рождающийся день.

Там, где сходство именительного падежа с винительным может произвести двусмыслие, должно по крайней мере писать всё предложение в естественном его порядке (sine inversione).

Стесняет сожаленье, безумные страданья есть весьма простая метонимия.

Два века ссорить не хочу.— «Кажется, есть правило об отрицании *не*»...

Грамматика наша еще не пояснена. Замечу, во-первых, что так называемая стихотворческая вольность допускает нас со времен Ломоносова употреблять indifféremment после отрицательной частицы *не* родительный и винительный падеж. Например — . . . .

Во-вторых, в чем состоит правило: что действительный глагол, непосредственно управляемый частицею *не*, требует вместо винительного падежа родительного. Например — я не пишу *стихов*.— Но если действительный глагол зависит не от отрицательной частицы, но от другой части речи, управляемой оною частицею, то он требует падежа винительного, например: Я не хочу писать стихи, я не способен писать стихи. В следующем предложении — Я не могу позволить ему начать писать *стихи* — ужели частица *не* управляет глаголом писать?

Если критик об этом подумает, то, вероятно, со мною согласится.

Младой и свежий поцелуй

вместо поцелуй молодых и свежих уст — очень простая метафора.

Мальчишек радостный народ
Коньками звучно режет лед,

в извлечении для смысла: ребятишки катаются по льду. Точно так — сие справедливое изъяснение делает честь догадливости автора.

На красных лапках гусь тяжелый,
Задумав плыть по лону вод,
Ступает бережно на лед.

Лоно не означает *глубины,* лоно значит *грудь.*

...теплотою
Камин чуть *дышит* —

Опять простая метафора.

Кибитка удалая

Опять метафора.

Людская молвь и конский топ

Выражение сказочное (Бова Королевич).

Читайте простонародные сказки, молодые писатели, чтоб видеть свойства русского языка.

«Как приятно будет читать роп вм. ропот, топ вм. топот» и проч. На сие замечу моему критику, что роп, топ и проч. употребляются простолюдимами во многих русских губерниях — NB мне случалось также слышать стукот вместо стук.

Если наши чопорные критики сомневаются, можно ли дозволить нам употребление риторических фигуров и тропов, о коих они могли бы даже получить некоторое понятие в предуготовительном курсе своего учения, что же они скажут о поэтической дерзости Кальдерона, Шекспира или нашего Державина. Что скажут они о Потемкине сего последнего,

который взвесить смел[3]
Дух россов, мощь Екатерины,
И опершись на них хотел

Вознесть твой гром на те стремнины,
На коих древний Рим стоял
И всей вселенной колебал?

Или о воине, который

Поникнул лавровой главою[4]

Или . . . .

Люди, выдающие себя за поборников старых грамматик, должны были бы по крайней мере иметь школьные сведения о грамматиках и риториках — и иметь хоть малое понятие о свойствах русского языка.

О ПУБЛИКАЦИИ БЕСТУЖЕВА-РЮМИНА В «СЕВЕРНОЙ ЗВЕЗДЕ»

Возвратясь из путешествия, узнал я, что г. Бестужев, пользуясь моим отсутствием, напечатал несколько моих стихотворений в своем альманахе.

Неуважение к литературной собственности сделалось так у нас обыкновенно, что поступок г-на Бестужева нимало не показался мне странным. Так, например, г-н Федоров напечатал под моим именем[1] однажды какую-то идиллическую нелепость, сочиненную вероятно камердинером г-на Панаева. Но когда альманах нечаянно попался мне в руки и когда в предисловии прочел я нежное изъявление благодарности издателя г-ну Ап, доставившему ему (г. Бестужеву) пьесы, из коих 5 и удостоились печати,— то признаюсь, удивление мое было чрезвычайно. В числе пьес, доставленных г-ном Ап, некоторые принадлежат мне в самом деле; другие мне вовсе неизвестны. Г-н Ап собрал давно писанные и мною к печати не предназначенные стихотворения и снисходительно заменил своими стихами те, кои не могли быть пропущены цензурою[2]. Однако, как в мои лета и в моем положении неприятно отвечать за свои прежние и за чужие произведения, то честь имею объявить г-ну Ап, что при первом таковом же случае принужден буду прибегнуть к покровительству законов.

ОПЫТ ОТРАЖЕНИЯ НЕКОТОРЫХ НЕЛИТЕРАТУРНЫХ ОБВИНЕНИЙ

Сколь ни удален я моими привычками и правилами от полемики всякого роду, еще не отрекся я совершенно от права самозащищения.

Southeu[1]

ПРЕДИСЛОВИЕ

У одного из наших известных писателей спрашивали, зачем не возражал он никогда на критики. Критики не понимают меня, отвечал он, а я не понимаю моих критиков. Если будем судиться перед публикою, вероятно, и она нас не поймет. Это напоминает старинную эпиграмму:

Глухой глухого звал[2] к суду судьи глухого,
Глухой кричал: моя им сведена корова.
Помилуй, возопил глухой тому в ответ,
Сей пустошью владел еще покойный дед.
Судья решил: Почто ж идти вам брат на брата:
Не тот и не другой, а девка виновата.

Можно *не удостоивать ответом*[3] *своих критиков* (как аристократически говорит сам о себе издатель «Истории русского народа»), когда нападения суть чисто литературные и вредят разве одной продаже разбраненной книги. Но из уважения к себе не должно по лености или добродушию оставлять без внимания оскорбительные личности и клеветы, ныне, к несчастию, слишком обыкновенные. Публика не заслуживает такого неуважения.

Если в течение 16-летней авторской жизни я никогда не отвечал ни на одну критику (не говорю уж о ругательствах), то сие происходило, конечно, не из презрения.

Состояние критики само по себе показывает степень образованности всей литературы вообще. Если приговоры журналов наших достаточны для нас, то из сего следует, что мы не имеем еще нужды ни в Шлегелях, ни даже в Лагарпах. Презирать критику значит презирать публику (чего боже сохрани). Как наша словесность с гордостию может выставить перед Европою Историю Карамзина, несколько од, несколько басен, пэан 12 года[4] Жуковского, перевод Илиады[5], несколько цветов элегической поэзии,— так и наша критика может представить несколько отдельных статей, исполненных светлых мыслей

и важного остроумия. Но они являлись отдельно, в расстоянии одна от другой, и не получили еще веса и постоянного влияния. Время их еще не приспело.

Не отвечал я моим критикам не потому также, чтоб недоставало во мне веселости или педантства; не потому, чтоб я не полагал в сих критиках никакого влияния на читающую публику. Я заметил, что самое неосновательное суждение получает вес от волшебного влияния типографии. Нам всё еще *печатный лист кажется святым*[6]. Мы всё думаем: как может это быть глупо или несправедливо? ведь это напечатано! Но признаюсь, мне совестно было идти судиться перед публикою и стараться насмешить ее (к чему ни малейшей не имею склонности). Мне было совестно для опровержения критик повторять школьные или пошлые истины, толковать об азбуке и риторике, оправдываться там, где не было обвинений, а, что всего затруднительнее, важно говорить:

Et moi je vous soutiens que mes vers sont très bons[7]*

Ибо критики наши говорят обыкновенно: это хорошо, потому что прекрасно, а это дурно, потому что скверно. Отселе их никак не выманишь.

Еще причина, и главная: леность. Никогда не мог я до того рассердиться на непонятливость или недобросовестность, чтоб взять перо и приняться за возражения и доказательства. Нынче, в несносные часы карантинного заключения, не имея с собою ни книг, ни товарища, вздумал я для препровождения времени писать возражения не на критики (на что никак не могу решиться), но на обвинения нелитературные, которые нынче в большой моде. Смею уверить моего читателя (если господь пошлет мне читателя), что глупее сего занятия отроду ничего не мог я выдумать.

§ 1. О ЛИЧНОЙ САТИРЕ

* * *

Один из великих наших сограждан[8] сказал однажды мне (он удостоивал меня своего внимания и часто оспоривал мои мнения), что если у нас была бы свобода книгопечатания, то он с женой и детьми уехал бы в Констан-

* А я утверждаю, что стихи мои хороши *(фр.)*.

тинополь[9]. Всё имеет свою злую сторону — и неуважение к чести граждан и удобность клеветы суть одни из главнейших невыгод свободы тиснения. У нас, где личность ограждена цензурою, естественно нашли косвенный путь для личной сатиры, именно *обиняки*. Первым примером обязаны мы **[10], который в своем журнале напечатал уморительный анекдот о двух китайских журналистах, которых судия наказал бамбуковою палкою за плутни, унижающие честное звание литератора. Этот китайский анекдот так насмешил публику и так понравился журналистам, что с тех пор, коль скоро газетчик прогневался на кого-нибудь, тотчас в листках его является известие из-за границы (и большею частию из-за китайской), в коем противник расписан самыми черными красками, в лице какого-нибудь вымышленного или безыменного писателя. Большею частию сии китайские анекдоты, если не делают чести изобретательности и остроумию сочинителя, по крайней мере достигают цели своей по злости, с каковой они написаны. Не узнавать себя в пасквиле безыменном, но явно направленном, было бы малодушием. Тот, о котором напечатают, что человек такого-то звания, таких-то лет, таких-то примет крадет, например, платки из карманов,— все-таки должен отозваться и вступиться за себя, конечно не из уважения к газетчику, но из уважения к публике. Что за аристократическая гордость, дозволять всякому негодяю швырять в вас грязью.

* * *

Английский лорд равно не отказывается и от поединка на кухенрейтерских пистолетах[11] с учтивым джентльменом и от кулачного боя с пьяным конюхом. Один из наших литераторов[12], бывший, говорят, в военной службе, отказывался от пистолетов, под предлогом, что на своем веку он видел более крови, чем его противник чернил. Отговорка забавная, но в таком случае, что прикажете делать с тем, который, по выражению Шатобриана, comme un homme de noble race, outrage et ne se bat pas?*

Однажды (официально) напечатал кто-то, что такой-то французский стихотворец[13], подражатель Байрону, печатающий критические статьи в «Литературной газете», человек подлый и безнравственный, а что такой-то журна-

* Как человек благородного происхождения, оскорбляет и не дерется *(фр.)*.

лист, человек умный, *скромный*, храбрый, служил с честью сперва одному отечеству, потом другому и проч. Француз отвечал подлинно так, что скромный и храбрый журналист об двух отечествах, вероятно, долго будет его помнить.

...on en rit, j'en ris encore moi-même*.

* * *

Недавно в Пекине случилось очень забавное происшествие[14]. Некто из класса грамотеев, написав трагедию, долго не отдавал ее в печать — но читал ее неоднократно в порядочных пекинских обществах и даже вверял свою рукопись некоторым мандаринам. Другой грамотей (следуют китайские ругательства) или подслушал трагедию из прихожей (что, говорят, за ним важивалось), или тихонько взял рукопись из шкатулки мандарина (что в старину также с ним случалось) и склеил на скору руку из довольно нескладной трагедии чрезвычайно скучный роман. Грамотей-трагик, человек бесталанный, но смирный, поворчав немного, оставил было в покое похитителя, но грамотей-романист, человек ловкий и беспокойный, опасаясь быть обличенным, первый стал кричать изо всей мочи, что трагик Фан-Хо обокрал его бесстыдным образом. Трагик Фан-Хо, рассердясь не на шутку, позвал романиста Фан-Хи в совестный Пекинский суд и проч., и проч.

* * *

*Сам съешь***. Сим выражением в энергическом наречии нашего народа заменяется более учтивое, но столь же затейливое выражение: «обратите это на себя». То и другое употребляется нецеремонными людьми, которые пользуются удачно шутками и колкостями своих же противников. «Сам съешь» есть ныне главная пружина нашей журнальной полемики.— Является колкое стихотворение[15], в коем сказано, что Феб, усадив было такого-то, велел его после вывести лакею, за дурной тон и заносчивость, нестерпимую в хорошем обществе,— и тотчас в ответ яви-

* Над этим смеются, я сам еще смеюсь *(фр.)*.

** Происхождение сего слова: остроумный человек показывает шиш и говорит язвительно: съешь, а догадливый противник отвечает: сам съешь. (Замечание для *будуарных* или даже для *паркетных дам*, как журналисты называют дам, им не знакомых.) *(Примеч. Пушкина.)*

лась эпиграмма, где то же самое пересказано немного похуже, с надписью: «сам съешь».

Поэту вздумалось описать любопытное собрание *букашек*[16]. Сам ты букашка, закричали бойкие журналы, и стихи-то твои букашки, и друзья-то твои букашки. Сам съешь.

Господа чиновные журналисты[17] вздумали было напасть на одного из своих собратиев за то, что он не дворянин. Другие литераторы позволили себе посмеяться над нетерпимостью дворян-журналистов. Осмелились спросить, кто сии феодальные бароны, сии незнакомые рыцари, гордо требующие гербов и грамот от смиренной братии нашей? Что же они в ответ? Помолчав немного, господа чиновные журналисты с жаром возразили, что в литературе дворянства нет, что чваниться своим дворянством перед своею братьею (особенно мещанам во дворянстве) уморительно смешно, что и настоящему дворянину 600-летние его грамоты не помогут в плохой прозе или посредственных стихах. Ужасное «Сам съешь»! К несчастию, в «Литературной газете» отыскали, кто были аристократические литераторы, открывшие гонение на недворянство. А публика-то что? а публика, как судия беспристрастный и благоразумный, всегда соглашается с тем, кто последний жалуется ей. Например, в сию минуту она, покамест, совершенно согласна с нашим мнением: т. е., что «сам съешь» вообще показывает или мало остроумия или большую надеянность на беспамятство читателей и что фиглярство и недобросовестность унижают почтенное звание литераторов, как сказано в Китайском анекдоте № 1.

§ 2. О НРАВСТВЕННОСТИ

Мы так привыкли читать ребяческие критики, что они даже нас и не смешат*. Но что сказали бы мы, прочитав, например, следующий разбор Расиновой «Федры» (если б, к несчастию, написал ее русский и в наше время).

«Нет ничего отвратительнее предмета, избранного

---

* В рукописи далее следовало:

Недавно один из наших критиков, сравнивая Шекспира с Байроном, считал по пальцам, где более мертвых? в трагедии одного или в повести другого. Вот в чем полагал он существенную разницу между ими. Мнение наших критиков о нравственности и приличии, если разобрать его, удивительно забавно. Хотите ли знать, как у нас критиковали бы Расинову «Федру»?

г. сочинителем. Женщина замужняя, мать семейства, влюблена в молодого олуха, побочного сына ее мужа (!!!!). Какое неприличие! Она не стыдится в глаза ему признаваться в развратной страсти своей (!!!!). Сего недовольно: сия фурия, употребляя во зло глупую легковерность супруга своего, взносит на невинного Ипполита гнусную небывальщину, которую из уважения к нашим читательницам не смеем даже объяснить!!! Злой старичишка, не входя в обстоятельства, не разобрав дела, проклинает своего собственного сына (!!) — после чего Ипполита разбивают лошади (!!!); Федра отравляется, ее гнусная наперсница утопляется и точка. И вот что пишут, не краснея, писатели, которые и проч. (тут личности и ругательства); вот до какого разврата дошла у нас литература, кровожадная развратная ведьма с прыщиками на лице!» — Шлюсь на совесть самих критиков. Не так ли, хотя и более кудрявым слогом, разбирают они каждый день сочинения, конечно не равные достоинством произведениям Расина, но, верно, ничуть не предосудительнее оных в нравственном отношении. Спрашиваем: должно ли и можно ли серьезно отвечать на таковые критики, хотя б они были писаны и по-латыни, а приятели называли это глубокомыслием?

Если б «Недоросль», сей единственный памятник народной сатиры, «Недоросль», которым некогда восхищалась Екатерина и весь ее блестящий двор, если б «Недоросль» явился в наше время, то в наших журналах, посмеясь над правописанием Фонвизина, с ужасом заметили бы, что Простакова бранит Палашку *канальей и собачьей дочерью,* а себя сравнивает с *сукою* (!!). «Что скажут дамы!— воскликнул бы критик,—ведь эта комедия может попасться дамам!» — В самом деле страшно! Что за нежный и разборчивый язык должны употреблять господа сии с дамами! Где бы, как бы послушать! А дамы наши (бог им судья!) их и не слушают и не читают, а читают этого грубого В. Скотта, который никак не умеет заменять просторечие простомыслием.

* * *

«Граф Нулин» наделал мне больших хлопот[18]. Нашли его (с позволения сказать) похабным,— разумеется, в журналах,— в свете приняли его благосклонно, и никто из журналистов не захотел за него заступиться. Молодой человек ночью осмелился войти в спальню молодой жен-

щины и получил от нее пощечину! Какой ужас! как сметь писать такие отвратительные гадости? Автор спрашивал, что бы на месте Натальи Павловны сделали петербургские дамы: какая дерзость! Кстати о моей бедной сказке (писанной, буди сказано мимоходом, самым трезвым и благопристойным образом) — подняли противу меня всю классическую древность и всю европейскую литературу! Верю стыдливости моих критиков; верю, что «Граф Нулин» точно кажется им предосудительным. Но как же упоминать о древних, когда дело идет о благопристойности? И ужели творцы шутливых повестей Ариост, Бокаччио, Лафонтен, Касти, Спенсер, Чаусер, Виланд, Байрон известны им по одним лишь именам? ужели, по крайней мере, не читали они Богдановича и Дмитриева? Какой несчастный педант осмелится укорить «Душеньку» в безнравственности и неблагопристойности? Какой угрюмый дурак станет важно осуждать «Модную жену», сей прелестный образец легкого и шутливого рассказа? А эротические стихотворения Державина, невинного, великого Державина? Но отстраним уже неравенство поэтического достоинства. «Граф Нулин» должен им уступить и в вольности, и в живости шуток.

Эти г. критики нашли странный способ судить о степени нравственности какого-нибудь стихотворения. У одного из них есть 15-летняя племянница, у другого 15-летняя знакомая — и всё, что по благоусмотрению родителей еще не дозволяется им читать, провозглашено неприличным, безнравственным, похабным etc! как будто литература и существует только для 16-летних девушек! Вероятно, благоразумный наставник не дает в руки ни им, ни даже их братцам полных собраний сочинений ни единого классического поэта, особенно древнего. На то издаются хрестоматии, выбранные места и тому под. Но публика не 15-летняя девица и не 13-летний мальчик. Она, слава богу, может себе прочесть без опасения и сказки доброго Лафонтена, и эклогу доброго Виргилия, и всё, что про себя читают сами г. критики, если критики наши что-нибудь читают кроме корректурных листов своих журналов.

Все эти господа, столь щекотливые насчет благопристойности, напоминают Тартюфа, стыдливо накидывающего платок на открытую грудь Дорины, и заслуживают забавное возражение горничной:

Vous êtes donc bien tendre à la tentation
Et la chair sur vos sens fait grande impression!

Certes, je ne sais pas quelle chaleur vous monte:
Mais à convoiter, moi, je ne suis point si prompte,
Et je vous verrais nu, du haut jusques en bas
Que toute votre peau ne me tenterait pas*.

Но не смешно ли им судить о том, что принято или не принято в свете, что могут, чего не могут читать наши дамы, какое выражение принадлежит гостиной (или будуару, как говорят эти господа)? Не забавно ли видеть их опекунами высшего общества, куда, вероятно, им и некогда и вовсе не нужно являться? Не странно ли в ученых изданиях встречать важные рассуждения об отвратительной безнравственности такого-то выражения и ссылки на *паркетных дам?* Не совестно ли вчуже видеть почтенных профессоров, краснеющих от светской шутки? Почему им еще нестерпимее, чем простонародность (vulgarité), и что оно-то именно и обличает незнание света? Почему им знать, что откровенные, оригинальные выражения простолюдимов повторяются и в высшем обществе, не оскорбляя слуха, между тем как чопорные обиняки провинциальной вежливости возбудили бы только общую невольную улыбку? Хорошее общество может существовать и не в высшем кругу, а везде, где есть люди честные, умные и образованные.

Эта охота выдавать себя за членов высшего общества вводила иногда наших журналистов в забавные промахи. Один из них думал, что невозможно говорить при дамах о блохах, и дал за них строгий выговор — кому же — одному из молодых блестящих царедворцев. В одном журнале сильно напали на неблагопристойность поэмы, где сказано, что молодой человек осмелился войти ночью к спящей красавице. И между тем как стыдливый рецензент разбирал ее как самую вольную сказку Бокаччио иль Касти, все петербургские дамы читали ее и знали целые отрывки наизусть. Недавно исторический роман обратил на себя внимание всеобщее и отвлек на несколько дней всех наших дам от fashionable tales и исторических записок. Что же? Газета дала заметить автору, что в его простонародных сценах находятся слова ужасные: *сукин сын.* Воз-

---

* Однако, вы очень податливы на искушение,
И тело производит сильное впечатление на ваши чувства!
Не понимаю, право, что за пылкость вас одолела.
Я совсем не так быстра на плотские желания,
И когда б я увидела вас голым с головы до пят,—
Вся ваша кожа меня бы не соблазнила *(фр.)*.

можно ли? что скажут дамы, если паче чаяния взор их упадет на это неслыханное выражение?— Что б они сказали Фонвизину, который императрице Екатерине читал своего «Недоросля», где на каждой странице эта невежливая Простакова бранит Еремеевну *собачьей дочерью?* Что сказали б новейшие блюстители нравственности и о чтении «Душеньки», и об успехе сего прелестного произведения?— Что думают они о шутливых одах Державина, о прелестных сказках Дмитриева?— «Модная жена» не столь же ли безнравственна, как и «Граф Нулин»?*

* * *

Безнравственное сочинение есть то, коего целию или действием бывает потрясение правил, на коих основано счастие общественное или человеческое достоинство. Стихотворения, коих цель горячить воображение любострастными описаниями, унижают поэзию, превращая ее божественный нектар в воспалительный состав, а музу в отвратительную Канидию. Но шутка, вдохновенная сердечной веселостию и минутной игрою воображения, может показаться безнравственною только тем, которые о нравственности имеют детское или темное понятие, смешивая ее с нравоучением, и видят в литературе одно педагогическое занятие.

О ЗАПИСКАХ ВИДОКА[19]

В одном из № «Литературной газеты» упоминали о Записках парижского палача; нравственные сочинения Видока, полицейского сыщика, суть явление не менее отвратительное, не менее любопытное.

---

* В черновиках Пушкина сохранился также набросок статьи «Г-н Полевой, издатель «Московского телеграфа» и «Истории русского народа»...»:

Отчего происходит эта смешная стыдливость и жеманство, эта чопорность деревенской дьячихи, зашедшей в гости к петербургской барыне? Потому что нашим литераторам хочется доказать, что и они принадлежат высшему обществу (high life, haute société), что и им известны его законы; не лучше ли было бы им постараться по своему тону и своему поведению принадлежать просто к хорошему обществу (bonne société)?

Всё это доказывает, как мало etc. По несчастию, наши литераторы etc.

Кажется, молодой критик имеет столь же неосновательное понятие о чистоплотности, как и о литературе.

Представьте себе человека без имени и пристанища, живущего ежедневными донесениями, женатого на одной из тех несчастных, за которыми по своему званию обязан он иметь присмотр, отъявленного плута, столь же бесстыдного, как и гнусного, и потом вообразите себе, если можете, чтó должны быть нравственные сочинения такого человека.

Видок в своих записках именует себя патриотом, коренным французом (un bon Français), как будто Видок может иметь какое-нибудь отечество! Он уверяет, что служил в военной службе, и как ему не только дозволено, но и предписано всячески переодеваться, то и щеголяет орденом Почетного Легиона, возбуждая в кофейнях негодование честных бедняков, состоящих на половинном жалованье (officiers à la demi-solde). Он нагло хвастается дружбою умерших известных людей, находившихся в сношении с ним (кто молод не бывал? а Видок человек услужливый, деловой). Он с удивительной важностию толкует о хорошем обществе, как будто вход в оное может ему быть дозволен, и строго рассуждает об известных писателях, отчасти надеясь на их презрение, отчасти по расчету: суждения Видока о Казимире де ля Вине, о Б. Констане должны быть любопытны именно по своей нелепости.

Кто бы мог поверить? Видок честолюбив! Он приходит в бешенство, читая неблагосклонный отзыв журналистов о его слоге (слог г-на Видока!). Он при сем случае пишет на своих *врагов* доносы, обвиняет их в безнравственности и вольнодумстве и толкует (не в шутку) о благородстве чувств и независимости мнений: раздражительность, смешная во всяком другом писаке, но в Видоке утешительная, ибо видим из нее, что человеческая природа, в самом гнусном своем уничижении, всё еще сохраняет благоговение перед понятиями, священными для человеческого рода.

Предлагается важный вопрос:

Сочинения шпиона Видока, палача Самсона и проч. не оскорбляют ни господствующей религии, ни правительства, ни даже нравственности в общем смысле этого слова; со всем тем нельзя их не признать крайним оскорблением общественного приличия. Не должна ли гражданская власть обратить мудрое внимание на соблазн нового рода, совершенно ускользнувший от предусмотрения законодательства?

§ 3. О ЛИТЕРАТУРНОЙ АРИСТОКРАТИИ

Отчего издателя «Литературной газеты» и его сотрудников называют аристократами (разумеется, в ироническом смысле, пишут остроумно журналисты)? В чем же состоит их аристократия? В том ли, что они дворяне? — Нет; все журналы побожились уже, что над званием никто не имел и намерения смеяться. Стало быть, в дворянской спеси? Нет; в «Литературной газете» доказано, что главные сотрудники оной одни и вооружились противу сего смешного чванства и заставили чиновных литераторов уважать собратьев мещан. Может быть, в притязаниях на тон *высшего* общества? Нет; они стараются сохранить тон *хорошего* общества; проповедуют сей тон и другим собратьям, но проповедуют в пустыне. Не они гнушаются просторечием и заменяют его простомыслием (niaiserie). (NB : не одно просторечие). Не они поминутно находят одно выражение *бурлацким,* другое *мужицким,* третье *неприличным* для *дамских ушей,* и т. п. Не они толкуют вечно о *будуарных читательницах,* о *паркетных* (?) дамах. Не они провозгласили себя опекунами высшего общества; не они вечно пишут приторные статейки, где стараются подделаться под светский тон так же удачно, как горничные и камердинеры пересказывают разговоры своих господ. Не они comme un homme de noble race outragent et ne se battent pas. Не они разбирают дворянские грамоты и провозглашают такого-то мещанином, такого-то аристократом; не они находят 600-летнее дворянство мещанством; не они печатают свои портреты с гербами весьма сомнительными. Отчего же они аристократы (разумеется, в ироническом смысле)?

* * *

В одной газете (почти официальной) сказано было,[20] что прадед мой Абрам Петрович Ганнибал, крестник и воспитанник Петра Великого, наперсник его (как видно из собственноручного письма Екатерины II),* отец Ганнибала, покорившего Наварин (см. памятник, воздвигнутый

---

* Голиков говорит, что он был прежде камердинером у государя, но что Петр, заметя в нем дарования и проч. Голиков ошибся. У Петра I не было камердинеров, прислуживали ему денщики, между прочими Орлов и Румянцев — родоначальники исторических фамилий. *(Примеч. Пушкина.)*

в Царском Селе гр. Ф. Г. Орлову), генерал-аншеф и проч.— был куплен шкипером за бутылку рому. Прадед мой если был куплен, то, вероятно, дешево, но достался он шкиперу, коего имя всякий русский произносит с уважением и не всуе. Простительно выходцу не любить ни русских, ни России, ни истории ее, ни славы ее. Но не похвально ему за русскую ласку марать грязью священные страницы наших летописей, поносить лучших сограждан и, не довольствуясь современниками, издеваться над гробами праотцев.

* * *

В одной газете официально сказано было[21], что я мещанин во дворянстве. Справедливее было бы сказать дворянин во мещанстве. Род мой один из самых старинных дворянских. Мы происходим от прусского выходца Радши, или Рачи, человека знатного (мужа честна, говорит летописец), приехавшего в Россию во время княжества святого Александра Ярославича Невского (см. «Русский летописец» и «Историю Российского государства»). От него произошли Пушкины, Мусины-Пушкины, Бобрищевы-Пушкины, Бутурлины, Мятлевы, Поводовы и другие. Карамзин упоминает об одних Мусиных-Пушкиных (из учтивости к покойному графу Алексею Ивановичу). В малом числе знатных родов, уцелевших от кровавых опал царя Ивана Васильевича, историограф именует и Пушкиных. В царствование Бориса Годунова Пушкины были гонимы и явным образом обижаемы в спорах местничества. Г. Г. Пушкин, тот самый, который выведен в моей трагедии, принадлежит к числу самых замечательных лиц той эпохи, столь богатой историческими характерами. Другой Пушкин во время междуцарствия, начальствуя отдельным войском, по словам Карамзина, один с Измайловым *сделал честно свое дело.* При избрании Романовых на царство четверо Пушкиных подписались под избирательною грамотою, а один из них, окольничий, под соборным деянием о уничтожении местничества (что мало делает ему чести). При Петре они были в оппозиции, и один из них, стольник Федор Алексеевич, был замешан в заговоре Циклера и казнен вместе с ним и Соковниным. Прадед мой был женат на меньшой дочери адмирала графа Головина, первого в России андреевского кавалера и проч. Он умер очень молод и в заточении, в припадке ревности или сумасшествия зарезав свою же-

ну, находившуюся в родах. Единственный его сын, дед мой Лев Александрович, во время мятежа 1762 года остался верен Петру III, не хотел присягнуть Екатерине и был посажен в крепость вместе с Измайловым (странная судьба сих имен!). См. Рюлиера и Кастера. Чрез 2 года выпущен по приказанию Екатерины и всегда пользовался ее уважением. Он уже никогда не вступал в службу и жил в Москве и своих деревнях*.

Если быть старинным дворянином значит подражать английскому поэту, то сие подражание весьма невольное. Но что есть общего между привязанностью лорда к своим феодальным преимуществам и бескорыстным уважением к мертвым прадедам, коих минувшая знаменитость не может доставить нам ни чинов, ни покровительства? Ибо ныне знать нашу большею частию составляют роды новые, получившие существование свое уже при императорах.

Но от кого бы я ни происходил — от разночинцев, вышедших во дворяне, или от исторического боярского рода, одного из самых старинных русских родов, от предков, коих имя встречается почти на каждой странице истории нашей, образ мнений моих от этого никак бы не зависел; и хоть нигде доныне я его не обнаруживал и никому до него нужды нет, но отказываться от него я ничуть не намерен.

Каков бы ни был образ моих мыслей, никогда не разделял я с кем бы то ни было демократической ненависти к дворянству. Оно всегда казалось мне необходимым и естественным сословием великого образованного народа. Смотря около себя и читая старые наши летописи, я сожалел, видя, как древние дворянские роды уничтожились, как остальные упадают и исчезают, как новые фамилии, новые исторические имена, заступив место прежних, уже падают, ничем не огражденные, и как имя дворянина, час от часу более униженное, стало наконец в притчу и посмеяние разночинцам, вышедшим во дворяне, и даже досужим балагурам!

Образованный француз иль англичанин дорожит строкою старого летописца, в которой упомянуто имя его

---

* В рукописи далее следовало:

Имя предков моих встречается почти на каждой странице нашей истории. Ныне огромные имения Пушкиных раздробились и пришли в упадок, последние их родовые поместия скоро исчезнут, имя их останется честным, единственным достоянием темным потомкам некогда знатного боярского рода.

предка, честного рыцаря, падшего в такой-то битве или в таком-то году возвратившегося из Палестины, но калмыки не имеют ни дворянства, ни истории. Дикость, подлость и невежество не уважают прошедшего, пресмыкаясь пред одним настоящим. И у нас иной потомок Рюрика более дорожит звездою двоюродного дядюшки, чем историей своего дома, т. е. историей отечества. И это ставите вы ему в достоинство! Конечно, есть достоинства выше знатности рода, именно: достоинство личное, но я видел родословную Суворова, писанную им самим; Суворов не презирал своим дворянским происхождением.

Имена Минина и Ломоносова вдвоем перевесят, может быть, все наши старинные родословные. Но неужто потомству их смешно было бы гордиться сими именами.

Примечание. Будем справедливы: г-на Полевого нельзя упрекнуть в низком подобострастии пред знатными, напротив; мы готовы обвинять его в юношеской заносчивости, не уважающей ни лет, ни звания, ни славы и оскорбляющей равно память мертвых и отношения к живым.

* * *

В другой газете объявили, что я собою весьма неблагообразен и что портреты мои слишком льстивы. На эту личность я не отвечал, хотя она глубоко меня тронула.

§ 4. РАЗГОВОР О ПРИМЕЧАНИИ

А. Читал ты замечание в № 45 «Литературной газеты»[22], где сравнивают наших журналистов с демократическими писателями XVIII столетия?

Б. Читал.

А. Как же ты его находишь?

Б. Довольно неуместным.

А. Конечно, иначе нельзя и думать. Как не стыдно литераторам обижать таким образом свою братью!

Б. Согласен.

А. Русские журналисты не заслуживали такого унизительного сравнения!

Б. А так извини: я с тобою не согласен.

А. Как так?

Б. Я было тебя не понял. Мне казалось, что ты находишь обиженными демократических писателей XVIII столетия, которых (как очень хорошо сказано в газете) с

нашими никаким образом сравнивать нельзя,— а между тем сравнивают.

А. Да помилуй, эти французские писатели такие люди, что боже упаси! посмотри, как негодуют наши журналисты от одной мысли быть им уподобленными.

Б. Да кто же эти французские писатели, о коих упомянуто в «Литературной газете»?

А. А я почему знаю.

Б. Так я же тебе их назову: добродетельный Томас, прямодушный Дюкло, твердый Шамфор и другие столь же умные, как честные люди, не бессмертные гении, но литераторы с отличным талантом.

А. Зачем же обруганы они в «Литературной газете»?

Б. То-то я и говорю.

А. Как можно печатать такую клевету? Умные и честные литераторы станут ли кричать: повесим мы, повесим! и аристократов к фонарю.

Б. Извини, брат. Опять было тебя не понял. Этого в газете не сказано.

А. Как не сказано? постой, она на мне... *(вынимает из кармана газету)*. А ты прав, ты прав. Сказано только, что эпиграммы их приуготовили крики etc.— Так неужто в самом деле эпиграммы приуготовили французскую революцию?

Б. О французской революции «Литературная газета» молчит, и хорошо делает.

А. Помилуй, да посмотри же, читай:[23] les aristocrates à la lanterne* и повесим их, повесим. Ça ira**.

Б. И ты видишь тут французскую революцию?

А. А ты что тут видишь, если смею спросить?

Б. Крики бешеной черни.

А. А что же значили эти крики?

Б. Что тогдашняя чернь остервенилась противу дворянства и вообще противу всего, что не было чернь.

А. Вот, я тебя и поймал: а отчего чернь остервенилась именно на дворянство?

Б. Потому, что с некоторых пор дворянство было ей представлено сословием презренным и ненавистным.

А. Следственно, я и прав. В критике les aristocrates à la lanterne вся революция.

Б. Ты не прав. В крике les aristocrates à la lanterne один жалкий эпизод французской революции — гадкая фарса в огромной драме.

---

* аристократов на фонарь *(фр.)*.

** Пойдет *(фр.)*.

А. И честные и добрые писатели были тому причиною! Если и в самом деле, то уж конечно неумышленно!

Б. Вероятно.

А. А propos*, какого ты мнения о Полиньяке?

Б. Милый мой, ты знаешь, что о политике я с тобою никогда не говорю**.

А. Ну так обратимся к нашим литераторам. Читал ли ты, как отделали всю «Литературную газету»[24], издателя и сотрудников за это замечание?

Б. Нет еще.

А. Так прочти же (*дает ему журналы*).

Б. Что значат эти точки?

А. Ах! я спрашивал — тут были ругательства ужасные, да цензор не пропустил.

Б. (*отдавая журнал*). Жаль, в этих ругательствах, может быть, был смысл, а в строках печатных его нет.

А. Вот тебе еще что-то[25] (*дает другой журнал*).

Б. (*прочитав*). Тут и ругательства есть, а смысла все-таки не более.

А. Так ты, видно, стоишь за «Литературную газету». Давно ль ты сделался аристократом?

Б. Как аристократом? что такое аристократ?

А. Что такое аристократ? о, да ты журналов не читаешь? Вот видишь ли: издатель «Литературной газеты» и сотрудники его, и читатели его — все аристократы (разумеется, в ироническом смысле).

Б. Воля твоя, я смысла тут никакого не вижу. Будучи сам литератором, я читаю «Литературную газету»: ибо мне любопытно знать ее мнения; мне досадно видеть в ней иногда личности и колкости, ответы, возражения, мелочную войну, которую не худо предоставить литературным башкирцам; но никогда я не видал в «Литературной газете» ни дворянской спеси, ни гонения на прочие сословия. Дворяне ли барон Дельвиг, кн. Вяземский, Пушкин, Баратынский и пр., мне до того и дела нет. Они об

---

* Кстати (*фр.*).

** В рукописи первоначально было:

А. Итак, revenons à nos montons, обратимся к литераторам. Неужто в самом деле эпиграммы французских писателей приуготовали крики les aristocrates à la lanterne?

Б. Таково по крайней мере мнение «Литературной газеты».

А. А твое мнение? Нельзя узнать?

Б. Экий лукавый! заманивает опять меня в политику. Не узнаешь.

А. И ты мне не будешь отвечать?

Б. Нет.

А. Как хочешь, поговорим о другом.

этом не толкуют. Заступясь за грамотное купечество в лице г-на Полевого, они сделали хорошо, заступясь ныне за просвещенное дворянство, они сделали еще лучше*.

А. Воля твоя, замечание «Литературной газеты» могло повредить невинным.

Б. Что ты, шутишь или сам ты невинный — кто же сии невинные?

А. Как кто? Издатели «Северной пчелы».

Б. Так успокойся ж. Образ мнения почтенных издателей «Северной пчелы» слишком хорошо известен, и «Литературная газета» повредить им не может, а г. Полевой в их компании под их покровительством может быть безопасен.

А. Что значит avis au lecteur?** к кому это относится? ты скажешь к журналистам, а я так думаю, не к цензуре ли?

Б. Да хоть бы и к цензуре, что за беда. Уж если существует у нас цензура, то не худо оградить и сословия, как ограждены частные лица от явных нападений злонамеренности. Позволяется и нужно нападать на пороки и слабости каждого сословия. Но смеяться над сословием потому только, что оно такое-то сословие, а не другое, нехорошо и не позволительно. И на кого журналисты наши нападают? Ведь не на новое дворянство, получившее свое начало при Петре I и императорах и по большей части составляющее нашу знать, истинную, богатую и могущественную аристократию — pas si bête***. Наши журналисты перед этим дворянством вежливы до крайности. Они нападают именно на старинное дворянство, кое ныне, по причине раздробленных имений, составляет у нас род среднего состояния, состояния почтенного, трудолюбивого и просвещенного, состояния, коему принадлежит и большая часть наших литераторов. Издеваться над ним (и еще в официальной газете) нехорошо —и даже неблагоразумно. Положим, что эпиграммы демократических французских писателей приуготовили крики les aristocrates à la lanterne; у нас таковые же эпиграммы, хоть и не отличаются их остроумием, могут иметь последствия еще пагубнейшие... Подумай о том, что значит у нас сие

---

* В рукописи далее было:

А. Воля твоя, замечание «Литературной газеты» есть тайный донос. Зачем поставили они avis au lecteur?

Б. Напечатанный тайный донос! Это что-то ново.

А. Если не тайный, так *явный* донос. Это не легче.

** предупреждение читателю *(фр.)*.

*** они не так глупы *(фр.)*.

дворянство вообще и в каком отношении находится оно к народу... Нужно ли тебе еще объяснений?

А. Нет, понимаю, очень хорошо понимаю. Кажется, ты прав. Но почему же некоторые журналы вступились с такою братскою горячностью за «Северную пчелу»?

Б. Потому, что свой своему поневоле брат.

А. Отчего же замечание газеты показалось сначала столь предосудительным даже людям самым благомыслящим и благородным?

Б. Потому что политические вопросы никогда не бывали у нас разбираемы. Журналы наши, ненарочно наступив на один из таковых вопросов, сами испугались движения, ими произведенного. Нет прения без двух противных сторон; ты политикой занимаешься, и это тебе понятно, не правда ли? Демократические наши журналы, напав на дворянство...

А. Опять!.. Демократические! журналы! Какой ты неблагонамеренный.

Б. Как же ты прикажешь назвать журналы, объявившие себя противу аристократии? В прямом или переносном смысле, все-таки они демократические журналы. Итак, эти журналы, нападая на дворянство, должны были найти отпор, и нашли его в газете Литературной. Всё это естественно и даже утешительно. Но повторяю, вопросы политические еще для нас новость...

А. Знаешь ли ты что? Мне хочется разговор наш передать издателю «Литературной газеты», чтоб он напечатал его себе в оправдание.

Б. И хорошо сделает. Есть обвинения, которые не должны быть оставлены без возражений, от кого б они, впрочем, ни происходили.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Иной говорит: какое дело критику или читателю, хорош ли я собой или дурен, старинный ли дворянин или из разночинцев, добр ли или зол, ползаю ли я в ногах сильных или с ними даже не кланяюсь, играю ли я в карты, и тому под. Будущий мой биограф, коли бог пошлет мне биографа, об этом будет заботиться. А критику и читателю дело до моей книги и только. Суждение, кажется, поверхностное. Нападения на писателя и оправдания, коим подают они повод, суть важный шаг к гласности прений о действиях так называемых общественных лиц

(hommes publics], к одному из главнейших условий высоко образованных обществ. В сем отношении и писатели, справедливо заслуживающие презрение наше, ругатели и клеветники, приносят истинную пользу: мало-помалу образуется и уважение к личной чести гражданина и возрастает могущество общего мнения, на котором в просвещенном народе основана чистота его нравов.

Таким образом дружина ученых и писателей, какого б рода они ни были, всегда впереди во всех набегах просвещения, на всех приступах образованности. Не должно им малодушно негодовать на то, что вечно им определено выносить первые выстрелы и все невзгоды, все опасности.

ОПРОВЕРЖЕНИЕ НА КРИТИКИ

Будучи русским писателем, я всегда почитал долгом следовать за текущей литературою и всегда читал с особенным вниманием критики, коим подавал я повод. Чистосердечно признаюсь, что похвалы трогали меня как явные и, вероятно, искренние знаки благосклонности и дружелюбия. Читая разборы самые неприязненные, смею сказать, что всегда старался войти в образ мыслей моего критика и следовать за его суждениями, не опровергая оных с самолюбивым нетерпением, но желая с ними согласиться со всевозможным авторским себяотвержением. К несчастию, замечал я, что по большей части мы друг друга не понимали. Что касается до критических статей, написанных с одною целью оскорбить меня каким бы то ни было образом, скажу только, что они очень сердили меня, по крайней мере в первые минуты, и что, следственно, сочинители оных могут быть довольны, удостоверясь, что труды их не потеряны. Если в течение 16-летней авторской жизни я никогда не отвечал ни на одну критику (не говорю уж о ругательствах), то сие происходило, конечно, не из презрения.

Состояние критики само по себе показывает степень образованности всей литературы. Разборы «Вестника Европы» и приговоры «Северной пчелы» достаточны для нас. Мы не имеем еще нужды ни в Шлегелях, ни даже в Лагарпах. Презирать критику потому только, что она еще находится во младенчестве, значит презирать юную литературу за то, что она еще не возмужала. Это было бы несправедливо. Но как наша словесность с гордостию может выставить перед Европою Историю Карамзина, несколько од Державина, несколько басен Крылова, пэан

12-го года Жуковского и несколько цветов северной элегической поэзии,— так и наша критика может представить несколько отдельных статей, исполненных светлых мыслей, глубоких воззрений и важного остроумия. Но они являлись отдельно, в расстоянии одна от другой, и не получили еще веса и постоянного влияния. Время их еще не приспело.

Не отвечал я моим критикам не потому также, чтоб недоставало во мне охоты, веселости или педантства; не потому, чтоб я не полагал в сих критиках никакого влияния на читающую публику. Но, признаюсь, мне было совестно для опровержения оных повторять школьные или пошлые истины, толковать о грамматике, риторике и азбуке, а что всего затруднительнее, оправдываться там, где не было обвинений, важно говорить:

Et moi je vous soutiens que mes vers sont très bons*

или от нечего делать идти судиться перед публикою и стараться насмешить ее (к чему ни малейшей не имею склонности). Например, один из моих критиков, человек, впрочем, добрый и благонамеренный, разбирая, кажется, «Полтаву», выставил несколько отрывков и вместо всякой критики уверял, что таковые стихи сами себя *дурно рекомендуют*[2]. Что бы мог я отвечать ему на это? А так поступали почти все его товарищи. Критики наши говорят обыкновенно: это хорошо, потому что прекрасно, а это дурно, потому что скверно. Отселе их никак не выманишь.

Еще одна причина и главная: леность. Никогда не мог я до того рассердиться на бестолковость или недобросовестность, чтоб взять перо и приняться за возражение. Нынче в несносные часы карантинного заключения, не имея с собою ни книг, ни товарища, вздумал я для препровождения времени писать опровержение на все критики, которые мог только припомнить, и собственные замечания на собственные же сочинения. Смею уверить моего читателя (если господь пошлет мне читателя), что глупее сего занятия отроду ничего не мог я выдумать.

* * *

«Руслана и Людмилу» вообще приняли благосклонно. Кроме одной статьи в «Вестнике Европы»[3], в которой ее

* А я утверждаю, что стихи мои хороши[1] *(фр.)*.

побранили весьма неосновательно, и весьма дельных «вопросов»[4], изобличающих слабость создания поэмы, кажется, не было об ней сказано худого слова. Никто не заметил даже, что она холодна. Обвиняли ее в безнравственности за некоторые слегка сладострастные описания, за стихи, мною выпущенные во втором издании:

О, страшный вид! волшебник хилый
Ласкает сморщенной рукой etc.

За вступление не помню которой песни:

Напрасно вы в тени таились etc.

и за пародию «Двенадцати спящих дев»; за последнее можно было меня пожурить порядком, как за недостаток эсфетического чувства. Непростительно было (особенно в мои лета) пародировать, в угождение черни, девственное, поэтическое создание. Прочие упреки были довольно пустые. Есть ли в «Руслане» хоть одно место, которое в вольности шуток могло быть сравнено с шалостями хоть, например, Ариоста, о котором поминутно твердили мне? Да и выпущенное мною место было очень, очень, смягченное подражание Ариосту (Orlando, canto V, o. VIII).*

* * *

«Кавказский пленник» — первый неудачный опыт характера, с которым я насилу сладил; он был принят лучше всего, что я ни написал, благодаря некоторым элегическим и описательским стихам. Но зато Николай и Александр Раевские и я, мы вдоволь над ним насмеялись.

* * *

«Бахчисарайский фонтан» слабее «Пленника» и, как он, отзывается чтением Байрона, от которого я с ума сходил. Сцена Заремы с Марией имеет драматическое достоинство. Его, кажется, не критиковали. А. Раевский хохотал над следующими стихами:

Он часто в сечах роковых
Подъемлет саблю — и с размаха
Недвижим остается вдруг,
Глядит с безумием вокруг,
Бледнеет etc.

---

* Орландо, песнь V, октава VIII *(ит.)*.

Молодые писатели вообще не умеют изображать физические движения страстей. Их герои всегда содрогаются, хохочут дико, скрежещут зубами и проч. Всё это смешно, как мелодрама.

* * *

Не помню, кто заметил мне, что невероятно, чтоб скованные вместе разбойники могли переплыть реку. Всё это происшествие справедливо и случилось в 1820 году, в бытность мою в Екатеринославле.

* * *

О «Цыганах» одна дама заметила, что во всей поэме один только честный человек, и то медведь. Покойный Рылеев негодовал, зачем Алеко водит медведя и еще собирает деньги с глазеющей публики. Вяземский повторил то же замечание. (Рылеев просил меня сделать из Алеко хоть кузнеца, что было бы не в пример благороднее). Всего бы лучше сделать из него чиновника 8 класса или помещика, а не цыгана. В таком случае, правда, не было бы и всей поэмы, ma tanto meglio*.

* * *

Наши критики долго оставляли меня в покое. Это делает им честь: я был далеко в обстоятельствах не благоприятных. По привычке полагали меня всё еще очень молодым человеком. Первые неприязненные статьи, помнится, стали появляться по напечатанию четвертой и пятой песни «Евгения Онегина». Разбор сих глав, напечатанный в «Атенее», удивил меня хорошим тоном, хорошим слогом и странностию привязок. Самые обыкновенные риторические фигуры и тропы останавливали критика: можно ли сказать *стакан шипит,* вместо *вино шипит в стакане? камин дышит,* вместо *пар идет из камина?* Не слишком ли смело *ревнивое подозрение? неверный лед?*

Как думаете, что бы такое значило:

мальчишки
Коньками звучно режут лед?

* Но тем лучше *(ит.)*.

Критик догадывался, однако, что это значит: мальчишки бегают по льду на коньках.

Вместо:

> На красных лапках гусь тяжелый
> (Задумав плыть по лону вод)
> Ступает бережно на лед

критик читал:

> На красных лапках гусь тяжелый
> Задумал плыть —

и справедливо замечал, что недалеко уплывешь на красных лапках.

Некоторые стихотворческие вольности: после отрицательной частицы *не* — винительный, а не родительный падеж; *времян* вместо *времен* (как например у Батюшкова:

> То древню Русь и нравы
> Владимира *времян)*

приводили критика моего в великое недоумение. Но более сего раздражил его стих:

> Людскую молвь и конский топ.

«Так ли изъясняемся мы, учившиеся по старым грамматикам, можно ли так коверкать русский язык?» Над этим стихом жестоко потом посмеялись и в «Вестнике Европы». *Молвь* (речь) слово коренное русское. *Топ* вместо *топот* столь же употребительно, как и *шип* вместо *шипение** (следственно, и *хлоп* вместо *хлопание* вовсе не противно духу русского языка). На ту беду и стих-то весь не мой, а взят целиком из русской сказки:

«И вышел он за врата градские, и услышал конский топ и людскую молвь».

Бова Королевич.

Изучение старинных песен, сказок и т. п. необходимо для совершенного знания свойств русского языка. Критики наши напрасно ими презирают.

Стих:

> Два века ссорить не хочу

---

* Он шип пустил по-змеиному.

Древние российские стихотворения.

(Примеч. Пушкина.)

критику показался неправильным. Что гласит грамматика? Что действительный глагол, управляемый отрицательною частицею, требует уже не винительного, а родительного падежа. Например: я *не* пишу *стихов.* Но в моем стихе глагол *ссорить* управляем не частицею *не*, а глаголом *хочу*. Ergo правило сюда нейдет. Возьмем, например, следующее предложение: Я *не* могу вам позволить начать писать... *стихи,* а уж конечно не *стихов*. Неужто электрическая сила отрицательной частицы должна пройти сквозь всю эту цепь глаголов и отозваться в существительном? Не думаю.

* * *

Кстати о грамматике. Я пишу *цыганы,* а не *цыгане, татаре,* а не *татары. Почему? потому что все имена существительные, кончающиеся на анин, янин, арин и ярин,* имеют свой родительный во множественном на *ан, ян, ар* и *яр,* а именительный множественного на *ане, яне, аре* и *яре. Все же существительные, кончающиеся на ан,* и *ян, ар* и яр, имеют во множественном именительный на *аны, яны, ары* и *яры,* а родительный на *анов, янов, аров, яров.*

Единственное исключение: имена собственные. Потомки г-на Булгарина будут гг. Булгарины, а не Булгаре.

* * *

У нас многие (между прочими и г. Каченовский, которого, кажется, нельзя упрекнуть в незнании русского языка) спрягают: *решаю, решаешь, решает, решаем, решаете, решают* вместо решу, решишь и проч. *Решу* спрягается как *грешу.*

* * *

Иностранные собственные имена, кончащиеся на *е, и, о, у,* не склоняются. Кончащиеся на *а, ъ* и *ь* склоняются в мужеском роде, а в женском нет, и против этого многие у нас погрешают. Пишут: книга, сочиненная Гёте*м* и проч.

* * *

Как надобно писать: *турков* или *турок?* то и другое правильно. *Турок* и *турка* равно употребительны.

* * *

Вот уже 16 лет, как я печатаю, и критики заметили в моих стихах 5 грамматических ошибок (и справедливо):

1. остановлял взор *на отдаленные громады*
2. на *теме* гор (темени)
3. *воил* вместо *выл*
4. *был отказан,* вместо *ему отказали*
5. *игумену* вместо *игумну.*

Я всегда был им искренно благодарен и всегда поправлял замеченное место. Прозой пишу я гораздо неправильнее, а говорю еще хуже и почти так, как пишет г.**.

* * *

Многие пишут *юпка, сватьба* вместо *юбка, свадьба.* Никогда в производных словах *т* не переменяется на *д,* ни *п* на б, а мы говорим *юбочница, свадебный.*

* * *

Двенадцать а не *двѣнадцать. Две* сокращено из *двое,* как *тре* из *трое.*

* * *

Пишут: *тѣлега, телѣга.* Не правильнее ли: *телега* (от слова *телец* — телеги запряжены волами)?

* * *

Разговорный язык простого народа (не читающего иностранных книг и, слава богу, не выражающего, как мы, своих мыслей на французском языке) достоин также глубочайших исследований. Альфиери изучал итальянский язык на флорентинском базаре: не худо нам иногда прислушиваться к московским просвирням. Они говорят удивительно чистым и правильным языком.

* * *

Московский выговор чрезвычайно изнежен и прихотлив. Звучные буквы *щ* и *ч* пред другими согласными в нем изменены. Мы даже говорим *женшины, нослег* (см. Богдановича).

* * *

Шпионы подобны букве ъ. Они нужны в некоторых только случаях, но и тут можно без них обойтиться, а они привыкли всюду соваться.

* * *

Пропущенные строфы подавали неоднократно повод к порицанию. Что есть строфы в «Евгении Онегине», которые я не мог или не хотел напечатать, этому дивиться нечего. Но, будучи выпущены, они прерывают связь рассказа, и поэтому означается место, где быть им надлежало. Лучше было бы заменять эти строфы другими или переправлять и сплавливать мною сохраненные. Но виноват, на это я слишком ленив. Смиренно сознаюсь также, что в «Дон Жуане» есть 2 выпущенные строфы.

* * *

Г-н Федоров в журнале[5], который начал было издавать, разбирая довольно благосклонно 4 и 5-ую главу, заметил, однако ж, мне, что в описании осени несколько стихов сряду начинаются у меня частицею *Уж,* что и называл он *ужами,* а что в риторике зовется *единоначатием.* Осудил он также слово *корова* и выговаривал мне за то, что я барышень благородных и, вероятно, чиновных назвал *девчонками* (что, конечно, неучтиво), между тем как простую деревенскую девку назвал *девою:*

В избушке распевая, дева
Прядет...

* * *

Шестой песни не разбирали, даже не заметили в «Вестнике Европы» латинской опечатки[6]. Кстати: с тех пор, как вышел из Лицея, я не раскрывал латинской кни-

ги и совершенно забыл латинский язык. Жизнь коротка; перечитывать некогда. Замечательные книги теснятся одна за другою, а никто нынче по-латыни их не пишет. В 14 столетии, наоборот, латинский язык был необходим и справедливо почитался первым признаком образованного человека.

* * *

Критику 7-ой песни в «Северной пчеле»[7] пробежал я в гостях и в такую минуту, как было мне не до Онегина... Я заметил только очень хорошо написанные стихи и довольно смешную шутку *об жуке*. У меня сказано:

Был вечер. Небо меркло. Воды
Струились тихо. Жук жужжал.

Критик радовался появлению сего, нового лица и ожидал от него характера, лучше выдержанного прочих. Кажется, впрочем, ни одного дельного замечания или мысли критической не было. Других критик я не читал, ибо, право, мне было не до них.

NB. Критику «Северной пчелы» напрасно приписывали г. Булгарину: 1) стихи в ней слишком хороши, 2) проза слишком слаба, 3) г. Булгарин не сказал бы, что описание Москвы взято из «Ивана Выжигина»*, ибо г. Булгарин не сказывает, что трагедия «Борис Годунов» взята из его романа.

* * *

Между прочими литературными обвинениями, укоряли меня слишком дорогою ценою «Евгения Онегина» и видели в ней ужасное корыстолюбие. Это хорошо говорить тому, кто отроду сочинений своих не продавал или чьи сочинения не продавались, но как могли повторять то же милое обвинение издатели «Северной пчелы»? Цена устанавливается не писателем, а книгопродавцами. В отно-

---

* В черновой рукописи вместо слов «описание Москвы взято из «Ивана Выжигина» было:

«Стихи»:

Архивны юноши на Таню
Толпою чопорной глядят

взяты из «Ивана Выжигина». Весь отрывок был напечатан в «Северной пчеле» года два прежде появления «Выжигина». А неправильное выражение *Архивны юноши* принадлежит не мне, а приятелю моему Соболевскому».

шении стихотворений число требователей ограничено. Оно состоит из тех же лиц, которые платят по 5 рублей за место в театре. Книгопродавцы, купив, положим, целое издание по рублю экземпляр, все-таки продавали б по 5 рублей. Правда, в таком случае автор мог бы приступить ко второму дешевому изданию, но и книгопродавец мог бы тогда сам понизить свою цену и таким образом уронить новое издание. Это торговые обороты нам, мещанам-писателям, очень известны. Мы знаем, что дешевизна книги не доказывает бескорыстия автора, но или большое требование оной или совершенную остановку в продаже. Спрашиваю: что выгоднее — напечатать 20 000 экземпляров одной книги и продать по 50 коп, или напечатать 200 экземпляров и продавать по 50 рублей?

Цена последнего издания басен Крылова, во всех отношениях самого народного нашего поэта (le plus national et le plus populaire)*, не противоречит нами сказанному. Басни (как и романы) читает и литератор, и купец, и светский человек, и дама, и горничная, и дети. Но стихотворение лирическое читают токмо любители поэзии. А много ли их?

* * *

В «Вестнике Европы» с негодованием говорили о сравнении Нулина с котом, цапцарапствующим кошку (забавный глагол: цапцарапствую, цапцарапствуешь, цапцарапствует). Правда, во всем «Графе Нулине» этого сравнения не находится, так же как и глагола цапцарапствую; но хоть бы и было, что за беда?

* * *

Habent sua fata libelli.**[8] «Полтава» не имела успеха. Вероятно, она и не стоила его; но я был избалован приемом, оказанным моим прежним, гораздо слабейшим произведениям; к тому ж это сочинение совсем оригинальное, а мы из того и бьемся.

Наши критики взялись объяснить мне причину моей неудачи[9] — и вот каким образом.

Они, во-первых, объявили мне, что отроду никто не видывал, чтоб женщина влюбилась в старика, и что, след-

---

* самого национального и самого популярного (*фр.*).

** Книги имеют свою судьбу (*лат.*).

ственно, любовь Марии к старому гетману[10] (NB : исторически доказанная) не могла существовать.

Ну что ж, что ты Честон? Хоть знаю, да не верю[11].

Я не мог довольствоваться этим объяснением: любовь есть самая своенравная страсть. Не говорю уже о безобразии и глупости, ежедневно предпочитаемых молодости, уму и красоте. Вспомните предания мифологические[12], превращения Овидиевы, Леду, Филиру, Пазифаю, Пигмалиона — и признайтесь, что все сии вымыслы не чужды поэзии. А Отелло, старый негр, пленивший Дездемону рассказами о своих странствиях и битвах?.. А Мирра, внушившая итальянскому поэту одну из лучших его трагедий?..

Мария (или Матрена) увлечена была, говорили мне, тщеславием, а не любовию: велика честь для дочери генерального судии быть наложницею гетмана! Далее говорили мне, что мой Мазепа *злой и глупый старичишка*[13]. Что изобразил я Мазепу злым, в том я каюсь: добрым я его не нахожу, особливо в ту минуту, когда он хлопочет о казни отца девушки, им обольщенной. Глупость же человека оказывается или из его действий, или из его слов: Мазепа действует в моей поэме точь-в-точь как и в истории, а речи его объясняют его исторический характер. Заметили мне, что Мазепа слишком у меня злопамятен, что малороссийский гетман не студент и за пощечину или за дерганье усов мстить не захочет. Опять история, опроверженная литературной критикой,— опять *хоть знаю, да не верю!* Мазепа, воспитанный в Европе в то время, как понятия о дворянской чести были на высшей степени силы,— Мазепа мог помнить долго обиду московского царя и отомстить ему при случае. В этой черте весь его характер, скрытый, жестокий, постоянный. Дернуть ляха или казака за усы всё равно было, что схватить россиянина за бороду. Хмельницкий за все обиды, претерпенные им, помнится, от Чаплицкого, получил в возмездие, по приговору Речи Посполитой, остриженный ус своего неприятеля (см. Летопись Кониского)[14].

Старый гетман, предвидя неудачу, наедине с наперсником бранит в моей поэме молодого Карла и называет его, помнится, мальчишкой и сумасбродом: критики важно укоряли *меня* в неосновательном мнении о шведском короле. У меня сказано где-то, что Мазепа ни к кому не был привязан: критики ссылались на *собственные слова* гетмана, уверяющего Марию, что он любит ее *больше*

славы, больше власти. Как отвечать на таковые критики?

Слова *усы, визжать, вставай, Мазепа, ого, пора* — показались критикам *низкими*, бурлацкими выражениями. Как быть!

В «Вестнике Европы» заметили, что заглавие поэмы ошибочно и что, вероятно, не назвал я ее Мазепой, чтоб не напомнить о Байроне. Справедливо, но была тут и другая причина: эпиграф. Так и «Бахчисарайский фонтан» в рукописи назван был *Харемом*, но меланхолический эпиграф (который, конечно, лучше всей поэмы) соблазнил меня.

Кстати о «Полтаве» критики упомянули, однако ж, о Байроновом «Мазепе»; но как они понимали его! Байрон знал Мазепу только по Вольтеровой «Истории Карла XII». Он поражен был только картиной человека, привязанного к дикой лошади и несущегося по степям. Картина, конечно, поэтическая, и зато посмотрите, что он из нее сделал. Но не ищите тут ни Мазепы, ни Карла, ни сего мрачного, ненавистного, мучительного лица, которое проявляется во всех почти произведениях Байрона, но которого (на беду одному из моих критиков) как нарочно в «Мазепе» именно и нет. Байрон и не думал о нем: он выставил ряд картин одна другой разительнее — вот и всё: но какое пламенное создание! какая широкая, быстрая кисть! Если ж бы ему под перо попалась история обольщенной дочери[15] и казненного отца, то, вероятно, никто бы не осмелился после него коснуться сего ужасного предмета.

* * *

Прочитав в первый раз в «Войнаровском» сии стихи:

Жену страдальца Кочубея
И обольщенную их дочь,[16]

я изумился, как мог поэт пройти мимо столь страшного обстоятельства.

Обременять вымышленными ужасами исторические характеры и не мудрено и не великодушно. Клевета и в поэмах всегда казалась мне непохвальною. Но в описании Мазепы пропустить столь разительную историческую черту было еще непростительнее. Однако ж какой отвратительный предмет! ни одного доброго, благосклонного чувства! ни одной утешительной черты! соблазн, вражда, измена, лукавство, малодушие, свирепость... Дельвиг ди-

вился, как я мог заняться таковым предметом. Сильные характеры и глубокая, трагическая тень, набросанная на все эти ужасы, вот что увлекло меня. «Полтаву» написал я в несколько дней[17], долее не мог бы ею заниматься и бросил бы всё.

* * *

Молодой Киреевский в красноречивом и полном мыслей обозрении нашей словесности, говоря о Дельвиге, употребил сие изысканное выражение: Древняя муза его покрывается иногда душегрейкою новейшего уныния. Выражение, конечно, смешное. Зачем не сказать было просто: В стихах Дельвига отзывается иногда уныние новейшей поэзии?— Журналисты наши, о которых г. Киреевский отозвался довольно непочтительно, обрадовались, подхватили эту душегрейку, разорвали на мелкие лоскутки и вот уже год, как ими щеголяют, стараясь насмешить свою публику. Положим, всё та же шутка каждый раз им и удается; но какая им от того прибыль? публике почти дела нет до литературы, а малое число любителей верит наконец не шутке, беспрестанно повторяемой, но постоянно, хотя и медленно, пробивающимся мнениям здравой критики и беспристрастия.

* * *

Шутки наших критиков[18] приводят иногда в изумление своею невинностию. Вот истинный анекдот: в Лицее один из младших наших товарищей, и, не тем будь помянут, добрый мальчик, но довольно простой и во всех классах последний, сочинил однажды два стишка, известные всему Лицею:

Ха ха ха, хи хи хи
Дельвиг пишет стихи.

Каково же было нам, Дельвигу и мне, в прошлом 1830 году в первой книжке важного «Вестника Европы» найти следующую шутку. Альманах «Северные цветы» разделяется на прозу и стихи — хи, хи! Вообразите себе, как обрадовались мы старой нашей знакомке! Сего не довольно. Это *хи хи* показалось видно столь затейливым, что его перепечатали с большой похвалой в «Северной пчеле»: *«хи хи,* как весьма остроумно сказано было в Вестнике Европы» etc.

* * *

Возвратясь из-под Арзрума, написал я послание к князю Юсупову. В свете оно тотчас было замечено и... были мною недовольны. Светские люди имеют в высокой степени этого рода чутье. Один журналист принял мое послание[19] за лесть итальянского аббата — и в статейке, заимствованной у «Минервы»[20], заставил вельможу звать меня по четвергам обедать. Так-то чувствуют они вещи и так-то описывают светские нравы.

* * *

Вероятно, трагедия моя не будет иметь никакого успеха. Журналы на меня озлоблены. Для публики я уже не имею главной привлекательности: молодости и новизны литературного имени. К тому же главные сцены уже напечатаны или искажены в чужих *подражаниях*. Раскрыв наудачу исторический роман г. Булгарина, нашел я, что и у него о появлении Самозванца приходит объявить царю кн. В. Шуйский. У меня Борис Годунов говорит наедине с Басмановым об уничтожении местничества,— у г. Булгарина также. Всё это драматический вымысел, а не историческое сказание.

* * *

Кстати: начал я писать с 13-летнего возраста и печатать почти с того же времени. Многое желал бы я уничтожить, как недостойное даже и моего дарования, каково бы оно ни было. Иное тяготеет, как упрек, на совести моей... По крайней мере не должен я отвечать за перепечатание грехов моего отрочества, а тем паче за чужие проказы. В альманахе, изданном г-ном Федоровым, между найденными бог знает где стихами моими, напечатана Идиллия, писанная слогом переписчика стихов г-на Панаева. Г-н Бестужев, в предисловии какого-то альманаха, благодарит какого-то г-на Ап. за доставление стихотворений, объявляя, что не все удостоились напечатания.

Сей г-н Ап. не имел никакого права располагать моими стихами, поправлять их по-своему и отсылать в альманах г. Бестужева вместе с собственными произведениями стихи, преданные мною забвению или написанные не для печати (например, «Она мила, скажу меж нами») или которые простительно мне было написать на 19 году,

но непростительно признать публично в возрасте более зрелом и степенном (например, «Послание к Юрьеву»).

* * *

Перечитывая самые бранчивые критики, я нахожу их столь забавными, что не понимаю, как я мог на них досадовать; кажется, если б хотел я над ними посмеяться, то ничего не мог бы лучшего придумать, как только их перепечатать безо всякого замечания. Однако ж я видел, что самое глупое ругательство получает вес от волшебного влияния типографии. Нам всё еще *печатный лист кажется святым.* Мы всё думаем: как может это быть глупо или несправедливо? ведь это напечатано!

«ПИСАТЕЛИ, ИЗВЕСТНЫЕ У НАС ПОД ИМЕНЕМ АРИСТОКРАТОВ...»

Писатели, известные у нас под именем аристократов, ввели обыкновение, весьма вредное литературе: не отвечать на критики. Редко кто из них отзовется и подаст голос, и то не за себя. Что же это в самом деле? Разве и впрям они гнушаются своим братом-литератором; или они вообразили себя и в самом деле аристократами? Весьма же они ошибаются: журналы назвали их так в шутку, иронически (смотри «Северную пчелу», «Северный Меркурий» и проч.); а если они и принадлежат хорошему обществу, как благовоспитанные и порядочные люди, то это статья особая и литературы не касается.

Один аристократ (все-таки разумеем сие слово в ироническом смысле) извинялся[1] тем, что-де с некоторыми людьми неприлично связываться человеку, уважающему себя и общее мнение; что разница-де между поединком и дракой; что, наконец, никто-де не вправе требовать, чтобы человек разговаривал, с кем не хочет разговаривать. Всё это не отговорка. Если уж ты пришел в кабак, то не прогневайся — какова компания, таков и разговор; если на улице шалун швырнет в тебя грязью, то смешно тебе вызывать его биться на шпагах, а не поколотить его просто. А если ты будешь молчать с человеком, который с тобой заговаривает, то это с твоей стороны обида и гордость, недостойная доброго христианина.

ЗАМЕТКА О«ГРАФЕ НУЛИНЕ»

В конец 1825 года находился я в деревне. Перечитывая «Лукрецию», довольно слабую поэму Шекспира, я подумал: что если б Лукреции пришла в голову мысль дать пощечину Тарквинию? быть может, это охладило б его предприимчивость и он со стыдом принужден был отступить? Лукреция б не зарезалась, Публикола не взбесился бы[1], Брут не изгнал бы царей, и мир и история мира были бы не те.

Итак, республикою, консулами, диктаторами, Катонами, Кесарем мы обязаны соблазнительному происшествию, подобному тому, которое случилось недавно в моем соседстве, в Новоржевском уезде[2].

Мысль пародировать историю и Шекспира мне представилась. Я не мог воспротивиться двойному искушению и в два утра написал эту повесть.

Я имею привычку на моих бумагах выставлять год и число. «Граф Нулин» писан 13 и 14 декабря. Бывают странные сближения.[3]

ОБЪЯСНЕНИЕ

Одно стихотворение, напечатанное в моем журнале, навлекло на меня обвинение,[1] в котором долгом полагаю оправдаться. Это стихотворение заключает в себе несколько грустных размышлений о заслуженном полководце, который в великий 1812 год прошел первую половину поприща и взял на свою долю все невзгоды отступления, всю ответственность за неизбежные уроны, предоставя своему бессмертному преемнику славу отпора, побед и полного торжества. Я не мог подумать, чтобы тут можно было увидеть намерение оскорбить чувство народной гордости и старание унизить священную славу Кутузова; однако ж меня в том обвинили.

Слава Кутузова неразрывно соединена со славою России, с памятью о величайшем событии новейшей истории. Его титло: спаситель России; его памятник: скала святой Елены! Имя его не только священно для нас, но не должны ли мы еще радоваться, мы, русские, что оно звучит русским звуком?

И мог ли Барклай-де-Толли совершить им начатое поприще? Мог ли он остановиться и предложить сражение у курганов Бородина? Мог ли он после ужасной бит-

вы, *где равен был неравный спор*[2], отдать Москву Наполеону и стать в бездействии на равнинах Тарутинских? Нет! (Не говорю уже о превосходстве военного гения.) Один Кутузов мог предложить Бородинское сражение; один Кутузов мог отдать Москву неприятелю, один Кутузов мог оставаться в этом мудром деятельном бездействии, усыпляя Наполеона на пожарище Москвы и выжидая роковой минуты: ибо Кутузов один облечен был в народную доверенность, которую так чудно он оправдал!

Неужели должны мы быть неблагодарны к заслугам Барклая-де-Толли, потому что Кутузов велик? Ужели, после двадцатипятилетнего безмолвия, поэзии не позволено произнести его имени с участием и умилением? Вы упрекаете стихотворца в несправедливости его жалоб; вы говорите, что заслуги Барклая были признаны, оценены, награждены. Так, но кем и когда?.. Конечно, не народом и не в 1812 году. Минута, когда Барклай принужден был уступить начальство над войсками, была радостна для России, но тем не менее тяжела для его стоического сердца. Его отступление, которое ныне является ясным и необходимым действием, казалось вовсе не таковым: не только роптал народ ожесточенный и негодующий, но даже опытные воины горько упрекали его и почти в глаза называли изменником. Барклай, не внушающий доверенности войску, ему подвластному, окруженный враждою, язвимый злоречием, но убежденный в самого себя, молча идущий к сокровенной цели и уступающий власть, не успев оправдать себя перед глазами России, останется навсегда в истории высоко поэтическим лицом.

Слава Кутузова не имеет нужды в похвале чьей бы то ни было, а мнение стихотворца не может ни возвысить, ни унизить того, кто низложил Наполеона и вознес Россию на ту степень, на которой она явилась в 1813 году. Но не могу не огорчиться, когда в смиренной хвале моей вождю, забытому Жуковским[3], соотечественники мои могли подозревать низкую и преступную сатиру — на того, кто некогда внушил мне следующие стихи, конечно недостойные великой тени, но искренние и излиянные из души.

Перед гробницею святой[4]
Стою с поникшею главой...
Всё спит кругом; одни лампады
Во мраке храма золотят
Столбов гранитные громады
И их знамен нависший ряд.

Под ними спит сей властелин,
Сей идол северных дружин,
Маститый страж страны державной,
Смиритель всех ее врагов,
Сей остальной из стаи славной
Екатерининских орлов.

В твоем гробу восторг живет!
Он русский глас нам издает;
Он нам твердит о той године,
Когда народной веры глас
Воззвал к святой твоей седине:
«Иди, спасай!» Ты встал — и спас...

и проч

ПУТЕШЕСТВИЯ

ОТРЫВОК ИЗ ПИСЬМА к Д.

Из Азии переехали мы в Европу* на корабле. Я тотчас отправился на так называемую *Митридатову гробницу*[1] (развалины какой-то башни); там сорвал цветок для памяти и на другой день потерял его без всякого сожаления. Развалины Пантикапеи не сильнее подействовали на мое воображение. Я видел следы улиц, полузаросший ров, старые кирпичи — и только. Из Феодосии до самого Юрзуфа ехал я морем. Всю ночь не спал. Луны не было, звезды блистали; передо мною, в тумане, тянулись полуденные горы... «Вот Чатырдаг»,— сказал мне капитан. Я не различил его да и не любопытствовал. Перед светом я заснул. Между тем корабль остановился в виду Юрзуфа. Проснувшись, увидел я картину пленительную: разноцветные горы сияли; плоские кровли хижин татарских издали казались ульями, прилепленными к горам; тополи, как зеленые колонны, стройно возвышались между ими; справа огромный Аю-даг... и кругом это синее, чистое небо, и светлое море, и блеск, и воздух полуденный...

В Юрзуфе жил я *сиднем,* купался в море и объедался виноградом; я тотчас привык к полуденной природе и наслаждался ею со всем равнодушием и беспечностию неаполитанского lazzarone. Я любил, проснувшись ночью, слушать шум моря — и заслушивался целые часы. В двух шагах от дома рос молодой кипарис; каждое утро я навещал его и к нему привязался чувством, похожим на дружество. Вот всё, что пребывание мое в Юрзуфе оставило у меня в памяти.

Я объехал полуденный берег, и путешествие М. оживило во мне много воспоминаний; но страшный переход его по скалам Кикенеиса[2] не оставил ни малейшего следа в моей памяти. По Горной лестнице[3] взобрались мы пешком, держа за хвост татарских лошадей наших. Это забавляло

* Из Тамани в Керчь. *(Примеч. Пушкина.)*

меня чрезвычайно и казалось каким-то таинственным, восточным обрядом. Мы переехали горы, и первый предмет, поразивший меня, была берёза, северная берёза! сердце мое сжалось: я начал уже тосковать о милом полудне, хотя всё еще находился в Тавриде, всё еще видел и тополи и виноградные лозы. Георгиевский монастырь и его крутая лестница к морю оставили во мне сильное впечатление. Тут же видел я и баснословные развалины храма Дианы. Видно, мифологические предания счастливее для меня воспоминаний исторических; по крайней мере тут посетили меня рифмы. Я думал стихами. Вот они:

К чему холодные сомненья?
Я верю: здесь был грозный храм,
Где крови жаждущим богам
Дымились жертвоприношенья;

Здесь успокоена была
Вражда свирепой эвмениды:
Здесь провозвестница Тавриды
На брата руку занесла;
На сих развалинах свершилось
Святое дружбы торжество,
И душ великих божество
Своим созданьем возгордилось.

. . . .

Чадаев, помнишь ли былое?
Давно ль с восторгом молодым
Я мыслил имя роковое
Предать развалинам иным?
Но в сердце, бурями смиренном,
Теперь и лень и тишина,
И в умиленье вдохновенном,
На камне, дружбой освященном,
Пишу я наши имена.

В Бахчисарай приехал я больной. Я прежде слыхал о странном памятнике влюбленного хана. К** поэтически описывала мне его, называя la fontaine des larmes*. Вошед во дворец, увидел я испорченный фонтан; из заржавой железной трубки по каплям падала вода. Я обошел дворец с большой досадою на небрежение, в котором он истлевает, и на полуевропейские переделки некоторых комнат. NN почти насильно повел меня по ветхой лестнице в развалины гарема и на ханское кладбище,

* фонтан слез *(фр.)*.

но не тем
В то время сердце полно было:

лихорадка меня мучила.

Что касается до памятника ханской любовницы, о котором говорит М., я об нем не вспомнил, когда писал свою поэму, а то бы непременно им воспользовался.

Растолкуй мне теперь, почему полуденный берег и Бахчисарай имеют для меня прелесть неизъяснимую? Отчего так сильно во мне желание вновь посетить места, оставленные мною с таким равнодушием? или воспоминание самая сильная способность души нашей, и им очаровано всё, что подвластно ему?

ХОЛЕРА

В конце 1826 года я часто видался с одним дерптским студентом[1] (ныне он гусарский офицер и променял свои немецкие книги, свое пиво, свои молодые поединки на гнедую лошадь и на польские грязи). Он много знал, чему научаются в университетах, между тем как мы с вами выучились танцевать. Разговор его был прост и важен. Он имел обо всем затверженное понятие, в ожидании собственной поверки. Его занимали такие предметы, о которых я и не помышлял. Однажды, играя со мною в шахматы и дав конем мат моему королю и королеве, он мне сказал при том: Cholera-morbus подошла к нашим границам и через пять лет будет у нас.

О холере имел я довольно темное понятие, хотя в 1822 году старая молдаванская княгиня, набеленная и нарумяненная, умерла при мне в этой болезни. Я стал его расспрашивать. Студент объяснил мне, что холера есть поветрие, что в Индии она поразила не только людей, но и животных и самые растения, что она желтой полосою стелется вверх по течению рек, что, по мнению некоторых, она зарождается от гнилых плодов и прочее — всё, чему после мы успели наслыхаться.

Таким образом, в дальном уезде Псковской губернии молодой студент и ваш покорнейший слуга, вероятно одни во всей России, беседовали о бедствии, которое через пять лет сделалось мыслию всей Европы.

Спустя пять лет я был в Москве, и домашние обстоятельства требовали непременно моего присутствия в нижегородской деревне. Перед моим отъездом Вяземский показал мне письмо, только что им полученное: ему писали

о холере, уже перелетевшей из Астраханской губернии в Саратовскую. По всему видно было, что она не минует и Нижегородской (о Москве мы еще не беспокоились). Я поехал с равнодушием, коим был обязан пребыванию моему между азиатцами. Они не боятся чумы, полагаясь на судьбу и на известные предосторожности, а в моем воображении холера относилась к чуме как элегия к дифирамбу.

Приятели, у коих дела были в порядке (или в привычном беспорядке, что совершенно одно), упрекали меня за то и важно говорили, что легкомысленное бесчувствие не есть еще истинное мужество.

На дороге встретил я Макарьевскую ярманку, прогнанную холерой. Бедная ярманка! она бежала как пойманная воровка, разбросав половину своих товаров, не успев пересчитать свои барыши!

Воротиться казалось мне малодушием; я поехал далее, как, может быть, случалось вам ехать на поединок: с досадой и большой неохотой.

Едва успел я приехать, как узнаю, что около меня оцепляют деревни, учреждаются карантины. Народ ропщет, не понимая строгой необходимости и предпочитая зло неизвестности и загадочное непривычному своему стеснению. Мятежи вспыхивают то здесь, то там.

Я занялся моими делами, перечитывая Кольриджа, сочиняя сказки и не ездя по соседям. Между тем начинаю думать о возвращении и беспокоиться о карантине. Вдруг 2 октября получаю известие, что холера в Москве. Страх меня пронял — в Москве... но об этом когда-нибудь после. Я тотчас собрался в дорогу и поскакал. Проехав 20 верст, ямщик мой останавливается: застава!

Несколько мужиков с дубинами охраняли переправу через какую-то речку. Я стал расспрашивать их. Ни они, ни я хорошенько не понимали, зачем они стояли тут с дубинами и с повелением никого не пускать. Я доказывал им, что, вероятно, где-нибудь да учрежден карантин, что я не сегодня, так завтра на него наеду и в доказательство предложил им серебряный рубль. Мужики со мной согласились, перевезли меня и пожелали многие лета.

ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ МОСКВЫ В ПЕТЕРБУРГ

ШОССЕ

Узнав, что новая московская дорога совсем окончена[1], я вздумал съездить в Петербург, где не бывал более пятнадцати лет. Я записался в конторе поспешных дилижансов (которые показались мне спокойнее прежних почтовых карет) и 15 октября в десять часов утра выехал из Тверской заставы.

Катясь по гладкому шоссе, в спокойном экипаже, не заботясь ни о его прочности, ни о прогонах, ни о лошадях, я вспомнил о последнем своем путешествии в Петербург, по старой дороге. Не решившись скакать на перекладных, я купил тогда дешевую коляску и с одним слугою отправился в путь. Не знаю, кто из нас, Иван или я, согрешил перед выездом, но путешествие наше было неблагополучно. Проклятая коляска требовала поминутно починки. Кузнецы меня притесняли, рытвины и местами деревянная мостовая совершенно измучили. Целые шесть дней тащился я по несносной дороге и приехал в Петербург полумертвый. Мои приятели смеялись над моей изнеженностию, но я не имею и притязаний на фельдъегерское геройство и, по зимнему пути возвратясь в Москву, с той поры уже никуда не выезжал.

Вообще дороги в России (благодаря пространству) хороши и были бы еще лучше, если бы губернаторы менее об них заботились. Например: дерн есть уже природная мостовая; зачем его сдирать и заменять наносной землею, которая при первом дождике обращается в слякоть? Поправка дорог, одна из самых тягостных повинностей[2], не приносит почти никакой пользы и есть большею частью предлог к утеснению и взяткам. Возьмите первого мужика, хотя крошечку смышленого, и заставьте его провести новую дорогу: он начнет, вероятно, с того, что пророет два параллельных рва для стечения дождевой воды. Лет 40 тому назад один воевода, вместо рвов, поделал парапеты, так что дороги сделались ящиками для грязи. Летом дороги прекрасны; но весной и осенью путешественники принуждены ездить по пашням и полям, потому что экипажи вязнут и тонут на большой дороге, между тем как пешеходы, гуляя по парапетам, благословляют память мудрого воеводы. Таких воевод на Руси весьма довольно.

Великолепное московское шоссе начато по повелению

императора Александра; дилижансы учреждены обществом частных людей. Так должно быть и во всем: правительство открывает дорогу, частные люди находят удобнейшие способы ею пользоваться*.

Не могу не заметить, что со времен восшествия на престол дома Романовых у нас правительство всегда впереди на поприще образованности и просвещения[3]. Народ следует за ним всегда лениво, а иногда и неохотно.

Собравшись в дорогу, вместо пирогов и холодной телятины, я хотел запастися книгою, понадеясь довольно легкомысленно на трактиры и боясь разговоров с почтовыми товарищами**. В тюрьме и в путешествии всякая книга есть божий дар, и та, которую не решитесь вы и раскрыть, возвращаясь из Английского клоба или собираясь на бал, покажется вам занимательна, как арабская сказка, если попадется вам в каземате или в поспешном дилижансе. Скажу более: в таких случаях чем книга скучнее, тем она предпочтительнее. Книгу занимательную вы проглотите слишком скоро, она слишком врежется в вашу память и воображение; перечесть ее уже невозможно. Книга скучная, напротив, читается с расстановкою, с отдохновением — оставляет вам способность позабыться, мечтать; опомнившись, вы опять за нее принимаетесь, перечитываете места, вами пропущенные без внимания etc. Книга скучная представляет более развлечения. Понятие о скуке весьма относительное. Книга скучная может быть очень хороша; не говорю об книгах ученых, но и об книгах, писанных с целию просто литературною. Многие чи-

---

* Вместо следующего абзаца белового текста в черновой рукописи было:

Я начал записки свои не для того, чтоб льстить властям, товарищ, мною избранный, худой внушитель ласкательства, но нельзя не заметить, что со времен возведения на престол Романовых, от Михаила Федоровича до Николая I, правительство у нас всегда впереди на поприще образованности и просвещения. Народ следует за ним всегда лениво, а иногда и неохотно. Вот что и составляет силу нашего самодержавия. Не худо было иным европейским государствам понять эту простую истину. Бурбоны не были бы выгнаны вилами и каменьями, и английская аристократия не принуждена была бы уступить радикализму.

Я упомянул о моем товарище. Должно мне познакомить с ним читателя.

** В беловой рукописи далее зачеркнуто:

Покойный князь Ив. Долгорукий, поэт не довольно еще оцененный, поступил гораздо благоразумнее: он, собравшись в подмосковную,

Посовестившись брать с собой в дорогу книжку,
От голоду в запас взял вяземску коврижку.

татели согласятся со мною, что «Клариса» очень утомительна и скучна, но со всем тем роман Ричардсонов имеет необыкновенное достоинство.

Вот на что хороши путешествия.

Итак, собравшись в дорогу, зашел я к старому моему приятелю**, коего библиотекой привык я пользоваться. Я просил у него книгу скучную, но любопытную в каком бы то ни было отношении. Приятель мой хотел было мне дать нравственно-сатирический роман[4], утверждая, что скучнее ничего быть не может, а что книга очень любопытна в отношении участи ее в публике; но я его благодарил, зная уже по опыту непреодолимость нравственно-сатирических романов. «Постой,— сказал мне**,— есть у меня для тебя книжка». С этим словом вынул он из-за полного собрания сочинений Александра Сумарокова и Михайла Хераскова книгу, по-видимому изданную в конце прошлого столетия. «Прошу беречь ее,— сказал он таинственным голосом.— Надеюсь, что ты вполне оценишь и оправдаешь мою доверенность». Я раскрыл ее и прочел заглавие «Путешествие из Петербурга в Москву». С. П. Б. 1790 году.

С эпиграфом:

Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лаяй.
Тилемахида, кн. XVIII, ст. 514.

Книга, некогда прошумевшая соблазном и навлекшая на сочинителя гнев Екатерины, смертный приговор и ссылку в Сибирь; ныне типографическая редкость, потерявшая свою заманчивость, случайно встречаемая на пыльной полке библиомана или в мешке брадатого разносчика.

Я искренно благодарил ** и взял с собою «Путешествие». Содержание его всем известно. Радищев написал несколько отрывков, дав каждому в заглавие название одной из станций, находящихся на дороге из Петербурга в Москву. В них излил он свои мысли безо всякой связи и порядка. В Черной Грязи, пока переменяли лошадей, я начал книгу с последней главы и таким образом заставил Радищева путешествовать со мною из Москвы в Петербург.

МОСКВА

Москва! Москва!..— восклицает Радищев на последней странице своей книги и бросает желчью напитанное перо, как будто мрачные картины его воображения рассеялись

при взгляде на золотые маковки Москвы белокаменной. Вот уж Всесвятское... Он прощается с утомленным читателем; он просит своего сопутника подождать его у околицы; на возвратном пути он примется опять за свои горькие полуистины, за свои дерзкие мечтания... Теперь ему некогда: он скачет успокоиться в семье родных, позабыться в вихре московских забав. До свидания, читатель! Ямщик, погоняй! Москва! Москва!..

Многое переменилось со времен Радищева: ныне, покидая смиренную Москву и готовясь увидеть блестящий Петербург, я заранее встревожен при мысли переменить мой тихий образ жизни на вихрь и шум, ожидающий меня; голова моя заранее кружится...

Fuit Troja, fuimus Trojani*. Некогда соперничество между Москвой и Петербургом действительно существовало. Некогда в Москве пребывало богатое неслужащее боярство, вельможи, оставившие двор, люди независимые, беспечные, страстные к безвредному злоречию и к дешевому хлебосольству; некогда Москва была сборным местом для всего русского дворянства, которое изо всех провинций съезжалось в нее на зиму. Блестящая гвардейская молодежь налетала туда ж из Петербурга. Во всех концах древней столицы гремела музыка, и везде была толпа. В зале Благородного собрания два раза в неделю было до пяти тысяч народу. Тут молодые люди знакомились между собою; улаживались свадьбы. Москва славилась невестами, как Вязьма пряниками; московские обеды (так оригинально описанные князем Долгоруким)[5] вошли в пословицу. Невинные странности москвичей были признаком их независимости. Они жили по-своему, забавлялись как хотели, мало заботясь о мнении ближнего. Бывало, богатый чудак выстроит себе на одной из главных улиц китайский дом с зелеными драконами, с деревянными мандаринами под золочеными зонтиками. Другой выедет в Марьину Рощу в карете из кованого серебра 84 пробы. Третий на запятки четвероместных саней поставит человек пять арапов, егерей и скороходов и цугом тащится по летней мостовой. Щеголихи, перенимая петербургские моды, налагали и на наряды неизгладимую печать. Надменный Петербург издали смеялся и не вмешивался в затеи старушки Москвы. Но куда девалась эта

---

* Нет больше Трои, нет больше троянцев *(лат.)*.

шумная, праздная, беззаботная жизнь? Куда девались балы, пиры, чудаки и проказники — всё исчезло: остались одни невесты, к которым нельзя, по крайней мере, применить грубую пословицу «vieilles comme les rues»*; московские улицы, благодаря 1812 году, моложе московских красавиц, всё еще *цветущих розами!* Ныне в присмиревшей Москве огромные боярские дома стоят печально между широким двором, заросшим травою, и садом, запущенным и одичалым. Под вызолоченным гербом торчит вывеска портного, который платит хозяину 30 рублей в месяц за квартиру; великолепный бельэтаж нанят мадамой для пансиона — и то слава богу! На всех воротах прибито объявление, что дом продается и отдается внаймы, и никто его не покупает и не нанимает. Улицы мертвы; редко по мостовой раздается стук кареты; барышни бегут к окошкам, когда едет один из полицмейстеров со своими казаками. Подмосковные деревни также пусты и печальны**. Роговая музыка не гремит в рощах Свирлова и Останкина; плошки и цветные фонари не освещают английских дорожек, ныне заросших травою, а бывало уставленных миртовыми и померанцевыми деревьями. Пыльные кулисы домашнего театра тлеют в зале, оставленной после последнего представления французской комедии. Барский дом дряхлеет. Во флигеле живет немец управитель и хлопочет о проволочном заводе. Обеды даются уже не хлебосолами старинного покроя, в день хозяйских именин или в угоду веселых обжор, в честь вельможи, удалившегося от двора, но обществом игроков, задумавших обобрать наверное юношу, вышедшего из-под опеки, или саратовского откупщика. Московские балы... Увы! Посмотрите на эти домашние прически, на эти белые башмачки, искусно забеленные мелом... Кавалеры набраны кое-где — и что за кавалеры! «Горе от ума» есть уже картина обветшалая[6], печальный анахронизм. Вы в Москве уже не найдете ни Фамусова, который *всякому, ты знаешь, рад* — и князю Петру Ильичу, и французу из Бордо, и Загорецкому, и Скалозубу, и Чацкому; ни Татьяны Юрьевны, которая

* старые, как улицы *(фр.)*.

** Подмосковные дачи, некогда оживленные, балы, домашние театры, *фейвороки* (извините; не могу выговорить немецких этих звуков иначе как по московскому наречию) в рощах Свирлова, Марфина-Петровского, Останкина; гремела роговая музыка, плошки и цветные фонари озаряли английские дорожки, ширмы превращались в кулисы, актеры...

Балы́ дает нельзя богаче
От Рожества и до поста,
А летом праздники на даче.

Хлестова — в могиле; Репетилов — в деревне. Бедная Москва!..*

Петр I не любил Москвы, где на каждом шагу встречал воспоминания мятежей и казней, закоренелую старину и упрямое сопротивление суеверия и предрассудков. Он оставил Кремль, где ему было не душно, но тесно; и на дальном берегу Балтийского моря искал досуга, простора и свободы для своей мощной и беспокойной деятельности. После него, когда старая наша аристократия возымела свою прежнюю силу и влияние, Долгорукие чуть было не возвратили Москве своих государей; но смерть молодого

* В рукописи далее следовало:

Упадок Москвы есть явление важное, достойное исследования: обеднение Москвы есть доказательство обеднения русского дворянства, происшедшее от раздробления имений, исчезающих с ужасной быстротою, частию от других причин, о коих поговорим в другом месте. Так что правнук богача делается бедняком потому только, что дед его имел четверо сыновей, а отец его столько же. Он уже не может жить с этим огромным домом, который не в состоянии он освещать даже и отапливать. Он продает его в казну или отдает за бесценок старым заимодавцам и едет в свою деревушку, заложенную и перезаложенную, где живет в скуке и в нужде, мало заботясь о судьбе детей, которых на досуге рожает ему жена и которые будут совершенно нищими.

Но улучшается ли от сего состояние крестьян? Крепостной мелкопоместного владельца терпит более притеснений и несет более повинностей, нежели крестьянин богатого барина.

Но, говорят некоторые, раздробление имений способствует к освобождению крестьян. Помещики, не получая достаточных доходов, принуждены заложить своих крестьян в Опекунский Совет и, разорив их, приходят в невозможность платить проценты, имение тогда поступает в ведомство правительства, которое может их обратить в вольные хлебопашцы или в экономические крестьяне. Расчет ошибочный. Помещик, пришедший в крайность, поспешает продать своих крестьян, на что всегда найдет охотников, а долг дворянства связывает руки правительству и не допускает его освободить крестьян, ибо в таком случае дворянство справедливо почтет свой долг угашенным уничтожением залога.

Кроме того, в этой главе был зачеркнутый отрывок после слов «Бедная Москва!».

Ныне нет в Москве мнения народного: ныне бедствия или слава отечества не отзывается в ее сердце. Грустно было слышать толки московского общества во время последнего польского возмущения. Гадко было видеть бездушного читателя французских газет, улыбающегося при вести о наших неудачах.

Петра II-го снова утвердила за Петербургом его недавние права*.

Упадок Москвы есть неминуемое следствие возвышения Петербурга. Две столицы не могут в равной степени процветать в одном и том же государстве, как два сердца не существуют в теле человеческом. Но обеднение Москвы доказывает и другое: обеднение русского дворянства, происшедшее *частию* от раздробления имений, исчезающих с ужасной быстротою, *частию* от других причин, о которых успеем еще потолковать.

Но Москва, утратившая свой блеск аристократический, процветает в других отношениях: промышленность, сильно покровительствуемая, в ней оживилась и развилась с необыкновенною силою. Купечество богатеет и начинает селиться в палатах, покидаемых дворянством. С другой стороны, просвещение любит город, где Шувалов основал университет по предначертанию Ломоносова.

Литераторы петербургские по большей части не литераторы, но предприимчивые и смышленые литературные откупщики. Ученость, любовь к искусству и таланты

---

* В черновой рукописи далее следовало:

Елисавета, окруженная старыми сподвижниками Петра Великого, следовала во всем правилам, понятым ее отцом, к которому питала она пламенную, неограниченную любовь. Екатерина ласкала Москву, внимательно прислушивалась ее мнению, не мешала ни ее весельям, ни свободе ее толков — и во всё время своего долгого царствования только два раза удостоила Москву своим присутствием. Покойный император Александр после своего венчания на царство был в Москве три раза.

В 1810 в первый раз увидел я государя. Я стоял с народом на высоком крыльце Николы на Мясницкой. Народ, наполнявший все улицы, по которым должен он был проезжать, ожидал его нетерпеливо. Наконец показалась толпа генералов, едущих верхами. Государь был между ими. Подъехав к церкви, он *один* перекрестился, и по сему знаменью народ узнал своего государя. Через два года, перед началом войны, государь опять явился в древней столице, требуя содействия от своего дворянства, которое славно отвечало ему устами графа Мамонова. В 1818 приехал он в Москву восставшую и обновленную. Во время присутствия державного семейства пушечная пальба возвестила Москве рождение великого князя Александра Николаевича...

Ныне царствующий император чаще других государей удостоивает Москву своим посещением, и старая столица каждый раз оживляется и молодеет в присутствии своего государя. Неожиданный его приезд в 1830 году, во время появления холеры, принадлежит истории.

В Англии правительство тогда только и показывается народу, когда приходит оно стучаться под окнами (taxes), собирая подать. Во Франции, когда вывозит оно свои пушки противу площадного мятежа.

неоспоримо на стороне Москвы*. Московский журнализм убьет журнализм петербургский.

Московская критика с честию отличается от петербургской. Шевырев, Киреевский, Погодин и другие написали несколько опытов, достойных стать наряду с лучшими статьями английских Reviews**, между тем как петербургские журналы судят о литературе[7], как о музыке; о музыке, как о политической экономии, т. е. наобум и как-нибудь, иногда впопад и остроумно, но большею частию неосновательно и поверхностно.

Философия немецкая, которая нашла в Москве, может быть, слишком много молодых последователей, кажется, начинает уступать духу более практическому. Тем не менее влияние ее было благотворно: она спасла нашу молодежь от холодного скептицизма французской философии и удалила ее от упоительных и вредных мечтаний, которые имели столь ужасное влияние на лучший цвет предшествовавшего поколения!

Кстати: я отыскал в моих бумагах любопытное сравнение между обеими столицами. Оно написано одним из моих приятелей, великим меланхоликом[8], имеющим иногда свои светлые минуты веселости.

ЛОМОНОСОВ

В конце книги своей Радищев поместил слово о Ломоносове. Оно писано слогом надутым и тяжелым. Радищев имел тайное намерение нанести удар неприкосновенной славе *росского Пиндара*. Достойно замечания и то, что Радищев тщательно прикрыл это намерение уловками уважения и обошелся со славой Ломоносова гораздо осторожнее, нежели с верховной властию, на которую напал с такой безумной дерзостию. Он более тридцати

* В беловом автографе далее следовало:

Г. А. заводит журнал, потому что он отставлен от выгодного места. Г. В. пишет роман, потому что романы *в цене*. Критики пишутся, потому что по краям газетного листа нужен *фельетон* в $1^1/_2$ вершка как кайма по краям шали. Рано или поздно, но московский журнализм убьет журнализм петербургский.

** В беловом автографе далее было:

Даже в журнале, принадлежащем к предприятиям чисто торговым, даже и тут перевес на стороне московского издателя: какая смышленость в выборе переводных статей! какая оборотливость в суждениях о предметах, вовсе чуждых понятиям критика! какое бойкое шарлатанство! Куда петербургским торгашам угнаться за нашими!

страниц наполнил пошлыми похвалами стихотворцу, ритору и грамматику, чтоб в конце своего слова поместить следующие мятежные строки:

Мы желаем показать, что в отношении российской словесности тот, кто путь ко храму славы проложил, есть первый виновник в приобретении славы, хотя бы он войти во храм не мог. Бакон Веруламский недостоин разве напоминовения, что мог токмо сказать, как можно размножать науки? Недостойны разве признательности мужественные писатели, восстающие на губительство и всесилие для того, что не могли избавить человечества из оков и пленения? И мы не почтем Ломоносова, для того, что *не разумел правил позорищного стихотворения и томился в эпопее, что чужд был в стихах чувствительности, что не всегда проницателен в суждениях и что в самых одах своих вмещал иногда более слов, нежели мыслей.*

Ломоносов был великий человек. Между Петром I и Екатериною II он один является самобытным сподвижником просвещения. Он создал первый университет. Он, лучше сказать, сам был первым нашим университетом. Но в сем университете профессор поэзии и элоквенции не что иное, как исправный чиновник, и не поэт, вдохновенный свыше, не оратор, мощно увлекающий. Однообразные и стеснительные формы, в кои отливал он свои мысли, дают его прозе ход утомительный и тяжелый. Эта схоластическая величавость, полуславенская, полулатинская, сделалась было необходимостию: к счастию, Карамзин освободил язык от чуждого ига и возвратил ему свободу, обратив его к живым источникам народного слова. В Ломоносове нет ни чувства, ни воображения. Оды его, писанные по образцу тогдашних немецких стихотворцев, давно уже забытых в самой Германии, утомительны и надуты*. Его влияние на словесность было вредное и до

* В рукописи далее следовало:

Подражания псалмам и книге Иова — лучше, но отличаются только хорошим слогом, и то не всегда точным. Их поэзия принадлежит не Ломоносову. Его влияние было вредное, и до сих пор отзывается в тощей нашей литературе. Изысканность, высокопарность, отвращение от простоты и точности — вот следы, оставленные Ломоносовым. Давно ли стали мы писать языком общепонятным? Убедились ли мы, что славенский язык не есть язык русский и что мы не можем смешивать их своенравно, что если многие слова, многие обороты счастливо могут быть заимствованы из церковных книг, то из сего еще не следует, чтобы мы могли писать *да лобжет мя лобзанием* вместо *целуй меня* etc. Конечно, и Ломоносов того не думал и предлагал изучение славенского языка, как необходимое средство к основательному знанию языка русского. Знаю, что «Рассуждение о старом и новом слоге» так же походит на «Слово о пользе книг церковных в российском языке», как псалом Шатрова на «Размышление о величестве божием». Но тем не менее должно укорять Ломоносова в заблуждениях бездарных его последователей.

сих пор в ней отзывается. Высокопарность, изысканность, отвращение от простоты и точности, отсутствие всякой народности и оригинальности — вот следы, оставленные Ломоносовым. Ломоносов сам не дорожил своею поэзиею и гораздо более заботился о своих химических опытах, нежели о должностных одах на высокоторжественный день тезоименитства и проч. С каким презрением говорит он о Сумарокове, страстном к своему искусству, об *этом человеке, который ни о чем, кроме как о бедном своем рифмичестве, не думает!..* Зато с каким жаром говорит он о науках, о просвещении! Смотрите письма его к Шувалову, к Воронцову и пр.

Ничто не может дать лучшего понятия о Ломоносове, как следующий рапорт[9], поданный им Шувалову, о своих упражнениях с 1751 года по 1757:

По ордеру вашего сиятельства велено всем академическим профессорам и адъюнктам, чтобы рапортовали вашему сиятельству о своих трудах и упражнениях в науках с 1751 года поныне. В силу оного рапортую, что с того времени до нынешнего числа по моей профессии и в других науках я учинил погодно.

В 1751 ГОДУ.

В *химии.* 1) Произведены многие опыты химические, по большей части огнем, для исследования натуры цветов, что значит того ж году журнал лаборатории на 12 листах и другие записки. 2) Говорил сочиненную свою речь о пользе химии на российском языке. 3) Вымыслил некоторые новые инструменты для физической химии.

В *физике.* 1) Делал опыты в большие морозы для изыскания: какою пропорциею воздух сжимается и расширяется по всем градусам термометра. 2) Летом деланы опыты зажигательным стеклом и термометром, коль высоко втекает ртуть в разных расстояниях от зажигательной точки. 3) Сделаны опыты, как разделять олово от свинца одним плавлением, без всяких посторонних материй простою механикою, что изрядный успех имеет и весьма дешево становится.

В *истории.* Читал книги для собрания материй к сочинению российской истории: Нестора, законы Ярославли, Большой летописец, Татищева первый том, Кромера, Вейселя, Гелмолда, Арнолда и другие, из которых брал нужные эксцерпты или выписки и примечания, всех числом 653 статьи, на 15 листах.

В *словесных науках.* 1) Сочинил трагедию, «Демофонт» называемую. 2) Сочинял стихи на иллюминации. 3) Собранный прежде сего материи к сочинению грамматики зачал приводить в порядок. Давал приватные лекции студентам в российском стихотворстве; а особливо Поповскому, который ныне профессором. 4) Диктовал студентам сочиненное мною начало третьей книги красноречия — о стихотворстве вообще.

В 1752 ГОДУ.

В *химии.* 1) Деланы многие химические опыты для теории цветов, о чем явствует в журнале сего года на 25 листах. 2) Показывал студентам химические опыты тем курсом, как сам учился у Генкеля. 3) Для ясного понятия и краткого познания всей химии диктовал студентам и толковал сочиненные мною в физической химии пролегомены на латинском языке, которые содержатся на 13 листах в 150 параграфах, со многими фигурами на шести полулистах. 4) Изыскал способы и практикою доказал, как составлять мусию. 5) По канцелярскому указу обучал составлению разноцветных стекол присланного из канцелярии строений ученика Дружинина для здешних стеклянных заводов.

В *физике.* 1) Чинил электрические воздушные наблюдения с немалою опасностию. 2) Зимою повторял опыты о разном протяжении воздуха по градусам термометра.

В *истории.* Для собрания материалов к российской истории читал Кранца, Претория, Мураторня, Иорнанда, Прокопия, Павла дьякона, Зонара, Феофана Исповедника, Леона Грамматика и иных эксцерптов нужных на 5 листах в 161 статье.

В *словесных науках.* 1) Сочинил оду на восшествие на престол ее императорского величества. 2) Письмо о пользе стекла. 3) Изобретал иллюминации и сочинял к ним стихи: на 25 апреля, на 5 сентября, на 25 ноября. 4) Оратории второй части красноречия сочинил 10 листов.

В 1753 ГОДУ.

В *химии.* 1) Продолжались опыты для исследования натуры цветов, что показывает журнал того же году на 56 листах. 2) По окончании лекций делал новые химико-физические опыты, дабы привести химию сколько можно к философскому познанию и сделать частью основательной физики: из оных многочисленных опытов, где мера, вес и их пропорция показаны, сочинены многие цифирные таблицы, на 24 полулистовых страницах, где каждая строка целый опыт содержит.

В *физике.* 1) С покойным профессором Рихманом делал химико-физические опыты в лаборатории для исследования градуса теплоты, который на себя вода принимает от погашенных в ней минералов, прежде раскаленных. 2) Чинил наблюдения электрической силы на воздухе с великою опасностию. 3) Говорил в публичном собрании речь о явлениях воздушных, от электрической силы происходящих, с истолкованием многих других свойств натуры. 4) Делал опыты, коими оказалось, что цветы, а особливо красный на морозе ярчее, нежели в теплоте.

В *истории.* 1) Записки из упомянутых прежде авторов приводил под статьи числами. 2) Читал Российские академические летописцы без записок, чтобы общее понятие иметь пространно о деяниях российских.

В *словесных науках.* 1) Для российской грамматики привел глаголы в порядок. 2) Пять проектов со стихами на иллюминации и фейерверки: на 1 января, на 25 апреля, на 5 сентября, на 25 ноября и на 18 декабря.

В 1754 ГОДУ.

В *химии.* 1) Сделаны разные опыты химические, которые содержатся в журнале сего года на 46 листах. 2) Повторением поверены физико-химические таблицы, прошлого года сочиненные.

В *физике.* 1) Изобретены некоторые способы к сысканию долготы и ширины на море при мрачном небе. В практике исследовать сего без адмиралтейства невозможно. 2) Деланы опыты метеорологические над водою, из Северного океана привезенною, в каком градусе мороза она замерзнуть может. Притом были разные химические растворы морожены для сравнения. 3) Деланы опыты при пильной мельнице в деревне, как текущая по наклонению вода течение свое ускоряет и какою силою бьет. 4) Делал опыт машины, которая бы, подымаясь кверху сама, могла поднять с собою маленький термометр, дабы узнать градус теплоты на вышине, которая хотя слишком на два золотника облегчалась, однако к желаемому концу не приведена.

В *истории.* Сочинен опыт истории славянского народа до Рурика: Дедикация, вступление; глава 1, о старобытных жителях в России; глава 2, о величестве и поколениях славянского народа; глава 3, о древности славянского народа, всего 8 листов.

В *словесных науках.* 1) Сочинил оду на рождение государя великого князя Павла Петровича. 2) Изобрел фейерверк, который был представлен на новый 1754 год, и стихи сделал. Также делал проекты на иллюминацию и фейерверки: к 25 апреля, к 5 сентября, к 25 ноября.

В 1755 ГОДУ.

В *химии.* Деланы разные физико-химические опыты, что явствует в журнале того ж года на 14 листах.

В *физике.* 1) Сочинил диссертацию о должности журналистов, в которой опровергнуты все критики, учиненные в Германии против моих диссертаций, в комментариях напечатанных, а особливо против новых теорий о теплоте и стуже, о химических растворах и упругости воздуха. Оная диссертация переведена господином Формеем на французский язык и в журнале, называемом: «Немецкая библиотека» (Bibliothèque germanique), на оном языке напечатана. 2) Сочинил письмо о северном ходу в Ост-Индию Сибирским океаном.

В *истории.* Сделан опыт описанием владения первых великих князей российских Рурика, Олега, Игоря.

В *словесных науках.* 1) Сочинил и говорил в публичном собрании слово похвальное блаженныя памяти государю императору Петру Великому. 2) Сочинив большую часть грамматики, привел к концу, которая в нынешнем году печатью к концу приходит. 3) Сочинил письмо о сходстве и переменах языков.

В 1756 ГОДУ.

В *химии.* 1) Между разными химическими опытами, которых журнал на 13 листах, деланы опыты в заплавленных накрепко стеклянных сосудах, чтобы исследовать: прибывает ли вес металлов от чистого жару. Оными опытами нашлось, что славного Роберта Бойля мнение ложно, ибо без пропущения внешнего воздуха вес сожженного металла остается в одной мере. 2) Учинены опыты химические со вспоможением воздушного насоса, где в сосудах химических, из которых был воздух вытянут, пока-

зывали на огне минералы такие феномены, какие химикам еще не известны. 3) Ныне лаборатор Клементьев под моим смотрением изыскивает по моему указанию, как бы сделать для фейерверков верховые зеленые звездки.

В *физике*. 1) Изобретен мною новый оптический инструмент, который я назвал никтоптическою трубою (tubus nyctopticus); оный должен служить к тому, чтобы ночью видеть можно было. Первый опыт показывает на сумерках ясно те вещи, которые простым глазам не видны, и весьма надеяться можно, что старанием искусных мастеров может простереться до такого совершенства, какого ныне достигли телескопы и микроскопы от малого начала. 2) Сделал четыре новоизобретенные мною пендула, из которых один медный, длиною в сажень, однако служит чрез механические стрелки против такого, который бы был вышиною с четвертью на версту. Употребляется к тому, чтобы узнать, всегда ли с земли центр, притягающий к себя тяжкие тела, стоит неподвижно или переменяет место. 3) Говорил в публичном собрании сочиненную мною речь о цветах.

В *истории*. Собранные мною в нынешнем году российские исторические манускрипты для моей библиотеки, пятнадцать книг, сличал между собой для наблюдения сходств в деяниях российских.

В *словесных науках*. 1) Сочиняю героическую поэму, именуемую: «Петр Великий». 2) Сделал проект со стихами для фейерверка к 18 декабря сего года.

Сверх сего в разные годы зачаты делать диссертации: 1) О лучшем и ученом мореплавании. 2) О твердом термометре. 3) О трясении земли. 4) О первоначальных частицах, тела составляющих. 5) О градусах теплоты и стужи, как их определить основательно со мнением о умеренности растворения воздуха на планетах. К совершению привесть отчасти препятствуют другие дела, отчасти протяжным печатанием комментариев охота отнимается.

Сумароков был шутом у всех тогдашних вельмож: у Шувалова, у Панина; его дразнили, подстрекали и забавлялись его выходками. Фонвизин, коего характер имеет нужду в оправдании, забавлял знатных, передразнивая Александра Петровича в совершенстве. Державин исподтишка писал сатиры на Сумарокова и приезжал как ни в чем не бывало наслаждаться его бешенством. Ломоносов был иного покроя. С ним шутить было накладно. Он везде был тот же: дома, где все его трепетали; во дворце, где он дирал за уши пажей; в Академии, где, по свидетельству Шлецера, не смели при нем пикнуть. Не многим известна стихотворная перепалка его с Дмитрием Сеченовым по случаю «Гимна бороде», не напечатанного ни в одном собрании его сочинений. Она может дать понятие о заносчивости поэта, как и о нетерпимости проповедника. Со всем тем Ломоносов был добродушен. Как хорошо его письмо о семействе несчастного Рихмана! В отношении к самому себе он был очень беспечен, и, кажется, жена его хоть была и немка, но мало смыслила в хозяйстве. Вдова старого профессора, услыша, что

речь идет о Ломоносове, спросила: «О каком Ломоносове говорите вы? не о Михайле ли Васильевиче? То-то был пустой человек! бывало, от него всегда бегали к нам за кофейником. Вот Тредьяковский, Василий Кирилович — вот этот был почтенный и порядочный человек». Тредьяковский был, конечно, почтенный и порядочный человек. Его филологические и грамматические изыскания очень замечательны. Он имел о русском стихосложении обширнейшее понятие, нежели Ломоносов и Сумароков. Любовь его к Фенелонову эпосу делает ему честь, а мысль перевести его стихами и самый выбор стиха доказывает необыкновенное чувство изящного. В «Тилемахиде» находится много хороших стихов и счастливых оборотов. Радищев написал о них целую статью (см. собрание сочинений А. Радищева). Дельвиг приводил часто следующий стих в пример прекрасного гекзаметра:

Корабль Одиссеев,
Бегом волны деля, из очей ушел и сокрылся*

Вообще изучение Тредьяковского приносит более пользы, нежели изучение прочих наших старых писателей. Сумароков и Херасков верно не стоят Тредьяковского,— habent sua fata libelli**.

Радищев укоряет Ломоносова в лести и тут же извиняет его. Ломоносов наполнил торжественные свои оды высокопарною хвалою; он без обиняков называет благодетеля своего графа Шувалова своим благодетелем; он в какой-то придворной идиллии воспевает К. Разумовского под именем Полидора; он стихами поздравляет графа Орлова с возвращением его из Финляндии; он пишет: *Его сиятельство граф М. Л. Воронцов, по своей высокой ко мне милости, изволил взять от меня пробы мозаических составов для показания ее величеству.*— Ныне всё это вывелось из обыкновения. Дело в том, что расстояние от одного сословия до другого в то время еще существовало. Ломоносов, рожденный в низком сословии, не думал возвысить себя наглостию и запанибратством с людьми высшего состояния (хотя, впрочем, по чину он мог быть им и равный). Но зато умел он за себя постоять и не дорожил ни покровительством своих меценатов, ни своим благосостоя-

---

* В черновом тексте было:
Мысль перевести «Телемака» стихами, выбор книги и самого метра — всё доказывает удивительную смелость.
** Книги имеют свою судьбу *(лат.)*.

нием, когда дело шло о его чести или о торжестве его любимых идей. Послушайте, как пишет он этому самому Шувалову, *предстателю муз, высокому своему патрону,* который вздумал было над ним пошутить. «Я, ваше высокопревосходительство, не только у вельмож, но нижѐ у господа моего бога дураком быть не хочу»*.

В другой раз, заспоря с тем же вельможею, Ломоносов так его рассердил, что Шувалов закричал: «Я отставлю тебя от Академии!» — «Нет,— возразил гордо Ломоносов,— разве Академию от меня отставят». Вот каков был этот униженный сочинитель похвальных од и придворных идиллий!

Patropane (покровительство) до сей поры сохраняется в обычаях английской литературы. Почтенный Кребб, умерший в прошлом году, поднес все свои прекрасные поэмы to his Grace the Duke etc. В своих смиренных посвящениях он почтительно упоминает о милостях и высоком покровительстве, коих он удостоился etc. В России вы не встретите ничего подобного. У нас, как заметила M-me de Staël, словесностию занимались большею частию дворяне (En Russie quelques gentilshommes se sont occupés de littérâture). Это дало особенную физиономию нашей литературе**, у нас писатели не могут изыскивать милостей и покровительства у людей, которых почитают себе равными, и подносить свои сочинения вельможе или богачу, в надежде получить от него 500 рублей или перстень, украшенный драгоценными каменьями. Что же из этого следует? что нынешние писатели благороднее мыслят и чувствуют, нежели мыслил и чувствовал Ломоносов и Костров? Позвольте в том усумниться.

Нынче писатель, краснеющий при одной мысли посвятить книгу свою человеку, который выше его двумя или тремя чинами, не стыдится публично жать руку журналисту, ошельмованному в общем мнении[10], но который может повредить продаже книги или хвалебным объявлением заманить покупщиков. Ныне последний из писак,

* См. его письмо к графу Шувалову. *(Примеч. Пушкина.)*

** У нас писатели не могли без явного унижения изыскивать покровительства у людей, которых почитали себе равными; сношения их между собою не имели признаков холопства, которое затмевает большую часть иностранных словесностей. Что почиталось в Англии и во Франции честию, то было бы у нас унижением. У нас нельзя писателю поднести свою книгу графу такому-то, генералу такому-то в надежде получить от него 500 рублей или перстень, богато украшенный.

готовый на всякую приватную подлость, громко проповедует независимость* и пишет безыменные пасквили на людей, перед которыми расстилается в их кабинете.

К тому ж с некоторых пор литература стала у нас ремесло выгодное, и публика в состоянии дать более денег, нежели его сиятельство такой-то или его высокопревосходительство такой-то. Как бы то ни было, повторяю, что формы ничего не значат; Ломоносов и Кребб достойны уважения всех честных людей, несмотря на их смиренные посвящения, а господа NN все-таки презрительны — несмотря на то, что в своих книжках они проповедуют независимость и что они свои сочинения посвящают не доброму и умному вельможе, а какому-нибудь шельме и вралю, подобному им.**

---

* К словам «проповедует независимость» было примечание: Все журналы пришли в благородное бешенство и восстали против стихотворца, который (о верх унижения!) в ответ на приглашение князя** извинялся в стихах, что не может к нему приехать и обещался к нему приехать на дачу! Сие несчастное послание было предано всенародно проклятию, и с той поры, говорит один журналист, слава*** упала совершенно!

** Глава оканчивалась:

Во Франции ее блестящая литература века Людовика XIV была в передней. Анекдот о Бенсераде дает понятие о тогдашних нравах.

«Il s'attacha au cardinal Mazarin qui l'aimait, mais d'une amitié qui ne lui produisait rien. Benserade, suivant toujours son génie, faisait tous les jours les vers galants qui lui donnaient beaucoup de réputation. Un soir, le cardinal, se trouvant chez le roi, parla de la manière dont il avait vécu dans la cour du pape où il avait passé sa jeunesse. Il dit qu'il aimait les sciences; mais que son occupation principale était les belles lettres, et surtout la poésie, où il reussissait assez bien, et qu'il était dans la cour du pape, comme Benserade était en celle de France. Quelque temps après il sortit, et alla dans son appartement. Benserade arriva une heure après; ces amis lui dirent ce qu'avait dit le cardinal. A peine eurent-ils fini que Benserade, tout pénétré de joie, les quitta brusquement sans leur rien dire. Il courut à l'appartement du cardinal et heurta de toute sa force pour se faire enfendre. Le cardinal venait de se coucher. Benserade pressa si fort, et fit tant de bruit, qu'on fut obligé de le laisser entrer. Il courut se jeter à genoux au chevet du lit de son éminence; et après lui avoir demandé mille pardons de son effronterie, il lui dit ce qu'il venait d'apprendre, et le remercia avec une ardeur inexplicable de l'honneur qu'il lui avait fait de se comparer à lui pour la réputation qu'il avait dans la poésie. Il ajouta qu'il en était si glorieux, qu'il n'avait pu retenir sa joie, et qu'il serait mort à sa porte si on l'eût empêché de venir lui en témoigner sa reconnaissance. Cet empressement plut beaucoup au cardinal. Il l'assura de sa protection, et lui promit qu'elle ne lui serait pas inutile: en effet six jours après, il lui envoya une pe-

tite pension de deux mille francs. Quelque temps après, il en eut d'autres considérables sur des abbayes; et il aurait été évêque, s'il avait voulut s'engager à l'église». (Dictionnaire historique et critique par P. Bayle)*.

И заметьте, что Бель приводит эту черту безо всякого замечания, как дело весьма обыкновенное! Ныне во Франции нравы уже не те; но сословие писателей потому только не ползает перед министрами, что публика в состоянии дать больше денег. Зато как бесстыдно ползают они перед господствующими модами! Какой талант ныне во Франции не запачкал себя грязью и кровью в угоду толпы, требующей грязи и крови? Можно ли J. Janin сравнить с Краббом?

Даже теперь наши писатели, не принадлежащие к дворянскому сословию, весьма малочисленны. Несмотря на то, их деятельность овладела всеми отраслями литературы, у нас существующими. Это есть важный признак и непременно будет иметь важные последствия. Писатели дворяне (или те, которые почитают себя à tort ou à raison членами высшего общества) постепенно начинают от них удаляться под предлогом какого-то *неприличия*. Странно, что в то время, когда во всей Европе готический предрассудок противу наук и словесности, будто бы не совместных с благородством и знатностью, почти совершенно исчез, у нас он только что начинает показываться. Уже один из самых плодовитых наших писателей провозгласил, что литературой заниматься он более не намерен, потому что она *дело не дворян-*

---

* Он вступил в круг приближенных к кардиналу Мазарини, который любил его, но эта дружба ничего не приносила. Бенсерад, следуя своему вдохновению, сочинял постоянно свои галантные стихи, доставлявшие ему известность. Однажды кардинал, будучи у короля, рассказывал, как он жил при папском дворе, где он провел свою молодость. Он говорил, что любил науки, но что главным его занятием была литература — и особенно поэзия, в которой он достиг довольно хорошего успеха, и что при папском дворе он был то же, что Бенсерад при французском. Спустя некоторое время кардинал вышел и отправился в свои покои. Через час пришел Бенсерад (известный писатель того времени); его друзья стали ему рассказывать, что говорил кардинал. Едва они кончили, как Бенсерад, охваченный радостью, внезапно оставил их, ничего им не сказав. Он прибежал в покои кардинала и стал стучаться изо всей силы, добиваясь, чтобы его приняли. Кардинал только что лег. Бенсерад так усиленно настаивал и поднял такой шум, что пришлось его впустить. Вбежав, он бросился на колени перед изголовьем кровати его высокопреосвященства и после тысячи извинений за свою наглость сказал ему о том, что он сейчас узнал, и с необыкновенным жаром благодарил за честь, которую ему оказал кардинал, сравнив его с собой в отношении поэтической репутации. Он прибавил, что он так был польщен, что не мог сдержать радости и что он бы умер у его дверей, если бы ему помешали войти и изъявить свою признательность. Эта горячность очень понравилась кардиналу. Он уверил его в своем благоволении и обещал, что оно не будет для него бесполезно: и действительно, спустя шесть дней, он назначил ему небольшой пенсион в 2 тысячи франков. Через некоторое время он стал получать другую значительную сумму с аббатства и стал бы епископом, если бы захотел посвятить себя церкви («Исторический и критический словарь» П. Бейля) *(фр.)*.

БРАКИ

Радищев в главе «Черная Грязь» говорит о браках поневоле и горько порицает самовластие господ и потворство *градодержателей* (городничих?). Вообще несчастие жизни семейственной есть отличительная черта во нравах русского народа. Шлюсь на русские песни: обыкновенное их содержание — или жалобы красавицы, выданной замуж насильно, или упреки молодого мужа постылой жене. Свадебные песни наши унылы, как вой похоронный. Спрашивали однажды у старой крестьянки, по страсти ли вышла она замуж? «По страсти,— отвечала старуха,— я было заупрямилась, да староста грозился меня высечь».— Таковые страсти обыкновенны. Неволя браков давнее зло. Недавно правительство обратило внимание на лета вступающих в супружество: это уже шаг к улучшению. Осмелюсь заметить одно: возраст, назначенный законным сроком для вступления в брак, мог бы для женского пола быть уменьшен. Пятнадцатилетняя девка и в нашем климате уже *на выдании*, а крестьянские семейства нуждаются в работницах.

ское. Жаль! Конечно, не слишком лестное товарищество некоторых *новичков* отчасти тому причиною, но разве бесчестное поведение двух или трех выслужившихся *проходимцев* может быть достаточным предлогом для всех офицеров оставить шпагу и отречься от честного звания воинов!

Радищев говорит, что Ломоносов ни в какой отрасли наук не проложил новых следов* — и тут же сравнивает его — с лордом Беконом**. Таковое странное понятие имел 18-й век о величайшем уме новейших времен, о человеке, произведшем в науках сильнейший переворот и давшем им то направление, по которому текут они ныне.

Если Ломоносова можно назвать русским Беконом, то это разве в таком же смысле, как Хераскова называли русским Гомером. К чему эти прозвища? Ломоносов есть русский Ломоносов — этого с него, право, довольно.

---

* «Он скитался путями проложенными, и в нечисленном богатстве природы не нашел он ни малейшия былинки, которой не зрели лучшие его очи, не соглядал он нижé грубейшия пружины в вещественности, которую бы не обнаружили его предшественники». *(Примеч. Пушкина.)*

** «Мы желаем показать, что в отношении российской словесности тот, кто путь ко храму славы проложил, есть первый виновник в приобретении славы, хотя бы он войти во храм не мог. Бакон Веруламский не достоин разве напоминовения, что мог токмо сказать, как можно размножать науки?» *(Примеч. Пушкина.)*

РУССКАЯ ИЗБА

В *Пешках* (на станции, ныне уничтоженной) Радищев съел кусок говядины и выпил чашку кофию. Он пользуется сим случаем, дабы упомянуть о несчастных африканских невольниках, и тужит о судьбе русского крестьянина, не употребляющего сахара. Всё это было тогдашним модным краснословием. Но замечательно описание русской избы:

Четыре стены, до половины покрытые так, как и весь потолок, сажею; пол в щелях, на вершок, по крайней мере, поросший грязью; печь без трубы, но лучшая защита от холода, и дым, всякое утро зимою и летом наполняющий избу; окончины, в коих натянутый пузырь, смеркающийся в полдень, пропускал свет; горшка два или три (счастлива изба, коли в одном из них всякий день есть пустые шти!). Деревянная чашка и кружки, тарелками называемые; стол, топором срубленный, который скоблят скребком по праздникам. Корыто кормить свиней или телят, буде есть, спать с ними вместе, глотая воздух, в коем горящая свеча как будто в тумане или за завесою кажется. К счастию, кадка с квасом, на уксус похожим, и на дворе баня, в коей коли не парятся, то спит скотина. Посконная рубаха, обувь, данная природою, онучки с лаптями для выхода.

Наружный вид русской избы мало переменился со времен Мейерберга. Посмотрите на рисунки, присовокупленные к его «Путешествию». Ничто так не похоже на русскую деревню в 1662 году, как русская деревня в 1833 году. Изба, мельница, забор — даже эта елка, это печальное тавро северной природы — ничто, кажется, не изменилось. Однако произошли улучшения по крайней мере на больших дорога: труба в каждой избе; стекла заменили натянутый пузырь; вообще более чистоты, удобства, того, что англичане называют comfort. Очевидно, что Радищев напечатал карикатуру; но он упоминает о бане и о квасе, как о необходимостях русского быта. Это уже признак довольства. Замечательно и то, что Радищев, заставив свою хозяйку жаловаться на голод и неурожай, оканчивает картину нужды и бедствия сею чертою: *и начала сажать хлебы в печь.*

Фонвизин, лет за пятнадцать пред тем путешествовавший по Франции, говорит, что, по чистой совести, судьба русского крестьянина показалась ему счастливее судьбы французского земледельца. Верю. Вспомним описание Лабриера;* слова госпожи Севинье еще сильнее тем, что

* «L'on voit certains animaux farouches, des mâles et des femelles, répandus par la campagne, noirs, livides et tout brûlés du soleil attachés à la terre qu'ils fouillent et qu'ils remuent avec une opini-

она говорит без негодования и горечи, а просто рассказывает, что видит и к чему привыкла. Судьба французского крестьянина не улучшилась в царствование Людовика XV и его преемника...[11]**

Прочтите жалобы английских фабричных работников: волоса встанут дыбом от ужаса. Сколько отвратительных истязаний, непонятных мучений! какое холодное варварство с одной стороны, с другой какая страшная бедность! Вы подумаете, что дело идет о строении фараоновых пирамид, о евреях, работающих под бичами египтян. Совсем нет: дело идет о сукнах г-на Смита или об иголках г-на Джаксона. И заметьте, что всё это есть не злоупотребления, не преступления, но происходит в строгих пределах закона. Кажется, что нет в мире несчастнее английского работника, но посмотрите, что делается там при изобретении новой машины, избавляющей вдруг от каторжной работы тысяч пять или шесть народу и лишающей их последнего средства к пропитанию... У нас нет ничего подобного. Повинности вообще не тягостны. Подушная платится миром; барщина определена законом; оброк не разорителен (кроме как в близости Москвы и Петербурга, где разнообразие оборотов промышленности усиливает и раздражает корыстолюбие владельцев). Помещик, наложив оброк, оставляет на произвол своего крестьянина доставать оный, как и где он хочет. Крестьянин промышляет чем вздумает и уходит иногда за 2000 верст вырабатывать себе деньгу... Злоупотреблений везде много; уголовные дела везде ужасны.

âtreté invincible; ils ont comme une voix articulée, et quand ils se lèvent sur leurs pieds, ils montrent une face humaine, et en effet il sont des hommes, ils se retirent la nuit dans des tannières où ils vivent de pain noir, d'eau et de racines; ils épargnent aux autres hommes la peine de semer, de labourer et de recueillir pour vivre, et méritent ainsi de ne pas manquer de ce pain qu'ils ont semé». *Les Caractères**.

** В главе «Русская изба» после слов «Людовика XV и его преемника» в черновой рукописи:

Всё это, конечно, переменилось[12], и я полагаю, что француз-

---

* «По полям рассеяны какие-то дикие животные, самцы и самки, черные, с лицами землистого цвета, сожженные солнцем, склонившиеся к земле, которую они роют и ковыряют с непреодолимым упорством; у них как будто членораздельная речь, а когда они выпрямляются на ногах, то мы видим человеческое лицо; и действительно, это — люди. На ночь они удаляются в свои логовища, где питаются черным хлебом, водой и кореньями; они избавляют других людей от труда сеять, обрабатывать и собирать для пропитания, и заслуживают того, чтобы не терпеть недостатка в хлебе, который сами сеют». *Характеры (фр.)*.

Взгляните на русского крестьянина: есть ли и тень рабского уничижения в его поступи и речи? О его смелости и смышлености и говорить нечего. Переимчивость его известна. Проворство и ловкость удивительны. Путешественник ездит из края в край по России, не зная ни одного слова по-русски, и везде его понимают, исполняют его требования, заключают с ним условия. Никогда не встретите вы в нашем народе того, что французы называют

ский земледелец ныне счастливее русского крестьянина. Однако строки Радищева навели на меня уныние. Я думал о судьбе русского крестьянина.

К тому ж подушное, боярщина, оброк —
И выдался ль когда на свете
Хотя один мне радостный денек?..

Подле меня в карете сидел англичанин, человек лет 36. Я обратился к нему с вопросом: что может быть несчастнее русского крестьянина?

Англичанин. Английский крестьянин.

Я. Как? Свободный англичанин, по вашему мнению, несчастнее русского раба?

Он. Что такое свобода?

Я. Свобода есть возможность поступать по своей воле.

Он. Следственно, свободы нет нигде, ибо везде есть или законы, или естественные препятствия.

Я. Так, но разница покоряться предписанным нами самими законам или повиноваться чужой воле.

Он. Ваша правда. Но разве народ английский участвует в законодательстве? разве власть не в руках малого числа? разве требования народа могут быть исполнены его поверенными?

Я. В чем вы полагаете народное благополучие?

Он. В умеренности и соразмерности податей.

Я. Как?

Он. Вообще повинности в России не очень тягостны для народа. Подушная платится миром. Оброк не разорителен (кроме в близости Москвы и Петербурга, где разнообразие оборотов промышленности умножает корыстолюбие владельцев). Во всей России помещик, наложив оброк, оставляет на произвол своему крестьянину доставать оный как и где он хочет. Крестьянин промышляет, чем вздумает, и уходит иногда за 2000 верст вырабатывать себе деньгу. И это называете вы рабством? Я не знаю во всей Европе народа, которому было бы дано более простору действовать.

Я. Но злоупотребления...

Он. Злоупотреблений везде много. Прочтите жалобы английских фабричных работников — волоса встанут дыбом. Сколько отвратительных истязаний, непонятных мучений! какое холодное варварство с одной стороны, с другой — какая страшная бедность! Вы подумаете, что дело идет о строении фараоновых пирамид, о евреях, работающих под бичами египтян. Совсем нет: дело идет об сукнах г-на Шмидта или об иголках г-на Томпсона. В России нет ничего подобного.

Я. Вы не читали наших уголовных дел.

Он. Уголовные дела везде ужасны; я говорю вам о том, что в Англии происходит в строгих пределах закона, не о злоупотребле-

un badaud*, никогда не заметите в нем ни грубого удивления, ни невежественного презрения к чужому. В России нет человека, который бы не имел своего *собственного жилища*. Нищий, уходя скитаться по миру, оставляет *свою* избу. Этого нет в чужих краях. Иметь корову везде в Европе есть знак роскоши; у нас не иметь коровы есть знак ужасной бедности. Наш крестьянин опрятен по привычке и по правилу: каждую субботу ходит он в баню; умывается по нескольку раз в день... Судьба крестьянина улучшается со дня на день по мере распространения просвещения... Благосостояние крестьян тесно связано с благосостоянием помещиков; это очевидно для всякого. Конечно: должны еще произойти великие перемены; но не должно торопить времени, и без того уже

ниях, не о преступлениях. Кажется, нет в мире несчастнее английского работника — что хуже его жребия? Но посмотрите, что делается у нас при изобретении новой машины, вдруг избавляющей от каторжной работы тысяч пять или десять народу и лишающей их последнего средства к пропитанию?..

Я. Живали вы в наших деревнях?

Он. Я видел их проездом и жалею, что не успел изучить нравы любопытного вашего народа.

Я. Что поразило вас более всего в русском крестьянине?

Он. Его опрятность, смышленость и свобода.

Я. Как это?

Он. Ваш крестьянин каждую субботу ходит в баню; умывается каждое утро, сверх того несколько раз в день моет себе руки. О его смышлености говорить нечего. Путешественники ездят из края в край по России, не зная ни одного слова вашего языка, и везде их понимают, исполняют их требования, заключают условия; никогда не встречал между ими ни то, что соседи наши называют un badaud, никогда не замечал в них ни грубого удивления, ни невежественного презрения к чужому. Переимчивость их всем известна; проворство и ловкость удивительны...

Я. Справедливо; но свобода? Неужто вы русского крестьянина почитаете свободным?

Он. Взгляните на него: что может быть свободнее его обращения! Есть ли и тень рабского унижения в его поступи и речи? Вы не были в Англии?

Я. Не удалось.

Он. Так вы не видали оттенков подлости, отличающих у нас один класс от другого. Вы не видали раболепного maintien Нижней каморы перед Верхней; джентельменства перед аристократией; купечества перед джентельменством; бедности перед богатством; повиновения перед властию... А нравы наши, а conversation criminal, а продажные голоса, а уловки министерства, а тиранство наше с Индиею, а отношения наши со всеми другими народами?..

Англичанин мой разгорячился и совсем отдалился от предмета нашего разговора. Я перестал следовать за его мыслями — и мы приехали в *Клин*.

* ротозей *(фр.)*.

довольно деятельного. Лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от одного улучшения нравов, без насильственных потрясений политических, страшных для человечества...

СЛЕПОЙ

Слепой старик поет *стих об Алексее, божием человеке.* Крестьяне плачут; Радищев *рыдает вслед за ямским собранием... О природа! колико ты властительна!* Крестьяне дают старику милостыню. Радищев *дрожащею* рукою дает ему рубль. Старик отказывается он него, потому что Радищев дворянин. Он рассказывает, что в молодости лишился он глаз на войне в наказание за свою жестокость. Между тем баба подносит ему пирог. Старик принимает его *с восторгом. Вот истинная благостыня,* восклицает он. Радищев, наконец, дарит ему шейный платок и извещает нас, что старик умер несколько дней после и похоронен с этим платком на шее.— Имя Вертера, встречаемое в начале главы, поясняет загадку.

Вместо всего этого пустословия, лучше было бы, если Радищев, кстати о старом и всем известном «Стихе», поговорил нам о наших народных легендах[13], которые до сих пор еще не напечатаны и которые заключают в себе столь много истинной поэзии. Н. М. Языков и П. В. Киреевский собрали их несколько etc., etc.

РЕКРУТСТВО

Городня.— Въезжая в сию деревню,— пишет Радищев,— не стихотворческим пением слух мой был ударяем, но пронзающим сердца воплем жен, детей и старцев. Встав из моей кибитки, отпустил я ее к почтовому двору, любопытствуя узнать причину приметного на улице смятения.

Подошед к одной куче, узнал я, что рекрутский набор был причиною рыдания и слез многих толпящихся. Из многих селений казенных и помещичьих сошлися отправляемые на отдачу рекруты.

В одной толпе старуха лет пятидесяти, держа за голову двадцатилетнего парня, вопила: «Любезное мое дитятко, на кого ты меня покидаешь? Кому ты поручаешь дом родительский? Поля наши порастут травою, мохом наша хижина. Я, бедная престарелая мать твоя, скитаться должна по миру. Кто согреет мою дряхлость от холода, кто укроет ее от зноя? Кто напоит меня и накормит? Да всё то не столь сердцу тягостно; кто закроет мои очи при издыхании? Кто примет мое родительское благословение? Кто тело предаст общей нашей матери — сырой земле? Кто придет воспомянуть меня над могилою? Не канет на нее твоя горячая слеза; не будет мне отрады той».

Подле старухи стояла девка, уже взрослая. Она тоже вопила: «Прости, мой друг сердечный, прости, мое красное солнушко. Мне, твоей невесте нареченной, не будет больше утехи, ни веселья. Не позавидуют мне подруги мои. Не взойдет надо мною солнце для радости. Горевать ты меня покидаешь ни вдовою, ни мужнею женою. Хотя бы бесчеловечные наши старосты, хоть дали бы нам обвенчатися; хотя бы ты, мой милый друг, хотя бы одну уснул ноченьку, уснул бы на белой моей груди. Авось ли бы бог меня помиловал и дал бы мне паренька на утешение».

Парень им говорил: «Перестаньте плакать, перестаньте рвать мое сердце. Зовет нас государь на службу. На меня пал жеребей. Воля божия. Кому не умирать, тот жив будет. Авось-либо я с полком к вам приду. Авось-либо дослужуся до чина. Не крушися, моя матушка родимая. Береги для меня Прасковьюшку».— Рекрута сего отдавали из экономического селения.

Совсем другого рода слова внял слух мой в близ стоящей толпе. Среди оной я увидел человека лет тридцати, посредственного роста, стоящего бодро и весело на окрест стоящих взирающего.

«Услышал господь молитву мою,— вещал он.— Достигли слезы несчастного до утешителя всех. Теперь буду хотя знать, что жребий мой зависеть может от доброго или худого моего поведения. Доселе зависел он от своенравия женского. Одна мысль утешает, что без суда батожьем наказан не буду!»

Узнав из речей его, что он господский был человек, любопытствовал от него узнать причину необыкновенного удовольствия. На вопрос мой о сем он ответствовал: «Если бы, государь мой, с одной стороны поставлена была виселица, а с другой глубокая река, и, стоя между двух гибелей, неминуемо бы должно было идти направо или налево, в петлю или в воду, что избрали бы вы, чего бы заставил желать рассудок и чувствительность? Я думаю, да и всякий другой, избрал бы броситься в реку в надежде, что преплыв на другой брег, опасность уже минется. Никто не согласился бы испытать, тверда ли петля, своей шеею. Таков мой был случай. Трудна солдатская жизнь, но лучше петли. Хорошо бы и то, когда бы тем и конец был, но умирать томною смертию, под батожьем, под кошками, в кандалах, в погребе, нагу, босу, алчущу, жаждущу при всегдашнем поругании; государь мой, хотя холопей считаете вы своим имением, нередко хуже скотов, но, к несчастию их горчайшему, они чувствительности не лишены. Вам удивительно, вижу я, слышать таковые слова в устах крестьянина; но, слышав их, для чего не удивляетесь жестокосердию своей собратии, дворян».

Самая необходимая и тягчайшая из повинностей народных есть рекрутский набор. Образ набора везде различествует и везде влечет за собою великие неудобства. Английский *пресс* подвергается ежегодно горьким выходкам оппозиции и со всем тем существует во всей своей силе. Прусское Landwehr*, система сильная и искусно приноровленная к государству, еще не оправданная опытом, возбуждает уже ропот в терпеливых пруссаках. Наполе-

* Ополчение *(нем.)*.

оновская конскрипция производилась при громких рыданиях и проклятиях всей Франции.

Чудовище, склонясь на колыбель детей[14],
Считало годы их кровавыми перстами.
Сыны в дому отцов минутными гостями
Являлись etc.

Рекрутство наше тяжело; лицемерить нечего. Довольно упомянуть о законах противу крестьян, изувечивающихся во избежание солдатства. Сколько труда стоило Петру Великому, чтобы приучить народ к рекрутству! Но может ли государство обойтиться без постоянного войска? Полумеры ни к чему доброму не ведут. Конскрипция по кратковременности службы, в течение 15 лет, делает изо всего народа одних солдат. В случае народных мятежей мещане бьются, как солдаты; солдаты плачут и толкуют, как мещане*. Обе стороны одна с другой тесно связаны. Русский солдат, на 24 года отторженный от среды своих сограждан, делается чужд всему, кроме своему долгу. Он возвращается на родину уже в старости. Самое его возвращение уже есть порука за его добрую нравственность; ибо отставка дается только за беспорочную службу. Он жаждет одного спокойствия. На родине находит он только несколько знакомых стариков. Новое поколение его не знает и с ним не братается**.

Очередь, к которой придерживаются некоторые помещики-филантропы, не должна существовать, пока существуют наши дворянские права. Лучше употребить сии права в пользу наших крестьян и, удаляя от среды их вредных негодяев, людей, заслуживших тяжкое наказание и проч., делать из них полезных членов обществу. Безрассудно жертвовать полезным крестьянином, трудолюбивым, добрым отцом семейства, а щадить вора и пьяницу обнищалого — из уважения к какому-то правилу, самовольно нами признанному. И что значит эта жалкая пародия законности!

Радищев сильно нападает на продажу рекрут и другие злоупотребления. Продажа рекрут была в то время уже

---

* Обе стороны, одна с другой тесно связанные, вскоре мирятся и обнимаются и обращаются противу правительства.

** Власть помещиков в том виде, какова она теперь существует, необходима для рекрутского набора. Без нее правительство в губернии не могло бы собрать и десятой доли требуемого числа рекрут. Вот одна из тысячи причин, повелевающих нам присутствовать в наших поместиях, а не разоряться в столицах под предлогом усердия к службе, но в самом деле из единой любви к рассеянности и к чинам.

запрещена, но производилась еще под рукою. *Простодум* в комедии Княжнина[15] говорит, что

Три тысячи скопил он дома лет в десяток
Не хлебом, не скотом, не выводом теляток,
Но кстати в рекруты торгуючи людьми.

Но запрещение сие имело свою невыгодную сторону: богатый крестьянин лишался возможности избавиться рекрутства, а судьба бедняков, коими торговал безжалостный помещик, вряд ли через то улучшилась.

РУССКОЕ СТИХОСЛОЖЕНИЕ

Тверь.— Стихотворство у нас, говорил товарищ мой трактирного обеда, в разных смыслах как оно приемлется, далеко еще отстоит величия. Поэзия было пробудилась, но ныне паки дремлет, а стихосложение шагнуло один раз и стало в пень.

Ломоносов, уразумев смешное в польском одеянии наших стихов, снял с них несродное им полукафтанье. Подав хорошие примеры новых стихов, надел на последователей своих узду великого примера, и никто доселе отшатнуться от него не дерзнул. По несчастию, случилося, что Сумароков в то же время был; и был отменный стихотворец. Он употреблял стихи по примеру Ломоносова, и ныне все вслед за ними не воображают, чтобы другие стихи быть могли, как ямбы, как такие, какими писали сии оба знаменитые мужи.

Хотя оба сии стихотворца преподавали правила других стихосложений, а Сумароков и во всех родах оставил примеры, но они столь маловажны, что ни от кого подражания не заслужили. Если бы Ломоносов предложил Иова или псалмопевца дактилями, или если бы Сумароков «Семиру» или «Димитрия» написал хореями, то и Херасков вздумал бы, что можно писать другими стихами, опричь ямбов, и более бы славы в осьмилетнем своем приобрел труде, описав взятие Казани свойственным эпопее стихосложением. Не дивлюсь, что древний треух на Виргилия надет ломоносовским покроем; но желал бы я, чтобы Омир между нами не в ямбах явился, но в стихах, подобных его, эксаметрах, и Костров, хотя не стихотворец, а переводчик, сделал бы эпоху в нашем стихосложении, ускорив шествие самой поэзии целым поколением.

Но не одни Ломоносов и Сумароков остановили российское стихосложение. Неутомимый возовик Тредиаковский немало к тому способствовал своею «Тилемахидою». Теперь дать пример нового стихосложения очень трудно, ибо примеры в добром и худом стихосложении глубокий пустили корень. Парнас окружен ямбами, и рифмы стоят везде на карауле. Кто бы ни задумал писать дактилями, тому тотчас Тредиаковского приставят дядькою, и прекраснейшее дитя долго казаться будет уродом, доколе не родится Мильтона, Шекеспира или Вольтера. Тогда и Тредиаковского выроют из поросшей мхом забвения могилы, в «Тилемахиде» найдутся добрые стихи и будут в пример поставляемы.

Долго благой перемене в стихосложении препятствовать будет привыкшее ухо к краесловию. Слышав долгое время единогласное в стихах окончание, безрифмие покажется грубо, негладко и не-

стройно. Таково оно и будет, доколе французский язык будет в России больше других языков в употреблении. Чувства наши, как гибкое и молодое дерево, можно вырастить прямо и криво, по произволению. Сверх же того в стихотворении так, как и во всех вещах, может господствовать мода, и если она хотя несколько имеет в себе естественного, то принята будет без прекословия. Но всё модное мгновенно, а особливо в стихотворстве. Блеск наружный может заржаветь, но истинная красота не поблекнет никогда. Омир, Виргилий, Мильтон, Расин, Вольтер, Шекеспир, Тассо и многие другие читаны будут, доколе не истребится род человеческий.

Излишним почитаю я беседовать с вами о разных стихах, российскому языку свойственных. Что такое ямб, хорей, дактиль или анапест, всяк знает, если немного кто разумеет правила стихосложения. Но то бы было не излишнее, если бы я мог дать примеры, в разных родах достаточные. Но силы мои и разумение коротки. Если совет мой может что-либо сделать, то я бы сказал, что российское стихотворство, да и сам российский язык гораздо обогатились бы, если бы переводы стихотворных сочинений делали не всегда ямбами. Гораздо бы эпической поэме свойственнее было, если бы перевод «Генриады» не был в ямбах, а ямбы некраесловные хуже прозы.

Радищев, будучи нововводителем в душе, силился переменить и русское стихосложение. Его изучения «Тилемахиды» замечательны. Он первый у нас писал древними лирическими размерами. Стихи его лучше его прозы. Прочитайте его «Осьмнадцатое столетие», «Сафические строфы», басню или, вернее, элегию «Журавли» — всё это имеет достоинство. В главе, из которой выписал я приведенный отрывок, помещена его известная ода. В ней много сильных стихов.

Обращаюсь к русскому стихосложению. Думаю, что со временем мы обратимся к белому стиху. Рифм в русском языке слишком мало. Одна вызывает другую. *Пламень* неминуемо тащит за собою *камень*. Из-за *чувства* выглядывает непременно *искусство*. Кому не надоели *любовь* и *кровь, трудный* и *чудный, верный* и *лицемерный,* и проч.

Много говорили о настоящем русском стихе. А. Х. Востоков определил его[16] с большою ученостию и сметливостию. Вероятно, будущий наш эпический поэт изберет его и сделает народным.

МЕДНОЕ (РАБСТВО)

Медное.— «Во поле береза стояла, во поле кудрявая стояла, ой, люли, люли, люли, люли...» Хоровод молодых баб и девок — пляшут — подойдем поближе, говорил я сам себе, развертывая найденные бумаги моего приятеля.— Но я читал следующее. Не мог дойти до хоровода. Уши мои задернулись печалию, и радостный глас нехит-

ростного веселия до сердца моего не проник. О мой друг! где бы ты ни был, внемли и суди.

Каждую неделю два раза вся Российская империя извещается, что Н. Н. или Б. Б. в несостоянии или не хочет платить того, что занял, или взял, или чего от него требуют. Занятое либо проиграно, проезжено, прожито, проедено, пропито, про... или раздарено, потеряно в огне или воде, или Н. Н. или Б. Б. другими какими-либо случаями вошел в долг или под взыскание. То и другое наравне в ведомостях приемлется.— Публикуется: «Сего... дня пополуночи в 10 часов, по определению уездного суда или городового магистрата, продаваться будет с публичного торга отставного капитана Г... недвижимое имение, дом, состоящий в... части, под №... и при нем шесть душ мужеского и женского полу; продажа будет при оном доме. Желающие могут осмотреть заблаговременно».

Следует картина, ужасная тем, что она правдоподобна. Не стану теряться вслед за Радищевым в его надутых, но искренних мечтаниях... с которыми на сей раз соглашаюсь поневоле...

О ЦЕНЗУРЕ

Расположась обедать в славном трактире Пожарского, я прочел статью под заглавием «Торжок». В ней дело идет о свободе книгопечатанья; любопытно видеть о сем предмете рассуждение человека, вполне разрешившего сам себе сию свободу, напечатав в собственной типографии книгу, в которой дерзость мыслей и выражений выходит изо всех пределов*.

Один из французских публицистов[17] остроумным софизмом захотел доказать безрассудность цензуры. Если, говорит он, способность говорить была бы новейшим изобретением, то нет сомнения, что правительства не замедлили б установить цензуру и на язык: издали бы известные правила, и два человека, чтоб поговорить между собою о погоде, должны были бы получить предварительное на то позволение.

Конечно: если бы *слово* не было общей принадлежностию всего человеческого рода, а только миллионной части оного,— то правительства необходимо должны были бы ограничить законами права мощного сословия людей говорящих. Но *грамота* не есть естественная спо-

* Приступая к рассмотрению сей статьи, долгом почитаю сказать, что я убежден в необходимости цензуры в образованном нравственно и христианском обществе, под какими бы законами и правлением оно бы ни находилось.

собность, дарованная богом всему человечеству, как язык или зрение. Человек *безграмотный* не есть урод и не находится вне вечных законов природы. И между грамотеями не все равно обладают *возможностью* и самою *способностию* писать книги или журнальные статьи. Печатный лист обходится около 35 рублей; бумага также чего-нибудь да стоит. Следственно, печать доступна не всякому. (Не говорю уже о таланте etc.) Писатели во всех странах мира суть класс самый малочисленный изо всего народонаселения. Очевидно, что аристократия самая мощная, самая опасная — есть аристократия людей, которые на целые поколения, на целые столетия налагают свой образ мыслей, свои страсти, свои предрассудки. Что значит аристократия породы и богатства в сравнении с аристократией пишущих талантов?[18] Никакое богатство не может перекупить влияние обнародованной мысли. Никакая власть, никакое правление не может устоять противу всеразрушительного действия типографического снаряда*. Уважайте класс писателей, но не допускайте же его овладеть вами совершенно**.

---

* Взгляните на нынешнюю Францию. Людовик Филипп, воцарившийся *милостию свободного книгопечатания,* принужден уже обуздывать сию свободу, несмотря на отчаянные крики оппозиции.

** Глава оканчивалась после слов «овладеть вами совершенно»:

Сказав откровенно и по чистой совести мнение мое о свободе книгопечатания, столь же откровенно буду говорить и о цензуре.

Высший присутственный приказ в государстве есть тот, который ведает дела ума человеческого. *Устав,* коим судии должны руководствоваться, должен быть священ и непреложен. Книги, являющиеся перед его судом, должны быть приняты не как извозчик, пришедший за нумером, дающим ему право из платы рыскать по городу, но с уважением и снисходительностию. Цензор есть важное лицо в государстве, сан его имеет нечто священное. Место сие должен занимать гражданин честный и нравственный, известный уже своим умом и познаниями, а не первый коллежский асессор, который, по свидетельству формуляра, учился в университете. Рассмотрев книгу и дав оной права гражданства, он уже за нее отвечает, ибо слишком было бы жестоко подвергать двойной и тройной ответственности писателя, честно соблюдающего узаконенные правила, под предлогом злоумышления, бог ведает какого. Но и цензора не должно запугивать, придираясь к нему за мелочи, неумышленно пропущенные им, и делать из него уже не стража государственного благоденствия, но грубого буточника, поставленного на перекрестке с тем, чтоб не пропускать народа за веревку. Большая часть писателей руководствуется двумя сильными пружинами, одна другой противодействующими: *тщеславием* и *корыстолюбием.* Если запретительною системою будете вы мешать словесности в ее [illegible]го-вой промышленности, то она предастся в глухую рукописную [illegible]цию, всегда заманчивую, и успехами тщеславия легко [illegible] о денежных убытках.

Земская цензурная управа тщательно должна быть отделе[illegible]

Мысль! великое слово! Что же и составляет величие человека, как не мысль? Да будет же она свободна, как должен быть свободен человек: *в пределах закона, при полном соблюдении условий, налагаемых обществом.*

«Мы в том и не спорим,— говорят противники цензуры.— Но книги, как и граждане, ответствуют за себя. Есть законы для тех и для других. К чему же предварительная цензура? Пускай книга сначала выйдет из типографии, и тогда, если найдете ее преступною, вы

ховной, как было доныне в России. Цензор духовного звания не может иногда без явного неприличия позволить то, что в светском писателе не подлежит ни малейшей укоризне. Например, божба, призвание имени божия всуе, шутки над грехами etc. Что было бы верхом неприличия в книге феологической, то разве лицемер или глупец может осудить в комедии или в романе.

Нравственность (как и религия) должна быть уважаема писателем. Безнравственные книги суть те, которые потрясают первые основания гражданского общества, те, которые проповедуют разврат, рассевают личную клевету или кои целию имеют распаление чувственности приапическими изображениями. Тут необходим в цензоре здравый ум и *чувство приличия,* ибо решение его зависит от сих двух качеств. Не должен он забывать, что большая часть мыслей не подлежит ответственности, как те дела человеческие, которые закон оставляет каждому на произвол его совести.

Было время (слава богу, оно уже прошло и, вероятно, уже не возвратится), что наши писатели были преданы на произвол цензуры самой бессмысленной: некоторые из тогдашних решений могут показаться выдумкой и клеветою. Например, какой-то стихотворец говорил о *небесных* глазах своей любезной. Цензор велел ему, вопреки просодии, поставить вместо *небесных — голубые,* ибо слово *небо* приемлется иногда в смысле высшего промысла! В славной балладе Жуковского назначается свидание накануне Иванова дня; цензор нашел, что в такой великий праздник грешить неприлично, и никак не желал пропустить балладу Вальтер Скотта. Некто критиковал трагедию Сумарокова; цензор вымарал всю статью и написал на поле: *Переменить, соображаясь со мнением публики.* Ода «Похвала Вакха» была запрещена, потому что пьянство запрещено божескими и человеческими законами. Спрашивается, каков был цензор и каково было писателям.

Радищев в статье своей поместил «Краткое историческое повествование о происхождении цензуры». Если бы вся книга была так написана, как этот отрывок, то, вероятно, она бы не навлекла грозы на автора. В сей статье Радищев говорит, что *цензура* была в первый раз установлена инквизицией. Радищев не знал, что новейшее судопроизводство основано во всей Европе по образу судопроизводства инквизиционного (пытка, разумеется, в сторону). *Инквизиция* была потребностию века. То, что в ней отвратительно, есть необходимое следствие нравов и духа времени. История ее мало известна и ожидает еще беспристрастного исследователя.

К этой же главе относится запись:

Увидя разбойника, заносящего нож на свою жертву, ужели вы будете спокойно ждать совершения убийства, чтоб быть вправе судить преступника!

можете ее ловить, хватать и казнить, а сочинителя или издателя присудить к заключению и к положенному штрафу».

Но мысль уже стала гражданином, уже ответствует за себя, как скоро она родилась и выразилась. Разве *речь* и *рукопись* не подлежат закону? Всякое правительство вправе не позволять проповедовать на площадях, что кому в голову придет, и может остановить раздачу рукописи, хотя строки оной начертаны пером, а не тиснуты станком типографическим. Закон не только наказывает, но и предупреждает. Это даже его благодетельная сторона.

Действие человека мгновенно и одно (isolé); действие книги множественно и повсеместно. Законы противу злоупотреблений книгопечатания не достигают цели закона; не предупреждают зла, редко его пресекая. Одна цензура может исполнить то и другое.

ЭТИКЕТ

Власть и свободу сочетать должно на взаимную пользу.

Истина неоспоримая, коею Радищев заключает начертание о уничтожении придворных чинов, исполненное мыслей, большею частию ложных, хотя и пошлых.

Предполагать унижение в обрядах, установленных этикетом, есть просто глупость. Английский лорд, представляясь своему королю, становится на колени и целует ему руку. Это не мешает ему быть в оппозиции, если он того хочет. Мы всякий день подписываемся *покорнейшими слугами,* и, кажется, никто из этого еще не заключал, чтобы мы просились в камердинеры.

Придворные обычаи, соблюдаемые некогда при дворе наших царей, уничтожены у нас Петром Великим при всеобщем перевороте. Екатерина II занялась и сим уложением и установила новый этикет. Он имел перед этикетом, наблюдаемым в других державах, то преимущество, что был основан на правилах здравого смысла и вежливости общепонятной, а не на забытых преданиях и обыкновениях, давно изменившихся. Покойный государь любил простоту и непринужденность. Он ослабил снова этикет, который, во всяком случае, не худо возобновить. Конечно, государи не имеют нужды в обрядах, часто для них утомительных; но этикет есть также закон; к тому же он при дворе необходим, ибо всякому, имею-

щему честь приближаться к царским особам, необходимо знать свою обязанность и границы службы. Где нет этикета, там придворные в поминутном опасении сделать что-нибудь неприличное. Нехорошо прослыть невежею; неприятно казаться и подслужливым выскочкою.

ШЛЮЗЫ

В Вышнем Волочке Радищев любуется шлюзами, благословляет память того, кто, уподобясь природе в ее благодеяниях, сделал реку *рукодельною* и все концы единой области привел в сообщение. С наслаждением смотрит он на канал, наполненный нагруженными барками; он видит тут истинное земли изобилие, избытки земледелателя и во всем его блеске мощного пробудителя человеческих деяний, *корыстолюбие*. Но вскоре мысли его принимают обыкновенное свое направление. Мрачными красками рисует состояние русского земледельца и рассказывает следующее:

Некто, не нашед в службе, как то по просторечию называют, счастия или не желая оного в ней снискать, удалился из столицы, приобрел небольшую деревню, например во сто или в двести душ, определил себя искать прибытка в земледелии. Не сам он себя определял к сохе, но вознамерился наидействительнейшим образом всевозможное сделать употребление естественных сил своих крестьян, прилагая оные к обработыванию земли. Способом к сему надежнейшим почел он уподобить крестьян своих орудиям, ни воли, ни побуждения не имеющим; и уподобил их действительно в некотором отношении нынешнего века воинам, управляемым грудою, устремляющимся на бою грудою, а в единственности ничего не значащим. Для достижения своея цели он отнял у них малый удел пашни и сенных покосов, которые им на необходимое пропитание дают обыкновенно дворяне, яко в воздаяние за все принужденные работы, которые они от крестьян требуют. Словом, сей дворянин некто всех крестьян, жен их и детей заставил во все дни года работать на себя. А дабы они не умирали с голоду, то выдавал он им определенное количество хлеба, под именем месячины известное. Те, которые не имели семейств, месячины не получали, а по обыкновению лакедемонян пировали вместе на господском дворе, употребляя для соблюдения желудка в мясоед пустые шти, а в посты и постные дни хлеб с квасом. Истинные розговины бывали разве на святой неделе.

Таковым урядникам производилася также приличная и соразмерная их состоянию одежда. Обувь для зимы, то есть лапти, делали они сами; онучи получали от господина своего; а летом ходили босы. Следственно, у таковых узников не было ни коровы, ни лошади, ни овцы, ни барана. Дозволение держать их господин у них не отымал, но способы к тому. Кто был позажиточнее, кто был умереннее в пище, тот держал несколько птиц, которых господин иногда бирал себе, платя за них цену по своей воле.

При таком заведении не удивительно, что земледелие в деревне г. некто было в цветущем состоянии. Когда у всех худой был урожай,

у него родился хлеб сам-четверт; когда у других хороший был урожай, то у него приходил хлеб сам-десят и более. В недолгом времени к двумстам душам он еще купил двести жертв своему корыстолюбию; и, поступая с сими равно как и с первыми, год от году умножал свое имение, усугубляя число стенящих на его нивах. Теперь он считает их уже тысячами и славится как знаменитый земледелец.

Помещик, описанный Радищевым, привел мне на память другого, бывшего мне знакомого лет 15 тому назад. Молодой мой образ мыслей и пылкость тогдашних чувствований отвратили меня от него и помешали мне изучить один из самых замечательных характеров, которые удалось мне встретить. Этот помещик был род маленького Людовика XI. Он был тиран, но тиран по системе и по убеждению, с целию, к которой двигался он с силою души необыкновенной и с презрением к человечеству, которого не думал и скрывать. Сделавшись помещиком двух тысяч душ, он нашел своих крестьян, как говорится, избалованными слабым и беспечным своим предшественником. Первым старанием его было общее и совершенное разорение. Он немедленно приступил к совершению своего предположения и в три года привел крестьян в жестокое положение. Крестьянин не имел никакой собственности, он пахал барскою сохою, запряженной барскою клячею, скот его был весь продан, он садился за спартанскую трапезу на барском дворе; дома не имел он ни штей, ни хлеба. Одежда, обувь выдавалась ему от господина,— словом, статья Радищева кажется картиною хозяйства моего помещика. Как бы вы думали? Мучитель имел виды филантропические. Приучив своих крестьян к нужде, терпению и труду, он думал постепенно их обогатить, возвратить им собственность, даровать им права! Судьба не позволила ему исполнить его предначертания. Он был убит своими крестьянами во время пожара.

ПУТЕШЕСТВИЕ В АРЗРУМ

Во время похода 1829 года

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сии записки, будучи занимательны только для весьма немногих, никогда не были бы напечатаны, если б к тому не побудила меня особая причина. Прошу позволение объяснить ее и для того войти в подробности очень неважные, ибо они касаются одного меня.

В 1829 году отправился я на Кавказские воды. В таком близком

расстоянии от Тифлиса мне захотелось туда съездить для свидания с братом и с некоторыми из моих приятелей. Приехав в Тифлис, я уже никого из них не нашел. Армия выступила в поход. Желание видеть войну и сторону мало известную побудило меня просить у е. с. графа Паскевича-Эриванского позволение приехать в Армию. Таким образом видел я блистательный поход, увенчанный взятием Арзрума.

Журналисты как-то о том проведали. В политической газете побранили меня не на шутку за то, что по возвращении моем напечатал я стихотворение, не относившееся ко взятию Арзрума. Зная, что публика столь же мало заботится о моих путешествиях, как и о требованиях рецензентов, я не стал оправдываться. Но обвинение важнейшее заставляет меня прервать молчание.

Недавно попалась мне в руки книга, напечатанная в Париже в прошлом 1834 году под названием: Voyages en Orient entrepris par ordre du Gouvernement Français*. Автор, по-своему описывая поход 1829 года, оканчивает свои рассуждения следующими словами:

Un poète distingué par son imagination a trouvé dans tant de hauts faits dont il a été témoin on le sujet d'un poème, mais celui d'une satyre**.

Из поэтов, бывших в турецком походе, знал я только об А. С. Хомякове и об А. Н. Муравьеве. Оба находились в армии графа Дибича. Первый написал в то время несколько прекрасных лирических стихотворений, второй обдумывал свое путешествие к святым местам, произведшее столь сильное впечатление. Но я не читал никакой сатиры на Арзрумский поход.

Никак бы я не мог подумать, что дело здесь идет обо мне, если бы в той самой книге не нашел я своего имени между именами генералов отдельного Кавказского корпуса. Parmi les chefs qui la commandaient (l'armée du Prince Paskewitch) on distinguait le Général Mouravief... le Prince Géorgien Tsitsevadze... le Prince Arménien Beboutof... le Prince Potemkine, le Général Raiewsky, et enfin — M-r Pouchkine... qui avait quitté la capitale pour chanter les exploits de ses compatriotes***.

Признаюсь: эти строки французского путешественни-

---

* Путешествия на Восток, предпринятые по поручению Французского правительства *(фр.)*.

** Один поэт, замечательный своим воображением, в стольких славных деяниях, свидетель которых он был, нашел сюжет не для поэмы, но для сатиры *(фр.)*.

*** Среди начальников, командовавших ею (армией князя Паскевича), выделялись генерал Муравьев... грузинский князь Чичевадзе... армянский князь Бебутов... князь Потемкин, генерал Раевский, и наконец г. Пушкин... покинувший столицу, чтобы воспеть подвиги своих соотечественников *(фр.)*.

ка, несмотря на лестные эпитеты, были мне гораздо досаднее, нежели брань русских журналов. *Искать вдохновения* всегда казалось мне смешной и нелепой причудою: вдохновения не сыщешь; оно само должно найти поэта. Приехать на войну с тем, чтоб воспевать будущие подвиги, было бы для меня, с одной стороны, слишком самолюбиво, а с другой — слишком непристойно. Я не вмешиваюсь в военные суждения. Это не мое дело. Может быть, смелый переход через Саган-лу, движение, коим граф Паскевич отрезал сераскира от Осман-паши, поражение двух неприятельских корпусов в течение одних суток, быстрый поход к Арзруму, всё это, увенчанное полным успехом, может быть, и чрезвычайно достойно посмеяния в глазах военных людей (каковы, например, г. купеческий консул Фонтанье, автор путешествия на Восток); но я устыдился бы писать сатиры на прославленного полководца, ласково принявшего меня под сень своего шатра и находившего время посреди своих великих забот оказывать мне лестное внимание. Человек, не имеющий нужды в покровительстве сильных, дорожит их радушием и гостеприимством, ибо иного от них не может и требовать. Обвинение в неблагодарности не должно быть оставлено без возражения, как ничтожная критика или литературная брань. Вот почему решился я напечатать это предисловие и выдать свои путевые записки, как *всё,* что мною было написано о походе 1829 года.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Степи. Калмыцкая кибитка. Кавказские воды. Военная Грузинская дорога. Владикавказ. Осетинские похороны. Терек. Дариальское ущелие. Переезд через снеговые горы. Первый взгляд на Грузию. Водопроводы. Хозрев-Мирза. Душетский городничий.

...Мне предстоял путь через Курск и Харьков; но я своротил на прямую тифлисскую дорогу, жертвуя хорошим обедом в курском трактире (что не безделица в наших путешествиях) и не любопытствуя посетить Харьковский университет, который не стоит курской ресторации.

До Ельца дороги ужасны. Несколько раз коляска моя вязла в грязи, достойной грязи одесской. Мне случалось в сутки проехать не более пятидесяти верст. Наконец увидел я воронежские степи и свободно покатился по зеленой равнине. В Новочеркасске нашел я графа Пушкина[1], ехавшего также в Тифлис, и мы согласились путешествовать вместе.

Переход от Европы к Азии делается час от часу чувствительнее: леса исчезают, холмы сглаживаются, трава густеет и являет бо́льшую силу растительности; показываются птицы, неведомые в наших лесах; орлы сидят на кочках, означающих большую дорогу, как будто на страже, и гордо смотрят на путешественника; по тучным пастбищам

Кобылиц неукротимых
Гордо бродят табуны.[2]

Калмыки располагаются около станционных хат. У кибиток их пасутся их уродливые, косматые кони, знакомые вам по прекрасным рисункам Орловского.

На днях посетил я калмыцкую кибитку (клетчатый плетень, обтянутый белым войлоком). Всё семейство собиралось завтракать; котел варился посредине, и дым выходил в отверстие, сделанное в верху кибитки. Молодая калмычка, собою очень недурная, шила, куря табак. Я сел подле нее. «Как тебя зовут?»—«***».—«Сколько тебе лет?»—«Десять и восемь».—«Что ты шьешь?» — «Портка» — «Кому?» — «Себя».— Она подала мне свою трубку и стала завтракать. В котле варился чай с бараньим жиром и солью. Она предложила мне свой ковшик. Я не хотел отказаться и хлебнул, стараясь не перевести духа. Не думаю, чтобы другая народная кухня могла произвести что-нибудь гаже. Я попросил чем-нибудь это заесть. Мне дали кусочек сушеной кобылятины; я был и тому рад. Калмыцкое кокетство испугало меня; я поскорее выбрался из кибитки и поехал от степной Цирцеи.

В Ставрополе увидел я на краю неба облака, поразившие мне взоры ровно за девять лет. Они были всё те же, всё на том же месте. Это — снежные вершины Кавказской цепи.

Из Георгиевска я заехал на Горячие воды. Здесь нашел я большую перемену. В мое время ванны находились в лачужках, наскоро построенных. Источники, большею частию в первобытном своем виде, били, дымились и стекали с гор по разным направлениям, оставляя по себе белые и красноватые следы. Мы черпали кипучую воду ковшиком из коры или дном разбитой бутылки. Нынче выстроены великолепные ванны и дома. Бульвар, обсаженный липками, проведен по склонению Машука.

Везде чистенькие дорожки, зеленые лавочки, правильные цветники, мостики, павильоны. Ключи обделаны, выложены камнем; на стенах ванн прибиты предписания от полиции; везде порядок, чистота, красивость...

Признаюсь: Кавказские воды представляют ныне более удобностей; но мне было жаль их прежнего дикого состояния; мне было жаль крутых каменных тропинок, кустарников и неогороженных пропастей, над которыми, бывало, я карабкался. С грустью оставил я воды и отправился обратно в Георгиевск. Скоро настала ночь. Чистое небо усеялось миллионами звезд. Я ехал берегом Подкумка. Здесь, бывало, сиживал со мною А. Раевский, прислушиваясь к мелодии вод. Величавый Бешту чернее и чернее рисовался в отдалении, окруженный горами, своими вассалами, и наконец исчез во мраке...

На другой день мы отправились далее и прибыли в Екатериноград, бывший некогда наместническим городом.

С Екатеринограда начинается военная Грузинская дорога; почтовый тракт прекращается. Нанимают лошадей до Владикавказа. Дается конвой казачий и пехотный и одна пушка. Почта отправляется два раза в неделю, и приезжие к ней присоединяются: это называется *оказией.* Мы дожидались недолго. Почта пришла на другой день, и на третье утро в девять часов мы были готовы отправиться в путь. На сборном месте соединился весь караван, состоявший из пятисот человек или около. Пробили в барабан. Мы тронулись. Впереди поехала пушка, окруженная пехотными солдатами. За нею потянулись коляски, брички, кибитки солдаток, переезжающих из одной крепости в другую; за ними заскрыпел обоз двухколесных ароб. По сторонам бежали конские табуны и стада волов. Около них скакали нагайские проводники в бурках и с арканами. Всё это сначала мне очень нравилось, но скоро надоело. Пушка ехала шагом, фитиль курился, и солдаты раскуривали им свои трубки. Медленность нашего похода (в первый день мы прошли только пятнадцать верст), несносная жара, недостаток припасов, беспокойные ночлеги, наконец беспрерывный скрып нагайских ароб выводили меня из терпения. Татаре тщеславятся этим скрыпом, говоря, что они разъезжаются как честные люди, не имеющие нужды укрываться. На сей раз приятнее было бы мне путешествовать не в столь почтенном обществе. Дорога довольно однообразная: равнина, по сторонам холмы. На краю неба вершины Кавказа, каждый день являющиеся выше и выше. Кре-

пости, достаточные для здешнего края, со рвом, который каждый из нас перепрыгнул бы в старину не разбегаясь, с заржавыми пушками, не стрелявшими со времен графа Гудовича, с обрушенным валом, по которому бродит гарнизон куриц и гусей. В крепостях несколько лачужек, где с трудом можно достать десяток яиц и кислого молока.

Первое замечательное место есть крепость Минарет.[3] Приближаясь к ней, наш караван ехал по прелестной долине, между курганами, обросшими липой и чинаром. Это могилы нескольких тысяч умерших чумою. Пестрелись цветы, порожденные зараженным пеплом. Справа сиял снежный Кавказ; впереди возвышалась огромная, лесистая гора; за нею находилась крепость. Кругом ее видны следы разоренного аула, называвшегося Татартубом и бывшего некогда главным в Большой Кабарде. Легкий одинокий минарет свидетельствует о бытии исчезнувшего селения. Он стройно возвышается между грудами камней, на берегу иссохшего потока. Внутренняя лестница еще не обрушилась. Я взобрался по ней на площадку, с которой уже не раздается голос муллы. Там нашел я несколько неизвестных имен, нацарапанных на кирпичах славолюбивыми путешественниками.

Дорога наша сделалась живописна. Горы тянулись над нами. На их вершинах ползали чуть видные стада и казались насекомыми. Мы различили и пастуха, быть может, русского, некогда взятого в плен и состаревшегося в неволе. Мы встретили еще курганы, еще развалины. Два, три надгробных памятника стояло на краю дороги. Там, по обычаю черкесов, похоронены их наездники. Татарская надпись, изображение шашки, танга, иссеченные на камне, оставлены хищным внукам в память хищного предка.

Черкесы нас ненавидят. Мы вытеснили их из привольных пастбищ; аулы их разорены, целые племена уничтожены. Они час от часу далее углубляются в горы и оттуда направляют свои набеги. Дружба *мирных* черкесов ненадежна: они всегда готовы помочь буйным своим единоплеменникам. Дух дикого их рыцарства заметно упал.[4] Они редко нападают в равном числе на казаков, никогда на пехоту и бегут, завидя пушку. Зато никогда не пропустят случая напасть на слабый отряд или на беззащитного. Здешняя сторона полна молвой о их злодействах. Почти нет никакого способа их усмирить, пока их не обезоружат, как обезоружили крымских татар, что чрезвычайно трудно исполнить, по причине господ-

ствующих между ими наследственных распрей и мщения крови. Кинжал и шашка суть члены их тела, и младенец начинает владеть ими прежде, нежели лепетать. У них убийство — простое телодвижение. Пленников они сохраняют в надежде на выкуп, но обходятся с ними с ужасным бесчеловечием, заставляют работать сверх сил, кормят сырым тестом, бьют, когда вздумается, и приставляют к ним для стражи своих мальчишек, которые за одно слово вправе их изрубить своими детскими шашками. Недавно поймали мирно́го черкеса, выстрелившего в солдата. Он оправдывался тем, что ружье его слишком долго было заряжено. Что делать с таковым народом? Должно однако ж надеяться, что приобретение восточного края Черного моря, отрезав черкесов от торговли с Турцией, принудит их с нами сблизиться. Влияние роскоши[5] может благоприятствовать их укрощению: самовар был бы важным нововведением. Есть средство более сильное, более нравственное, более сообразное с просвещением нашего века: проповедание Евангелия[6]. Черкесы очень недавно приняли магометанскую веру. Они были увлечены деятельным фанатизмом апостолов *Корана,* между коими отличался Мансур, человек необыкновенный, долго возмущавший Кавказ противу русского владычества, наконец схваченный нами и умерший в Соловецком монастыре. Кавказ ожидает христианских миссионеров. Но легче для нашей лености в замену слова живого выливать мертвые буквы и посылать немые книги людям, не знающим грамоты.

Мы достигли Владикавказа, прежнего Капкая, преддверия гор. Он окружен осетинскими аулами. Я посетил один из них и попал на похороны. Около сакли толпился народ. На дворе стояла арба, запряженная двумя волами. Родственники и друзья умершего съезжались со всех сторон и с громким плачем шли в саклю, ударяя себя кулаками в лоб. Женщины стояли смирно. Мертвеца вынесли на бурке...

> ...like a warrior taking his rest
> With his martial cloak around him;*

положили его на арбу. Один из гостей взял ружье покойника, сдул с полки порох и положил его подле тела. Волы тронулись. Гости поехали следом. Тело должно было быть похоронено в горах, верстах в тридцати от

---

* ...подобно отдыхающему воину в его боевом плаще[7] *(англ.).*

аула. К сожалению, никто не мог объяснить мне сих обрядов.

Осетинцы самое бедное племя из народов, обитающих на Кавказе; женщины их прекрасны и, как слышно, очень благосклонны к путешественникам. У ворот крепости встретил я жену и дочь заключенного осетинца. Они несли ему обед. Обе казались спокойны и смелы; однако ж при моем приближении обе потупили голову и закрылись своими изодранными *чадрами*. В крепости видел я черкесских аманатов, резвых и красивых мальчиков. Они поминутно проказят и бегают из крепости. Их держат в жалком положении. Они ходят в лохмотьях, полунагие и в отвратительной нечистоте. На иных видел я деревянные колодки. Вероятно, что аманаты, выпущенные на волю, не жалеют о своем пребывании во Владикавказе.

Пушка оставила нас. Мы отправились с пехотой и казаками. Кавказ нас принял в свое святилище. Мы услышали глухой шум и увидели Терек, разливающийся по разным направлениям. Мы поехали по его левому берегу. Шумные волны его приводят в движение колеса низеньких осетинских мельниц, похожих на собачьи конуры. Чем далее углублялись мы в горы, тем у́же становилось ущелие. Стесненный Терек с ревом бросает свои мутные волны чрез утесы, преграждающие ему путь. Ущелие извивается вдоль его течения. Каменные подошвы гор обточены его волнами. Я шел пешком и поминутно останавливался, пораженный мрачною прелестию природы. Погода была пасмурная; облака тяжело тянулись около черных вершин. Граф Пушкин и Шернваль, смотря на Терек, воспоминали Иматру и отдавали преимущество *реке на Севере гремящей.*[8] Но я ни с чем не мог сравнить мне предстоявшего зрелища.

Не доходя до Ларса, я отстал от конвоя, засмотревшись на огромные скалы, между коими хлещет Терек с яростию неизъяснимой. Вдруг бежит ко мне солдат, крича издали: «Не останавливайтесь, ваше благородие, убьют!» Это предостережение с непривычки показалось мне чрезвычайно странным. Дело в том, что осетинские разбойники, безопасные в этом узком месте, стреляют через Терек в путешественников. Накануне нашего перехода они напали таким образом на генерала Бековича, проскакавшего сквозь их выстрелы. На скале видны развалины какого-то за́мка: они облеплены саклями мирных осетинцев, как будто гнездами ласточек.

В Ларсе остановились мы ночевать. Тут нашли мы путешественника француза, который напугал нас предстоящею дорогой. Он советовал нам бросить экипажи в Коби и ехать верхом. С ним выпили мы в первый раз кахетинского вина из вонючего *бурдюка,* воспоминая пирования Илиады:

И в козиих мехах вино, отраду нашу!

Здесь нашел я измаранный список «Кавказского пленника» и, признаюсь, перечел его с большим удовольствием. Всё это слабо, молодо, неполно; но многое угадано и выражено верно.

На другой день поутру отправились мы далее. Турецкие пленники разработывали дорогу. Они жаловались на пищу, им выдаваемую. Они никак не могли привыкнуть к русскому черному хлебу. Это напомнило мне слова моего приятеля Шереметева по возвращении его из Парижа: «Худо, брат, жить в Париже: есть нечего: черного хлеба не допросишься!»

В семи верстах от Ларса находится Дариальский пост. Ущелье носит то же имя. Скалы с обеих сторон стоят параллельными стенами. Здесь так узко, так узко, пишет один путешественник[9], что не только видишь, но, кажется, чувствуешь тесноту. Клочок неба как лента синеет над вашей головою. Ручьи, падающие с горной высоты мелкими и разбрызганными струями, напоминали мне похищение Ганимеда, странную картину Рембрандта. К тому же и ущелье освещено совершенно в его вкусе. В иных местах Терек подмывает самую подошву скал, и на дороге, в виде плотины, навалены каменья. Недалеко от поста мостик смело переброшен через реку. На нем стоишь, как на мельнице. Мостик весь так и трясется, а Терек шумит, как колеса, движущие жернов. Против Дариала на крутой скале видны развалины крепости. Предание гласит, что в ней скрывалась какая-то царица Дария, давшая имя свое ущелию: сказка. Дариал на древнем персидском языке значит ворота. По свидетельству Плиния,[10] Кавказские врата, ошибочно называемые Каспийскими, находились здесь. Ущелие замкнуто было настоящими воротами, деревянными, окованными железом. Под ними, пишет Плиний, течет река Дириодорис. Тут была воздвигнута и крепость для удержания набегов диких племен, и проч. (смотрите путешествие графа И. Потоцкого, коего ученые изыскания столь же занимательны, как и испанские романы).

Из Дариала отправились мы к Казбеку. Мы увидели *Троицкие ворота* (арка, образованная в скале взрывом пороха) — под ними шла некогда дорога, а нынче протекает Терек, часто меняющий свое русло.

Недалеко от селения Казбек переехали мы через *Бешеную балку,* овраг, во время сильных дождей превращающийся в яростный поток. Он в это время был совершенно сух и громок одним своим именем.

Деревня Казбек находится у подошвы горы Казбек и принадлежит князю Казбеку. Князь, мужчина лет сорока пяти, ростом выше преображенского флигельмана. Мы нашли его в духане (так называются грузинские харчевни, которые гораздо беднее и не чище русских). В дверях лежал пузастый бурдюк (воловий мех), растопыря свои четыре ноги. Великан тянул из него чихирь и сделал мне несколько вопросов, на которые отвечал я с почтением, подобаемым его званию и росту. Мы расстались большими приятелями.

Скоро притупляются впечатления. Едва прошли сутки, и уже рев Терека и его безобразные водопады, уже утесы и пропасти не привлекали моего внимания. Нетерпение доехать до Тифлиса исключительно овладело мною. Я столь же равнодушно ехал мимо Казбека, как некогда плыл мимо Чатырдага. Правда и то, что дождливая и туманная погода мешала мне видеть его снеговую груду, по выражению поэта, *подпирающую небосклон.*[11]

Ждали персидского принца.[12] В некотором расстоянии от Казбека попались нам навстречу несколько колясок и затруднили узкую дорогу. Покамест экипажи разъезжались, конвойный офицер объявил нам, что он провожает придворного персидского поэта и, по моему желанию, представил меня Фазил-Хану. Я, с помощию переводчика, начал было высокопарное восточное приветствие; но как же мне стало совестно, когда Фазил-Хан отвечал на мою неуместную затейливость простою, умной учтивостию порядочного человека! Он надеялся увидеть меня в Петербурге; он жалел, что знакомство наше будет непродолжительно и проч. Со стыдом принужден я был оставить важно-шутливый тон и съехать на обыкновенные европейские фразы. Вот урок нашей русской насмешливости. Вперед не стану судить о человеке по его бараньей *папахе** и по крашеным ногтям.

---

* Так называются персидские шапки. ***(Примеч. Пушкина.)***

Пост Коби находится у самой подошвы Крестовой горы, чрез которую предстоял нам переход. Мы тут остановились ночевать и стали думать, каким бы образом совершить сей ужасный подвиг: сесть ли, бросив экипажи, на казачьих лошадей или послать за осетинскими волами? На всякий случай, я написал от имени всего нашего каравана официальную просьбу к г. Чиляеву, начальствующему в здешней стороне, и мы легли спать в ожидании подвод.

На другой день около 12-ти часов услышали мы шум, крики и увидели зрелище необыкновенное: 18 пар тощих, малорослых волов, понуждаемых толпою полунагих осетинцев, насилу тащили легкую венскую коляску приятеля моего О***. Это зрелище тотчас рассеяло все мои сомнения. Я решился отправить мою тяжелую петербургскую коляску обратно во Владикавказ и ехать верхом до Тифлиса. Граф Пушкин не хотел следовать моему примеру. Он предпочел впрячь целое стадо волов в свою бричку, нагруженную запасами всякого рода, и с торжеством переехать через снеговой хребет. Мы расстались, и я поехал с полковником Огаревым, осматривающим здешние дороги.

Дорога шла через обвал, обрушившийся в конце июня 1827 года.[13] Таковые случаи бывают обыкновенно каждые семь лет. Огромная глыба, свалясь, засыпала ущелие на целую версту и запрудила Терек. Часовые, стоявшие ниже, слышали ужасный грохот и увидели, что река быстро мелела и в четверть часа совсем утихла и истощилась. Терек прорылся сквозь обвал не прежде, как через два часа. То-то был он ужасен!

Мы круто подымались выше и выше. Лошади наши вязли в рыхлом снегу, под которым шумели ручьи. Я с удивлением смотрел на дорогу и не понимал возможности езды на колесах.

В это время услышал я глухой грохот. «Это обвал»,— сказал мне г. Огарев. Я оглянулся и увидел в стороне груду снега, которая осыпалась и медленно съезжала с крутизны. Малые обвалы здесь не редки. В прошлом году русский извозчик ехал по Крестовой горе; обвал оборвался: страшная глыба свалилась на его повозку, поглотила телегу, лошадь и мужика, перевалилась через дорогу и покатилась в пропасть с своею добычею. Мы достигли самой вершины горы. Здесь поставлен гранитный крест, старый памятник, обновленный Ермоловым.

Здесь путешественники обыкновенно выходят из эки-

пажей и идут пешком. Недавно проезжал какой-то иностранный консул: он так был слаб, что велел завязать себе глаза; его вели под руки, и когда сняли с него повязку, тогда он стал на колени, благодарил бога и проч., что очень изумило проводников.

Мгновенный переход от грозного Кавказа к миловидной Грузии восхитителен. Воздух юга вдруг начинает повевать на путешественника. С высоты Гут-горы открывается Кайшаурская долина с ее обитаемыми скалами, с ее садами, с ее светлой Арагвой, извивающейся, как серебряная лента,— и всё это в уменьшенном виде, на дне трехверстной пропасти, по которой идет опасная дорога.

Мы спускались в долину. Молодой месяц показался на ясном небе. Вечерний воздух был тих и тепел. Я ночевал на берегу Арагвы, в доме г. Чиляева. На другой день я расстался с любезным хозяином и отправился далее.

Здесь начинается Грузия. Светлые долины, орошаемые веселой Арагвою, сменили мрачные ущелия и грозный Терек. Вместо голых утесов я видел около себя зеленые горы и плодоносные деревья. Водопроводы доказывали присутствие образованности. Один из них поразил меня совершенством оптического обмана: вода, кажется, имеет свое течение по горе снизу вверх.

В Пайсанауре остановился я для перемены лошадей. Тут я встретил русского офицера, провожающего персидского принца. Вскоре услышал я звук колокольчиков, и целый ряд катаров (мулов), привязанных один к другому и навьюченных по-азиатски, потянулся по дороге. Я пошел пешком, не дождавшись лошадей; и в полверсте от Ананура, на повороте дороги, встретил Хозрев-Мирзу. Экипажи его стояли. Сам он выглянул из своей коляски и кивнул мне головою. Через несколько часов после нашей встречи на принца напали горцы. Услыша свист пуль, Хозрев выскочил из своей коляски, сел на лошадь и ускакал. Русские, бывшие при нем, удивились его смелости. Дело в том, что молодой азиатец, не привыкший к коляске, видел в ней скорее западню, нежели убежище.

Я дошел до Ананура, не чувствуя усталости. Лошади мои не приходили. Мне сказали, что до города Душета оставалось не более как десять верст, и я опять отправился пешком. Но я не знал, что дорога шла в гору. Эти десять верст стоили добрых двадцати.

Наступил вечер; я шел вперед, подымаясь всё выше

и выше. С дороги сбиться было невозможно; но местами глинистая грязь, образуемая источниками, доходила мне до колена. Я совершенно утомился. Темнота увеличилась. Я слышал вой и лай собак и радовался, воображая, что город недалеко. Но ошибался: лаяли собаки грузинских пастухов, а выли шакалы, звери в той стороне обыкновенные. Я проклинал свое нетерпение, но делать было нечего. Наконец увидел я огни и около полуночи очутился у домов, осененных деревьями. Первый встречный вызвался провести меня к городничему и потребовал за то с меня *абаз*.

Появление мое у городничего, старого офицера из грузин[14], произвело большое действие. Я требовал, во-первых, комнаты, где бы мог раздеться, во-вторых, стакана вина, в-третьих, абаза для моего провожатого. Городничий не знал, как меня принять, и посматривал на меня с недоумением. Видя, что он не торопится исполнить мои просьбы, я стал перед ним раздеваться, прося извинения *de la liberté grande**. К счастию, нашел я в кармане подорожную, доказывавшую, что я мирный путешественник, а не Ринальдо-Ринальдини. Благословенная хартия возымела тотчас свое действие: комната была мне отведена, стакан вина принесен и абаз выдан моему проводнику с отеческим выговором за его корыстолюбие, оскорбительное для грузинского гостеприимства. Я бросился на диван, надеясь после моего подвига заснуть богатырским сном: не тут-то было! блохи, которые гораздо опаснее шакалов, напали на меня и во всю ночь не дали мне покою. Поутру явился ко мне мой человек и объявил, что граф Пушкин благополучно переправился на волах через снеговые горы и прибыл в Душет. Нужно было мне торопиться! Граф Пушкин и Шернваль посетили меня и предложили опять отправиться вместе в дорогу. Я оставил Душет с приятной мыслию, что ночую в Тифлисе.

Дорога была так же приятна и живописна, хотя редко видели мы следы народонаселения. В нескольких верстах от Гарцискала мы переправились через Куру по древнему мосту, памятнику римских походов, и крупной рысью, а иногда и вскачь, поехали к Тифлису, в котором неприметным образом и очутились часу в одиннадцатом вечера.

---

* за большую вольность *(фр.)*.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Тифлис. Народные бани. Безносый Гассан. Нравы грузинские. Песни. Кахетинское вино. Причина жаров. Дороговизна. Описание города. Отъезд из Тифлиса. Грузинская ночь. Вид Армении. Двойной переход. Армянская деревня. Гергеры. Грибоедов. Безобдал. Минеральный ключ. Буря в горах. Ночлег в Гумрах. Арарат. Граница. Турецкое гостеприимство. Карс. Армянская семья. Выезд из Карса. Лагерь графа Паскевича.

Я остановился в трактире, на другой день отправился в славные тифлисские бани. Город показался мне многолюден. Азиатские строения и базар напомнили мне Кишинев. По узким и кривым улицам бежали ослы с перекидными корзинами; арбы, запряженные волами, перегорожали дорогу. Армяне, грузинцы, черкесы, персияне теснились на неправильной площади; между ими молодые русские чиновники разъезжали верхами на карабахских жеребцах. При входе в бани сидел содержатель, старый персиянин. Он отворил мне дверь, я вошел в обширную комнату и что же увидел? Более пятидесяти женщин, молодых и старых, полуодетых и вовсе неодетых, сидя и стоя раздевались, одевались на лавках, расставленных около стен. Я остановился. «Пойдем, пойдем,— сказал мне хозяин,— сегодня вторник: женский день. Ничего, не беда».—«Конечно не беда,— отвечал я ему,— напротив». Появление мужчин не произвело никакого впечатления. Они продолжали смеяться и разговаривать между собою. Ни одна не поторопилась покрыться своею *чадрою;* ни одна не перестала раздеваться. Казалось, я вошел невидимкой. Многие из них были в самом деле прекрасны и оправдывали воображение Т. Мура:

a lovely Georgian maid,
With all the bloom, the freshen'd glow
Of her own country maiden's looks,
When warm they rise from Teflis' brooks.

*Lalla Rookh**.

Зато не знаю ничего отвратительнее грузинских старух: это ведьмы.

Персиянин ввел меня в бани: горячий, железо-серный источник лился в глубокую ванну, иссеченную в скале.

* прелестная грузинская дева с ярким румянцем и свежим пыланьем, какое бывает на лицах дев ее страны, когда они выходят разгоряченные из Тифлисских ключей. *Лалла Рук (англ.).*

Отроду не встречал я ни в России, ни в Турции ничего роскошнее тифлисских бань. Опишу их подробно.

Хозяин оставил меня на попечение татарину-банщику. Я должен признаться, что он был без носу; это не мешало ему быть мастером своего дела. Гассан (так назывался безносый татарин) начал с того, что разложил меня на теплом каменном полу; после чего начал он ломать мне члены, вытягивать составы, бить меня сильно кулаком; я не чувствовал ни малейшей боли, но удивительное облегчение. (Азиатские банщики приходят иногда в восторг, вспрыгивают вам на плечи, скользят ногами по бедрам и пляшут по спине вприсядку, *e sempre bene**.) После сего долго тер он меня шерстяною рукавицей и, сильно оплескав теплой водою, стал умывать намыленным полотняным пузырем. Ощущение неизъяснимое: горячее мыло обливает вас как воздух!NB: шерстяная рукавица и полотняный пузырь непременно должны быть приняты в русской бане: знатоки будут благодарны за таковое нововведение.

После пузыря Гассан отпустил меня в ванну; тем и кончилась церемония.

В Тифлисе надеялся я найти Раевского, но узнав, что полк его уже выступил в поход, я решился просить у графа Паскевича позволения приехать в армию.

В Тифлисе пробыл я около двух недель и познакомился с тамошним обществом. Санковский, издатель «Тифлисских ведомостей», рассказывал мне много любопытного о здешнем крае, о князе Цицианове, об А. П. Ермолове и проч. Санковский любит Грузию и предвидит для нее блестящую будущность.

Грузия прибегнула под покровительство России в 1783 году, что не помешало славному Аге-Мохамеду взять и разорить Тифлис и 20 000 жителей увести в плен (1795 г.). Грузия перешла под скипетр императора Александра в 1802 г. Грузины народ воинственный. Они доказали свою храбрость под нашими знаменами. Их умственные способности ожидают большей образованности. Они вообще нрава веселого и общежительного. По праздникам мужчины пьют и гуляют по улицам. Черноглазые мальчики поют, прыгают и кувыркаются; женщины пляшут лезгинку.

Голос песен грузинских приятен. Мне перевели одну

---

* и отлично *(ит.)*.

из них слово в слово; она, кажется, сложена в новейшее время; в ней есть какая-то восточная бессмыслица, имеющая свое поэтическое достоинство. Вот вам она:

Душа, недавно рожденная в раю[15]! Душа, созданная для моего счастия! от тебя, бессмертная, ожидаю жизни.

От тебя, весна цветущая, от тебя, луна двунедельная, от тебя, ангел мой хранитель, от тебя ожидаю жизни.

Ты сияешь лицом и веселишь улыбкою. Не хочу обладать миром; хочу твоего взора. От тебя ожидаю жизни.

Горная роза, освеженная росою! Избранная, любимица природы! Тихое, потаенное сокровище! от тебя ожидаю жизни.

Грузины пьют — и не по-нашему, и удивительно крепки. Вина их не терпят вывоза и скоро портятся, но на месте они прекрасны. Кахетинское и карабахское сто́ят некоторых бургонских. Вино держат в *маранах,* огромных кувшинах, зарытых в землю. Их открывают с торжественными обрядами. Недавно русский драгун, тайно отрыв таковой кувшин, упал в него и утонул в кахетинском вине, как несчастный Кларенс в бочке малаги.

Тифлис находится на берегах Куры, в долине, окруженной каменистыми горами. Они укрывают его со всех сторон от ветров и, раскалясь на солнце, не нагревают, а кипятят недвижный воздух. Вот причина нестерпимых жаров, царствующих в Тифлисе, несмотря на то, что город находится только еще под 41-м градусом широты. Самое его название *(Тбилис-калак)*[16] значит Жаркий город.

Большая часть города выстроена по-азиатски: дома низкие, кровли плоские. В северной части возвышаются дома европейской архитектуры, и около них начинают образоваться правильные площади. Базар разделяется на несколько рядов; лавки полны турецких и персидских товаров, довольно дешевых, если принять в рассуждение всеобщую дороговизну. Оружие тифлисское дорого ценится на всем Востоке. Граф Самойлов и В., прослывшие здесь богатырями, обыкновенно пробовали свои новые шашки, с одного маху перерубая надвое барана или отсекая голову быку.

В Тифлисе главную часть народонаселения составляют армяне[17]: в 1825 году было их здесь до 2500 семейств.

Во время нынешних войн число их еще умножилось. Грузинских семейств считается до 1500. Русские не считают себя здешними жителями. Военные, повинуясь долгу, живут в Грузии, потому что так им велено. Молодые титулярные советники приезжают сюда за чином асессорским, толико вожделенным.[18] Те и другие смотрят на Грузию как на изгнание.

Климат тифлисский, сказывают, нездоров. Здешние горячки ужасны; их лечат меркурием, коего употребление безвредно по причине жаров. Лекаря кормят им своих больных безо всякой совести. Генерал Сипягин, говорят, умер оттого, что его домовый лекарь, приехавший с ним из Петербурга, испугался приема, предлагаемого тамошними докторами, и не дал оного больному. Здешние лихорадки похожи на крымские и молдавские и лечатся одинаково.

Жители пьют курскую воду, мутную, но приятную. Во всех источниках и колодцах вода сильно отзывается серой. Впрочем, вино здесь в таком общем употреблении, что недостаток в воде был бы незаметен.

В Тифлисе удивила меня дешевизна денег. Переехав на извозчике через две улицы и отпустив его через полчаса, я должен был заплатить два рубля серебром. Я сперва думал, что он хотел воспользоваться незнанием новоприезжего; но мне сказали, что цена точно такова. Всё прочее дорого в соразмерности.

Мы ездили в немецкую колонию и там обедали. Пили там делаемое пиво, вкусу очень неприятного, и заплатили очень дорого за очень плохой обед. В моем трактире кормили меня так же дорого и дурно. Генерал Стрекалов, известный гастроном, позвал однажды меня отобедать; по несчастию, у него разносили кушанья по чинам, а за столом сидели английские офицеры в генеральских эполетах. Слуги так усердно меня обносили, что я встал из-за стола голодный. Черт побери тифлисского гастронома!

Я с нетерпением ожидал разрешения моей участи. Наконец получил записку от Раевского. Он писал мне, чтобы я спешил к Карсу, потому что через несколько дней войско должно было идти далее. Я выехал на другой же день.

Я ехал верхом, переменяя лошадей на казачьих постах. Вокруг меня земля была опалена зноем. Грузинские деревни издали казались мне прекрасными садами, но, подъезжая к ним, видел я несколько бедных сакель, осе-

ненных пыльными тополями. Солнце село, но воздух всё еще был душен:

Ночи знойные!
Звезды чуждые!..

Луна сияла; всё было тихо; топот моей лошади один раздавался в ночном безмолвии. Я ехал долго, не встречая признаков жилья. Наконец увидел уединенную саклю. Я стал стучаться в дверь. Вышел хозяин. Я попросил воды сперва по-русски, а потом по-татарски. Он меня не понял. Удивительная беспечность! в тридцати верстах от Тифлиса и на дороге в Персию и Турцию, он не знал ни слова ни по-русски, ни по-татарски.

Переночевав на казачьем посту, на рассвете отправился я далее. Дорога шла горами и лесом. Я встретил путешествующих татар; между ими было несколько женщин. Они сидели верхами, окутанные в чадры; видны были у них только глаза да каблуки.

Я стал подыматься на Безобдал, гору, отделяющую Грузию от древней Армении. Широкая дорога, осененная деревьями, извивается около горы. На вершине Безобдала я проехал сквозь малое ущелие, называемое, кажется, Волчьими воротами, и очутился на естественной границе Грузии. Мне представились новые горы, новый горизонт; подо мною расстилались злачные зеленые нивы. Я взглянул еще раз на опаленную Грузию и стал спускаться по отлогому склонению горы к свежим равнинам Армении. С неописанным удовольствием заметил я, что зной вдруг уменьшился: климат был другой.

Человек мой со вьючными лошадьми от меня отстал. Я ехал один в цветущей пустыне, окруженной издали горами. В рассеянности проехал я мимо поста, где должен был переменить лошадей. Прошло более шести часов, и я начал удивляться пространству перехода. Я увидел в стороне груды камней, похожие на сакли, и отправился к ним. В самом деле я приехал в армянскую деревню. Несколько женщин в пестрых лохмотьях сидели на плоской кровле подземной сакли. Я изъяснился коё-как. Одна из них сошла в саклю и вынесла мне сыру и молока. Отдохнув несколько минут, я пустился далее и на высоком берегу реки увидел против себя крепость Гергеры. Три потока с шумом и пеной низвергались с высокого берега. Я переехал через реку. Два вола, впряженные в арбу, подымались по крутой дороге. Несколько

грузин сопровождали арбу.[19] «Откуда вы?»— спросил я их. «Из Тегерана».—«Что вы везете?»—*«Грибоеда».*— Это было тело убитого Грибоедова, которое препровождали в Тифлис.

Не думал я встретить уже когда-нибудь нашего Грибоедова! Я расстался с ним в прошлом году, в Петербурге, пред отъездом его в Персию. Он был печален и имел странные предчувствия. Я было хотел его успокоить; он мне сказал: «Vous ne connaissez pas ces gens-là: vous verrez qu'il faudra jouer des couteaux»*. Он полагал, что причиною кровопролития будет смерть шаха и междуусобица его семидесяти сыновей. Но престарелый шах еще жив, а пророческие слова Грибоедова сбылись. Он погиб под кинжалами персиян, жертвой невежества и вероломства. Обезображенный труп его, бывший три дня игралищем тегеранской черни, узнан был только по руке, некогда простреленной пистолетною пулею.

Я познакомился с Грибоедовым в 1817 году. Его меланхолический характер, его озлобленный ум, его добродушие, самые слабости и пороки, неизбежные спутники человечества,— всё в нем было необыкновенно привлекательно. Рожденный с честолюбием, равным его дарованиям, долго был он опутан сетями мелочных нужд и неизвестности. Способности человека государственного оставались без употребления; талант поэта был не признан; даже его холодная и блестящая храбрость оставалась некоторое время в подозрении. Несколько друзей знали ему цену и видели улыбку недоверчивости, эту глупую, несносную улыбку, когда случалось им говорить о нем как о человеке необыкновенном. Люди верят только славе и не понимают, что между ими может находиться какой-нибудь Наполеон,[20] не предводительствовавший ни одною егерскою ротою, или другой Декарт, не напечатавший ни одной строчки в «Московском телеграфе». Впрочем, уважение наше к славе происходит, может быть, от самолюбия: в состав славы входит ведь и наш голос.

Жизнь Грибоедова была затемнена некоторыми облаками: следствие пылких страстей и могучих обстоятельств. Он почувствовал необходимость расчесться еди-

---

* Вы еще не знаете этих людей: вы увидите, что дело дойдет до ножей *(фр.)*.

ножды навсегда со своею молодостию и круто поворотить свою жизнь. Он простился с Петербургом и с праздной рассеянностию, уехал в Грузию, где пробыл осемь лет в уединенных, неусыпных занятиях. Возвращение его в Москву в 1824 году было переворотом в его судьбе и началом беспрерывных успехов. Его рукописная комедия: «Горе от ума» произвела неописанное действие и вдруг поставила его наряду с первыми нашими поэтами. Несколько времени потом[21] совершенное знание того края, где начиналась война, открыло ему новое поприще; он назначен был посланником. Приехав в Грузию, женился он на той, которую любил... Не знаю ничего завиднее последних годов бурной его жизни.[22] Самая смерть, постигшая его посреди смелого, неровного боя, не имела для Грибоедова ничего ужасного, ничего томительного. Она была мгновенна и прекрасна.

Как жаль, что Грибоедов не оставил своих записок! Написать его биографию было бы делом его друзей,[23] но замечательные люди исчезают у нас, не оставляя по себе следов. Мы ленивы и нелюбопытны...

В Гергерах встретил я Бутурлина который, как и я, ехал в армию. Бутурлин путешествовал со всевозможными прихотями. Я отобедал у него, как бы в Петербурге. Мы положили путешествовать вместе; но демон нетерпения опять мною овладел. Человек мой просил у меня позволения отдохнуть. Я отправился один даже без проводника. Дорога всё была одна и совершенно безопасна.

Переехав через гору и спустясь в долину, осененную деревьями, я увидел минеральный ключ, текущий поперек дороги. Здесь я встретил армянского попа, ехавшего в Ахалцык из Эривани. «Что нового в Эривани?»— спросил я его. «В Эривани чума,— отвечал он;— а что слыхать об Ахалцыке?» — «В Ахалцыке чума»,— отвечал я ему. Обменявшись сими приятными известиями, мы расстались.

Я ехал посреди плодоносных нив и цветущих лугов. Жатва струилась, ожидая серпа. Я любовался прекрасной землею, коей плодородие вошло на Востоке в пословицу. К вечеру прибыл я в Пернике. Здесь был казачий пост. Урядник предсказывал мне бурю и советовал остаться ночевать, но я хотел непременно в тот же день достигнуть Гумров.

Мне предстоял переход через невысокие горы, естественную границу Карского пашалыка. Небо покрыто было тучами; я надеялся, что ветер, который час от часу усиливался, их разгонит. Но дождь стал накрапывать и шел всё крупнее и чаще. От Пернике до Гумров считается 27 верст. Я затянул ремни моей бурки, надел башлык на картуз и поручил себя провидению.

Прошло более двух часов. Дождь не переставал. Вода ручьями лилась с моей отяжелевшей бурки и с башлыка, напитанного дождем. Наконец холодная струя начала пробираться мне за галстук, и вскоре дождь меня промочил до последней нитки. Ночь была темная; казак ехал впереди, указывая дорогу. Мы стали подыматься на горы. Между тем дождь перестал и тучи рассеялись. До Гумров оставалось верст десять. Ветер, дуя на свободе, был так силен, что в четверть часа высушил меня совершенно. Я не думал избежать горячки. Наконец я достигнул Гумров около полуночи. Казак привез меня прямо к посту. Мы остановились у палатки, куда спешил я войти. Тут нашел я двенадцать казаков, спящих один возле другого. Мне дали место; я повалился на бурку, не чувствуя сам себя от усталости. В этот день проехал я 75 верст. Я заснул как убитый.

Казаки разбудили меня на заре. Первою моею мыслию было: не лежу ли я в лихорадке. Но почувствовал, что слава богу бодр, здоров; не было следа не только болезни, но и усталости. Я вышел из палатки на свежий утренний воздух. Солнце всходило. На ясном небе белела снеговая, двуглавая гора. «Что за гора?» — спросил я, потягиваясь, и услышал в ответ: «Это Арарат».[24] Как сильно действие звуков! Жадно глядел я на библейскую гору, видел ковчег, причаливший к ее вершине с надеждой обновления и жизни,— и врана и голубицу излетающих, символы казни и примирения...

Лошадь моя была готова. Я поехал с проводником. Утро было прекрасное. Солнце сияло. Мы ехали по широкому лугу, по густой зеленой траве, орошенной росою и каплями вчерашнего дождя. Перед нами блистала речка, через которую должны мы были переправиться. «Вот и Арпачай»,— сказал мне казак. Арпачай! наша граница! Это стоило Арарата. Я поскакал к реке с чувством неизъяснимым. Никогда еще не видал я чужой земли. Граница имела для меня что-то таинственное; с детских лет путешествия были моею любимою мечтою. Долго вел я потом жизнь кочующую, скитаясь то по югу, то по

северу, и никогда еще не вырывался из пределов необъятной России. Я весело въехал в заветную реку, и добрый конь вынес меня на турецкий берег. Но этот берег был уже завоеван: я всё еще находился в России.

До Карса оставалось мне еще 75 верст. К вечеру надеялся я увидеть наш лагерь. Я нигде не останавливался. На половине дороги, в армянской деревне, выстроенной в горах на берегу речки, вместо обеда съел я проклятый *чюрек,* армянский хлеб, испеченный в виде лепешки пополам с золою, о котором так тужили турецкие пленники в Дарьяльском ущелии. Дорого бы я дал за кусок русского черного хлеба, который был им так противен. Меня провожал молодой турок, ужасный говорун. Он во всю дорогу болтал по-турецки, не заботясь о том, понимал ли я его или нет. Я напрягал внимание и старался угадать его. Казалось, он побранивал русских и, привыкнув видеть всех их в мундирах, по платью принимал меня за иностранца. Навстречу нам попался русский офицер. Он ехал из нашего лагеря и объявил мне, что армия уже выступила из-под Карса. Не могу описать моего отчаяния: мысль, что мне должно будет возвратиться в Тифлис, измучась понапрасну в пустынной Армении, совершенно убивала меня. Офицер поехал в свою сторону; турок начал опять свой монолог; но уже мне было не до него. Я переменил иноходь на крупную рысь и вечером приехал в турецкую деревню, находящуюся в 20-ти верстах от Карса.

Соскочив с лошади, я хотел войти в первую саклю, но в дверях показался хозяин и оттолкнул меня с бранию. Я отвечал на его приветствие нагайкою. Турок раскричался; народ собрался. Проводник мой, кажется, за меня заступился. Мне указали караван-сарай; я вошел в большую саклю, похожую на хлев; не было места, где бы я мог разостлать бурку. Я стал требовать лошадь. Ко мне явился турецкий старшина. На все его непонятные речи отвечал я одно: *вербана ат* (дай мне лошадь). Турки не соглашались. Наконец я догадался показать им деньги (с чего надлежало бы мне начать). Лошадь тотчас была приведена, и мне дали проводника.

Я поехал по широкой долине, окруженной горами. Вскоре увидел я Карс, белеющийся на одной из них. Турок мой указывал мне на него, повторяя: *Карс, Карс!* и пускал вскачь свою лошадь; я следовал за ним, мучась

беспокойством: участь моя должна была решиться в Карсе. Здесь должен я был узнать, где находится наш лагерь и будет ли еще мне возможность догнать армию. Между тем небо покрылось тучами и дождь пошел опять; но я об нем уж не заботился.

Мы въехали в Карс. Подъезжая к воротам стены, услышал я русский барабан: били зо́рю. Часовой принял от меня билет и отправился к коменданту. Я стоял под дождем около получаса. Наконец меня пропустили. Я велел проводнику вести меня прямо в бани. Мы поехали по кривым и крутым улицам; лошади скользили по дурной турецкой мостовой. Мы остановились у одного дома, довольно плохой наружности. Это были бани. Турок слез с лошади и стал стучаться у дверей. Никто не отвечал. Дождь ливмя лил на меня. Наконец из ближнего дома вышел молодой армянин и, переговоря с моим турком, позвал меня к себе, изъясняясь на довольно чистом русском языке. Он повел меня по узкой лестнице во второе жилье своего дома. В комнате, убранной низкими диванами и ветхими коврами, сидела старуха, его мать. Она подошла ко мне и поцеловала мне руку. Сын велел ей разложить огонь и приготовить мне ужин. Я разделся и сел перед огнем. Вошел меньший брат хозяина, мальчик лет семнадцати. Оба брата бывали в Тифлисе и живали в нем по нескольку месяцев. Они сказали мне, что войска наши выступили накануне и что лагерь наш находится в 25 верстах от Карса. Я успокоился совершенно. Скоро старуха приготовила мне баранину с луком, которая показалась мне ве́рхом поваренного искусства. Мы все легли спать в одной комнате; я разлегся противу угасающего камина и заснул в приятной надежде увидеть на другой день лагерь графа Паскевича.

Поутру пошел я осматривать город. Младший из моих хозяев взялся быть моим чичероном. Осматривая укрепления и цитадель, выстроенную на неприступной скале, я не понимал, каким образом мы могли овладеть Карсом. Мой армянин толковал мне как умел военные действия, коим сам он был свидетелем. Заметя в нем охоту к войне, я предложил ему ехать со мною в армию. Он тотчас согласился. Я послал его за лошадьми. Он явился вместе с офицером, который потребовал от меня письменного предписания. Судя по азиатским чертам его лица, не почел я за нужное рыться в моих бумагах и вынул из кармана первый попавшийся мне листок. Офицер, важно его рассмотрев, тотчас велел привести его благородию лошадей по

предписанию и возвратил мне мою бумагу: это было послание к калмычке, намаранное мною на одной из кавказских станций. Через полчаса выехал я из Карса, и Артемий (так назывался мой армянин) уже скакал подле меня на турецком жеребце с гибким куртинским дротиком в руке, с кинжалом за поясом, и бредя о турках и сражениях.

Я ехал по земле, везде засеянной хлебом; кругом видны были деревни, но они были пусты: жители разбежались. Дорога была прекрасна и в топких местах вымощена — через ручьи выстроены были каменные мосты. Земля приметно возвышалась — передовые холмы хребта Саган-лу (древнего Тавра) начинали появляться. Прошло около двух часов; я взъехал на отлогое возвышение и вдруг увидел наш лагерь, расположенный на берегу Карсчая; через несколько минут я был уже в палатке Раевского.

ГЛАВА ТРЕТИЯ

Переход через Саган-лу. Перестрелка. Лагерная жизнь. Язиды. Сражение с сераскиром арзрумским. Взорванная сакля.

Я приехал вовремя. В тот же день (13 июня) войско получило повеление идти вперед. Обедая у Раевского, слушал я молодых генералов, рассуждавших о движении, им предписанном. Генерал Бурцов отряжен был влево по большой Арзрумской дороге прямо противу турецкого лагеря, между тем как всё прочее войско должно было идти правою стороною в обход неприятелю.

В пятом часу войско выступило. Я ехал с Нижегородским драгунским полком, разговаривая с Раевским, с которым уж несколько лет не видался. Настала ночь; мы остановились в долине, где всё войско имело привал. Здесь имел я честь быть представлен графу Паскевичу.

Я нашел графа дома перед бивачным огнем, окруженного своим штабом. Он был весел и принял меня ласково. Чуждый воинскому искусству, я не подозревал, что участь похода решалась в эту минуту. Здесь увидел я нашего Вольховского, запыленного с ног до головы, обросшего бородой, изнуренного заботами. Он нашел однако время побеседовать со мною как старый товарищ. Здесь увидел я и Михаила Пущина, раненного в прошлом году. Он любим и уважаем как славный товарищ и храбрый солдат.

Многие из старых моих приятелей окружили меня. Как они переменились! как быстро уходит время!

Heu! fugaces, Postume, Postume,
Labuntur anni...*[25]

Я воротился к Раевскому и ночевал в его палатке. Посреди ночи разбудили меня ужасные крики: можно было подумать, что неприятель сделал нечаянное нападение. Раевский послал узнать причину тревоги: несколько татарских лошадей, сорвавшихся с привязи, бегали по лагерю, и мусульмане (так зовутся татаре, служащие в нашем войске) их ловили.

На заре войско двинулось вперед. Мы подъехали к горам, поросшим лесом. Мы въехали в ущелие. Драгуны говорили между собою: «Смотри, брат, держись: как раз картечью хватят». В самом деле, местоположение благоприятствовало засадам; но турки, отвлеченные в другую сторону движением генерала Бурцова, не воспользовались своими выгодами. Мы благополучно прошли опасное ущелие и стали на высотах Саган-лу в десяти верстах от неприятельского лагеря.

Природа около нас была угрюма. Воздух был холоден, горы покрыты печальными соснами. Снег лежал в оврагах.

...nec Armeniis in oris,
Amice Valgi, stat glacies iners
Menses per omnes...**[26]

Только успели мы отдохнуть и отобедать[27], как услышали ружейные выстрелы. Раевский послал осведомиться. Ему донесли, что турки завязали перестрелку на передовых наших пикетах. Я поехал с Семичевым посмотреть новую для меня картину. Мы встретили раненого казака: он сидел, шатаясь в седле, бледен и окровавлен. Два казака поддерживали его. «Много ли турков?» — спросил Семичев. «Свиньем валит, ваше благородие»,— отвечал один из них. Проехав ущелие, вдруг увидели мы на склонении противуположной горы до 200 казаков, выстроенных в лаву, и над ними около 500 турков. Казаки отступали медленно; турки наезжали с большею дерзостию,

* Увы, о Постум, Постум, быстротечные мчатся годы... *(лат.)*

** ...и армянская земля, друг Вальгий, не круглый год покрыта неподвижным льдом... *(лат.)*

прицеливались шагах в 20 и, выстрелив, скакали назад. Их высокие чалмы, красивые доломаны и блестящий убор коней составляли резкую противуположность с синими мундирами и простою сбруей казаков. Человек 15 наших было уже ранено. Подполковник Басов послал за подмогой. В это время сам он был ранен в ногу. Казаки было смешались. Но Басов опять сел на лошадь и остался при своей команде. Подкрепление подоспело. Турки, заметив его, тотчас исчезли, оставя на горе голый труп казака, обезглавленный и обрубленный. Турки отсеченные головы отсылают в Константинополь, а кисти рук, обмакнув в крови, отпечатлевают на своих знаменах. Выстрелы утихли. Орлы, спутники войск, поднялись над горою, с высоты высматривая себе добычу. В это время показалась толпа генералов и офицеров: граф Паскевич приехал и отправился на гору, за которую скрылись турки. Они были подкреплены 4000 конницы, скрытой в лощине и в оврагах. С высоты горы открылся нам турецкий лагерь, отделенный от нас оврагами и высотами. Мы возвратились поздно. Проезжая нашим лагерем, я видел наших раненых, из коих человек пять умерло в ту же ночь и на другой день. Вечером навестил я молодого Остен-Сакена, раненного в тот же день в другом сражении.

Лагерная жизнь очень мне нравилась. Пушка подымала нас на заре. Сон в палатке удивительно здоров. За обедом запивали мы азиатский шашлык английским пивом и шампанским, застывшим в снегах таврийских. Общество наше было разнообразно. В палатке генерала Раевского собирались беки мусульманских полков; и беседа шла через переводчика. В войске нашем находились и народы закавказских наших областей и жители земель, недавно завоеванных. Между ими с любопытством смотрел я на язидов, слывущих на Востоке дьяволопоклонниками. Около 300 семейств обитают у подошвы Арарата. Они признали владычество русского государя. Начальник их, высокий, уродливый мужчина в красном плаще и черной шапке, приходил иногда с поклоном к генералу Раевскому, начальнику всей конницы. Я старался узнать от язида правду о их вероисповедании. На мои вопросы отвечал он, что молва, будто бы язиды[28] поклоняются сатане, есть пустая басня; что они веруют в единого бога; что по их закону проклинать дьявола, правда, почитается неприличным и неблагородным, ибо он теперь несчастлив, но со временем может быть прощен, ибо нельзя положить

пределов милосердию Аллаха. Это объяснение меня успокоило. Я очень рад был за язидов, что они сатане не поклоняются; и заблуждения их показались мне уже гораздо простительнее.

Человек мой явился в лагерь через три дня после меня. Он приехал вместе с вагенбургом, который в виду неприятеля благополучно соединился с армией. NB: во всё время похода ни одна арба из многочисленного нашего обоза не была захвачена неприятелем. Порядок, с каковым обоз следовал за войском, в самом деле удивителен.

17 июня утром услышали вновь мы перестрелку и через два часа увидели карабахский полк возвращающимся с осмью турецкими знаменами: полковник Фридерикс имел дело с неприятелем, засевшим за каменными завалами, вытеснил его и прогнал; Осман-паша, начальствовавший конницей, едва успел спастись.

18 июня лагерь передвинулся на другое место. 19-го, едва пушка разбудила нас, всё в лагере пришло в движение. Генералы поехали к своим постам. Полки строились; офицеры становились у своих взводов. Я остался один, не зная, в которую сторону ехать, и пустил лошадь на волю божию. Я встретил генерала Бурцова, который звал меня на левый фланг. Что такое левый фланг? — подумал я и поехал далее. Я увидел генерала Муравьева, расставлявшего пушки. Вскоре показались делибаши и закружились в долине, перестреливаясь с нашими казаками. Между тем густая толпа их пехоты шла по лощине. Генерал Муравьев приказал стрелять. Картечь хватила в самую середину толпы. Турки повалили в сторону и скрылись за возвышением. Я увидел графа Паскевича, окруженного своим штабом. Турки обходили наше войско, отделенное от них глубоким оврагом. Граф послал Пущина осмотреть овраг. Пущин поскакал. Турки приняли его за наездника и дали по нем залп. Все засмеялись. Граф велел выставить пушки и палить. Неприятель рассыпался по горе и по лощине. На левом фланге, куда звал меня Бурцов, происходило жаркое дело. Перед нами (противу центра) скакала турецкая конница. Граф послал против нее генерала Раевского, который повел в атаку свой Нижегородский полк. Турки исчезли. Татаре наши окружали их раненых и проворно раздевали, оставляя нагих посреди поля. Генерал Раевский остановился на краю оврага. Два эскадрона, отделясь от полка, занеслись в своем

преследовании; они были выручены полковником Симоничем.

Сражение утихло; турки у нас в глазах начали копать землю и таскать каменья, укрепляясь по своему обыкновению. Их оставили в покое. Мы слезли с лошадей и стали обедать чем бог послал. В это время к графу привели нескольких пленников. Один из них был жестоко ранен. Их расспросили. Около шестого часу войска опять получили приказ идти на неприятеля. Турки зашевелились за своими завалами, приняли нас пушечными выстрелами и вскоре зачали отступать. Конница наша была впереди; мы стали спускаться в овраг; земля обрывалась и сыпалась под конскими ногами. Поминутно лошадь моя могла упасть, и тогда Сводный уланский полк переехал бы через меня. Однако бог вынес. Едва выбрались мы на широкую дорогу, идущую горами, как вся наша конница поскакала во весь опор. Турки бежали; казаки стегали нагайками пушки, брошенные на дороге, и неслись мимо. Турки бросались в овраги, находящиеся по обеим сторонам дороги; они уже не стреляли; по крайней мере ни одна пуля не просвистала мимо моих ушей. Первые в преследовании были наши татарские полки, коих лошади отличаются быстротою и силою. Лошадь моя, закусив повода, от них не отставала; я насилу мог ее сдержать. Она остановилась перед трупом молодого турка, лежавшим поперек дороги. Ему, казалось, было лет 18; бледное девическое лицо не было обезображено. Чалма его валялась в пыли; обритый затылок прострелен был пулею. Я поехал шагом; вскоре нагнал меня Раевский. Он написал карандашом на клочке бумаги донесение графу Паскевичу о совершенном поражении неприятеля и поехал далее. Я следовал за ним издали. Настала ночь. Усталая лошадь моя отставала и спотыкалась на каждом шагу. Граф Паскевич повелел не прекращать преследования и сам им управлял. Меня обогнали конные наши отряды; я увидел полковника Полякова, начальника казацкой артиллерии, игравшей в тот день важную роль, и с ним вместе прибыл в оставленное селение, где остановился граф Паскевич, прекративший преследование по причине наступившей ночи.

Мы нашли графа на кровле подземной сакли перед огнем. К нему приводили пленных. Он их расспрашивал. Тут находились и почти все начальники. Казаки держали в поводьях их лошадей. Огонь освещал картину, достойную Сальватора-Розы, речка шумела во мраке. В это вре-

мя донесли графу, что в деревне спрятаны пороховые запасы и что должно опасаться взрыва. Граф оставил саклю со всею своею свитою. Мы поехали к нашему лагерю, находившемуся уже в 30 верстах от места, где мы ночевали. Дорога полна была конных отрядов. Только успели мы прибыть на место, как вдруг небо осветилось, как будто метеором, и мы услышали глухой взрыв. Сакля, оставленная нами назад тому четверть часа, взорвана была на воздух: в ней находился пороховой запас. Разметанные камни задавили нескольких казаков.

Вот всё, что в то время успел я увидеть. Вечером я узнал, что в сем сражении разбит сераскир арзрумский, шедший на присоединение к Гаки-паше с 30 000 войска. Сераскир бежал к Арзруму; войско его, переброшенное за Саган-лу, было рассеяно, артиллерия взята, и Гаки-паша один оставался у нас на руках. Граф Паскевич не дал ему время распорядиться.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Сражение с Гаки-пашою. Смерть татарского бека. Гермафродит. Пленный паша. Аракс. Мост пастуха. Гассан-Кале. Горячий источник. Поход к Арзруму. Переговоры. Взятие Арзрума. Турецкие пленники. Дервиш.

На другой день в пятом часу лагерь проснулся и получил приказание выступить. Вышед из палатки, встретил я графа Паскевича, вставшего прежде всех. Он увидел меня. «Êtes-vous fatigué de la journée d'hier?» — «Mais un peu, m. le Comte».— «J'en suis fâché pour vous, car nous allons faire encore une marche pour joindre le Pacha, et puis il faudra poursuivre l'ennemi encore une trentaine de verstes»*.

Мы тронулись и к осьми часам пришли на возвышение, с которого лагерь Гаки-паши виден был как на ладони. Турки открыли безвредный огонь со всех своих батарей. Между тем в лагере их заметно было большое движение. Усталость и утренний жар заставили многих

* Вы не устали после вчерашнего? — Немножко, г. граф.— Мне за вас досадно, потому что нам предстоит еще один переход, чтобы нагнать пашу, а затем придется преследовать неприятеля еще верст тридцать *(фр.)*.

из нас слезть с лошадей и лечь на свежую траву. Я опутал поводья около руки и сладко заснул, в ожидании приказа идти вперед. Через четверть часа меня разбудили. Всё было в движении. С одной стороны колонны шли на турецкий лагерь; с другой — конница готовилась преследовать неприятеля. Я поехал было за Нижегородским полком, но лошадь моя хромала. Я отстал. Мимо меня пронесся Уланский полк. Потом Вольховский проскакал с тремя пушками. Я очутился один в лесистых горах. Мне попался навстречу драгун, который объявил, что лес наполнен неприятелем. Я воротился. Я встретил генерала Муравьева с пехотным полком. Он отрядил одну роту в лес, дабы его очистить. Подъезжая к лощине, увидел я необыкновенную картину. Под деревом лежал один из наших татарских беков, раненный смертельно. Подле него рыдал его любимец. Мулла, стоя на коленах, читал молитвы. Умирающий бек был чрезвычайно спокоен и неподвижно глядел на молодого своего друга. В лощине собрано было человек 500 пленных. Несколько раненых турков подзывали меня знаками, вероятно принимая меня за лекаря и требуя помощи, которую я не мог им подать. Из лесу вышел турок, зажимая свою рану окровавленною тряпкою. Солдаты подошли к нему с намерением его приколоть, может быть из человеколюбия. Но это слишком меня возмутило; я заступился за бедного турку и насилу привел его, изнеможенного и истекающего кровию, к кучке его товарищей. При них был полковник Анреп. Он курил дружелюбно из их трубок, несмотря на то, что были слухи о чуме, будто бы открывшейся в турецком лагере. Пленные сидели, спокойно разговаривая между собою. Почти все были молодые люди. Отдохнув, пустились мы далее. По всей дороге валялись тела. Верстах в 15 нашел я Нижегородский полк, остановившийся на берегу речки посреди скал. Преследование продолжалось еще несколько часов. К вечеру пришли мы в долину, окруженную густым лесом, и наконец мог я выспаться вволю, проскакав в эти два дня более осьмидесяти верст.

На другой день войска, преследовавшие неприятеля, получили приказ возвратиться в лагерь. Тут узнали мы, что между пленниками находился гермафродит. Раевский по просьбе моей велел его привести. Я увидел высокого, довольно толстого мужика с лицом старой курносой чухонки. Мы осмотрели его в присутствии лекаря. Erat vir, mammosus ut femina, habebat t. non evolutos, p. que parvum et puerilem. Quaerebamus, sit ne exsectus? — Deus,

respondit, castravit me.* Сия болезнь, известная Ипократу, по свидетельству путешественников, встречается часто у кочующих татар и у турков. *Хосс* есть турецкое название сим мнимым и гермафродитам.

Войско наше стояло в турецком лагере, взятом накануне. Палатка графа Паскевича стояла близ зеленого шатра Гаки-паши, взятого в плен нашими казаками. Я пошел к нему и нашел его окруженного нашими офицерами. Он сидел, поджав под себя ноги и куря трубку. Он казался лет сорока. Важность и глубокое спокойствие изображалось на прекрасном лице его. Отдавшись в плен, он просил, чтоб ему дали чашку кофию и чтоб его избавили от вопросов.

Мы стояли в долине. Снежные и лесистые горы Саган-лу были уже за нами. Мы пошли вперед, не встречая нигде неприятеля. Селения были пусты. Окрестная сторона печальна. Мы увидели Аракс, быстро текущий в каменистых берегах своих. В 15 верстах от Гассан-Кале находится мост, прекрасно и смело выстроенный на семи неравных сводах. Предание приписывает его построение разбогатевшему пастуху, умершему пустынником на высоте холма, где доныне показывают его могилу, осененную двумя пустынными соснами. Соседние поселяне стекаются к ней на поклонение. Мост называется Чабан-Кэпри (мост пастуха). Дорога в Тебриз лежит через него.

В нескольких шагах от моста посетил я темные развалины караван-сарая. Я не нашел в нем никого, кроме больного осла, вероятно брошенного здесь бегущими поселянами.

24 июня утром пошли мы к Гассан-Кале, древней крепости, накануне занятой князем Бековичем. Она была в 15 верстах от места нашего ночлега. Длинные переходы утомили меня. Я надеялся отдохнуть; но вышло иначе.

Перед выступлением конницы явились в наш лагерь армяне, живущие в горах, требуя защиты от турков, которые три дня тому назад отогнали их скот. Полковник Анреп, хорошо не разобрав, чего они хотели, вообразил, что турецкий отряд находился в горах, и с одним эскадроном Уланского полка поскакал в сторону, дав знать

* Это был мужчина с женской грудью, зачаточными половыми железами и органом маленьким и детским. Мы спросили его, не был ли он оскоплен. Бог, отвечал он, кастрировал меня *(лат.)*.

Раевскому, что 3000 турков находятся в горах. Раевский отправился вслед за ним, дабы подкрепить его в случае опасности. Я почитал себя прикомандированным к Нижегородскому полку и с великою досадою поскакал на освобождение армян. Проехав верст 20, въехали мы в деревню и увидели несколько отставших уланов, которые, спешась, с обнаженными саблями, преследовали нескольких кур. Здесь один из поселян растолковал Раевскому, что дело шло о 3000 волах, три дня назад отогнанных турками и которых весьма легко будет догнать дни через два. Раевский приказал уланам прекратить преследование кур и послал полковнику Анрепу повеление воротиться. Мы поехали обратно и, выбравшись из гор, прибыли под Гассан-Кале. Но таким образом дали мы 40 верст крюку, дабы спасти жизнь нескольким армянским курицам, что вовсе не казалось мне забавным.

Гассан-Кале почитается ключом Арзрума. Город выстроен у подошвы скалы, увенчанной крепостью. В нем находилось до ста армянских семейств. Лагерь наш стоял в широкой равнине, расстилающейся перед крепостию. Тут посетил я круглое каменное строение, в коем находится горячий железо-серный источник.

Круглый бассейн имеет сажени три в диаметре. Я переплыл его два раза и вдруг, почувствовав головокружение и тошноту, едва имел силу выйти на каменный край источника. Эти воды славятся на востоке, но, не имея порядочных лекарей, жители пользуются ими наобум и, вероятно, без большого успеха.

Под стенами Гассан-Кале течет речка Мурц; берега ее покрыты железными источниками, которые бьют из-под камней и стекают в реку. Они не столь приятны вкусу, как кавказский нарзан, и отзываются медью.

25 июня, в день рождения государя императора, в лагере нашем под стенами крепости полки отслушали молебен. За обедом у графа Паскевича, когда пили здоровье государя, граф объявил поход к Арзруму. В пять часов вечера войско уже выступило.

26 июня мы стали в горах в пяти верстах от Арзрума. Горы эти называются Ак-даг (белые горы); они меловые. Белая, язвительная пыль ела нам глаза; грустный вид их наводил тоску. Близость Арзрума и уверенность в окончании похода утешала нас.

Вечером граф Паскевич ездил осматривать местоположение. Турецкие наездники, целый день кружившиеся

перед нашими пикетами, начали по нем стрелять. Граф несколько раз погрозил им нагайкою, не переставая рассуждать с генералом Муравьевым. На их выстрелы не отвечали.

Между тем в Арзруме происходило большое смятение. Сераскир, прибежавший в город после своего поражения, распустил слух о совершенном разбитии русских. Вслед за ним отпущенные пленники доставили жителям воззвание графа Паскевича. Беглецы уличили сераскира во лжи. Вскоре узнали о быстром приближении русских. Народ стал говорить о сдаче. Сераскир и войско думали защищаться. Произошел мятеж. Несколько франков были убиты озлобленной чернию.

В лагерь наш (26-го утром) явились депутаты от народа и сераскира; день прошел в переговорах; в пять часов вечера депутаты отправились в Арзрум, и с ними генерал князь Бекович, хорошо знающий азиатские языки и обычаи.

На другой день утром войско наше двинулось вперед. С восточной стороны Арзрума, на высоте Топ-дага, находилась турецкая батарея. Полки пошли к ней, отвечая на турецкую пальбу барабанным боем и музыкою. Турки бежали, и Топ-даг был занят. Я приехал туда с поэтом Юзефовичем. На оставленной батарее нашли мы графа Паскевича со всею его свитою. С высоты горы в лощине открывался взору Арзрум со своею цитаделью, с минаретами, с зелеными кровлями, наклеенными одна на другую. Граф был верхом. Перед ним на земле сидели турецкие депутаты, приехавшие с ключами города. Но в Арзруме заметно было волнение. Вдруг на городском валу мелькнул огонь, закурился дым, и ядра полетели к Топ-дагу. Несколько их пронеслись над головою графа Паскевича; «Voyez les Turcs,— сказал он мне,— on ne peut jamais se fier à eux».* В сию минуту прискакал на Топ-Даг князь Бекович, со вчерашнего дня находившийся в Арзруме на переговорах. Он объявил, что сараскир и народ давно согласны на сдачу, но что несколько непослушных арнаутов под предводительством Топчи-паши овладели городскими батареями и бунтуют. Генералы подъехали к графу, прося позволения заставить молчать турецкие батареи. Арзрумские сановники, сидевшие под огнем своих же пушек, повторили ту же просьбу. Граф несколько времени медлил; наконец дал повеление, ска-

---

* Смотрите, каковы турки... никогда нельзя им доверяться *(фр.)*.

зав: «Полно им дурачиться». Тотчас подвезли пушки, стали стрелять, и неприятельская пальба мало-помалу утихла. Полки наши пошли в Арзрум, и 27 июня, в годовщину полтавского сражения, в шесть часов вечера русское знамя развилось над арзрумской цитаделию.

Раевский поехал в город — я отправился с ним; мы въехали в город, представлявший удивительную картину. Турки с плоских кровель своих угрюмо смотрели на нас. Армяне шумно толпились в тесных улицах. Их мальчишки бежали перед нашими лошадьми, крестясь и повторяя: «Християн! Християн!..» Мы подъехали к крепости, куда входила наша артиллерия; с крайним изумлением встретил я тут моего Артемия, уже разъезжающего по городу, несмотря на строгое предписание никому из лагеря не отлучаться без особенного позволения.

Улицы города тесны и кривы. Дома довольно высоки. Народу множество,— лавки были заперты. Пробыв в городе часа с два, я возвратился в лагерь: сераскир и четверо пашей, взятые в плен, находились уже тут. Один из пашей, сухощавый старичок, ужасный хлопотун, с живостию говорил нашим генералам. Увидев меня во фраке, он спросил, кто я таков. Пущин дал мне титул поэта. Паша сложил руки на грудь и поклонился мне, сказав через переводчика, «Благословен час, когда встречаем поэта. Поэт брат дервишу. Он не имеет ни отечества, ни благ земных; и между тем как мы, бедные, заботимся о славе, о власти, о сокровищах, он стоит наравне с властелинами земли и ему поклоняются».

Восточное приветствие паши всем нам очень полюбилось. Я пошел взглянуть на сераскира. При входе в его палатку встретил я его любимого пажа, черноглазого мальчика лет четырнадцати, в богатой арнаутской одежде. Сераскир, седой старик, наружности самой обыкновенной, сидел в глубоком унынии. Около него была толпа наших офицеров. Выходя из его палатки, увидел я молодого человека, полунагого, в бараньей шапке, с дубиною в руке и с мехом (outre)* за плечами. Он кричал во всё горло. Мне сказали, что это был брат мой, дервиш, пришедший приветствовать победителей. Его насилу отогнали.

* бурдюком *(фр.)*.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Арзрум. Азиатская роскошь. Климат. Кладбище. Сатирические стихи. Сераскирский дворец. Харем турецкого паши. Чума. Смерть Бурцова. Выезд из Арзрума. Обратный путь. Русский журнал.

Арзрум (неправильно называемый Арзерум, Эрзрум, Эрзрон) основан около 415 году, во время Феодосия Второго, и назван Феодосиополем. Никакого исторического воспоминания не соединяется с его именем. Я знал о нем только то, что здесь, по свидетельству Гаджи-Бабы,[29] поднесены были персидскому послу, в удовлетворение какой-то обиды, телячьи уши вместо человечьих.

Арзрум почитается главным городом в Азиатской Турции. В нем считалось до 100 000 жителей, но, кажется, число сие слишком увеличено. Дома в нем каменные, кровли покрыты дерном, что дает городу чрезвычайно странный вид, если смотришь на него с высоты.

Главная сухопутная торговля между Европою и Востоком производится через Арзрум. Но товаров в нем продается мало; их здесь не выкладывают, что заметил и Турнфор, пишущий, что в Арзруме больной может умереть за невозможностию достать ложку ревеня, между тем как целые мешки оного находятся в городе.

Не знаю выражения, которое было бы бессмысленнее слов: азиатская роскошь. Эта поговорка, вероятно, родилась во время крестовых походов, когда бедные рыцари, оставя голые стены и дубовые стулья своих замков, увидели в первый раз красные диваны, пестрые ковры и кинжалы с цветными камушками на рукояти. Ныне можно сказать: азиатская бедность, азиатское свинство и проч., но роскошь есть, конечно, принадлежность Европы. В Арзруме ни за какие деньги нельзя купить того, что вы найдете в мелочной лавке первого уездного городка Псковской губернии.

Климат арзрумский суров. Город выстроен в лощине, возвышающейся над морем на 7000 футов. Горы, окружающие его, покрыты снегом бо́льшую часть года. Земля безлесна, но плодоносна. Она орошена множеством источников и отовсюду пересечена водопроводами. Арзрум славится своею водою. Евфрат течет в трех верстах от города. Но фонтанов везде множество. У каждого висит жестяной ковшик на цепи, и добрые мусульма-

не пьют и не нахвалятся. Лес доставляется из Саган-лу.

В Арзрумском арсенале нашли множество старинного оружия, шлемов, лат, сабель, ржавеющих, вероятно, еще со времен Годфреда. Мечети низки и темны. За городом находится кладбище. Памятники состоят обыкновенно в столбах, убранных каменною чалмою. Гробницы двух или трех пашей отличаются большей затейливостью, но в них нет ничего изящного: никакого вкусу, никакой мысли... Один путешественник пишет, что изо всех азиатских городов в одном Арзруме нашел он башенные часы, и те были испорчены.

Нововведения, затеваемые султаном, не проникли еще в Арзрум. Войско носит еще свой живописный восточный наряд. Между Арзрумом и Константинополем существует соперничество, как между Казанью и Москвою. Вот начало сатирической поэмы, сочиненной янычаром Амином-Оглу.

Стамбул гяуры нынче славят,
А завтра кованой пятой,
Как змия спящего, раздавят,
И прочь пойдут — и так оставят.
Стамбул заснул перед бедой.

Стамбул отрекся от пророка;
В нем правду древнего Востока
Лукавый Запад омрачил.
Стамбул для сладостей порока
Мольбе и сабле изменил.
Стамбул отвык от поту битвы
И пьет вино в часы молитвы.

В нем веры чистый жар потух,
В нем жены по кладбищам ходят,
На перекрестки шлют старух,
А те мужчин в харемы вводят,
И спит подкупленный евнух.

Но не таков Арзрум нагорный,
Многодорожный наш Арзрум;
Не спим мы в роскоши позорной,
Не черплем чашей непокорной
В вине разврат, огонь и шум.

Постимся мы: струею трезвой
Святые воды нас поят;

Толпой бестрепетной и резвой
Джигиты наши в бой летят;
Харемы наши недоступны,
Евнухи строги, неподкупны,
И смирно жены там сидят.

Я жил в сераскировом дворце в комнатах, где находился харем. Целый день бродил я по бесчисленным переходам, из комнаты в комнату, с кровли на кровлю, с лестницы на лестницу. Дворец казался разграбленным; сераскир, предполагая бежать, вывез из него что только мог. Диваны были ободраны, ковры сняты. Когда гулял я по городу, турки подзывали меня и показывали мне язык. (Они принимают всякого франка за лекаря.) Это мне надоело, я готов был отвечать им тем же. Вечера проводил я с умным и любезным Сухоруковым; сходство наших занятий сближало нас. Он говорил мне о своих литературных предположениях, о своих исторических изысканиях, некогда начатых им с такою ревностию и удачей. Ограниченность его желаний и требований поистине трогательна. Жаль, если они не будут исполнены.

Дворец сераскира представлял картину вечно оживленную: там, где угрюмый паша молчаливо курил посреди своих жен и бесчестных отроков, там его победитель получал донесения о победах своих генералов, раздавал пашалыки, разговаривал о новых романах. Мушский паша[30] приезжал к графу Паскевичу просить у него места своего племянника. Ходя по дворцу, важный турок остановился в одной из комнат, с живостию проговорил несколько слов и впал потом в задумчивость: в этой самой комнате обезглавлен был его отец по повелению сераскира. Вот впечатления настоящие восточные! Славный Бейбулат, гроза Кавказа, приезжал в Арзрум с двумя старшинами черкесских селений, возмутившихся во время последних войн. Они обедали у графа Паскевича. Бейбулат, мужчина лет 35-ти, малорослый и широкоплечий. Он по-русски не говорит или притворяется, что не говорит. Приезд его в Арзрум меня очень обрадовал: он был уже мне порукой в безопасном переезде через горы и Кабарду.

Осман-паша, взятый в плен под Арзрумом и отправленный в Тифлис вместе с сераскиром, просил графа Паскевича за безопасность харема, им оставляемого в Арзруме. В первые дни об нем было забыли. Однажды

за обедом, разговаривая о тишине мусульманского города, занятого 10 000 войска и в котором ни один из жителей ни разу не пожаловался на насилие солдата, граф вспомнил о хареме Османа-паши и приказал г. А. съездить в дом паши и спросить у его жен, довольны ли они и не было ли им какой-нибудь обиды. Я просил позволения сопровождать г. А. Мы отправились. Г-н А. взял с собою в переводчики русского офицера, коего история любопытна. 18-ти лет попался в плен к персиянам. Его скопили, и он более 20 лет служил евнухом в хареме одного из сыновей шаха. Он рассказывал о своем несчастии, о пребывании в Персии с трогательным простодушием. В физиологическом отношении показания его были драгоценны.

Мы пришли к дому Османа-паши; нас ввели в открытую комнату, убранную очень порядочно, даже со вкусом,— на цветных окнах начертаны были надписи, взятые из Корана. Одна из них показалась мне очень замысловата для мусульманского гарема: *тебе подобает связывать и развязывать.* Нам поднесли кофию в чашечках, оправленных в серебре. Старик с белой почтенной бородою, отец Османа-паши, пришел от имени жен благодарить графа Паскевича,— но г. А. сказал наотрез, что он послан к женам Османа-паши и хочет их видеть, дабы от них самих удостовериться, что они в отсутствие супруга всем довольны. Едва персидский пленник успел всё это перевести, как старик, в знак негодования, защелкал языком и объявил, что никак не может согласиться на наше требование и что если паша, по своем возвращении, проведает, что чужие мужчины видели его жен, то и ему старику и всем служителям харема велит отрубить голову. Прислужники, между коими не было ни одного евнуха, подтвердили слова старика; но г. А. был неколебим. «Вы боитесь своего паши,— сказал он им,— а я своего сераскира и не смею ослушаться его приказаний».— Делать было нечего. Нас повели через сад, где били два тощие фонтана. Мы приближились к маленькому каменному строению. Старик стал между нами и дверью, осторожно ее отпер, не выпуская из рук задвижки, и мы увидели женщину, с головы до желтых туфель покрытую белой чадрою. Наш переводчик повторил ей вопрос: мы услышали шамкание семидесятилетней старухи; г. А. прервал ее: «Это мать паши,— сказал он,— а я прислан к женам, приведите одну из них»; все изумились догадке гяуров: старуха ушла и через минуту воз-

вратилась с женщиной, покрытой так же, как и она,— из-под покрывала раздался молодой приятный голосок. Она благодарила графа за его внимание к бедным вдовам и хвалила обхождение русских. Г-н А. имел искусство вступить с нею в дальнейший разговор. Я между тем, глядя около себя, увидел вдруг над самой дверью круглое окошко и в этом круглом окошке пять или шесть круглых голов с черными любопытными глазами. Я хотел было сообщить о своем открытии г. А., но головки закивали, замигали, и несколько пальчиков стали мне грозить, давая знать, чтоб я молчал. Я повиновался и не поделился моею находкою. Все они были приятны лицом, но не было ни одной красавицы; та, которая разговаривала у двери с г. А., была, вероятно, повелительницею харема, сокровищницею сердец — розою любви — по крайней мере, я так воображал.

Наконец г. А. прекратил свои расспросы. Дверь затворилась. Лица в окошке исчезли. Мы осмотрели сад и дом и возвратились очень довольные своим посольством.

Таким образом, видел я харем: это удалось редкому европейцу. Вот вам основание для восточного романа.

Война казалась кончена. Я собирался в обратный путь. 14 июля пошел я в народную баню, и не рад был жизни. Я проклинал нечистоту простынь, дурную прислугу и проч. Как можно сравнить бани арзрумские с тифлисскими!

Возвращаясь во дворец, узнал я от Коновницына, стоявшего в карауле, что в Арзруме открылась чума. Мне тотчас представились ужасы карантина, и я в тот же день решился оставить армию. Мысль о присутствии чумы очень неприятна с непривычки. Желая изгладить это впечатление, я пошел гулять по базару. Остановясь перед лавкою оружейного мастера, я стал рассматривать какой-то кинжал, как вдруг кто-то ударил меня по плечу. Я оглянулся: за мною стоял ужасный нищий. Он был бледен как смерть; из красных загноенных глаз его текли слезы. Мысль о чуме опять мелькнула в моем воображении. Я оттолкнул нищего с чувством отвращения неизъяснимого и воротился домой очень недовольный своею прогулкою.

Любопытство однако ж превозмогло; на другой день

я отправился с лекарем в лагерь, где находились зачумленные. Я не сошел с лошади и взял предосторожность стать по ветру. Из палатки вывели нам больного; он был чрезвычайно бледен и шатался, как пьяный. Другой больной лежал без памяти. Осмотрев чумного и обещав несчастному скорое выздоровление, я обратил внимание на двух турков, которые выводили его под руки, раздевали, щупали, как будто чума была не что иное, как насморк. Признаюсь, я устыдился моей европейской робости в присутствии такого равнодушия и поскорее возвратился в город.

19 июля, пришед проститься с графом Паскевичем, я нашел его в сильном огорчении. Получено было печальное известие, что генерал Бурцов был убит[31] под Байбуртом. Жаль было храброго Бурцова, но это происшествие могло быть гибельно и для всего нашего малочисленного войска, зашедшего глубоко в чужую землю и окруженного неприязненными народами, готовыми восстать при слухе о первой неудаче. Итак, война возобновлялась! Граф предлагал мне быть свидетелем дальнейших предприятий. Но я спешил в Россию... Граф подарил мне на память турецкую саблю. Она хранится у меня памятником моего странствования вослед блестящего героя по завоеванным пустыням Армении. В тот же день я оставил Арзрум.

Я ехал обратно в Тифлис по дороге уже мне знакомой. Места, еще недавно оживленные присутствием 15 000 войска, были молчаливы и печальны. Я переехал Саган-лу и едва мог узнать место, где стоял наш лагерь. В Гумрах выдержал я трехдневный карантин. Опять увидел я Безобдал и оставил возвышенные равнины холодной Армении для знойной Грузии. В Тифлис я прибыл 1-го августа. Здесь остался я несколько дней в любезном и веселом обществе. Несколько вечеров провел я в садах при звуке музыки и песен грузинских. Я отправился далее. Переезд мой через горы замечателен был для меня тем, что близ Коби ночью застала меня буря. Утром, проезжая мимо Казбека, увидел я чудное зрелище: белые, оборванные тучи перетягивались через вершину горы, и уединенный монастырь,[32] озаренный лучами солнца, казалось, плавал в воздухе, несомый облаками. Бешеная Балка также явилась мне во всем своем величии: овраг, наполнившийся дождевыми водами, превосходил в своей свирепости самый Терек, тут же грозно ревевший. Берега были растерзаны; огромные камни сдвину-

ты были с места и загромождали поток. Множество осетинцев разработывали дорогу. Я переправился благополучно. Наконец я выехал из тесного ущелия на раздолье широких равнин Большой Кабарды. Во Владикавказе нашел я Дорохова и Пущина. Оба ехали на воды лечиться от ран, полученных ими в нынешние походы. У Пущина на столе нашел я русские журналы. Первая статья, мне попавшаяся,[33] была разбор одного из моих сочинений. В ней всячески бранили меня и мои стихи. Я стал читать ее вслух. Пущин остановил меня, требуя, чтоб я читал с бо́льшим мимическим искусством. Надобно знать, что разбор был украшен обыкновенными затеями нашей критики: это был разговор между дьячком, просвирней и корректором типографии, Здравомыслом этой маленькой комедии. Требование Пущина показалось мне так забавно, что досада, произведенная на меня чтением журнальной статьи, совершенно исчезла, и мы расхохотались от чистого сердца

Таково было мне первое приветствие в любезном отечестве.

МАРШРУТ ОТ ТИФЛИСА ДО АРЗРУМА[34]

Телеты	14	верст	
Коды	11	»	
Большие Шулаверы	27	»	
Пост Самисы . . .	20	»	
Пост Акзебиук . .	$19\frac{1}{2}$	верст	
Укрепление Джелал-Оглу	$19\frac{1}{2}$	»	
Гергерский пост . .	13	верст	
Кишлякский . . .	16	»	Переезд через Безобдал
Амамлы	13	»	
Бекант	15	»	
Укрепление Гумры .	27	»	
Селение Джамумлы	28	»	Другая дорога от Карса чрез Милли-Дюз до Кеприкёва
Селение Халив-Оглы	$18\frac{1}{2}$	верст	
Карс	21	верста	
Селение Котанлы . .	24	версты	Селение Котанлы 24 версты
Развалины Чирихли .	22	»	Урочище Дели-Муса-Пурун 30 верст
Речка Инжа-Су . . (где был лагерь наш с 14-го по 18-е июня на вершине Саганлуга)	12	верст	Развалины Каравaн-Сарая на вершине Саганлугских гор . . . 12 верст
			Урочище Милли-Дюз, где был лагерь Гакки-Паши . . . 7 »

Речка Гункер-Су . .	13	верст
» Загин-Су . .	16	»
Замок Зивин . . .	12	»
Селение Ардос . . .	24	версты
Селение Кеприкёв . . (мост на Араксе)	26	верст
Деревня Гассан-Кала	$14^1/_2$	верст
Арзрум	35	верст
Замок Минджегерт . . .	9	»
Речка Чермик, при коей теплые железные воды . .	$10^1/_2$	верст
Деревня Хоросан . . .	12	»
Деревня Кеприкёв . . .	25	»

ПРИМЕЧАНИЯ

Дневники и автобиографическая проза Пушкина в настоящем издании размещены в шести жанровых подразделах. Тексты, как правило, воспроизводятся по изданию: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. 4-е изд. Т. VI—VIII/Под ред. Б. В. Томашевского. Л., 1978. Варианты текста, извлеченные из пушкинских рукописей, приводятся под строкой, там же помещен перевод иноязычных фрагментов текста на русский язык. В каждом случае авторских примечаний отмечается их принадлежность Пушкину. В комментариях даны необходимые для понимания текста справки. Более подробные сведения о всех лицах, упоминаемых Пушкиным, выделены в именной указатель. Все ссылки на произведения Пушкина даются по Полному собранию сочинений (М.; Л., 1937—1959. Т. I—XVI) с указанием в скобках тома (римскими цифрами) и страницы (арабскими).

ДНЕВНИКИ

ИЗ «ЛИЦЕЙСКОГО ДНЕВНИКА»

Год записей 1815.

[1] *...партизан...*— Д. В. Давыдов. Этот анекдот записан Пушкиным дважды, второй раз он включен им в «Table-talk».

[2] *Жуковский дарит мне...*— В. А. Жуковский подарил Пушкину 1-ю часть издания «Стихотворения Жуковского». Спб., 1815, вышедшую в свет около 7 декабря 1815 г.

[3] *«Венчанье Шутовского»* — то есть князя А. А. Шаховского. «Венчанье» его происходило в доме А. П. Буниной 24 сентября 1815 г., на следующий день после представления его пьесы «Урок кокеткам, или Липецкие воды», направленной против В. А. Жуковского, послужившей поводом для создания литературного общества «Арзамас». Автор гимна — Д. В. Дашков.

[4] *Творец затей...*— Намек на комедию Шаховского «Полубарские затеи».

[5] *Гроза баллад...*— Намек на комедию Шаховского «Липецкие воды», где он высмеивал баллады Жуковского.

[6] *Хлыстов* — граф Д. И. Хвостов.

[7] *...шубы...*— «ироикомическая» поэма Шаховского «Расхищенные шубы».

[8] *Старик седой* — А. С. Шишков.

[9] *Псалтырь в десной...*— то есть в правой руке.

[10] *...поэтов бледный строй...*— то есть членов «Беседы».

[11] *И воды я пишу водой...*— то есть «Липецкие воды».

[12] *Еврей мой написал «Дебору»...*— Для пьесы Шаховского «Дебора, или Торжество веры» (1811) драматург и переводчик Л. Н. Невахович, живший в доме Шаховского, написал часть сцен прозой, а Шаховской переложил их стихами.

[13] Цитата из стихотворения Жуковского «Певец» («В тени дерев, над чистыми водами», 1811).

[14] *«Фатама, или Разума человеческого...»* — несохранившийся роман «Фатам, или Разум человеческий...», третья глава которого именовалась «Право естественное», был известен лицейским товарищам Пушкина.

[15] *Начал я комедию...*— несохранившуюся комедию «Философ». Об этом замысле известно немного. В письме Илличевского Фуссу 16 января 1816 г. говорится: «Кстати о Пушкине: он пишет теперь комедию в пяти действиях, в стихах, под названием Философ. План довольно удачен — и начало: то есть I-ое действие, до сих пор только написанное, обещает нечто хорошее,— стихи и говорить нечего — а острых слов — сколько хочешь!» (Грот К. Я. Пушкинский Лицей. Спб., 1911. С. 60). Гаевский сообщает, что Пушкин, начав комедию в стихах «Философ», сочинил «только два действия, охладел к своему труду и уничтожил написанное» (цит. по: Томашевский Б. В. Пушкин. Кн. 1. С. 38).

[16] *Угрюмых тройка есть певцов...*— Эпиграмма направлена против членов «Беседы любителей русского слова». Литературным образцом послужила Пушкину эпиграмма, приписывавшаяся Бомарше (см.: Поэтика, V. Л., 1929. С. 68—69).

[17] *...напишу я «Картину Царского Села».*— Б. В. Томашевский предполагал, что этот замысел не был осуществлен, отмечая, что его ошибочно связывают с «Воспоминаниями в Царском Селе». Между тем шесть пунктов, находящихся в дневнике Пушкина, являются, вероятно, не программою стихотворения, а подзаголовками частей.

[18] *...пели куплеты...*— на воспитателей и товарищей — плод коллективного творчества лицеистов. Исполнение их входило в ритуал празднования лицейских «годовщин» (см.: Грот К. Я. Празднование лицейских годовщин при Пушкине и после него//Пушкин и его современники: Вып. XIII. С. 38—39).

[19] *«Бери себе повесу».*— Пародия на стихотворение И. И. Дмитриева «Карикатура» («Сними с себя завесу»).

[20] *Кореджиев тьмо-свет.*— Итальянский живописец периода Высокого Возрождения Корреджо Антонио Аллегри в целях усиления

эмоционального звучания образов прибегал к эффектам контрастного ночного освещения («Поклонение пастухов», «Ночь». Дрезден)

[21] *Борнгольм* — остров в Балтийском море (см. повесть Н. М. Карамзина «Остров Борнгольм»).

[22] *Зульма* — пока неясно, что означает.

[23] *«Новый Стерн»* — комедия Шаховского (1807), высмеивающая Н. М. Карамзина.

[24] *«Ломоносов»* — «Ломоносов, или Рекрут стихотворец», опера-водевиль в 3 действиях его же, ставившаяся на сцене с 1814 г.

[25] *«Казак-стихотворец»* — опера-водевиль в одном действии, его же (поставлена в 1812 г.).

[26] *«Встреча незваных»* — «Крестьяне, или Встреча незваных», водевиль в 2 действиях (1814).

[27] *«Шубы»* — «Расхищенные шубы».

[28] *«Кокетка»* — «Урок кокеткам, или Липецкие воды».

ИЗ «КИШИНЕВСКОГО ДНЕВНИКА»

Два листка с автографом дневника, как об этом можно судить по сохранившемуся водяному знаку, некогда входили в рабочую тетрадь Пушкина 1821—1825 гг. (так называемую «вторую кишиневскую»), наполовину уничтоженную после известия о восстании декабристов.

Год записей 1821.

[1] H. G.— Высказывались предположения, что под этими инициалами скрыта Елена Гартинг, упомянутая Пушкиным в записи (от 31 марта 1821 г.; см.: Цявловский М. А. Летопись жизни и творчества Пушкина. Т. 1. М., 1951. С. 289). Но Елена Гартинг не была гречанкой. Урожденная Стурдза, она принадлежала к старинному молдавскому роду. К. К. Данзас уверял, что в ее доме жила гречанка, воспетая Пушкиным; таким образом, слова «прелестная гречанка» не относятся к Елене Гартинг (см.: Модзалевский Б. Л. Пушкин. Л., 1929. С. 338).

[2] *Говорили об А. Ипсиланти...*— 23 февраля 1821 г. греческие патриоты под предводительством А. Ипсиланти начали военные действия, переправившись с территории Бессарабии через Прут в Валахию. (В письме к Н. И. Гнедичу из Михайловского от 23 февраля 1825 г. Пушкин приписал: «23 фев<раля>, день объявления греческого бунта Александра Ипсиланти».) Глава гетерии, возглавивший те силы, которые ограничивали борьбу свержением турецкого ига, А. Ипсиланти был связан с генералом М. Орловым совместной службой в кавалергардском полку, с Пестелем, Волконским, Трубецким — по участию в петербургской масонской ложе «Три добродетели» (1816 г.). Он был участником Отечественной войны 1812 г., под

Дрезденом потерял руку. См. также с. 298. «Заметка о революции Ипсиланти».

[3] *...Владимиреско не имеет другого достоинства, кроме храбрости...*— Воспользовавшись смертью господаря Валахии Александра Суццо, Владимиреско поднял народное восстание, которое должно было избавить народ не только от турецкого ига, но и от ига местных дворян. А. Ипсиланти объявил Владимиреско изменником, арестовал его и зверски умертвил в окрестностях Тырговиста. Но, сделав это, А. Ипсиланти подорвал народную основу греческого освободительного движения и ускорил поражение всего восстания.

[4] *Митрополит* — Банулеско-Бодони.

[5] *Хочу ль сказать, к кому был Феб из русских ласков?//*Державин рвется в стих, а втащится Херасков.— Пушкин имел в виду стечение двух «к» в середине первой из приведенных строк: к кому... Отсюда каламбур «какофония» («како» — старое название буквы «к»; см.: Сайтанов В. Неизвестный цикл Пушкина//Пути в незнаемое: Писатели рассказывают о науке. Сб. 19. М.: Сов. писатель, 1986. С. 372).

[6] *Баратынский — прелесть.*— Имеются в виду стихотворения «Лиде» («Твой детский вызов мне приятен...») и русская песня «Страшно воет, завывает...», опубликованные в журнале «Сын отечества» (март 1821, № 10).

[7] *Утро провел с Пестелем...*— После издания князем А. К. Ипсиланти манифеста от 24 февраля 1821 г., призывавшего народ к свержению турецкого ига, Пестель был отправлен П. Д. Киселевым (начальником штаба 2-й армии) в Скуляны с поручением ознакомиться с положением дел. В Кишиневе он встречался с Пушкиным 9 апреля и 26 мая 1821 г. Возможно, знакомство их состоялось ранее, в ноябре 1820 г., когда Пушкин по дороге в Каменку мог заехать в Тульчин, или в марте 1821 г., возвращаясь из Каменки в Кишинев. Предполагают и последующие встречи Пестеля с Пушкиным, например, 27 мая в доме бывшего молдавского господаря Михаила Суццо или в доме родственника последнего — боярина Петраки Маврегени.

[8] *Получил письмо от Чаадаева.*— Письмо это не сохранилось, как и ответные письма Пушкина к П. Я. Чаадаеву.

[9] *...письмо мое к Василию Львовичу.*— К В. Л. Пушкину, дяде поэта. Речь идет о послании «Тебе, о Нестор Арзамаса», напечатанном в «Сыне отечества» (12 марта 1821, № 11).

[10] Официальное письмо к Н. И. Гречу не сохранилось.

[11] Переданный Дм. Ипсиланти Пушкину слух был неверен.

[12] *...был я принят в масоны.*— Пушкин был членом масонской ложи «Овидий» в Кишиневе, открытой генералом П. С. Пущиным, членом «Союза благоденствия» (см. стих. Пушкина «Генералу П. С. Пущину»).

Ложа использовалась декабристами в политических целях. По этой причине Кишиневская ложа была одной из первых, закрытых царским правительством. 19 ноября 1821 г. князь Волконский писал И. Н. Инзову: «До сведения его императорского величества дошло, что в Бессарабии уже открыты или учреждаются масонские ложи под управлением в Измаиле генерал-майора Тучкова, а в Кишиневе некоего князя Суццо (...) При втором находится Пушкин»... И. Н. Инзов отрицал существование в Кишиневе масонской ложи, имея в виду следующее: хотя ложа «Овидий» и была утверждена протоколом Великой Ложи Астреи, однако, вплоть до так называемой инстоляции (т. е. формального приема в масонство новых членов Кишиневской ложи представителем Великой Ложи Астреи), всякая новая ложа по уставу считалась неправомочной, а ее работа лишь временно разрешенной. А так как ложа «Овидий» до 13 октября 1821 г. инстоляции не прошла, то Инзов и мог писать о том, что ложа в Кишиневе не существует. В письме от 30 января 1822 г. Волконский вновь предписывал Инзову закрыть ложу, указывая, что «в случае какого-нибудь сопротивления вашему превосходительству разрешается употребить даже силу» (Кульман Н. К. К истории масонства в России. Кишиневская ложа//Журнал Министерства народного просвещения. 1907. С. 341, 346, 350—351).

У Пушкина сохранились счетные книги ложи, оставшиеся незаполненными. Ими поэт пользовался с 1823 г. как своими черновыми тетрадями (так называемые 1, 2, 3-я масонские тетради — ПД № 834, 835, 836).

[13] Считается, что Пушкин выехал из Петербурга 6 мая 1820 г.

[14] *...писал я к князю Ипсиланти...*— Письмо Пушкина к А. К. Ипсиланти не сохранилось. Пушкин был лично знаком с князем, а также с его братьями Георгием и Дмитрием.

[15] Посещение П. С. Пущина, Н. С. Алексеева и П. И. Пестеля вызвано было, очевидно, поздравлением Пушкина в связи с днем его рождения (26 мая).

[16] M-r Deguilly.— В связи с его отказом принять вызов Пушкина на дуэль Пушкин 6 июня 1821 г. пишет ему резкое письмо. Сохранилась также карикатура Пушкина на Дегильи с такой подписью под нею: «Ma femme... ma culotte... et mon duel donc!.. ah ma foi, du'elle s'en tire comme elle voudra, puisque c'est elle qui porte culotte»* (Изображение см.: Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты, М.; Л., 1935).

---

* «Жена... штаны... а дуэль-то моя!..
Эх, право, пускай она сама как хочет отыгрывается, раз она играет первую скрипку» *(фр.)*. Непереводимая игра слов. Porte culotte означает в прямом смысле — носить штаны, а в переносном — относится к женам, которые главенствуют в семье.

Датировано Пушкиным.

[1] Боровичи — почтовая станция в 23 верстах от станции Залазы.

[2] *...на следующей станции...* — то есть Залазы на пути Пушкина из Михайловского в Петербург.

[3] *Шиллеров «Духовидец».* — В русском переводе был издан под заглавием: «Духовидец, история, взятая из записок графа О*** и изданная Фридрихом Шиллером» (1807 г.; 2-е изд.— 1818 г.).

[4] *...вдруг подъехали четыре тройки...* — При перевозке из крепости в крепость декабристов надлежало, согласно предписанию «О порядке отправления государственных преступников по назначению», везти на отдельных тройках («иметь при каждом преступнике одного жандарма»), фельдъегерь имел отдельную от арестантов тройку.

[5] *Вероятно, поляки?* — Имена декабристов, ехавших вместе с В. Кюхельбекером, устанавливаются по донесению начальника Главного штаба барона Дибича от 14 октября 1827 г.: «Осужденных Верховным уголовным судом в каторжную работу государственных преступников Василия Дивова, Василия Норова и Вильгельма Кюхельбекера государь император высочайше повелел отправить вместо каторжной работы в крепостные арестанты, первых двух — в Бобруйск, а последнего — в Динабург» (Коржов С. Н. Новое о встрече А. С. Пушкина с В. К. Кюхельбекером на почтовой станции Залазы// Временник Пушкинской комиссии; Вып. 22).

[6] *...я узнаю Кюхельбекера.* — О встрече Пушкина и Кюхельбекера сохранился также рапорт фельдъегеря Подгорного от 28 октября 1827 г.: «Отправлен я был сего месяца 12-го числа в гор. Динабург с государственными преступниками, и на пути, приехав на станцию Залазы, вдруг бросился к преступнику Кюхельбекеру ехавший из Новоржева в С.-Петербург некто г. Пушкин, начал после поцелуя с ним разговаривать, я, видя сие, наипоспешнее отправил как первого, так и тех двух за полверсты от станции, дабы не дать им разговаривать, а сам остался для прописания подорожной и заплаты прогонов. Но г. Пушкин просил меня дать Кюхельбекеру денег, я в сем ему отказал. Тогда он, г. Пушкин, кричал и, угрожая мне, говорит, что «по прибытии в С.-Петербург в ту же минуту доложу его императорскому величеству, как за недопущение распроститься с другом, так и дать ему на дорогу денег,— сверх того, не премину также сказать и генерал-адъютанту Бенкендорфу». Сам же г. Пушкин между прочими угрозами объявил мне, что он был посажен в крепости и потом выпущен, почему я еще более препятствовал иметь ему сношение с арестантом; а преступник Кюхельбекер мне сказал: это тот Пушкин, который сочиняет».

[7] *На следующей станции...* — то есть на Феофиловой Пустыни

в 22 верстах от станции Залазы (см.: Коржов С. Н. Указ. соч.).

[8] *...их везут из Шлиссельбурга,— но куда же?* — В. К. Кюхельбекер препровождался в Динабургскую крепость из Шлиссельбургской (вместо каторжных работ в Сибири) сроком на 20 лет.

КАВКАЗСКИЙ ДНЕВНИК

1829

Впервые опубликован Я. Л. Левкович (см.: Пушкин. Исследования и материалы. Т. XI. Л., 1983. С. 5—27), которая провела реконструкцию текста на основании анализа чистовой рукописи «Путешествие в Арзрум» и «черновых записей 1829 года» (ПД № 841). Печатая часть этого текста в «Литературной газете» (1830, № 6) под названием «Военная Грузинская дорога», Пушкин сопроводил публикацию подзаголовком: «Извлечено из путевых записок А. Пушкина».

Рассказывая о своей поездке в 1829 г., Пушкин учитывает описание первого путешествия по тем же местам, изложенное в письме к брату 24 сентября 1820 г. Дневник повторяет те же опорные мотивы, что и письмо к брату.

К кавказскому дневнику Я. Л. Левкович отнесла записи 15, 22 и 25 мая, 12, 14 и 18 июля, отрывок «Мы достигли Владикавказа» (его можно датировать 19 июля — началом августа 1829 г.) и, наконец, запись «Мы ехали из Арзрума» (с датой: начало августа 1829 г.). В запись от 15 мая включается стихотворение «Калмычка» — его место в дневнике сразу было определено самим Пушкиным. Рассказ о посещении Ермолова относится нами к «Кавказскому дневнику» и по этой причине отсутствует в «Путешествии в Арзрум».

[1] *...увидел Ермолова.*— В это время Ермолов, герой Отечественной войны 1812 г., был уже не у дел. Интересен отзыв самого Ермолова об этой встрече с Пушкиным, который приводит Д. В. Давыдов в письме к Вяземскому от 30 ноября 1829 г.: «Был у меня Пушкин. Я в первый раз видел его и, как можешь себе вообразить, смотрел на него с живейшим любопытством. В первый раз не знакомятся коротко, но какая власть высокого таланта! Я нашел в себе чувство, кроме невольного уважения. Ему также, я полагаю, необыкновенным показался простой прием, к каковым жизнь в столице его верно не приучила».

[2] *...портрет, писанный Довом.*— Портрет работы Дау для галереи 1812 г. в Зимнем дворце.

[3] *Думаю, что он пишет или хочет писать свои записки.*— В 1833 г. Пушкин обратился к Ермолову с письмом, прося «дозволить ему быть его историком или издателем его записок».

[4] *...пародировал американца Купера в его описаниях морских эволюций.*— Имеется в виду роман Купера «Пират». По воспоминаниям А. Олениной, Пушкина в 1828 г. в узком дружеском кругу прозвали «Красный пират» (см.: Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. М., 1985. С. 84).

[5] *Граф Вл. Пушкин* — В. А. Мусин-Пушкин, на Кавказ ехал вместе с братом своей жены Э. К. Шернвалем.

[6] *Кобылиц неукротимых//Гордо бродят табуны.*— Цитата из думы К. Рылеева «Петр Великий в Острогожске».

[7] *В мое время...*— то есть во время первого посещения вод в 1820 г. вместе с семьей генерала Раевского.

[8] *Минарет Татартуб* — упомянут в поэме «Тазит»: «Вблизи развалин Татартуба».

[9] *...имя своей жены...*— Эмилии Шернваль, вышедшей за него замуж в 1828 г.

[10] *Любите самого себя//Любезный милый мой читатель* — несколько измененная автоцитата из «Евгения Онегина», гл. 4, строфа XXII.

[11] *...новые потребности мало-помалу сблизят с нами черкесов...*— см. примеч. с. 337—338.

[12] *...добро Молиера...*— Имеется в виду известное выражение: «Je prends mon bien partout ou je le trouve». Источник выражения — испанская пьеса, которую играла труппа Мольера; мысль же восходит к античным источникам: одно из положений римского права гласит: «Ubi rem meam in venio, ibi vindica».

[13] *Харем.— Сабля.*— Эти эпизоды развернуты в «Путешествии в Арзрум».

[14] *...осетинские похороны...*— описаны Пушкиным в поэме «Тазит».

[15] *...реке на Севере гремящей.*— Несколько измененная цитата из «Водопада» Державина, где говорится о водопаде Кивач на реке Суне: «И ты, о водопадов мать!//Река на Севере гремяща».

[16] *И в козиих мехах вино, отраду нашу.*— Цитата из 3-й песни «Илиады» Гомера в переводе Е. Кострова.

[17] *...подпирающую небосклон.*— Видоизмененная цитата из стихотворения Д. Давыдова «Полусолдат» (1826). «С Кавказа глаз не сводит он,//Где подпирает небосклон//Казбека груда снеговая».

[18] *...ждали персидского принца.*— О приезде Хозрев-Мирзы в Россию см. примеч. с. 338.

[19] *...крест — памятник Петра, обновленный Ермоловым...*— Гранитный крест, давший название горе (Крестовая).

ИЗ ДНЕВНИКА 1831 г.

Датируется 26 июля 1831 г.— не ранее 27 августа 1831 г.

Эти записи велись на даче в Царском Селе. Н. К. Пиксанов

предположил, что они предназначались Пушкиным для газеты «Дневник» и как образцы были представлены Бенкендорфу. Однако проект издания газеты не осуществился. Т. Г. Цявловская, редактируя раздел мемуарной прозы Пушкина (см.: Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. Т. 7. М.: Худож. лит., 1976. С. 265—269), отнесла эти записи к дневниковым текстам, озаглавив их «Из Дневника 1831 г.» и отметив в примечаниях, что упоминаемые Пушкиным факты частного характера (например, сообщение о предстоящем замужестве А. О. Россет) и резкая критика политического курса Николая I были бы серьезным препятствием для публикации материала.

[1] *...беспокойства...* — то есть холерные бунты.

[2] *...царский голос не должен угрожать ни картечью, ни кнутом.*— Намек на расправу Николая I с декабристами.

[3] *...государыня родила великого князя Николая.*— Любопытно сравнить эту запись с изложением этого же события в письме Жуковского к А. И. Тургеневу (см.: Письма В. А. Жуковского А. И. Тургеневу. М., 1895. С. 260—261).

[4] *Арнт* — Н. Ф. Арендт. У Жуковского тоже упоминается Н. Ф. Арендт (Арнт), бывший в поселениях вместе с царем, поэтому вполне естественно предположить, что обе записи восходят к его устному рассказу. Если предположить, что Арендт обоим рассказывал одно и то же, то станет очевидной разница в подходе к изображаемым событиям: у Жуковского основной акцент ставится на силу слова царя. У Пушкина частные детали мятежа и его подавления являются деталями картины исторической, суть происходящего для Пушкина кроется не в бунте блудных сынов, а в столкновении двух противостоящих лагерей, противоречие между которыми не решается одним словом царя.

[5] *Кутья* (кутия) — вареная пшеница или рис с медом, приправленные обыкновенно изюмом и приносимые в церковь при поминании усопших (см.: Словарь церковнославянского и русского языка. Т. 2. Спб., 1867. С. 502).

[6] *...известие о взятии Варшавы.*— Штурм Воли и передовых укреплений Варшавы начался 25 августа, а 26 августа состоялся решительный штурм Варшавы, окончившийся ее капитуляцией. Известие об этом достигло Царского Села, императорской резиденции, лишь 4 сентября.

[7] Сражение под Остерленкой произошло 9 (21) мая 1831 г. и явилось поворотным в кампании: русские войска перешли в наступление, войска Скржинецкого были разбиты.

ДНЕВНИК 1833—1835 гг.

Записи велись Пушкиным с 24 ноября 1833 г. по февраль 1835 г. Основное место в «Дневнике», как по объему, так и по значи-

мости, занимают события 1834 года, которые открываются сообщением о пожаловании Пушкину звания камер-юнкера: «Третьего дня я пожалован в камер-юнкеры (что довольно неприлично моим летам) Но двору хотелось, чтобы Н.<аталья> Н.<иколаевна> танцевала в Аничкове. Так я же сделаюсь русским Dangeau».

Пушкин имеет в виду маркиза де Данжо (1633—1720), французского мемуариста времен Людовика XIV. Исследователи по-разному толковали смысл этой записи: Б. В. Казанский сводил смысл записи к сопоставлению «анекдотического содержания» в мемуарах Данжо и интереса к анекдоту в «Дневнике» Пушкина (см.: Казанский Б. В. Дневник Пушкина//Временник Пушкинской комиссии. Т. 1. М.; Л., 1936. С. 268); Д. П. Якубович истолкование этой фразы переносил в план личной жизни поэта, предвидящего совпадение некоторых моментов судьбы Данжо и своей личной жизни, что конкретизировало оппозиционные настроения Пушкина (см.: Якубович Д. П. Дневник Пушкина. Л., 1923. С. 21—22); Л. В. Крестова считает, что Данжо воспринимался современниками Пушкина как писатель-обличитель. Называя себя «русским Данжо», Пушкин «сознательно» выполнил ту роль, которую Данжо осуществлял непреднамеренно» (Крестова Л. В. Почему Пушкин называл себя «русским Данжо»?//Пушкин. Исследования и материалы. М.; Л., 1962. С. 267—276).

1833

[1] *Обедал у К. А. Карамзиной...* — 24 ноября, в Екатеринин день. В ее салоне наряду с представителями светского общества собирались также и литераторы.

[2] В. А. Жуковский в сентябре вернулся из заграничного путешествия, проведя 1833 г. в Швейцарии, затем жил в Царском Селе. Пушкин не встречался с ним с лета 1832 г.

[3] *Я рассказал ему, каким образом Пестель обманул его и предал этерию, представя ее императору Александру отраслию карбонаризма.* — В своем донесении Пестель лишь указал Александру I на то, что события «могут иметь важные последствия», «так как, если существует 800 тысяч итальянских карбонариев, то, может быть, еще больше существует греков, соединенных политическою целию. Сам Ипсиланти, (...) только орудие в руках *скрытой силы*, которая употребила его имя точкою соединения». Это донесение было передано Александру I, находящемуся в это время на конгрессе в Байбаке, и он остался им очень доволен. Что касается утверждения Пушкина, что Пестель «предал этерию», то оно слишком преувеличено, во-первых, потому, что Пестель так конкретизировал свою мысль: «Восстание, которое готовится в настоящее время, греки совсем не считают похожим на мятеж, поколебавший королевство Испании и Обеих Сицилий; они

видят в нем скорее нечто похожее на ту борьбу, которою некогда русские князья сумели свергнуть татарское иго»; во-вторых, потому что позиция, занятая Александром I в греческом вопросе, объясняется влиянием политики князя Меттерниха.

[4] *Фанариот.*— Турки, захватив Молдавию, лишили молдавских бояр права иметь господарей из своей среды и стали назначать их сами из числа константинопольских греков, перешедших на службу к туркам и живших в предместии Константинополя — Фанар (отсюда — фанариоты). Период господства фанариотов, «этой продажной банды наемников» (К. Маркс), продолжался свыше столетия (1711—1821 гг.). (См.: Трубецкой. Пушкин в Молдавии. 5-е изд. Кишинев, 1983. С. 135.)

[5] *И. О. Сухозанет.*— В 1831 г. он был назначен главноуправляющим Артиллерийского училища, а в следующем году — директором только что основанной Военной академии (впоследствии Академии Генерального штаба), которая была организована по выработанному им плану, и управлял ею до 1854 г.; 4 сентября 1833 г. был назначен директором Пажеского и всех сухопутных корпусов. Был известен своими противоестественными наклонностями.

[6] *Дамские мундиры* — нечто вроде «офранцуженного сарафана» из зеленого бархата для статс-дам и пунцового для фрейлин; введены по приказу Николая I.

[7] *...время, бедное и бедственное.*— Пушкин имеет в виду тяжелый неурожай, постигший в 1833 г. значительную часть России.

[8] *Турецкий посланник.*— Мушир-Ахмет-Паша, прибывший в Петербург 22 ноября 1833 г. для того, чтобы передать Николаю I благодарность султана за помощь, оказанную Турции против восстания египетского правителя Мегмета-Али; 26 июня 1833 г. Россия и Турция заключили договор (Ункьяр-Искелесский), по которому Россия гарантировала султану неприкосновенность Оттоманской империи и обязалась поддержать ее военной силой в случае опасности. А. Ф. Орлов познакомился с посланником в Константинополе, где находился в составе дипломатической миссии по заключению договора.

[9] *«Les enfants d'Edouard».*— Трагедия К. Делавиня с большим успехом представлялась в Париже 18 мая 1833 г. и долго держалась на сцене. Посвящена изображению жизни и убийства сыновей английского короля Эдуарда IV — Эдуарда и Ричарда — их дядей. В Петербурге пьеса была поставлена в новом Михайловском театре (открыт 8 ноября 1833 г.), построенном архитектором А. П. Брюлловым.

[10] *...карта постепенного распространения России...*— Была приложена к книге Д. П. Бутурлина «Военная история походов россиян в XVIII столетии» (4 тома, 1819—1823).

[11] *Александровская колонна.*— Памятник Александру I на площади Зимнего дворца в Петербурге. Открытие состоялось 30 августа 1834 г. в день тезоименитства Александра I и было обставлено с большой

торжественностью. Пушкин на торжестве не присутствовал, он уехал на Урал для сбора материалов о пугачевском восстании.

[12] *«Как Иван Иванович поссорился с Иваном Тимофеевичем...»* — «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» была напечатана в 1834 г. (в сб. «Новоселье», кн. II).

[13] *Разговор о Екатерине.*— Рассказ Натальи Кирилловны Загряжской о свержении Петра III 28 июня 1762 г. Пушкин мог слышать от нее и позже (см. запись его в разделе «Разговоры Загряжской» — «Это было перед самым Петровым днем»).

[14] *...во время революции* — то есть во время дворцового переворота 1762 г., возведшего на престол Екатерину II.

[15] *Е. Р. Дашкова.*— Пушкину известны были записки Дашковой (по копии П. А. Вяземского), написанные ею в 1804—1806 гг., сохранились в его черновиках французские выписки из них, а на тексте записок — пушкинская помета.

[16] Записки императрицы Александры Федоровны в печати не появились, но краткие незаконченные воспоминания ее о 1817—1820 гг. были опубликованы в «Русской старине» (1896. Т. 88. Окт. С. 5—60).

[17] Согласно § 40 завещания императрицы Марии Федоровны (жены Павла I), ее бумаги должны были быть рассмотрены ее душеприказчиком — вел. кн. Михаилом Павловичем и другими (Русская старина. 1882. № 1. С. 128—129). А. О. Смирнова писала в своих «Записках»: «Мы рассказали Сверчку (то есть Пушкину), что великий князь Михаил Павлович сжег тетради императрицы-матери,— дневник, начатый ею еще в Монбельяре и веденный ею до самой смерти. Она приказала в своем завещании «сжечь все, не читая». Государь поручил это великому князю. Они не посмели вскрыть ни одной тетради. Это очень благородно! Но какая жалость; там было все: путешествие графа и графини дю-Нор и пребывание у Людовика XVI».

[18] Елисавета Алексеевна вела дневники за все время пребывания своего в России и читала отрывки из них Н. М. Карамзину, с которым познакомилась в 1817 г.; по распоряжению Николая I они были сожжены.

[19] *...4 полных генералов* — то есть генерал-аншефы Е. Я. Савоини, В. С. Кайсаров, А. П. Никитин (впоследствии граф) и граф В. В. Левашов.

[20] *Мятлев читал уморительные стихи.*— Вероятно, подражание Мятлева пушкинскому стихотворению «Ворон к ворону летит», «Лентин к дьякону бежит».

[21] *Мне возвращен «Медный всадник» с замечаниями государя.*— Пометы на рукописи, по наблюдениям Н. В. Измайлова (см.: Пушкин А. С. Медный всадник. Л., 1978. С. 219), сделаны несомненно Николаем I. Царю не понравилось описание «юного града», сравнение старой и новой столиц с двумя царицами. В конце 1-й части

2-го стиха: «Стоит с простертою рукою//Кумир на бронзовом коне» подчеркнуты сбоку, слово «кумир» также подчеркнуто.

[22] *Вчера не было обыкновенного бала...*— 14 декабря, в годовщину подавления восстания 1825 г. и вступления своего на престол, Николай I ежегодно давал бал.

[23] *...мебели вздумали двигаться...*— Кн. Вяземский в письме А. И. Тургеневу от 4 января 1834 г. сообщает: «Здесь долго говорили о странном явлении в доме конюшни придворной: в комнатах одного из чиновников стулья, столы плясали, кувыркались, рюмки, налитые вином, кидались в потолок; призывали свидетелей, священника со святою водою, но бал не унимался. Не знаю, чем бал кончился, но дело в том, что рассказы не пустые, а точно что-то было, дьявольское ли наваждение или людское, неизвестно» (Остафьевский архив. Т. III. С. 254—255). Слух этот получил отражение в повести Н. В. Гоголя «Нос».

1834

[24] *...я пожалован в камер-юнкеры...*— Этот придворный чин был «пожалован» Пушкину 31 декабря 1833 г. и приурочен к празднованию Нового года и дню рождения вел. княгини Елены Павловны (См.: Северная пчела. № 2, 5 янв. 1834; Рейсер С. А. Три строки дневника Пушкина//Временник Пушкинской комиссии. 1981. Л., 1985. С. 146—152).

[25] *...о семейных ссорах Безобразова...*— За него была выдана замуж фрейлина княжна Л. А. Хилкова. Брак оказался неудачным. Причиной этого явилось подозрение мужа, что жена его была любовницей царя, чем и объясняется бешеная ревность Безобразова. По некоторым свидетельствам, Безобразов дал пощечину Николаю I. Безобразова уехала в Москву к своему брату князю С. А. Хилкову (1786—1854), генерал-лейтенанту. Впоследствии супруги съехались.

[26] *Вигель получил звезду и очень ею доволен.*— Вяземский писал А. И. Тургеневу: «Вигель в звезде Станислава и рад, как андреевский кавалер» (Остафьевский архив. Т. III. С. 256).

[27] Безобразов не был лишен флигель-адъютантского звания.

[28] Речь идет о последней из дочерей Пугачева Аграфене, умершей «от болезни и старости лет» 5 апреля 1833 г. в Кексгольме, где она жила под надзором полиции.

[29] *Эрлингфос* — Гельсингфорс (Хельсинки).

[30] *В прошедший вторник зван я был в Аничков* — то есть 23 января. На вечер в Аничков дворец приглашались только избранные лица, так как попасть на них было признаком особой чести и благоволения (Русская старина. 1899. Июль. С. 829).

[31] *...траур по каком-то князе...*— По умершем 9/21 января 1834 г. в Висбадене герцоге Фердинанде Вюртембергском, родственнике императрицы Марии Федоровны.

[32] Барон д'Антес был принят в русскую службу по экзамену 8 февраля 1834 г. корнетом в Кавалергардский полк.

[33] Маркиз де Пина был принят в русскую службу в один из армейских полков и 1 апреля 1834 г. получил чин прапорщика.

[34] Шуаны — участники контрреволюционного восстания в Бретани во время французской революции. В 1832 г. так называли сторонников герцогини Беррийской, пытавшейся поднять восстание против правительства Луи-Филиппа в пользу своего сына, представителя старой линии Бурбонов, свергнутой революцией 1830 года.

[35] Масленица 1834 года длилась с 25 февраля по 4 марта.

[36] *...моя рукопись...*— Рукопись «Истории Пугачева» Пушкин представил царю в декабре 1833 г. и получил ее обратно через В. А. Жуковского 29 января 1834 г.

[37] Бал у А. П. Шувалова 26 февраля был «для новобрачных Соловых». Я. Ф. Скарятин был родственником А. П. Шувалова (так как был женат на его родной тетке Н. Г. Щербатовой).

[38] *Царь дал мне взаймы...*— 26 февраля Пушкин обратился к гр. А. X. Бенкендорфу с просьбой о выдаче ему ссуды в 20 000 рублей на печатанье «Истории Пугачева», в счет жалования сроком на 4 года. 4 марта Пушкину было сообщено о согласии Николая.

[39] 13 июля 1826 г.— день казни пятерых декабристов в Петербурге, в Петропавловской крепости.

[40] *Фр...*— Может означать баронессу Цецилию Владиславовну Фредерикс, статс-даму, подругу императрицы Александры Федоровны. Однако, по рассказу А. О. Смирновой-Россет, именно она, Смирнова, подняла платок в этот день; в таком случае «Фр...» надо читать «фрейлина».

[41] *Ц. Н.*— Эта запись не поддается расшифровке (может быть: «царские наложницы»).

[42] 1-й том «Энциклопедического лексикона» Плюшара вышел в июне 1835 г., до 1841 г. было напечатано еще 16 томов. Издание закончено не было.

[43] *Шарлатан* — здесь в старинном значении: уличный торговец лекарствами. При таких торговцах когда-то состояли паяцы, привлекавшие к приобретению лекарств.

[44] *...процесс Никонов.*— Документы следствия и суда над патриархом Никоном не были изданы.

[45] *...государя наследника.*— Александр Николаевич (будущий император Александр II) родился 17 апреля 1818 г., но так как юбилейный день приходился на шестой неделе Великого поста, то празднование было отсрочено на день Святого Христова Воскресения 22 апреля.

[46] Графиня Полье летом 1833 г. с сыновьями и сестрой В. К. Кюхельбекера Юлией Кюхельбекер уехала за границу; слух о ее новом замужестве был преждевремен: в третий раз она вышла замуж в 1836 г.

[47] Драмы Кукольника — «Торквато Тассо», «Рука всевышнего Отечество спасла», «Князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский». Задуманная Кукольником новая трагедия «Прокопий Ляпунов» не была окончена.

[48] Письменная оговорка на общем листе, на котором расписывались приглашенные к участию в словаре Плюшара: «Согласен участвовать, если имени моего не будет упомянуто и если все усилия редакции будут мне известны и сообразны с моими предложениями. А. Пушкин».

[49] *Наталья Петровна* — княгиня Голицына. В 1761—1762 гг. она была в Париже вместе со своим отцом, русским послом гр. П. Г. Чернышевым. В это же время в Париж тайно прибыл Сен-Жермен. Они могли быть знакомы. Возможно, будущий супруг Натальи Петровны состоял в 1761—1762 гг. в русской миссии в Париже под начальством своего будущего тестя.

Второй раз Н. П. Голицына с мужем и детьми находилась в Париже и Лондоне с 1786 по сентябрь 1790 г. Покинули они Париж только в сентябре 1790 г. по приказу Екатерины, а не накануне революции.

[50] *Гоголь по моему совету...*— В бумагах Гоголя не обнаружено никаких следов его занятий по этой теме, поэтому данная запись вызывала различные толкования. По мнению М. И. Гиллельсона, Пушкин «был осведомлен о том, что уже в течение нескольких лет шли заседания комитета по устройству учебных заведений. Пушкин знал, что в новом университетском уставе будут введены ограничения на право занятия преподавательской должности. Вполне естественно советует Гоголю приступить к написанию диссертации и даже дает тему — «История русской критики» (см.: Гиллельсон М. И. О дневниковой записи А. С. Пушкина 1834 г.//Русская литература. 1975. № 4. С. 156—159).

[51] *S. K.*— С. Н. Карамзина.

[52] П. С. Котляревский — Пушкин упоминает Котляревского в эпилоге «Кавказского пленника»: «Тебя я воспою, герой,//О Котляровский, бич Кавказа!»

[53] Собрание рукописей П. П. Свиньина было приобретено в 1834 г. Российской Академией наук.

[54] Слух об аресте Н. А. Полевого оказался ложным.

[55] *...о речах...*— Речи произносились в Брюсселе 25 января 1834 г. в «годовщину свержения Николая с польского престола, а также в память русского восстания 1825 года и гибели русских патриотов». В своей речи И. Лелевель два раза упоминал о Пушкине как выразителе политических убеждений русской молодежи; при этом Лелевель привел две сказочки революционного содержания, будто бы написанные Пушкиным и присланные им из своей ссылки Николаю I. На самом деле они не принадлежат Пушкину, а одна из них, известная в списках

под заглавием «Деспот и Бич», является басней гр. Л. Ф. Сегюра «Дитя, Зеркало и Река»; ее переложил в стихи Денис Давыдов под заглавием «Река и Зеркало»; она ходила в списках под именем Пушкина.

[56] *...концерт для бедных.*— Устроен был 13 апреля в зале Энгельгардта в пользу Патриотического общества.

[57] *...наложница кн. Потемкина...*— Ек. Ф. Долгорукая, одна из первых красавиц при дворе Екатерины II. В нее был безумно влюблен кн. Потемкин, долгое время встречавший с ее стороны непривычное для него сопротивление. Даже уже в сравнительно немолодые годы княгиня сохранила свою красоту. Овдовев в 1812 г., она была пожалована в статс-дамы в 1826 г.

[58] Текст присяги для наследника был выбран Филаретом не из Книги Царств, а из Книги Паралипоменон (кн. 1, гл. 28); в библейском тексте слово «евнух» означает «придворный»; отсюда и каламбур К. А. Нарышкина, сравнившего камергеров с евнухами.

[59] *Умер Аракчеев.*— В письме к Наталье Николаевне Пушкин к этому сообщению прибавил ироническую оценку этого события: «Об этом во всей России жалею я один — не удалось мне с ним свидеться и наговориться» (XV, 130).

[60] *Минувшее торжество* — совершеннолетие наследника.

[61] 18 июня 1834 г. у А. О. Смирновой родились две дочери — одна вскоре умерла, другая, Ольга Николаевна, умерла в 1893 г. Роды были очень трудные, как и предыдущие в октябре 1832 г., когда, опасаясь за ее жизнь, пожертвовали ребенком.

[62] *...бал, данный дворянством...*— Бал дан 29 апреля дворянством Петербургской губернии в зале обер-егермейстера Д. Л. Нарышкина. В письмах к Наталье Николаевне описание подъезда гостей дано живее: «С шести часов начался подъезд экипажей. Я пошел бродить по городу и прошел мимо дома Нарышкина. Народу толпилось множество. Полиция с ним шумела. Иллюминацию приготовляли». Тут же Пушкин объясняет свое местопребывание: «...Я был в народе, и передо мною весь город проехал в каретах кроме поэта Кукольника, который приехал в каком-то старом фургоне, с каким-то оборванным мальчиком на запятках; что было истинное поэтическое явление» (XV, 136, 137).

[63] *...указ о русских подданных...*— Указ от 17 апреля 1834 г., в котором русским дворянам воспрещалось пребывание за границей долее пяти лет, а лицам других сословий — долее трех лет. По так называемой жалованной грамоте «о даровании вольности дворянству» Петром III, 1762 г., дворянам было предоставлено право свободного выезда за границу и проживание там впредь до того, «как только нужда потребует».

[64] *Гуляние 1-го мая...*— Традиционное гулянье в Екатерингофе (под Петербургом).

[65] *Хвостовым некогда воспетая дыра!* — Имеется в виду стихотворение гр. Д. И. Хвостова «Майское гулянье в Екатерингофе 1824 года. Графу Милорадовичу».

[66] *Гоголь читал у Дашкова свою комедию.*— По-видимому, неоконченную комедию «Владимир 3-й степени».

[67] «Moliére avec Tartuffe...» — Цитата из 3-й сатиры Буало.

[68] Лифляндское дворянство...— Нужно «курляндское дворянство».

[69] *...скверные стихи...*— Очевидно, ходившее в списках и получившее большое распространение псевдопушкинское стихотворение «Первая ночь брака» (см. «Отрывок», из ранних редакций).

[70] *Московская почта распечатала письмо...*— Речь идет о письме Пушкина к жене от 20 и 22 апреля 1834 г., где говорится о праздновании совершеннолетия наследника. Письмо это было перлюстрировано московским почт-директором А. Я. Булгаковым и представлено в копии А. Х. Бенкендорфу, через которого и стало известно Николаю I, имевшему по поводу этого письма разговор с В. А. Жуковским. Жуковскому потребовалось немало усилий, чтобы отвести от Пушкина надвигавшуюся грозу. Пушкин очень глубоко переживал нанесенное ему оскорбление, повлекшее за собою даже попытку выхода в отставку, которая, однако, по вмешательству Жуковского, не состоялась.

[71] *...но холопом и шутом не буду и у царя небесного.*— Пушкин имел в виду слова Ломоносова из его письма Шувалову (19 января 1761 г.): «Не токмо у стола знатных господ, или у каких земных владетелей дураком (то есть шутом.— *Н. М.*) быть не хочу; но ниже у самого господа бога, который мне дал смысл, пока разве отнимет».

[72] Майоратство — система наследования, при которой имущество переходит нераздельно, в целом своем составе, к одному лицу, по принципу *старшинства* в роде или семье, или по степени родства к наследователю.

[73] Письма Александра I к Ланжерону, о которых пишет Пушкин, неизвестны.

[74] *Но теперь, право, я готов развязать мой собственный шарф.*— Намек на убийство Павла I.

[75] *Суспиции* — французское слово suspicions (подозрения, сомнения).

[76] Каннинг.— Сведений о столкновении Каннинга с Николаем I в единственную встречу их в Париже в 1815 г. не сохранилось. Неприятие Каннинга послом в Россию вызывалось, очевидно, общими натянутыми дипломатическими отношениями между Англией и Россией в то время.

[77] Тайцы — мыза около Гатчины, под Петербургом, принадлежавшая Абраму Петровичу Ганнибалу.

[78] В 1828—1829 гг. Киселев участвовал в турецкой войне, по окончании которой был назначен (4 октября 1829 г.) полномочным представителем диванов княжеств Молдавии и Валахии и команду-

ющим оккупационными войсками. В начале 1834 года Киселев решил оставить свой пост и вернуться в Россию. 8 мая он прибыл в Петербург и уже на следующий день был принят Николаем I. Вполне естественно, что на обеде 3 июня, о котором пишет Пушкин, речь шла о деятельности Киселева в княжествах.

[79] Известие о смерти В. П. Кочубея было получено в Петербурге 5 июня (умер 3 июня 1834 г.). Церемония погребения проходила 21 июня с 8 до 11 часов утра в Александро-Невской лавре, на церемонии присутствовал двор и император. Для участия в ней из Петергофа приезжал и Жуковский. Пушкинская запись о похоронах Кочубея восходит к рассказам Жуковского на обеде у П. А. Вяземского (22 июня), следовательно, сделана в дневнике после этой даты (см.: Иезуитова Р. В. Пушкин и «Дневник В. А. Жуковского 1834 г.»//Пушкин. Исследования и материалы. Т. 8. Л., 1978. С. 219—247; см. также и след. примеч.).

[80] *Прусский кронпринц с женою.*— Фридрих-Вильгельм и его жена Елизавета-Луиза, дочь баварского короля Максимилиана I. Эта запись также восходит к рассказам Жуковского на обеде у Вяземского. Встреча кронпринца состоялась 13 июня 1834 г., в дневнике В. А. Жуковского дается подробный рассказ об этой церемонии.

[81] *Прошедший месяц был бурен.*— 25 июня Пушкин написал письмо А. Х. Бенкендорфу с просьбой об отставке. Прошение об отставке было подано в день рождения Николая I. Бенкендорф ответил Пушкину лишь 30 июня (Пушкин получил письмо 3 июля) следующее: отставка принята, но разрешение, данное Пушкину на занятия в архивах, тем самым отнимается. В урегулировании этого конфликта деятельное участие принимал Жуковский. Пушкин не мог отказаться от работы в архивах и вынужден был воздержаться от отставки.

[82] *Под Остерлицом...*— Под Аустерлицем в сражении 20 ноября 1805 г. Кавалергардский полк был расстроен и почти наполовину уничтожен.

[83] Сенат в Москве помещался в здании Судебных мест, построенном в 1771—1785 гг. на месте дома князей И. Ю. и Ю. Ю. Трубецких.

[84] *Я был в отсутствии...*— см. примеч. 11.

[85] Тарутино — село в Боровском уезде Калужской губернии, где находилось имение графа С. П. Румянцева; место исторического сражения с французами 6 октября 1812 г. С. П. Румянцев в память одержанной здесь русскими войсками победы освободил всех крестьян села от крепостной зависимости, закрепив за ними землю, с условием постановки в Тарутине за их счет памятника в виде обелиска. Памятник был открыт 25 июня 1834 г. На нем находится надпись: «На сем месте российское воинство, предводимое фельдмаршалом Кутузовым, спасло Россию и Европу».

[86] *В Заводе прожил я 2 недели...*— На Полотняном Заводе

Калужской губернии в имении Гончаровых, родителей Н. Н. Пушкиной.

[87] *...управители меня морочили...*— Управляющие имением Болдино — Михаил Иванович Калашников и Иосиф Матвеевич Пеньковский. В Болдино приезжал также присланный от П. А. Осиповой управляющий Карл Рейхман, затем отказавшийся от ведения дел по имению. С весны 1834 г. Пушкин взял на себя главное управление Болдином, почему и имел дело с управляющим.

[88] *«Пугачев» мой отпечатан.*— «История Пугачева», переименованная по велению Николая I в «Историю Пугачевского бунта» (вышла в свет в декабре 1835 г.).

[89] *Я ждал все возвращения царя из Пруссии.*— Николай I ездил в Берлин и вернулся в Петербург вечером 26 ноября. В его отсутствие не решались выпустить в продажу отпечатанный тираж «Истории Пугачевского бунта».

[90] *Завтра...*— 6 декабря, день именин Николая I. Пушкину как камер-юнкеру надлежало явиться в присвоенном ему по придворному званию мундире. Нежелание ехать во дворец вызвано также и тем, что 6 декабря 1834 г. Екатерина Гончарова, по просьбе Н. К. Загряжской, была пожалована во фрейлины, следовательно, Пушкину предстояло благодарить Николая I за оказанную его свояченице милость.

[91] Пушкин ошибся в инициале: имеется в виду Иван Федорович.

[92] *...о семействе Екатерины...*— Пушкин имел в виду Карла и Федора (Фридриха) Самойловичей Скавронских, братьев Екатерины I, получивших в 1727 г. графский титул, а также Гендриковых и Ефимовских — потомков сестер Екатерины I (Христины и Анны), получивших графское достоинство от Елизаветы Петровны в 1742 г.

[93] Великий князь Михаил Павлович возмущался статьей, напечатанной в № 206 «Северной пчелы» от 13 сентября 1835 г., где был описан приезд Николая I в Москву 7 сентября.

[94] А. В. Никитенко провел 8 дней под арестом на гауптвахте за пропуск в печать для 12-й книжки «Библиотеки для чтения» перевода стихотворения В. Гюго «Красавице».

[95] Митрополит новгородский и петербургский Серафим в 1828 г. при выборах Пушкина в члены Российской Академии не дал своего голоса за Пушкина «единственно потому, что он ему неизвестен».

[96] *Ухарский псалом.*— По-видимому, стихотворение Ф. Н. Глинки 1832 г. «Слова Адонаи к мечу (из Исайи)», которое начинается следующими стихами:

Сверкай, мой меч! играй, мой меч!
Лети, губи, как змей крылатый!
Пируй, гуляй в раздолье сеч!
Щиты их в прах! в осколки латы!

[97] *...он пустился во все тяжкое...*— он, то есть бог.

[98] *Бриллианты...*— Принадлежащие Н. Н. Пушкиной бриллианты были заложены Пушкиным вследствие денежных затруднений сразу же после свадьбы в 1831 г. и в связи с переездом из Москвы в Петербург в мае того же года. Он не смог их выкупить до конца своей жизни.

[99] Записки Екатерины II.— Тогда были известны только в рукописных списках и считались секретными. Пушкин снял с них копию в Одессе со списка, хранившегося в библиотеке графа М. С. Воронцова. Изданы записки А. И. Герценом в 1859 г. в Лондоне.

[100] *...свояченица моя...*— Екатерина Николаевна Гончарова ездила поздравлять великую княгиню Елену Павловну с днем ее рождения и благодарить за пожалование во фрейлины. Досаду Пушкина вызывает еще тот факт, что ровно год назад в эти же праздники ему было пожаловано звание камер-юнкера.

[101] *Государь одет полковником Измайловского полка...*— Измайловский полк участвовал в дворцовом перевороте 1801 г.

[102] *Bertrand и Raton* — персонажи известной басни Лафонтена «Le Singe et la Chat», в которой лукавая обезьяна (Bertrand) заставляет простодушного кота (Raton) таскать для нее каштаны из огня: эти имена с течением времени стали обозначать людей определенного типа. В этом смысле и употребляет их Скриб в своей комедии «Bertrand et Raton, ou l'Art de Conspirer». В конце 1833 г. эта комедия была поставлена в Париже. В ней в аллегорической форме рассказывается об обстоятельствах июльской революции во Франции 1830 г.

[103] Филарет, давно ждавший случая избавиться от профессора Петербургской духовной академии Павского, написал на него ложный донос, но Павскому была предоставлена возможность дать свои объяснения, и он доказал несостоятельность предъявленных обвинений. Инцидент был исчерпан, но в последний момент, 16 декабря 1834 г., престарелый митрополит Серафим пришел к Николаю I, повалился ему в ноги и от имени церкви просил прекратить «соблазн»: «Я по старости своей не могу вникать в богословские вопросы, но Филарет находит, что Павский преподает наследнику престола неправославное учение». В результате Павский был немедленно отставлен от царского двора, уволен из духовной академии, из Лицея и университета. Однако авторитет Павского уничтожить не удалось. М. П. Погодин называл его образованнейшим человеком своего времени, а В. Г. Белинский находил, что Павский стоит целой Академии наук.

[104] *Великий князь* — наследник Александра Николаевича, у которого Павский был законоучителем.

[105] *Qui est-ce que...*— Цитата из «Севильского цирюльника» Бомарше, вошедшая в пословицу.

[106] Дундуков.— По поводу назначения Дондукова-Корсакова Пуш-

кин писал И. И. Дмитриеву от 26 апреля 1835 г.: «На академии наши нашел черный год: едва в Российской почил Соколов, как в академии наук явился вице-президентом Дондуков-Корсаков. Уваров фокусник, а Дондуков-Корсаков его паяс. Кто-то сказал, что куда один, туда и другой: один кувыркается на канате, а другой под ним на полу».

[107] *...у детей Канкрина был на посылках.*— Ф. Ф. Вигель рассказывал П. И. Бартеневу: «Он заискивал расположение Канкрина, лаская детей его, и до того часто ходил в детскую и осведомлялся о здоровье, что его считали как будто за лекаря и дети показывали ему язык» (Летописи Гос. Литературного музея. Кн. 1. М., 1936. С. 535).

ЗАПИСКИ

Начало работы над автобиографическими записками Пушкин сам датировал 1821 годом. Возможно, на первом этапе Пушкин предполагал писать их по-французски (см. об этом: Фомичев С. А. Рабочая тетрадь Пушкина. ПД № 832//Пушкин. Исследования и материалы. Т. 12. Л., 1986. С. 233), и к этому замыслу тяготеют пушкинские заметки о Греческой революции. Уже летом 1821 г. Пушкин работает над «Некоторыми историческими замечаниями», которые должны были открывать его записки (см.: Томашевский Б. В. Пушкин. Кн. 1 (1813—1824). М.; Л., 1956. С. 566—585; Фейнберг И. Л. Читая тетради Пушкина. 2-е изд. М., 1981. С. 275—303); вторая главка «замечаний», посвященная историческому обзору событий начала XIX в. (до 1811 г.— открытия Лицея), до нас не дошла. Записки были закончены и перебелены уже в Михайловском, в 1825 г., но рукопись их была сожжена перед отъездом в Москву 4 сентября 1826 г. Известны лишь немногие фрагменты этого произведения. Впоследствии Пушкин неоднократно обдумывал новые замыслы своих записок, обрывавшиеся, однако, на первых стадиях работы.

Фрагментарность этих текстов (например, «Программ») предопределяет основную трудность в их комментировании и выяснении авторского замысла. Неразработанность жанровой системы мемуарной прозы в современном литературоведении приводит к тому, что исследователи занимают полярные позиции в определении жанров пушкинских фрагментов или же, напротив, стирают все межжанровые различия (дневники, отдельные записи, биографии и проч. рассматриваются ими как синонимы). В формировании корпуса данного раздела (как и остальных) мы исходили из особенностей поэтики пушкинских текстов и изначальной установки автора (в данном случае установки на изображение событий объективного мира, при которой основное внимание уделяется политической ситуации).

Два текста «Участь моя решена...» и «Отрывок» («Несмотря на

великие преимущества») включены в данный раздел для демонстрации пушкинского метода: использование им различных средств поэтики художественного текста и автобиографических реминисценций для создания у читателя иллюзии, что он читает мемуарный текст.

ЗАМЕТКА О РЕВОЛЮЦИИ ИПСИЛАНТИ

Эту заметку (как и заметку о Пенда-Деке) П. В. Анненков охарактеризовал как «журнал греческого восстания» (Анненков П. В. Пушкин в Александровскую эпоху. Спб., 1874. С. 202). Датируется 1821 годом.

[1] *Господарь Ипсиланти изменил делу гетерии...* — Речь идет об отце А. Ипсиланти — Константине. Делу гетерии он не изменил и виновником смерти Риги не был.

[2] *Ригас* — Константин Рига.

[3] *Каподистрия* — граф И. А. Каподистрия, с 1827 г. президент Греции, сторонник союза с Россией; убит греческими политическими противниками.

[4] *Кантакузин* — князь Георгий Матвеевич, полковник. По сообщению Инзова, «за несколько дней» до перехода через Прут Ипсиланти он испросил «дозволение отбыть в Молдавию для свидания с матерью и устройства дел по тамошнему его имению и немалым к нему долговым претензиям» и отъехал туда «под видом сей надобности», а сам принял участие в восстании гетеристов.

[5] *Александр Ипсиланти* — см. примеч. 2 на с. 279. Разбитый турками под Драгошанами, А. Ипсиланти бежал в Австрию, где был в 1823 г. заключен в крепость, затем освобожден в 1827 г. по просьбе русского правительства.

[6] *Аристид.* — Сведения о нем не соответствуют истине: как сообщает Ризо Нерулос («Histoire de e'insurrection grecque», Paris, 1834), он был арестован турками при переходе через Дунай возле Белграда, но бумаг, которые бы открывали планы Ипсиланти, при нем не оказалось.

[7] *Михаил Суццо* — сын А. Суццо.

[8] *Александр Суццо.* — Умер 18 января 1821 г. своей смертью, как сказано в донесении консула Пини из Бухареста Инзову от 1 февраля 1821 г., «после продолжительной тяжелой болезни».

[9] *Формаки* — грек из Эпира; сперва сражался в отрядах Т. Владимиреско, затем в отрядах А. Ипсиланти.

[10] *Иордаки-Олимбиотти* (Георгаки Олимпиот) — грек, сражался сначала в отрядах Т. Владимиреско, потом в отрядах А. Ипсиланти.

После поражения Ипсиланти под Драгошанами часть гетеристов под начальством Георгаки и Формаки отступила в Молдавию и заперлась в монастыре Секу (Seccou). Здесь греки долго и упорно от-

бивали атаки турок. Однако, как доносили Инзову, «австрийский вице-консул или староста» убедил гетеристов сложить оружие, гарантируя им полную безопасность, но после сдачи оружия греки были тотчас же перебиты турками. Георгаки сгорел в монастыре (Пушкин пишет, что он взорвался).

[11] *Морея* — центр восстания гетеристов на юге Балканского полуострова. Для Пушкина эта область связана с семейными преданиями о походе его двоюродного деда И. А. Ганнибала в 1-й экспедиции русского флота в Морею в начале русско-турецкой войны (1768—1774 гг.).

«...Из Константинополя — толпа трусливой сволочи...»

Заметка эта (верхняя часть листа автографа оборвана) непосредственно примыкает к предыдущей (см.: Левичева Т. И. К заметкам Пушкина о Греческой революции//Временник Пушкинской комиссии; Вып. 23).

[1] *...на улицах Одессы...* — Пушкин ездил в Одессу из Кишинева в мае 1821 г. (Цявловский М. А. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. М., 1951. С. 297—298)

ЗАМЕТКА О ПЕНДА-ДЕКЕ

Датируется 1821 годом.

[1] *Стинка* — село за Прутом, у которого накануне Скулянской битвы произошли небольшие стычки между греками и турками. Битва под Скулянами 17(29) июня 1821 г. стала последним сражением гетеристов.

[2] *...вступить в карантин...* — Согласно рапорту Инзова царю от 16 июня 1821 г., при наступлении турок на Яссы в начале июня «Кантакузен и Пенда-Дека, начальник особого отряда волонтеров, с 16 гетеристами без оружия перешли на нашу сторону». Пушкин встречался с Пенда-Декой в Кишиневе и записывал от него молдавские предания XVII в.

[3] Резня в Галаце.— Была устроена греком Василием Коровья 21 февраля 1821 г. по указанию А. Ипсиланти, который одновременно хотел взять Яссы.

НЕКОТОРЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Заглавия Пушкин на автографе не оставил, только на самом верху белового автографа его рукой начертано — «№ 1». На листах нет жандармской нумерации красными чернилами, следовательно, после кончины Пушкина эти листы отсутствовали в его кабинете. Заглавие текста восходит к изданию П. В. Анненкова, который заим-

ствовал его из копии этого текста, сделанной Н. С. Алексеевым (близким другом Пушкина по Кишиневу; см.: Эйдельман Н. Я. «По смерти Петра I...»//Прометей. № 10. М., 1974. С. 302). Заглавие это, несомненно, пушкинское, так как не мог Алексеев без воли и ведома Пушкина озаглавить этот текст, передавая его для публикации П. В. Анненкову.

[1] *Петр I ...презирал человечество, ...более, чем Наполеон.*— В черновом автографе этого текста есть помета о смерти Наполеона (18 июля 1821 г.), а также стихи о Наполеоне «Чудесный жребий совершился,//Угас великий человек».

Пушкинская характеристика Петра I напоминает отзыв мадам де Сталь о Наполеоне; услышав, что его называют — «дитя революции», она возразила: «Да, дитя, но отцеубийца». Ср. позже у Пушкина: «Мятежной вольности наследник и убийца» (см.: Эйдельман Н. Я. Указ. соч. С. 338—339).

[2] *...письмо с берегов Прута...*— Легенда о написанном будто бы Петром I письме в Сенат 10 июля 1711 г., когда он был в армии, окруженный турками на р. Прут, в котором содержалось распоряжение — на случай, если бы он был взят в плен,— «не почитать его царем и государем и ничего не исполнять, что им, хотя бы то по собственному повелению, будет требуемо»; далее было добавлено, что если он погибнет и будут получены точные известия о его смерти, то выбрать «между собою достойнейшего» наследника.

[3] *...замыслы Долгоруких...*— кн. Василия Лукича и Алексея Григорьевича Долгоруковых: попытка ограничить самодержавие аристократической конституцией, с верховным советом во главе правительства. Попытка выразилась в составлении «условий», подписанных Анной Иоанновной при вступлении на престол в 1730 г. и уничтоженных ею же в результате оппозиции «шляхетства» (среднего дворянства). «Условия» были написаны по образцу шведской конституции, но с устранением народного представительства. Долгоруковы были сосланы, их имущество конфисковано.

[4] *...два указа Петра III о вольности дворян...*— Манифест 18 февраля 1762 г. возвестил благородному дворянству на вечные времена свободу и вольность, в предположении, что дворяне и без принуждения будут продолжать служить. С этого момента открывается новая эра в истории дворянства. Освобожденное от службы, но не лишенное своих прав на землю и на крепостных, оно делается привилегированным сословием по преимуществу. Жалованная грамота дворянству подтверждала все основные начала манифеста и, кроме того, даровала дворянству значительные личные, имущественные и сословные привилегии, а именно разрешено было вступать в службу союзных европейских держав и выезжать в чужие края для обучения. Жалованная грамота облегчала пути приобретения дворянства,

вводя помимо прежних способов (выслуга чина и пожалование) новые, например пожалование ордена.

[5] *...голос обольщенного Вольтера...*— Пушкин имеет в виду переписку Екатерины II и Вольтера. В письме к Чаадаеву от 19 октября 1836 г. Пушкин пишет: «Современные иностранные писатели осыпали Екатерину чрезмерными похвалами; очень естественно; они знали ее только по переписке с Вольтером и по рассказам тех именно, коим она позволяла путешествовать. (...) Простительно было фернейскому философу превозносить добродетели Тартюфа в юбке и в короне, он не знал, он не мог знать истины...»

[6] *...об обезьяне графа Зубова...*— Обезьяна временщика обычно забиралась на голову кого-либо из придворных генералов и пачкала его волосы нечистотами, однако на нее не смели жаловаться.

[7] *...о кофейнике князя Кутузова...*— Когда М. И. Кутузов, генерал и дипломат, вернулся в 1794 г. из Константинополя, Платон Зубов поручал ему изготовление кофе по-турецки и заставлял его приносить чашку кофе по утрам в постель. Князем Кутузов стал только в 1812 г.

[8] *Екатерина уничтожила звание... рабства...*— Имеется в виду указ Екатерины II от 15 февраля 1786 г. о запрещении употребления слова «раб» при подписании бумаг, ей адресованных, и о подписании их впредь словами: «всеподданнейший» или «верноподданный».

[9] *Княжнин умер под розгами...*— Получившая распространение легенда о будто бы насильственной смерти драматурга Я. Б. Княжнина под пытками в Тайной канцелярии в связи с дознанием о написанной им трагедии «Вадим».

[10] *...шутку г-жи де Сталь...*— В отношении «славной» шутки мнения исследователей разошлись. Некоторые из них считают дальнейший текст на французском языке, приведенный Пушкиным, этой шуткой, однако у Сталь в ее книге «Десять лет в изгнании» есть лишь отдаленно схожая мысль: «Эти деспотические правительства, ограниченные лишь возможностью убийства деспота, опрокидывают в человеческой голове понятия чести и долга» (Dix années d'exil. Bruxelles. 1821. P. 140). Другие исследователи считали «славной шуткой» знаменитый комплимент де Сталь Александру I: «Ваш характер, государь,— конституция вашей империи, а ваша совесть — его гарантия». Удачный ответ царя («Если бы это и было так, то я был бы только счастливой случайностью») еще больше способствовал популярности этой шутки. Л. И. Вольперт предположила третье толкование «славной шутки» (см.: Временник Пушкинской комиссии. 1973. Л., 1975. С. 125—126). С юных лет Пушкина волновала мысль об участии Александра I в заговоре 11 марта 1801 г. В годы южной ссылки поэт мог получить материалы об убийстве Павла I. В Кишиневе Пушкин был близок с С. А. Тучковым, весьма осведомленным в деле участия Александра I; там же генерал Болховской, стоявший на карауле

во дворце в ночь смерти Павла I, показывал Пушкину свои записки; в Одессе Пушкин часто беседовал с графом Ланжероном, записавшим воспоминания руководителей заговора 11 марта. Возможно, потребность отозваться на волновавший его исторический факт и привела к имитации стиля афоризмов де Сталь (ср. имитацию текста записки де Сталь в «Рославлеве») путем контаминации двух приведенных высказываний. Ю. М. Лотман высказал иное предположение, согласно которому Пушкин мог опираться на устно переданный ему устный же разговор мадам де Сталь об убийстве Павла I (см.: Лотман Ю. М. Три заметки к пушкинским текстам//Временник Пушкинской комиссии. 1974. Л., 1977. С. 91).

КАРАМЗИН

Сохранились два автографа:

1) часть текста с начала, кончая словами «черта моей жизни»;

2) часть текста со слов: «...Кстати замечательная черта», кончая словами: «оба расхохотались».

Датируется: не ранее июля и не позднее декабря (?) 1826 г. Фрагмент тех записок, над которыми Пушкин работал в Михайловском и которые после восстания декабристов вынужден был уничтожить.

После смерти Н. М. Карамзина среди его друзей возник замысел биографии историка; вероятно, первым идею подал П. А. Вяземский, так как именно ему Пушкин пересылает свои «листы» о Карамзине (см.: Остафьевский архив. Т. III. 1899. С. 163).

Замысел этот не был осуществлен. Пушкин свой фрагмент в переработанном виде опубликовал в «Северных цветах».

[1] *Болезнь...*— Пушкин сильно болел в январе — феврале 1818 г. «Гнилая горячка» — по-видимому, тиф.

[2] *Одна дама...*— Княгиня Е. И. Голицына, с которой Пушкин познакомился в доме Карамзиных и в которую смертельно влюбился (см.: Письма Н. М. Карамзина к кн. П. А. Вяземскому (1810—1826)//Старина и Новизна, 1897, кн. 1, с. 43).

[3] Каченовский — редактор журнала «Вестник Европы», где в 1819 г. он напечатал статью «От киевского жителя к его другу», в которой подверг резкой критике два французских предисловия к «Истории государства Российского».

[4] *Ноты «Русской истории»...* — обширные примечания (notes) Карамзина к «Истории государства Российского».

[5] *...подвиг честного человека.*— (см. стр. 316). Много лет спустя Пушкин поставит слова Карамзина эпиграфом к своей статье «Александр Радищев» (1836): «Il ...faut pas qu'un honnéte homme mérite d'etre pendu» («Честному человеку не должно подвергать себя

виселице» *(фр.)*. Пер. П. А. Вяземского). (См.: Вацуро В. Э. Подвиг честного человека//Вацуро В. Э., Гиллельсон М. И. Сквозь «умственные плотины». М., 1972. С. 105.)

[6] *Мих Орлов... пенял...* — См.: Михаил Орлов — критик «Истории» Карамзина. Письма М. Орлова к Вяземскому (публ. Л. Я. Вильде.— Лит. наследство. Т. 59. С. 565).

[7] *...одну из лучших эпиграмм...* — Имеется в виду эпиграмма «В его «Истории» изящность, простота...» (см.: Томашевский Б. В. Эпиграммы Пушкина на Карамзина//Пушкин. Исследования и материалы. Т. 1. М.; Л., 1956. С. 208—215).

[8] *...любимые парадоксы.* — Мысли Карамзина о том, что Россия должна существовать лишь как абсолютная монархия.

[9] *Шестилетнее знакомство.* — Если считать, что последний раз Пушкин встречался с Карамзиным в 1820 г. перед ссылкой на юг, то начало их знакомства нужно отнести к 1814 г. Однако настоящее общение их началось лишь с марта 1816 г., когда Карамзин приезжал из Петербурга в Царское Село, а летом 1816 г. поселился там на даче.

[10] *...отправляясь в Павловск...* — Карамзин ехал для посещения Марии Федоровны, вдовы Павла I. Павловск расположен сравнительно недалеко от Царского Села.

«ВЫШЕД ИЗ ЛИЦЕЯ...»

Автограф обеих записей на двух сторонах обрывка отдельного листа.

Датировано Пушкиным «19 ноября 1824 года».

Этот фрагмент записок посвящен встрече со вторым по старшинству сыном Арапа Петра Великого, двоюродным дедом Петром Абрамовичем Ганнибалом (1742—1826). Пушкин окончил Лицей 9 июня 1817 г., а в село Михайловское выехал 8—10 июля и находился там до конца августа. Считается, что именно в это время и произошла встреча Пушкина с П. А. Ганнибалом.

А. М. Гордин (Временник Пушкинской комиссии, вып. 22) высказал иную точку зрения, подчеркнув, что сохранившийся «клочок» — это лишь незначительная наспех оборванная верхняя часть полу листа писчей бумаги большого формата, следовательно, между первым и вторым отрывком, а также, вероятно, и после второго существовал какой-то текст, о содержании которого можно лишь строить предположения. Речь в этом тексте могла идти не только о первом посещении юным поэтом Петровского в июле 1817 года, но и о последующем, осенью 1824 года. Уже заключительная фраза первого отрывка как бы завершает воспоминания и ведет от прошлого к настоящему, когда Пушкин, удаленный от шумной жизни, оказывается в глухой деревне «ссылочным невольником».

В письме к П. А. Осиповой от 11 августа 1825 г. Пушкин со-

общает: «Я рассчитываю еще повидать моего двоюродного дедушку — старого арапа, который, как я полагаю, не сегодня-завтра умрет, а между тем мне необходимо раздобыть от него записки, касающиеся моего прадеда» (оригинал по-французски). До последнего времени предполагалось, что поэт ездил к двоюродному деду в Петровское. Однако в обширной переписке этого периода о дедушке-арапе больше ничего не говорится, а Прасковье Александровне Осиповой, проживающей в Тригорском, нужно, как видим, объяснить, что за дедушка-арап, хотя он проживает, казалось бы, рядом, в Петровском. Г. Ф. Симакиной (см.: газ. Пушкинский край. 1977. 20 авг. С. 3) было установлено, что Пушкин ездил к деду в другую деревню — Сафонтьево близ Новоржева, где Петр Абрамович прожил с 1823 по 1826 г.

От П. А. Ганнибала Пушкин получил уникальный документ — биографию Абрама Ганнибала на немецком языке и, вероятно, еще какие-то старые бумаги.

[1] *...деревня est le premier...* — недописанная цитата из Вольтера (какая именно, не установлено).

ПЕРВАЯ ПРОГРАММА ЗАПИСОК

Датируется предположительно осенью 1830 г.

[1] *Семья моего отца...* — дед Пушкина Лев Александрович, его вторая жена Ольга Васильевна, рожд. Чичерина, и их дети: Василий, Сергей, Анна и Елисавета.

[2] *Бабушка и ее мать.* — Мария Алексеевна Ганнибал была замужем за Осипом Абрамовичем Ганнибалом, который, оставив ее, женился на У. Е. Толстой, предъявив подложные документы. Брошенная мужем Мария Алексеевна вместе с малолетней дочерью Надеждой подолгу жила в доме своей тетки Анны Юрьевны Квашниной-Самариной, рожд. Ржевской (старшей сестры ее матери Сарры Юрьевны Пушкиной, рожд. Ржевской) в Петербурге.

Мария Алексеевна, обращаясь за помощью к императрице, писала: «Я нахожусь и с дочерью безо всякого пропитания», «не токмо, чтоб дать дочери моей приличное благородной особе воспитание, но и необходимого к своему содержанию лишена» (публикация П. Н. Люблинского; см.: Литературный архив. Т. 1. 1936. С. 204).

[3] *Иван Абрамович.* — Брат Осипа Абрамовича Ганнибала. В разделе земель между братьями своими отвел Осипу Абрамовичу деревни и усадьбы в двух местах с тем, чтобы «одно было отдано ему, а другое — невестке с дочерью на содержание, как единственной наследнице и всего имения». Ей отошла деревня Кобрино под Петербургом, Осипу Абрамовичу — земли с селом Михайловским. Этот раздел определил будущность Надежды Осиповны — ее петербургское, светское воспитание, знакомства, культурный уровень и, наконец, выбор

жениха среди наиболее образованных гвардейских офицеров. Иван Абрамович устроил свадьбу Н. О. Ганнибал с С. Л. Пушкиным, которая состоялась 28 сентября 1796 г.

[4] *Смерть Екатерины* — 6 ноября 1796 г.

[5] *Рождение Ольги.*— Старшая сестра Пушкина родилась 20 декабря 1797 г. в Петербурге.

[6] *Отец выходит в отставку...*— С. Л. Пушкин вышел в отставку из лейб-гвардии Егерского полка с чином коллежского асессора 16 сентября 1797 г. и переехал на жительство из Петербурга в Москву.

[7] *Рождение мое.*— 26 мая 1799 г., в Москве в церковной книге (церковь Богоявления в Елохове) была сделана следующая запись: «Во дворе коллежского регистратора Ивана Васильевича Скворцова, у жильца его майора Сергея Львовича Пушкина родился сын Александр. Крещен июня 8-го дня. Восприемник граф Артемий Иванович Воронцов, кума — мать означенного Сергея Пушкина вдова Ольга Васильевна Пушкина».

Последнее время устоявшаяся версия о том, что Пушкин родился в доме Скворцова (теперь д. 40 по Бауманской улице) была взята под сомнение (см.: Кожинов С. К. Где родился Пушкин?// Неделя. 1983. 23—28 апр.; Романюк С. К. Пушкины в Москве в конце XVIII — начале XIX в. По новым документальным данным// Временник Пушкинской комиссии. 1979. Л., 1982. С. 5—15).

[8] *Юсупов сад.*— Сад в Москве около дома князя Н. Б. Юсупова в Б. Харитоньевском переулке (теперь д. 22).

[9] *Землетрясение.*— Произошло в Москве 14 октября 1802 г.

[10] *Няня.*— Арина Родионовна Яковлева, крепостная М. А. Ганнибал, жила до 23 лет в с. Воскресенском в полуверсте от Суйды — главного поместья Абрама Петровича Ганнибала под Петербургом; год ее отъезда совпадает с годом смерти А. П. Ганнибала — 1781 г. Вполне вероятно, что именно она рассказывала Пушкину о его прадеде, которого не могла не видеть, и о «темных семейных преданиях». В 1805 г. имение Суйда было продано с молотка, но бумаги и документы Абрама Петровича Ганнибала были оттуда увезены его сыном Петром Абрамовичем в с. Петровское, а затем в д. Сафонтьево.

[11] *Гувернантки.*— Англичанка мадам Бэли, смотревшая за О. С. Пушкиной и учившая Пушкина английскому языку; была также гувернантка-немка, которая говорила обычно по-русски.

[12] *Ранняя любовь.*— В рукописи эти слова зачеркнуты. Может быть, Пушкин имел в виду девочку Софию Сушкову (см. послание Юдину), с которой встречался на детских балах танцмейстера Йогеля.

[13] *Рождение Льва.*— Лев Сергеевич Пушкин родился в Москве 17 апреля 1805 года.

[14] *Смерть Николая.*— Брат Пушкина Николай (род. в 1801 г.) умер 30 июля 1807 г. в имении М. А. Ганнибал с. Захарове под Москвой.

[15] *Охота к чтению.*— О. С. Павлищева свидетельствует, что Пушкин «уже девяти лет любил читать Плутарха или «Илиаду» и «Одиссею». И. И. Пущин в своих воспоминаниях говорит, что Пушкин еще до Лицея «многое прочел, о чем мы и не слыхали; все, что читал, помнил».

[16] *Меня везут в П. Б.*— то есть Петербург. Вез Пушкина в середине июля 1811 г. его дядя Василий Львович.

[17] *Езуиты.*— Имеются в виду предварительные переговоры об определении Пушкина в «Иезуитский коллегиум» в Петербурге. Официальное изгнание иезуитов последовало в 1816 г.

[18] *Ан. Ник.*— Анна Николаевна Ворожейкина, гражданская жена В. Л. Пушкина, от которого она имела тогда дочь Маргариту.

[19] *Лицей. Открытие.*— Официальное открытие Лицея в торжественной обстановке состоялось 19 октября 1811 г.

[20] *Государыня в Сарском Селе.*— Императрица Елизавета Алексеевна, покинутая Александром I, одиноко проживала в Царском Селе.

[21] *Смерть Малиновского...*— Директор Лицея Василий Федорович Малиновский умер 23 марта 1814 г., и после него должность директора некоторое время пустовала; с 1814 по 1816 г. временно исполнял обязанности директора профессор Ф. М. Гауеншильд, не пользовавшийся популярностью; этот период в управлении Лицеем Пушкин и называет «безначалием».

[22] *Известие о взятии Парижа.*— Париж был взят союзными войсками 19 марта 1814 г.

[23] *Больница.*— Очевидно, речь идет о пребывании Пушкина в лицейском лазарете во время простуды, 12—14 октября 1814 г.; в это время он читал посетившим его товарищам стихотворение «Пирующие студенты».

[24] *Приезд матери.*— Н. О. Пушкина, переехавшая на жительство из Москвы в Петербург в 1814 г., впервые посетила Пушкина 12 апреля 1814 г. вместе с сыном и дочерью.

[25] *Приезд отца.*— С. Л. Пушкин возвратился в Петербург из Варшавы, где он до этого служил, также в 1814 г. и впервые посетил Пушкина в Лицее 11 октября 1814 г.

[26] *Экзамен.*— Лицейский экзамен 8 января 1815 г. при переходе из младшего курса на старший. В этот день Пушкин читал свое стихотворение «Воспоминания в Царском Селе» в присутствии Г. Р. Державина.

ВТОРАЯ ПРОГРАММА ЗАПИСОК

Датируется предположительно октябрем 1833 г., когда, живя в Болдине, Пушкин вновь пытался вернуться к написанию своих записок.

[1] *Кишинев.*— Пушкин приехал в Кишинев из Симферополя 21 сентября 1821 г., после того как побывал вместе с семьей Раевских на Кавказе и в Крыму.

[2] *Орлов.— Ипсиланти.*— Греческий историк, участник этерии И. Филимон, касаясь подготовки восстания, пишет: «В это время генерал Михаил Орлов командовал передовым отрядом на Пруте, который входил в состав Южной армии под командованием Витгенштейна. Находясь с ним в дружеских отношениях (...) и будучи вполне уверен в либеральных чувствах генерала, Ипсиланти с уверенностью изложил ему, в чем заключались его цели в связи с Грецией, и очень долго добивался, чтобы он со всеми войсками, которыми командовал, участвовал в переходе Прута. Ипсиланти предлагал: он с греками немедленно перейдет Прут, а Орлов вступит с русскими в княжества, как правитель». В письме от 9 июля 1820 г. к А. Н. Раевскому Орлов писал, имея в виду освобождение Греции: «Ежели б 16-ую дивизию пустили на освобождение, это было бы не худо. У меня 16 тысяч под ружьем, 36 орудий, 6 полков казачьих. С этим можно пошутить. Полки славные, все сибирские кремни. Турецкий булат о них притупился» (цит. по: Двойченко-Маркова Е. М. Заметки о Пушкине, о беженцах этерии в Кишиневе//Временник Пушкинской комиссии. 1973. Л., 1975. С. 23).

[3] *Каменка.*— Имение Василия Львовича Давыдова, Чигиринского уезда, Киевской губернии. Здесь находилась Каменская управа Южного общества декабристов (Южное общество имело еще две управы: Тульчинскую и Васильковскую). В ноябре 1820 г. здесь происходил съезд членов Южного тайного общества декабристов. Пушкин прожил в Каменке с середины ноября 1820 г. по конец февраля 1821 г.

[4] *Фонт.*— Есть несколько версий, объясняющих это сокращение: согласно первой — это «фонтан», и тогда заметку связывают с началом работы над «Бахчисарайским фонтаном»; согласно второй — речь идет о человеке, с которым Пушкин общался в эту пору. Среди знакомых Пушкина в Кишиневе был некий Фантон де Верайон (его упоминают Липранди и прапорщик Лугин; см.: Цявловская Т. Г. Неясные места биографии Пушкина//Пушкин. Исследования и материалы. Т. 4. М.; Л., 1926. С. 36), но исследования Г. Ф. Богача (см.: Временник Пушкинской комиссии. 1963. М.; Л., 1966. С. 114) позволили доказать, что по своим убеждениям и характеру жизни Фантон де Верайон не мог быть назван Пушкиным в одном ряду с Орловым и Ипсиланти. Г. Ф. Богач предложил иное имя: Пантон — Фантон, но его версия не смогла поколебать общепринятой гипотезы Т. Г. Цявловской, закрепленной в словаре-справочнике Чирейского. Совсем недавно А. Е. Тархов предложил иное толкование, согласно которому «Фонт» — это Фонтанка, на берегу которой стоял дом Е. Ф. Муравьевой, где собирались члены Северного тайного общества

декабристов (см.: Временник Пушкинской комиссии. 1978. Л., 1981. С. 125—130)

[5] *...mort de sa femme* — «смерть его жены». С. Н. Тихомирова (см.: Временник Пушкинской комиссии; Вып. 20. Л., 1986. С. 169—171) установила имя женщины, на которой Липранди женился в 1818 г. и после смерти которой он в память о ней выстроил богатую часовню, где часто уединялся. Это Томас-Розина Гузо. Пока остается загадкой, почему смерть этой женщины так поразила воображение Пушкина, что он через десять лет вспоминал о ней.

[6] *le rénégat.* — 2 января 1822 г. Пушкин писал о Липранди: «Он мне добрый приятель (верная рука за честь и ум), не любим нашим правительством и в свою очередь не любит его». В 30-е годы Пушкин, видимо, мог рассматривать агентурно-политическую деятельность Липранди как ренегатство, отступничество от его прошлой революционной деятельности.

[7] *Паша арзрумский.* — Смысл этой записи неясен.

НАЧАЛО АВТОБИОГРАФИИ

Датируется предположительно 1834—1836 гг. Основания для датировки: водяной знак на бумаге «А. Гончаров 1834», но бумага с таким знаком чаще всего встречается в рукописях Пушкина, относящихся к 1835—1836 гг. (см.: Мясоедова Н. Е. Болдинские коммерческие заметки и пушкинский замысел автобиографии// Болдинские чтения. 1984. С. 121—133).

[1] *...ежедневные записки...*, над которыми Пушкин работал с 1815 по 1825 г.

[2] *В конце 1825 года, при открытии несчастного заговора, я вынужден был сжечь сии записки.* — См. вступительную статью.

[3] *...исторические лица...* — Имеются в виду участники гетерии, а также декабристы, со многими из которых Пушкин был знаком и состоял в переписке.

[4] *Радша (Рача).* — Пушкин в данном случае повторяет сведения из «Бархатной книги», изданной Н. И. Новиковым в 1787 г., поэтому он пишет о прусском происхождении своего предка. На самом деле, как теперь установлено (см.: Лукомский В. К. Архивные материалы о родоначальнике Пушкиных — Радше//Временник Пушкинской комиссии. Т. 6. М.; Л., 1941. С. 405—406), Пушкины славянского происхождения, тогда как Радша был по происхождению серб, Радша — Ратша — Рача означало «выходец из Славонии» и было на Руси более значимо, чем его собственное родовое имя.

[5] *...выехавшего в Россию во время княжества св. Александра Ярославича Невского.* — В дипломе Мусину-Пушкину (1716) точно указывается дата выезда Радши «в лето от создания мира 6706, а от

рождества Христова 1198». Между тем Александр Невский родился только в 1220 г., поэтому Радша не мог принимать участия в Невской битве 1240 г., в ней принимал участие его правнук — Гаврила Олексич, внук Якупа Радшича. Вероятно, что предок Пушкина тождествен с тем Радшею — тиуном великого князя Всеволода Ольгевича Киевского, о котором имеются уже точные исторические данные в Киевской летописи под 1146 г. (см.: Лукомский В. К. Указ. соч. С. 407).

Перечисленные далее фамилии соответствуют фамилиям «Бархатной книги».

[6] *Имя предков моих...* — В «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина двадцать один раз говорится о предках Пушкина, именно из этой книги Пушкин и получил о них сведения. В 1831 г. он писал: «Я чрезвычайно дорожу именем моих предков, этим единственным наследством, доставшимся мне от них».

[7] *Григорий Гаврилович.* — Имеется в виду Гаврила Григорьевич Пушкин, сторонник Лжедмитрия. Пушкин изобразил его в «Борисе Годунове» и упоминает в письме об этой драме от 30 января 1829 г. Ошибочно названный здесь Григорий Гаврилович, сын предыдущего, деятель эпохи царствования Романовых.

[8] *Другой Пушкин...* — Григорий Григорьевич Пушкин. Цитата взята Пушкиным из XII тома «Истории государства Российского» (гл. I), Спб., 1890, с. 42, 46. Оба Пушкиных упомянуты в «Моей родословной».

[9] *Четверо Пушкиных подписались...* — В письме к Дельвигу (8 июня 1825 г.) Пушкин говорит о шести подписавшихся под грамотой об избрании на царство Михаила Федоровича Романова. На самом деле их было семь.

[10] Матвей Степанович Пушкин в 1782 г. подписался под соборным деянием об уничтожении местничества и в 1783 г. был пожалован в бояре.

[11] *Француз.* — О расправе своего деда с французом Пушкин писал невесте из Болдина 30 сентября 1830 г. После публикации данного текста в 1840 г. отец поэта С. Л. Пушкин выступил с печатным опровержением, в котором говорилось: «Отец мой никогда не был жесток (...) История о французе и первой жене его чрезвычайно увеличена. Отец мой никогда не вешал никого, не содержался в крепости двух лет. Он находился под домашним арестом — это правда, но пользовался свободой. В поступке его с французом содействовал ему брат родной жены его Александр Матвеевич Воейков. Сколько я знаю, это ограничилось телесным наказанием, и то я не выдаю за точную истину». Из формулярного списка Л. А. Пушкина следует, что он «за непорядочные побои находящегося у него в службе венецианца Харлампия Меркадия был под следствием, но по именному указу повелено его, Пушкина, из монаршей милости простить»

(цит. по: Эйдельман Н. Я. Пушкин· История и современность. М., 1985. С. 17).

[12] *Его сыновья.*— От первого брака с М. М. Воейковой: Николай, Петр, Александр.

[13] *Вторая жена...*— О. В. Чичерина, от брака с которой у Л. А. Пушкина были дети: Василий, Сергей, Анна и Елизавета.

[14] *Дед ее был негр...*— Абрам Петрович Ганнибал был абиссинцем по происхождению.

[15] *Государь крестил маленького Ибрагима в Вильне, в 1707 г. ...*— Как следует из собственноручного посвящения А. П. Ганнибала императрице Екатерине I, написанного на его книге «Геометрия и фортификация» (1726 г.) (книга находится в БАН в Ленинграде), Ибрагим был крещен в Литве в г. Вильне в 1705 г.

[16] *...послан был в Париж...*— Пушкин не знал, что Ганнибал почти неотлучно был при Петре I в Голландии с декабря 1716 г. до апреля 1717 г., а также в Париже и Версале. В упомянутом уже нами посвящении Ганнибала говорится, что в 1717 г. Петр I «изволил своим несравненным в свете милосердием меня оставить во Франции для обучения военных дел». «Того ради сам монарх великий Отец Отечеству изустно (то есть лично.— *Н. М.*) меня рекомендовать соизволил Дюку Дюмену принцу Домберу и великому генералу фельдсейгместеру Франции сыну натуральному славного короля французского Людовика Великого». В «Мемуарах» Сен-Симона описывается встреча Петра I и малолетнего Людовика XV, на которой присутствовал герцог Мэнский как воспитатель будущего монарха, вероятно, «изустное» обращение Петра к герцогу прозвучало на этой встрече (см.: Телетова Н. К. Забытые родственные связи А. С. Пушкина. Л., 1981. С. 138—139).

[17] *...обучался в военном училище...*— А. П. Ганнибал учился не в Метце, как это долгое время считалось, а в крепости Ла Фер (в 32 лье от Парижа, то есть приблизительно в 96 милях, или в 120 км). Одним из его учителей был Бернард Белидор, замечательный математик, гидролог, фортификатор (см.: Телетова Н. К. Указ. соч. С. 138).

[18] *Наконец государь написал ему...*— А. П. Ганнибал отозван был, как говорится в документе, опубликованном Бантыш-Каменским, вместе с Рязановым и Коровиным, «за коих и нажитые тамо долги уплачены были». Ганнибал двинулся из Франции в конце 1722 г. по зимней дороге в свите посла Долгорукова. Сам Ганнибал пишет об этом так: «Тогда я указ Его Величества о моем возвращении получил, и себя дегажировал честным маниром из службы короля французского, и поехал в Россию в таком намерении, чтоб принести мой живот на жертву для интересу моего государя, который мне дал свет и учение» (Телетова Н. К. Указ. соч. С. 140).

[19] *...послан в Сибирь...*— В 1727 г. Ганнибал прибыл в Тобольск для строения крепости.

[20] *...самовольно возвратился в Петербург...*— Пушкин не знал, что перевод его прадеда был легальным, в сентябре 1730 г. сенатским указом он был отозван из Сибири в Пернов. Миних смог помочь Ганнибалу только потому, что ощущалась острая нужда в инженерах, даже принят был особый указ приглашать иноземцев в помощь Миниху. Убежищем Ганнибала в это время была деревушка Карьякюла (Карикула — как именовалась она в документах) (см.: Телетова Н. К. Указ. соч. С. 145).

[21] *Когда императрица Елисавета взошла на престол...*— 1733—1741 гг. для А. П. Ганнибала были годами отставки, из которой он вышел в 1741 г., когда Миних был почти всевластен и получил чин подполковника. При восшествии на престол Елизаветы в 1741 г., после обращения к ней, Ганнибал был переведен через ранг сразу в генерал-майоры и назначен военным обер-комендантом Ревеля. В 1742 г. дан был приказ (утвержденный в 1746 г.) о пожаловании ему в Псковской губернии земли и 569 крепостных к ней. В это время он продает Карьякюлу. В 1748 г. ему пожалован орден Св. Анны за создание линии укреплений на севере, в 1752 г. он служит уже в Петербурге, получает чин полного генерала (генерал-аншефа), должность начальника Ладожского канала и кронштадтских строений, в 1760 г.— получает орден Св. Александра Невского. При воцарении Петра III он вышел в отставку 66 лет без повышения и пожалования (см.: Телетова Н. К. Указ. соч.).

[22] *...немецкий биограф...*— Адам Карлович Роткирх, муж (с 1781 г.) Софии Абрамовны Ганнибал. Копия данной биографии хранилась в бумагах Петра Абрамовича Ганнибала, который при встрече со своим внучатым племянником в 1817 г. пообещал передать биографию своего отца перед своей смертью. Вероятно, при свидании осенью 1824 г Пушкин своей рукой записал сокращенный перевод немецкой биографии, сделанной не без помощи П. А. Ганнибала (см.: Телетова Н. К. Указ. соч. С. 130—134).

[23] *...записки на французском языке...*— Сохранилась любопытная заметка П. А. Вяземского на полях книги П. В. Анненкова «А. С. Пушкин в Александровскую эпоху» (данный экземпляр хранится в рукописном отделе Государственного музея А. С. Пушкина в Москве), в которой говорится: «Ведение записок, или же одна мысль вести их уже признак в то время, что он был недюжинный человек. Безграмотность или кривописание были тоже признак века, например, у французов, не говоря уже о русских».

[24] *Первая жена его...*— Евдокия Андреевна Диопер, гречанка, дочь капитана галерного флота в Петербурге, была выдана за Ганнибала насильно в 1731 г., но перед свадьбой сошлась с поручиком флота Кайсаровым, за которого хотела выйти замуж. Когда Ганнибал с женой переехал в Пернов, она вновь сошлась с подчиненным Ганнибала «кондуктором» Яковом Шишковым. Известно, что Ганнибал

был необыкновенно жесток с неверной женой. По доносу Ганнибала она была как «прелюбодеица» отдана под суд и пять лет содержалась под арестом на госпитальном дворе, живя подаянием. Не дожидаясь окончания бракоразводного процесса, Ганнибал вторично женился в 1736 г. в Ревеле по подложной «венчальной памяти» на дочери капитана Перновского полка Христине-Регине фон Шеберх. Е. А. Диопер после приговора над нею («гонять по городу лозами, а прогнавши, отослать на прядильный двор на работу вечно»), хлопотала о пересмотре дела и добилась в 1743 г. его рассмотрения в Синоде. По решению последнего, последовавшему лишь в 1753 г., она в начале 1754 г. была заточена в Староладожский женский монастырь, где и умерла, а второй брак Ганнибала был этим же решением признан законным.

[25] *Иван Абрамович...*— Ганнибал. Пушкин с детства знал надпись на морейской колонне в Царском Селе: «Крепость Наваринская сдалась бригадиру Ганнибалу. Войск российских было числом 600 человек, кои не спрашивали, многочислен ли неприятель, но где он; в плен турок взято 6 тысяч».

[26] *Осип Абрамович...*— Ганнибал, флота артиллерии капитан 2-го ранга, женат на Марии Алексеевне Пушкиной. Надежде Осиповне Ганнибал в 1784 г. было не 3 года, а 9 лет.

[27] *Другая жена.*— Устинья Ермолаевна Толстая. О. А. Ганнибал женился на ней в 1779 г., представив фальшивое свидетельство о своем вдовстве. В марте 1784 г. брак этот был признан незаконным.

[28] *Дед мой умер в 1807 году...*— О. А. Ганнибал умер в с. Михайловском 12 октября 1806 г.

ДЕЛЬВИГ

Датируется предположительно 1834—1835 гг.

После внезапной смерти А. Дельвига, которую Пушкин тяжело переживал, возник замысел коллективной биографии, о котором Пушкин писал П. А. Плетневу 31 января 1831 г. следующее: «Баратынский собирается написать жизнь Дельвига. Мы все поможем ему нашими воспоминаниями. Не правда ли? Я знал его в Лицее — был свидетелем первого, незамеченного развития его поэтической души и таланта, которому еще не отдали мы должной справедливости. С ним читал я Державина и Жуковского — с ним толковал обо всем, что *душу волнует, что сердце томит* (курсив Пушкина.— *Н. М.*). Я хорошо знаю, одним словом, его первую молодость; но ты и Баратынский знаете лучше его раннюю зрелость. Вы были свидетелями возмужалости его души. Напишем же втроем жизнь нашего друга, жизнь, богатую не романтическими приключениями, но прекрасными чувствами, светлым чистым разумом и надеждами. Отвечай мне на это».

Этот замысел коллективной биографии не был осуществлен, но

Пушкин написал свою «часть» воспоминаний о Дельвиге. В. С. Листов обратил внимание на точную дату в тексте «10 августа» и объяснил ее тем, что она запомнилась Пушкину потому, что накануне 9 августа 1830 года были именины Дельвига, которые праздновались тогда последний раз (см.: Временник Пушкинской комиссии; Вып. 20. Л., 1986. С. 171—172). Таким образом, пушкинские записки как бы отмечают собой начало и конец задуманного сочинения.

[1] *...с одним из своих товарищей, живым лексиконом и вдохновенным комментарием...*— Имеется в виду В. К. Кюхельбекер.

[2] *Дельвиг послал ему свои первые опыты...*— Ода «На взятие Парижа», напечатанная за подписью «Русский» в «Вестнике Европы», 1814, № 12, июнь.

[3] *...стихи одного из его товарищей...*— Стихи и эпиграммы А. Д. Илличевского, лицейского товарища Дельвига.

УЧАСТЬ МОЯ РЕШЕНА...

Датируется 1830 г.; рукопись имеет даты: после слов «Вот моя холостая жизнь» — «12 мая», после слов «и я жених» — «13 мая». Л. М. Аринтшейн установил (см.: Временник Пушкинской комиссии. 1979. Л., 1982. С. 109—120), что прообразом «молодой женщины» в пушкинском тексте является леди Грейс Элизабет Кэмпбелл. П. А. Вяземский писал жене: «Они едут в Персию, он советник посольства (...) поехал жениться в Англию вследствие любви несколколетней и теперь опять возвращается. И он красивый мужчина и, по словам Киселева и Грибоедова, знавших его в Персии, очень милый и образованный человек, а жена — живописная мечта». Поездка на пироскафе, следовательно, состоялась в мае 1828 г. На пароходе вместе с Пушкиным и Вяземским были Грибоедов, Н. Д. Киселев (предположительно), Оленины, Шиллинг и супруги Кэмпбелл.

[1] *Есть у меня больной дядя...*— В это время болен был дядя Пушкина Василий Львович. Он умер 30 августа 1830 г.

[2] *My native land, adieu.*— Неточная цитата из «Чайльд-Гарольда» Байрона (прощание героя с Англией из первой песни).

[3] *...критикуется в журналах дураками.*— Первоначально в рукописи было: «критикуется в «Северной пчеле» дураком».

[4] *Молодые люди... уважают во мне уже неприятеля.*— Каламбур, «молодые люди начинают чиниться с повествователем, видя в нем уже не прежнего члена их холостой компании, не приятеля, а человека другой общественной группы» (Временник Пушкинской комиссии. 1973. Л., 1975. С. 77).

ОТРЫВОК («НЕСМОТРЯ НА ВЕЛИКИЕ ПРЕИМУЩЕСТВА»)

Датируется Пушкиным «26 окт.», относится исследователями к 1830 г.

Этот текст в сокращенном виде вошел в «Египетские ночи» после того, как Пушкин изъял из него автобиографические моменты. Текст является художественным, несмотря на присутствие в нем автобиографических мотивов; дата и размышления об идеальной невесте «Рюриковой крови», по-видимому, совпадают с пушкинскими размышлениями о предстоящей женитьбе, так как именно 26 октября 1830 г. после долгого молчания он получил письмо от невесты («Письмо Ваше от 1-го окт.<ября> получил я 26-го»). (См.: Листов В. С. Один мотив из болдинского «Отрывка» А. С. Пушкина «Несмотря на великие преимущества...»//Болдинские чтения. 1983. С. 109—110, 117.)

[1] *Елецкие.*— Род этот, рюриковой крови, действительно существовал, он восходит к черниговскому князю Михаилу Всеволодовичу; основоположником рода был Федор Иванович Елецкий, участвовавший в Куликовской битве; в 12-томном сочинении Н. М. Карамзина («История государства Российского») имя Елецких встречается не менее чем на 36 страницах. К XVIII в. этот древний род «присмирел», так же как и род Пушкиных и Ганнибалов (в пушкинской прозе Елецкие упомянуты в «Арапе Петра Великого» и в «Пиковой даме»). (Листов В. С. Указ. соч. С. 111—114.)

[2] *...княжое здоровье...*— Вместо официального «ваше сиятельство» Пушкин использует несколько ироничное, домашнее обращение; в этом сказалась болдинская специфика. В письме к князю Вяземскому от 5 ноября 1830 г. (то есть написанному 10 дней спустя после «Отрывка») встречаем: «Здесь (то есть в Болдине.— *Н. М.*) крестьяне величают господ титулом Ваше здоровье; титло завидное, без коего все прочие ничего не значат» (Листов В. С. Указ. соч.).

МЫСЛИ И ЗАМЕЧАНИЯ

Выделение данного раздела обусловлено теми требованиями, которые Пушкин предъявлял к прозе — прежде всего автобиографической. Приступая к своим запискам в 1821 г. и формулируя собственные принципы повествования, он замечал: «Точность и краткость — вот первые достоинства прозы. Она требует мыслей и мыслей — без них блестящие выражения ни к чему не служат». Подборка «мыслей и замечаний», опубликованная Пушкиным в «Северных цветах», была в большей части едва ли не фрагментами уничтоженных в 1826 г. пушкинских записок: в противовес названию («отрывки

из писем») мы не находим здесь заимствований из его эпистолярия, зато под одним из помещенных здесь фрагментов прямо указано: «Извлечено из неизданных записок».

ОТРЫВКИ ИЗ ПИСЕМ, МЫСЛИ И ЗАМЕЧАНИЯ

Впервые без подписи Пушкина напечатаны в альманахе «Северные цветы» на 1828 г. (вышел в свет 22 декабря 1827 г.).

[1] *Стерн говорит...* — Эта заметка в пушкинской публикации отсутствовала, вероятно, из-за цензурных соображений. Пушкин цитирует «Сентиментальное путешествие» Стерна.

[2] *Жалуются на равнодушие русских женщин...* — На это замечание откликнулась А. И. Готовцева стихотворением «А. С. Пушкину», упрекая его в «несправедливости» к женщинам. В свою очередь Пушкин ответил ей стихотворением «Ответ А. И. Готовцевой» (1828)

[3] *«Все, что превышает геометрию...»* — Цитата из «Мыслей» Паскаля.

[4] *Un sonnet sans défaut vaut seul un long poème...* — Цитата из «Искусства поэзии» Буало (п. II).

[5] *Tous les genres sont bons, nors le genre erneyeux.* — Цитата из предисловия Вольтера к комедии «Блудный сын». *Некто* — В. К. Кюхельбекер, которого в 1827 г. Пушкин не мог открыто назвать в печати.

Оба эти афоризма восходят к статье В. Кюхельбекера «О направлении нашей поэзии...» (Мнемозина. Ч. 2. 1824), в примечании к которой Кюхельбекер писал: «Вольтер сказал, что все роды сочинений хороши, кроме скучного: но он не сказал, что все равно хороши».

[6] *Путешественник Ансело...* — Пушкин имеет в виду книгу Ансело «Шесть месяцев в России» (1827). Речь идет о грамматике Н. Греча, о романе Ф. Булгарина «Иван Выжигин» и о комедии Грибоедова «Горе от ума». Однако в книге Ансело Грибоедов не упоминается.

[7] *«Государственное правило...»* — Видоизмененная цитата из предисловия к «Истории государства Российского». У Карамзина: «добрые россияне не обязаны ли иметь более терпения, следуя правилу государственной нравственности, которая ставит уважение к предкам в достоинство гражданину образованному?»

[8] *Mes arrière-neveux me devront cet ombrage!* — Цитата из басни Лафонтена «Старик и трое молодых».

[9] *Байрон говорил...* — Взятие Измаила описано в XIII песне «Дон Жуана» (см. строфу LXIII), поездка Дон Жуана в Петербург — в IX песне (см. строфу XXX).

[10] *Сон Сарданапалов...* — В монологе Сарданапала в трагедии Байрона «Сарданапал» (д. IV, явл. I). Карикатура, о которой говорит Пушкин, была издана не в Варшаве, а в Лондоне в 1795 г

и изображала Суворова, подносящего Екатерине отрубленные головы женщин и детей после взятия Варшавы.

[11] *В лице Нимврода...*— В сне Сарданапала так описывается образ Нимврода: «Это был по своим чертам великан, и его взор был неподвижен, но сверкал; его длинные локоны ниспадали на широкие плечи».

[12] *...лорд Мидас...*— Эпиграмма Пушкина на графа М. С. Воронцова оборвана в конце в расчете, что знающий читатель вспомнит ее окончание.

[13] *Coquette, prude.*— В черновике афоризм оканчивался: мужского рода не имеет, но есть мужья — prudes.

[14] *Москва девичья, а Петербург прихожая.*— Как установил В. Э. Вацуро, данный афоризм восходит к П. А. Вяземскому (см.: Пушкин. Исследования и материалы. Т. 4. Л., 1969. С. 163—164). По наблюдениям А. Алешкевич, этот афоризм, только в более широком, поясняющем контексте, встречается в «Романе в письмах»: «Петербург прихожая, Москва девичья, деревня же наш кабинет. Порядочный человек по необходимости проходит через переднюю и редко заглядывает в девичью, а сидит в своем кабинете». Противопоставление двух столиц — старой и новой — дано Пушкиным в «Путешествии из Москвы в Петербург» (см. гл. «Москва»). (См.: Пушкин и русская литература. Сборник. Рига, 1986. С. 72.)

[15] *Появление «Истории государства Российского»...*— Это переработанные в публицистическом ключе фрагменты из автобиографических записок Пушкина. «Подвиг честного человека» — цитата из письма Гальяни о цензуре. Карамзину нравилось употребление этой фразы по отношению к нему, и Пушкин это знал: он еще раз употребил ее в записке о народном воспитании (1826). (См.: Вацуро В. Э., Гиллельсон М. И. Сквозь «умственные плотины». С. 68, 88, 95, 98).

[16] *Одна дама...*— Вяземский вспоминал, что этот пассаж едва ли не передача слов княгини Евдокии Ивановны Голицыной.

МАТЕРИАЛЫ К «ОТРЫВКАМ ИЗ ПИСЕМ, МЫСЛЯМ И ЗАМЕЧАНИЯМ»

Здесь собраны те отрывки, которые находятся в черновиках предыдущей статьи, но не вошли в ее беловой текст.

Датируется 1827 г., осень.

[1] *Дядя мой однажды занемог.*— Этот фрагмент является пародией на афоризмы Василия Львовича Пушкина «Замечания о людях и обществе» (опубликованы в «Литературном музеуме» на 1827 г.).

[2] *Если все уже сказано...*— Пушкин цитирует статью Вяземского «Сочинения в прозе В. Жуковского», напечатанную в «Московском телеграфе», 1826, № 5 (ср. статью Пушкина «Об обязанностях человека. Сочинения Сильвио Пеллико»).

[3] *Есть различная смелость: Державин написал...*— Первая цитата

является либо началом строфы из «Вельможи», либо неточным началом стихотворения «На парение орла». Вторая цитата — из оды «На возвращение из Персии гр. В. А. Зубова».

Далее цитируются — начальные строки «Водопада» Державина, «Певец в Кремле» В. А. Жуковского, басня И. А. Крылова «Муравей».

[4] *Et baise avec respect le pave' de les temples.*— Цитата из пролога к трагедии Расина «Эсфирь»; слово «vache» употребил Делиль в поэме «L'Homme des champes. La vache gonfle en paix sa mamelle pendante».

[5] *Un bon mot de deux rimes orne.*— Цитата из второй песни «Поэтического искусства» Буало.

ЗАМЕТКИ И АФОРИЗМЫ РАЗНЫХ ГОДОВ

Написаны в разное время (главным образом в конце 20 — начале 30-х гг.).

[1] *Торвальдсен, делая бюст известного человека...*— Датский скульптор, в 1820 г. сделал бюст Александра I (см. стихотворение Пушкина «К бюсту завоевателя»).

[2] *Так гладиатор у Байрона...*— В поэме «Чайльд-Гарольд», песнь IV, строфа CXI.

[3] *Острая шутка...*— Напечатано без подписи, как и три следующие заметки в «Литературной газете» (1830): «Три истории» — «История государства Российского» Карамзина, «История российская» С. Н. Глинки и «История русского народа» Н. Полевого.

[4] *В одной из Шекспировых комедий...*— «Крестьянка Одрей» — из комедии «Как вам это понравится» (д. III, явл. 3). «Рассуждение о поэзии романтической» — статья Н. Надеждина «О настоящем злоупотреблении и искажении романтической поэзии», печатавшаяся с № 1 «Вестника Европы», 1830. В этом рассуждении Надеждин нападал на Пушкина, не называя его.

[5] *Мильтон говаривал...*— Заметка направлена против Ф. Булгарина.

[6] *В газете Le Furet...*— Заметка является ответом на пасквильные «Китайские анекдоты», печатавшиеся в «Северной пчеле».— Пушкин имеет в виду «китайский анекдот», касающийся распри Каченовского и Полевого (Северная пчела. 1829. № 33). Острота и едкость пушкинской заметки, как отмечал В. В. Виноградов, «усилены каламбурной ссылкой на газету «Le Furet». Уже Воейков в «Славянине» (1829. Ч. XII, XI) использовал название этого французского журнала, издававшегося в Петербурге («Le Furet Gournal de littérature et des théâtres»), применительно к «Северной пчеле», недвусмысленно разъяснив, что «le furet» обозначает не только хорька, но и проныру, сыщика.

РАЗГОВОРЫ

Намётками никогда не остывавшего у Пушкина замысла автобиографических записок подчас кажутся его записи бесед с реальными и воображаемыми собеседниками. Некоторые из этих заметок отражают черты пушкинского времени, другие посвящены «веку минувшему». Становится ясным, что Пушкин был не только блестящим рассказчиком, но и чутким слушателем, высоко ценившим живые свидетельства своих современников о пережитом. По большей части оставшиеся в рукописях поэта такие записи, однако, подчас становились известными ближайшему его окружению.

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ 1820—1822 гг.

По положению в записной книжке запись датируется самым началом 1821 г.

ВООБРАЖАЕМЫЙ РАЗГОВОР С АЛЕКСАНДРОМ I

Датируется: декабрь (около 25-го) 1824 г.

Текст записи сложный, испещренный многочисленными, иногда противоречивыми переделками (см.: Бонди С. М. Черновики Пушкина. 2-е изд. М., 1978. С. 109—140).

[1] *«Свобода».*— Ода «Вольность».

[2] *Нелепая клевета.*— Распространение слухов о соучастии Александра I в убийстве своего отца Павла I (см. 11-ю строфу оды «Вольность»).

[3] *Ив. Андр. Крылов.*— Служил тогда библиотекарем в Публичной библиотеке.

[4] *...не ужились с графом Воронцовым...*— Это место совпадает с письмом Пушкина к А. И. Тургеневу от 14 июля 1824 г. из Одессы: «Не странно ли, что я поладил с Инзовым, а не мог ужиться с Воронцовым» и т. д.

[5] *...судить человека по письму, писанному товарищу...*— Это свидетельствует о том, что Пушкин знал о перлюстрации своего письма из Одессы (от первой половины марта 1824 г.), в котором он писал, что «берет уроки чистого афеизма» у глухого философа-англичанина.

[6] *...последний поступок...*— ссылка Пушкина в с. Михайловское.

TABLE-TALK

Одиннадцать анекдотов из общей пачки листков, объединенных данным названием, были опубликованы Пушкиным в «Современнике»

(1836. Кн. III. С. 187—191) и снабжены римской нумерацией: I — «На Потемкина часто находила хандра»; II — «Надменный в отношениях своих»; III — «Молодой Ш. как-то напроказил»; IV — «Граф Румянцев однажды»; V — «Некто отставной мичман»; VI — «Всем известны слова Петра»; VII — «Граф Самойлов получил»; VIII — «Государыня Екатерина II»; IX — «Петр I говаривал»; X — «Любимый из племянников»; XI — «Когда родился Иоанн Антонович» (с цензурными изменениями).

Датируется 1835—1836 гг.

Пушкин воспользовался для своего труда довольно распространенным в английской литературе жанром застольных разговоров, который мог быть ему известен из следующих сочинений: «Table-talk or original essays, by William Hozlitt», Paris, 1825; «Specimens of the Table-talk of the late Samuel Coleridge». London, 1835. Обе эти книги сохранились в библиотеке Пушкина (см.: Пушкин и его современники; Вып. IX—X. С. 198, 246).

[1] *Езуит Посвин...* — Антонио Поссевино. В сочинении «Суждение о четырех писателях» (1592) он критиковал Макиавелли. Пушкин прочел об этом в предисловии Перисса к изданному им на французском языке собранию сочинений Макиавелли в 10 томах (1823—1826). Там же даны сведения о возражениях Конринга, издававшего в 1660 г. книгу Макиавелли «О государстве» и изобличавшего Поссевино в ряде грубых ошибок.

[2] *Человек по природе своей склонен более к осуждению, нежели к похвале...* — Макиавелли начинает этими словами «Рассуждения по поводу первой декады Тита Ливия».

[3] *Je ne suis point jaloux...* — Слова Орозмана в трагедии «Заира» Вольтера (акт I, сцена V).

[4] *Лица, созданные Шекспиром...* — Пушкин говорит о произведениях Шекспира «Венецианский купец» и «Мера за меру», а также о комедиях Мольера «Скупой» и «Тартюф».

[5] *Фальстаф.* — Действующее лицо в «Виндзорских кумушках» и в «Короле Генрихе IV».

[6] **** был второй Фальстаф... ∞ Четырехлетний сынок его...* — Александр Львович Давыдов и его сын Владимир.

[7] *Яков Долгорукий.* — Анекдот, на который ссылается Пушкин, рассказан И. И. Голиковым в «Деяниях Петра Великого».

[8] *...маленький арап...* — Ибрагим (Абрам) Петрович Ганнибал, прадед Пушкина. Фамилия его была названа Пушкиным в рукописи.

[9] *Василий Тредьяковский.* — Анекдот упоминается Пушкиным в статье «О ничтожестве литературы русской».

[10] *Иван Антонович...* — Родился в 1740 г., был убит в 1764 г. при попытке Мировича освободить его из Шлиссельбургской крепости.

[11] *...князь Х...*— князь Хованский. В рукописи Пушкиным сделана зачеркнутая затем сноска о том, что это был князь Михаил Васильевич Хованский. На самом деле это — князь Никита Андреевич Хованский. Анекдот о Хованском относится ко времени царствования не Екатерины II, а Елисаветы Петровны. «Бездельником» назван Хованский также в письме М. В. Ломоносова к И. И. Шувалову от 1 ноября 1753 г.: «Публикованный бездельник князь Хованский, который многократно судей и права умел употребить к своему закрытию и избавлению от петли».

[12] *Сенька-бандурист.*— Семен Федорович Уваров.

[13] *N. N.*— Марк Федорович Полторацкий.

[14] *Графиня ***.*— Княгиня Екатерина Федоровна, рожд. княжна Барятинская, жена князя В. В. Долгорукова, генерал-поручика, участвовавшего в 1788 г. во взятии Очакова.

[15] *Один из адъютантов Потемкина...*— Вероятно, Николай Никитич Спечинский, секунд-майор в отставке (ум. в 1790-х гг.). Этот же рассказ находится в «Записках Л. Н. Энгельгардта» (1868, с. 115—116). Записан он Пушкиным, вероятно, со слов сына Спечинского — Н. Н. Спечинского, который передавал Пушкину у П. В. Нащокина некоторые подробности биографии Ф. В. Булгарина.

[16] *Граф Румянцов...*— Этот анекдот входит в «Русские анекдоты» С. Глинки (1809) под № 236.

[17] *Когда Пугачев сидел на Меновом дворе...*— Этот анекдот рассказан Пушкину И. Дмитриевым. Нужно: Монетном дворе, как правильно указано в «Истории Пугачева».

[18] *«...увидеть хоть его кости...»*— В рукописи первоначально: «увидеть хоть кости славного бунтовщика. Вот какова наша слава! — Это сказка. Разин никогда не был погребен в краях, где он свирепствовал. Он был четвертован» и т. д.

[19] Анекдот о Д. В. Давыдове записан Пушкиным в другой редакции в лицейском дневнике 1815 г.

[20] *Дельвиг однажды вызвал на дуэль Булгарина.*— В связи с этой записью П. В. Нащокин рассказывал впоследствии П. И. Бартеневу: «Дельвиг вызвал Булгарина на дуэль. Рылеев должен был быть секундантом у Булгарина. Нащокин — у Дельвига. Булгарин отказался. Дельвиг послал ему ругательное письмо за подписью многих лиц».

[21] Знакомство Пушкина с Н. И. Надеждиным состоялось 23 марта 1830 г. у М. П. Погодина.

[22] *Критики его...*— Имеются в виду критические статьи Н. И. Надеждина в «Вестнике Европы» о «Графе Нулине» (1829, № 3) и о «Полтаве» (1829, № 8, 9).

[23] *Графиня...*— Мария Васильевна Кочубей.

[24] *Дуров...*— Для зарисовки портрета своего современника Пушкин использует модель литературного персонажа, созданного Ф. Рабле (см.: Рабле Ф. Гаргантюа и Пантагрюэль. М., 1981. С. 159).

[25] *Голландская королева* — королева Фридерика-Луиза-Вильгельмина.

[26] *Принц Орлеанский.*— Встреча его с голландской королевой состоялась в мае 1836 г. в Берлине.

[27] *Французские принцы...*— Сыновья французского короля Людовика-Филиппа: Фердинанд-Филипп, герцог Орлеанский и Луи-Шарль герцог Немурский. Берлин они посетили 11—25 мая 1836 г. Поездка принцев имела целью примирение европейских дворов с династией Орлеанов, пришедших к престолу революционным путем.

ОТДЕЛЬНЫЕ ЗАПИСИ

Датируется 1831 г. (первая половина).

[1] *Разумовский.*— Граф Кирилл Григорьевич, командовал лейб-гвардии Измайловским полком, принимал участие в дворцовом перевороте 1762 г., возведшем на престол Екатерину II.

[2] *Никита Панин.*— Граф Никита Иванович считался представителем политической оппозиции Екатерине II.

[3] M-r Dachkof.— Князь Михаил Иванович Дашков, муж Е. Р. Дашковой. Он был влюблен в Екатерину II и участвовал в заговоре против Петра III. Через свою сестру графиню Елизавету Романовну Воронцову Е. Дашкова устроила своего мужа послом в Константинополь, чтобы в случае неудачи заговора он был вне опасности.

[4] Elisabeth Woronzof.— Графиня Воронцова, фаворитка Петра III, который ревновал ее; о близости ее к Петру III Пушкину рассказывала Н. К. Загряжская, о чем он записал в «Table-talk».

[5] *М-me Щербинина.*— А. М. Щербинина. Запись Пушкина конспективно передает ее рассказ о заговоре 1762 г. Щербинина опирается на устный рассказ своей матери (Е. Р. Дашковой), которая в своих записках умалчивает о том, что муж ее, князь М. И. Дашков, был влюблен в Екатерину и что Петр III ревновал свою фаворитку, сестру княгини Е. Р. Дашковой, графиню Е. Р. Воронцову. Но обо всем остальном, записанном Пушкиным, находим у Дашковой подробные сведения (Записки кн. Дашковой. Спб., 1907. С. 33—34, 39, 42—44). Запись рассказа относится к 1831 г.

О САЛЬЕРИ

Заметка написана на обороте письма к Пушкину Н. М. Смирнова, относящегося к лету 1832 г. Она связана по содержанию с драматической сценой «Моцарт и Сальери», в которой использована легенда об отравлении Моцарта. Ссылка на немецкие газеты является мистификацией (первоначально Пушкин предполагал опубликовать пьесу как «перевод с немецкого»).

[1] *В первое представление «Дон Жуана»...*— Опера Моцарта впервые была поставлена в Праге в 1787 г. Сальери присутствовал на этом спектакле годом позже, в Вене.

РАЗГОВОРЫ Н. К. ЗАГРЯЖСКОЙ

Начало записей относится к 1833 г. В 1836 г. Пушкин ввел эти разговоры в состав «Table-talk».

П. А. Вяземский свидетельствует, что «Пушкин заслушивался рассказами Натальи Кирилловны. Он ловил при ней отголоски поколений и общества, которые уже сошли с лица земли; он в беседе с нею находил необыкновенную прелесть историческую и поэтическую (...) Некоторые драгоценные частички этих бесед им сохранены; но самое сокровище осталось почти непочатым».

Н. К. Загряжская жила тогда в доме своей воспитанницы княгини М. В. Кочубей (жены князя В. П. Кочубея), где у нее был своеобразный салон. Пушкин посещал ее именно в этом доме в качестве свойственника по жене. А. О. Смирнова писала: «Она (то есть Наталья Кирилловна.— *Н. М.*) ему (Пушкину.— *Н. М.*) рассказывает невозможные истории про старое время, про Потемкина, Суворова, княжну Д., за которой ухаживал Потемкин, про всех фаворитов и всю историю их» (Записки. Ч. 1. Спб., 1894. С. 70—71).

[1] *Граф Никита Иванович* — Панин.

[2] *Князь Григорий Александрович* — Потемкин.

[3] *Знаменское* — имение графа К. Г. Разумовского около Петербурга.

[4] *Матушка* — Екатерина Ивановна Разумовская.

[5] *Сестра* — графиня Елизавета Кирилловна Разумовская.

[6] *Батюшка* — граф Кирилл Гр. Разумовский.

[7] *Василий Иванович* — Разумовский.

[8] *Графиня Лизавета Романовна* — Воронцова.

[9] *Ораниенбаум.*— Петр III прибыл туда 29 июня 1762 г. и в этот же день был арестован, привезен в Петергоф и затем отправлен в Ропшу, где 7 июля был задушен.

[10] *Маша* — княгиня М. В. Кочубей.

[11] *Анна Алексеевна* — графиня А. А. Орлова-Чесменская.

[12] *...государь, который часто езжал к матушке.*— Петр III.

БОГОРОДИЦЫНЫ ДОЧКИ

Записано в рабочей тетради рядом с черновыми набросками «Езерского» и относится к 1831 г.

ЛИТЕРАТУРНАЯ БИОГРАФИЯ

В настоящем разделе помещаются статьи и заметки Пушкина (по большей части при его жизни не опубликованные), которые, будучи опытами антикритики, имеют в то же время явно выраженное мемуарное начало.

О СТИХОТВОРЕНИИ «ДЕМОН»

Незаконченный набросок, датируется 1825 г.

[1] *Думаю, что критик ошибся.*— «В «Сыне отечества», 1825, № 3 в статье «Письма на Кавказ» говорилось: «Демон Пушкина не есть существо воображаемое: автор хотел представить развратителя, искушающего неопытную юность чувственностью и лжемудрствованием».

[2] *...даже указывали на лицо...*— на Александра Раевского.

[3] *Недаром великий Гете...*— Слова Мефистофеля («Фауст», сцена III): «Я дух, который вечно отрицает».

ПИСЬМО К ИЗДАТЕЛЮ «МОСКОВСКОГО ВЕСТНИКА»

Письмо это не было доведено Пушкиным до конца. Датируется 1828 г., январь — февраль.

Поводом к этой заметке явилось «Обозрение русской словесности за 1827 г.» С. П. Шевырева (Московский вестник. 1828. № 1), в котором давалась высокая оценка появившейся в печати сцены «Ночь. Келья в Чудовом монастыре».

[1] *...два классические единства...*— то есть времени и места.

[2] *Я увидел...*— Пушкин в рукописи не выписал определения романтизма, встречавшегося в критике. Оно взято из его заметки «Французские критики...».

[3] *...один из самых оригинальных писателей...*— Имеется в виду П. А. Вяземский и его предисловие к сочинениям Озерова.

[4] *...наши журнальные Аристархи...*— Имеется в виду Н. А. Полевой и его статья о «Полярной звезде» на 1825 г. (Московский телеграф. 1825. № 8). См. также письмо Пушкина к Вяземскому от 25 мая 1825 г.

[5] *Constitutionnel... Quotidienne...*— Парижские газеты: первая — либеральная, вторая — монархическая.

[6] *Сцилла, Тиберий, Леонид.*— Французские трагедии: «Сцилла» Жуи, 1821; «Последний день Тиберия» Л. Арно, 1828; «Леонид» Пиша, 1825.

[7] Цитата из «Британика» Расина (д. IV, явл. 4). В письме Буало Морншеналю (сентябрь 1707 г.) говорится, что Людовик XIV, услышав эти стихи, перестал выступать в придворных балетах.

ВОЗРАЖЕНИЕ НА СТАТЬЮ «АТЕНЕЯ»

Датируется 1828 г., не позднее марта.

Поводом для написания статьи послужил разбор двух глав «Евгения Онегина», напечатанный в журнале «Атеней» (1828, № 4) за подписью «В.» (М. А. Дмитриев).

[1] *Под романтическим автор разумеет...*— В «Атенее» писали: «Название: *романтическое* выручает стихотворение от всех притязаний здравого смысла и законных требований вкуса».

[2] *Времян...*— Проиллюстрировав возможность употребления данной формы строками из стихотворения Г. Державина «На смерть князя Мещерского», Пушкин привел цитату из стихотворения К. Батюшкова «Мои пенаты», показав, что в русском языке возможны обе формы: времен и времян.

[3] *...который взвесить смел...*— Цитата из «Водопада» Державина.

[4] *Поникнул лавровой главою.*— Цитата из «Вельможи» Державина.

О ПУБЛИКАЦИИ БЕСТУЖЕВА-РЮМИНА В «СЕВЕРНОЙ ЗВЕЗДЕ»

Датируется предположительно 1829 г., октябрь.

Поводом к написанию статьи послужила публикация в «Северной звезде» М. А. Бестужевым-Рюминым (альманах вышел в свет в июле 1829 г.) 7 стихотворений за подписью «Ап». Из них шесть принадлежали Пушкину, седьмое — П. А. Вяземскому. Сделано это было без разрешения Пушкина, к тому же Бестужев-Рюмин уже проявил себя как литературный враг писателей, близких Пушкину.

[1] *...г-н Федоров напечатал под моим именем...*— В 1827 г. в альманахе «Памятник отечественных муз» Б. Федоров опубликовал без согласия Пушкина пять его стихотворений, в том числе лицейское стихотворение «Фавн и пастушка». По этому поводу в альманахе «Северные цветы» на 1829 г. был опубликован, по просьбе Пушкина, протест редакции.

[2] *...заменил своими стихами те, кои не могли быть пропущены цензурою.*— В послании «К Чаадаеву» стих «Минуты вольности святой» заменен другим: «Подруги сердцу дорогой». Других цензурных замен в публикации Бестужева-Рюмина нет.

ОПЫТ ОТРАЖЕНИЯ НЕКОТОРЫХ НЕЛИТЕРАТУРНЫХ ОБВИНЕНИЙ

Деление заметок по составу и композиционное их расположение до сих пор является спорным. Основными считаются два варианта распределения материала: первый — вариант «большого» академического издания собрания сочинений Пушкина, который полностью воспроизводит рукопись (XI, 143—163, 166—174); второй — вариант

тех изданий, где данный раздел редактировался Ю. Г. Оксманом. Несмотря на композиционные различия, в обоих вариантах основной акцент ставится на «Опыте отражения» и недооценивается самостоятельность «Опровержений на критики», при этом полностью в композиции первого из этих произведений не реализуется пушкинский план. В настоящем издании этот план впервые положен в основу композиционного деления заметок; план берется во втором, наиболее полном его варианте, при этом ко всем пунктам плана (далее они печатаются курсивом) были подобраны соответствующие заметки:
«§ 1 *О личной сатире.*

а) «Один из великих наших сограждан...»

б) *Кит.* [*айский*] *анекд.* [*от*] — «Недавно в Пекине...»

в) *Сам съешь.*— «Сам съешь».

§ 2 *О нравственности.*

а) «Мы так привыкли читать...»

б) *О графе Н.* [*улине*] — «Граф Нулин наделал мне больших хлопот».

в) *Что есть безнравственное сочинение.*— «Безнравственное сочинение есть то...»

г) *О Видоке.*— «О записках Видока»*.

§ 3 а) *О лит<ературной аристократии>* — «Отчего издателя...»

б) *О дворянстве* — «В одной газете (почти официальной)...».

«В одной газете официально сказано было...»

«В другой газете объявили...»

§ 4 *Разговор о примеч* [*ании*] — «Читал ли ты замечание...»

Заключение — «Иной говорит, какое дело критику или читателю...»

Всему корпусу текстов предшествовало предисловие («У одного из наших известных писателей»).

Так выделяется текст «Опыта отражения некоторых нелитератур-

---

* В отношении заметки о Видоке есть несколько точек зрения: В. В. Гиппиус считал, что замысел ее в данном контексте неясен, Ю. Г. Оксман предполагал, что к данному пункту плана заметка не была написана, однако, если учесть, что данный корпус статей не готовил нового витка полемики, а напротив, подводил ее итоги, то такая важная для Пушкина статья, как «О записках Видока», несмотря на свою предшествующую публикацию в «Литературной газете» (1830. № 20. 6 апр. С. 162), вполне могла быть включена им в план. О значимости этой статьи и последствиях ее возможной публикации предупреждала Е. М. Хитрово в письме к П. А. Вяземскому: «Я только что узнала с большим огорчением, любезный князь,— писала она,— что «статья о Видоке» такого свойства, что она может повредить нашему общему другу. Перовский, который только что от меня вышел — человек благоразумный,— мне говорил, что по дружбе к Пушкину он весьма бы желал, чтобы статья не появилась в печати: самое незначительное последствие было бы, если бы Булгарин отвечал напечатанием новых писем. Я вам замечу, дорогой князь, что я во всем этом не понимаю равнодушия литературных друзей Пушкина. По крайней мере, необходимо посоветоваться с Жуковским...»

ных обвинений», сатирически-памфлетный по своей тональности. Остальные полемические заметки (числом 31) написаны от первого лица с привлечением широкого автобиографического фона; в центре их внимания находится «16-летняя авторская деятельность». В нашей книге эти заметки публикуются под пушкинским названием «Опровержение на критики» и располагаются в хронологии появления пушкинских произведений и откликов на них. В свою очередь эти заметки тематически тяготеют к четырем разделам (в первом идет речь о ранних произведениях, во втором — содержатся грамматические уточнения, в третьем — Пушкин вспоминает об откликах на роман в стихах «Евгений Онегин», в четвертом — содержится антикритика на произведения последних лет), сопровожденным предисловием и заключением. Образцом литературной биографии для Пушкина послужила книга английского поэта С.-Т. Кольриджа «Литературная биография, или Биографические наброски моей литературной жизни и мнений».

В заметке о холере, описывая свое болдинское житье, Пушкин указывает: «Я занялся моими делами, перечитывая Кольриджа, сочиняя сказки и не ездя по соседям».

[1] Эпиграф взят из письма Р. Саути к издателю «Курьера» (1822). Первоначально эпиграф был иной: «In statu quo aute bellum».

[2] *Глухой глухого звал...* — Подражание французской эпиграмме Пелисона «Трое глухих». Пушкин начал переделывать эпиграмму, но не кончил: последние два стиха изменены: «Судья решил: терпеть нельзя разврата;//Жените ж молодца, хоть девка виновата».

[3] *Можно не удостоивать ответом...* — Цитата из статьи Н. Полевого в «Московском телеграфе», 1830, № 9.

[4] *...пэан 12 года...* — Из стихотворения Жуковского «Певец во стане русских воинов».

[5] Перевод «Илиады» сделан Н. Гнедичем.

[6] *...печатный лист кажется святым...* — Из сатиры И. Дмитриева «Чужой толк».

[7] Et moi je vous soutiens que mes vers sont três bons... — Цитата из «Мизантропа» Мольера.

[8] *Один из великих наших сограждан...* — Н. М. Карамзин.

[9] *...уехал бы в Константинополь.* — Пушкин имеет в виду, что в Турции в эти годы господствовал самодержавный произвол и граждане лишены были элементарных политических прав, в том числе и свободы слова.

[10] *Первым примером обязаны мы**...* — Булгарин под видом «китайских анекдотов» или «сообщений из Китая» печатал в «Северной пчеле» пасквили на современников.

[11] *Кухенрейтерские пистолеты.* — Кухенрейтер, известный в свое время фабрикант пистолетов.

[12] *Один из наших литераторов...*— Булгарин, вызванный на дуэль Дельвигом.

[13] *...французский стихотворец...*— В «Анекдоте» Булгарина (Северная пчела. 1830. № 30) под видом французского поэта выведен Пушкин, а под именем Гофмана выведен сам Булгарин. Весь анекдот, будто бы заимствованный из английского журнала, является пасквилем на Пушкина. Пушкин ответил на него публикацией заметки «О записках Видока».

[14] *Недавно в Пекине случилось очень забавное происшествие.*— В данной заметке говорится о плагиате Булгарина из «Бориса Годунова». Пушкин в аллегорической форме сообщает, как он давал рукопись Бенкендорфу («некоторым мандаринам»), от которого Булгарин получил рукопись. Обнаружив в романе Булгарина «Дмитрий Самозванец» (1830) заимствования из своей трагедии, Пушкин стал говорить об этом открыто. Булгарин по этому поводу обращался к Пушкину с письмом от 18 февраля 1830 г., уверяя, что он не читал «Бориса Годунова» и знал о нем понаслышке, хотя это, как установил Г. О. Винокур, не соответствовало действительности. Кроме того, в рецензии на главу VII «Евгения Онегина» Булгарин утверждал, что Пушкин «взял обильную дань из «Горе от ума» и, просим не прогневаться, из другой известной книги» (имеется в виду роман Булгарина «Иван Выжигин»).

[15] *Является колкое стихотворение...*— Эпиграмма Баратынского «Писачка в Фебов двор явился» (Лит. газ. 1830. № 33). На эпиграмму отвечал Н. Полевой пародией «Пришел поэт и пущен на Парнас» за подписью Гамлетов (в приложении к «Московскому телеграфу» «Новый живописец», 1830, № 13).

[16] *Поэту вздумалось описать любопытное собрание букашек.*— Стихотворение Пушкина «Собрание насекомых» вызвало ряд грубых пародий в «Вестнике Европы», 1830, № 8 и в «Московском телеграфе», 1830, № 8.

[17] *Господа чиновные журналисты...*— Булгарин, прежде осмеивавший купеческое происхождение Н. Полевого, в 1830 г. возглавил нападение на участников «Литературной газеты» как на «литературных аристократов».

[18] *«Граф Нулин» наделал мне больших хлопот.*— Это ответ на рецензию Надеждина (Вестник Европы. 1829. № 3).

[19] *О записках Видока* — опубликована в «Литературной газете» (1830. № 20. 6 апр.) в отделе «Смесь», без подписи. Это ответ на пасквильный анекдот Булгарина, в котором Пушкин выведен под видом французского писателя, который в своих «сочинениях не обнаружил ни одной мысли, ни одного возвышенного чувства, ни одной полезной истины». Под Видоком Пушкин изобразил самого Булгарина: Пушкин намекает на его службу во французских войсках во время войны 1812 г., на его похвальбу дружбой с Грибоедовым, на полити-

ческие его доносы и связь с III Отделением, а также на сомнительное прошлое его жены. Характеристика была настолько точной, что смысл заметки для современников был абсолютно ясен. В ответ на это Булгарин во «Втором письме из Карлова на Каменный остров» (Северная пчела. 1830. № 94. 7 авг.) опубликовал новый пасквиль на Пушкина о происхождении его. Ответом послужил отдел «Смесь» «Литературной газеты» (1830, № 45), последняя фраза которого «см. 2-е письмо из Карлова, напечатанное в 94 номере «Северной пчелы», «придавала разделу особую значимость. В этом же разделе раскрывалось авторство Пушкина в отношении статьи о «Видоке»: «Издателю «Северной пчелы» «Литературная газета» кажется печальною: сознаемся, что он прав, и самою печальнейшую статьею находим мнение А. С. Пушкина о сочинениях Видока».

[20] *В одной газете (почти официальной) сказано было...*— Поводом к написанию заметки послужила статья Булгарина «Второе письмо из Карлова на Каменный остров», в которой, в частности, говорилось по поводу прозвища «литературные аристократы», данного Булгариным издателям «Литературной газеты»: «Не могу не удержаться от смеха, когда подумаю, что они приняли это за правду, и в ответ на это заговорили в своем листке о дворянстве! Жаль, что Мольер не живет в наше время. Какая неоцененная черта для его комедии». Тут же Булгарин приводит анекдот о том, что прадед Пушкина Ганнибал был куплен за бутылку рома. (На это Пушкин ответил стихотворением «Моя родословная».)

Н. И. Греч свидетельствовал, что первым этот анекдот стал рассказывать С. С. Уваров, а Булгарин «со слов Уварова выступил в «Северной пчеле» (цит. по: Телетова Н. К. Забытые родственные связи Пушкина. Л., 1981. С. 116—134).

По наблюдениям В. Э. Вацуро, данный полемический прием заимствован Пушкиным у Бомарше (см.: Вацуро В. Э. Пушкин и Бомарше. (Заметки)//Пушкин. Исследования и материалы. Т. 7. Л., 1974. С. 214).

[21] *В одной газете официально сказано было...*— Поводом для написания заметки, так же как и предшествующей, послужила статья Булгарина «Второе письмо из Карлова». Сохранился план заметки Пушкина: «Древние, нынешние обряды. Кто бы я ни был, не отрекусь, хотя я беден и ничтожен. Рача, Гаврила Пушкин. Пушкины при царях, при Романовых. Казненный Пушкин. При Екатерине II. Гонимы. Гоним и я».

При последующей работе Пушкин использовал тексты двух этих заметок для «Начала автобиографии».

[22] *Читал ты замечание в № 45 «Литературной газеты»...*— В этом номере «Литературной газеты» в разделе «Смесь» дан достойный ответ булгаринским нападкам, в частности, опубликована аноним-

ная заметка «Новые выходки противу так называемой литературной аристократии».

Данная заметка направлена против противоречия, в которое впал Булгарин: поддерживая официальные охранительные позиции, он нападал на дворянское происхождение сотрудников «Литературной газеты».

[23] *Помилуй, да посмотри же...* — Далее приводятся отдельные слова из припева французской революционной песни в редакции 1793 г. (периода якобинской литературы).

[24] *Читал ли ты, как отделали всю «Литературную газету»...* — Имеется в виду статья Булгарина в «Северной пчеле» (1830. № 110. 13 сент.), где находится фраза: «Читая в журналах грубую брань, клеветы, сплетни; гнусные выходки зависти, рядом с преувеличенными похвалами бессмертному историографу, поневоле выведем заключение, которое... не идет в печать».

[25] *Вот тебе еще что-то.* — По-видимому, статья в «Московском телеграфе», 1830, № 17, где по адресу «литературных аристократов» говорится: «Знай, что местничества в России нет, сиди в своей конуре, дуйся, как лягушка Езопова, и хлопай длинными, ослиными ушами».

ОПРОВЕРЖЕНИЕ НА КРИТИКИ

Во время пребывания в Болдине в 1830 г. Пушкин начал писать большую статью, в которой делал обзор критических отзывов о его произведениях на протяжении всей литературной деятельности. Статья осталась недописанной.

[1] Цитата из «Мизантропа» Мольера (д. 1, явл. 2).

[2] *...уверял, что такие стихи сами себя дурно рекомендуют.* — Из рецензии на седьмую главу «Евгения Онегина», напечатанную в «Галатее», 1830, № 14. Автор рецензии С. Раич. Пушкин ошибся, считая, что это сказано в отзыве на «Полтаву».

[3] *Кроме одной статьи в «Вестнике Европы»...* — «Письмо к редактору» за подписью «Житель Бутырской слободы» в «Вестнике Европы», 1820, № 11. Автором ее был А. Г. Глаголев (по свидетельству Погодина).

[4] *...дельные «вопросы»...* — В «Сыне отечества» (1820, № 38) было напечатано «Письмо к сочинителю критики на поэму «Руслан и Людмила» за подписью «NN», состоящее из вопросов, отмечавших недостатки поэмы. Автором был Д. П. Зыков, друг Катенина, в 1823 г. член Северного тайного общества.

[5] *Г-н Федоров в журнале...* — Б. Федоров в журнале «Санкт-петербургский зритель» (1828, № 1) (журнал этот прекратился на первом же номере), напечатал рецензию на IV и V главы «Евгения Онегина». На замечания Федорова Пушкин отвечал в примечаниях к роману.

[6] *...даже не заметили (...) латинской опечатки.*— В отдельном издании шестой главы «Евгения Онегина» в строфе II было напечатано: Sed altri tempora — исправлено в новом полном издании романа.

[7] *Критику 7-ой песни в «Северной пчеле»...*— Бранный отзыв Булгарина в «Северной пчеле», 1830, № 35 и 39 Пушкин цитирует в предисловии к двум последним главам «Евгения Онегина», которое он намеревался предпослать изданию этих глав.

[8] *Habent sua fata libelli.*— «Книги имеют свою судьбу»,— ставший поговоркой стих латинского писателя Терентиана Мавра. Эта заметка была напечатана в альманахе М. Максимовича «Денница» на 1831 г.

[9] *Наши критики взялись объяснить мне причину моей неудачи...*— Булгарин в «Сыне отечества», 1829, № 15 и 16, Надеждин в «Вестнике Европы».

[10] *...любовь Марии к старому гетману...*— По-видимому, Пушкин имеет в виду письма Мазепы к Матрене Кочубей, которые были вырезаны цензурою из «Истории Малой России» Бантыша-Каменского, но могли быть известны поэту (см.: Измайлов Н. В. Очерки творчества Пушкина. Л., 1976. С. 29—33, 65).

[11] *Ну что ж, что ты Честон? Хоть знаю, да не верю.*— Из комедии «Хвастун» Я. Княжнина.

[12] *Вспомните предания мифологические...*— Пушкин перечисляет персонажей из «Метаморфоз» Овидия: Леду, любовницу Юпитера, превратившегося в лебедя; Филиру, любовницу Сатурна, превратившегося в коня; Пазифею, родившую от быка Минотавра; Пигмалиона, влюбившегося в статую; Мирру, бывшую в кровосмесительной связи с отцом. На тему о Мирре написал трагедию Альфиери (1791).

[13] *Мазепа злой и глупый старичишка.*— В «Сыне отечества» Мазепа в изображении Пушкина назван «безрассудным и мстительным старичишкой», «злым дураком»; в «Вестнике Европы» — «лицемерным бездушным старичишкой».

[14] *См. Летопись Кониского.*— Максимович свидетельствует, что, «узнав от Пушкина, что он написал «Полтаву», не читавши еще Кониского, я познакомил его с нашим малороссийским историком и подарил ему случившийся у меня список Истории Русов» (Максимович М. Собр. соч. Т. 3. Киев, 1880. С. 491). На самом деле эта «История» лишь приписывалась Кониcкому (архиепископу Белорусскому), но была составлена в начале XIX в., по-видимому, братьями Полетиками.

[15] *Если ж бы ему... попалась история обольщенной дочери...*— Иностранные источники XVIII — начала XIX в., излагающие историю Северной войны, не упоминают ничего о дочери Кочубея. Некоторые факты о ней собраны у Голикова. Отсюда их заимствовал и изложил, дополнив существенными архивными документами, Бантыш-Каменский

в начале главы XXX третьей части «Истории Малой России» (подробнее см.: Измайлов Н. В. Указ. соч. С. 29).

[16] *Жену страдальца Кочубея...*— Цитата из второй части поэмы «Войнаровский».

[17] *«Полтаву» написал я в несколько дней...*— Пушкин был, конечно, сознательно не вполне точен. Поэма в основной своей части написана была действительно с необычной быстротой. Первая песнь, в большей части своей написанная и завершенная в конце сентября 1828 г., была переписана набело 3 октября, вторая написана (не полностью) и перебелена к 9 октября, третья закончена перепиской к 16 октября. Но изучение рукописей показывает, что первые наброски поэмы были сделаны еще весной 1828 г.— начало ее черновой рукописи помечено «5 апреля» (V, 175) (см.: Измайлов Н. В. Указ. соч. С. 6).

[18] *Шутки наших критиков...*— Пушкин цитирует рецензию на «Северные цветы» из «Вестника Европы», 1830, № 2. В «Сыне отечества» (издававшемся Булгариным, редактором «Северной пчелы») в № 16 была напечатана бранная статья против Дельвига, где говорилось: «Если бы немцы знали по-русски, то сказали бы то же самое, что «Вестник Европы» — это стихи! — хи-хи, хи!»

[19] *Один журналист принял мое послание...*— Н. Полевой напечатал в «Московском телеграфе», 1830, № 10 «Утро в кабинете знатного барина»; в этой сценке он высмеивал Пушкина, подносящего Юсупову свое послание.

[20] ***...в статейке, заимствованной у «Минервы»...***— «Минерва» — французский политический журнал, выходящий с февраля 1818 г. до марта 1820 г. (прекратил свое существование по цензурным причинам). Во главе журнала стоял Б. Констан. В этом журнале печатались между материалами политического характера сатирические нравоописательные очерки Жуи под названием «Пустынник в провинции», возможно, что именно этот нравоописательный жанр и имел в виду Пушкин.

«ПИСАТЕЛИ, ИЗВЕСТНЫЕ У НАС ПОД ИМЕНЕМ АРИСТОКРАТОВ...»

Датируется 1831 г.

Эта заметка тесно связана с «Опытом отражения некоторых нелитературных обвинений».

Любопытно сопоставить эту заметку с письмом П. А. Вяземского к М. Максимовичу от 23 января 1831 г. по поводу обзора русской литературы, опубликованного в «Деннице» на 1831 г.: «Охота Вам,— писал Вяземский,— держаться терминологии вралей и вслед за ними твердить о литературной аристократии, об аристократии газеты? Хорошо полицейским и кабацким литераторам Булгарину и Полевому (...) горланить против аристократии, ибо они чувствуют, что людям благовоспитанным и порядочным нельзя знаться с ними, но Вам

с какой стати приставать к этой шайке? Брать ли слово аристократия в смысле дворянства, то кто же из нас не дворянин (...)? Брать ли его в смысле *не дворянства, а благородства,* духа вежливости, образованности, выражения, то как же решиться от него отстраниться и употреблять его в виде бранного слова, вслед за санкюлотами французской революции, ибо они (...) дали сие значение? Брать ли его в смысле аристократии талантов, то есть аристократии природной, то смешно же вымещать богу за то, что он дал Пушкину голову, а Полевому лоб и Булгарину *язык*, чтобы полиция могла *достать языка* (...). Вообще слишком много говорите Вы о Булгарине. Обозрение литературы у Вас обозрение Булгарина. Дайте ему несколько киселей в (————) и отпустите с богом» (цит. по статье В. В. Гиппиус. См.: Временник Пушкинской комиссии. Т. 6. М.; Л., 1941. С. 255—257).

[1] *Один аристократ... извинялся...*— Имеется в виду статья Вяземского «Несколько слов о полемике» (Лит. газ. 1830. № 18).

ЗАМЕТКА О «ГРАФЕ НУЛИНЕ»

Датируется предположительно осенью 1833 г.

[1] *Публикола не взбесился бы...*— Имя Публия Валерия (Публиколы) не упомянуто в поэме Шекспира; оно встречается только в кратком содержании, предваряющем поэму. По-видимому, Пушкин имел в виду Коллатина, мужа Лукреции.

[2] *Происшествие в Новоржевском уезде.*— По рассказам современников, приключение с Алексеем Вульфом, ухаживавшим за одной поповной.

[3] *Бывают странные сближения.*— Ю. М. Лотман установил, что это — реминисценция одного из писем Л. Стерна: «Мелкие события, Санчо, сближаются столь же странно, как и великие». Это ответ на письмо негра Игнаса Санчо. Вопрос о возможности «странных сближений» в сфере исторических событий был поставлен еще в античности, например, Плутархом, который обратил внимание на закон повторяемости по отношению не только к крупным историческим событиям, но и частным их деталям (см.: Плутарх. Сравнительные жизнеописания: В 3 т. Т. II. М., 1963. С. 268—269). «Странное сближение» Стерна состоит в следующем: Стерн писал трогательную историю негритянки и не успел еще осушить своих глаз, как ему принесли письмо его знакомого негра Санчо, посвященное положению черных. Таким образом, речь идет о совпадении предмета размышлений и неизвестного еще события реальной жизни. Именно это хотел подчеркнуть Пушкин цитатой из Стерна: в ночь на 14 декабря 1825 г. он размышлял об исторических закономерностях и о том, что

из-за сцепления случайностей великое событие может и не произойти. Видимо, «странными сближениями» и объясняется постоянный интерес Пушкина к приметам (см.: Лотман Ю. М. Три заметки к пушкинским текстам//Временник Пушкинской комиссии. 1974. Л., 1977 С. 89—90).

ОБЪЯСНЕНИЕ

Напечатано в «Современнике», 1836, т. IV, с. 295—298. Датируется 1836 г., сентябрь.

[1] *Одно стихотворение, напечатанное в моем журнале, навлекло на меня обвинение...* — А. Голенищев-Кутузов в брошюре «Критические заметки на стихотворение Пушкина «Полководец» писал: «Поэт полагает, что генерал Барклай-де-Толли уступил лавровый венок князю Голенищеву-Кутузову... сожаления достойно, что поэт позволил себе такой совершенно неприличный вымысел».

[2] *...где равен был неравный спор...* — Цитата из стихотворения Пушкина «Бородинская годовщина» (5 сентября 1831 г.).

[3] *...вождю, забытому Жуковским...* — В стихотворении «Певец во стане русских воинов» в числе героев Отечественной войны 1812 г. не назван Барклай-де-Толли.

[4] *Перед гробницею святой...* — Пушкин цитирует первые 3 строфы (из 5) своего стихотворения 1831 г.

ПУТЕШЕСТВИЯ

ОТРЫВОК ИЗ ПИСЬМА к Д.

Это описание поездки в Крым, состоявшейся в 1820 г., создавалось в декабре 1824 г. для альманаха Дельвига «Северные цветы», но в очередной годовой выпуск альманаха не попало и напечатано было в альманахе на 1826 г. Затем в сокращении этот отрывок печатался в качестве примечания к поэме «Бахчисарайский фонтан». Посылая текст Дельвигу, Пушкин писал: «Пожалуйста, не показывай этого письма никому, даже и друзьям моим (разве переписав уже), а начала в самом деле не нужно».

В книге И. М. Муравьева-Апостола «Путешествие по Тавриде», описывающей его пребывание в Крыму с 11 сентября по 25 октября 1820 г., обратили на себя внимание Пушкина рассуждения о том, что знаменитый храм Девы был расположен не там, где в 1820 г. находился Георгиевский монастырь, как думали ранее, а значительно восточнее, в районе Аюдага. Именно эти рассуждения Пушкин называет «холодными сомнениями» в стихотворной части письма. После слов «влюбленного хана» в черновом тексте следует: «К *** поэтически описал мне его и называл la fontaine des larmes». Только в беловом

тексте Пушкин заменил мужской род женским согласно тексту поэмы «Бахчисарайский фонтан».

[1] *Митридатова гробница.*— В письме к брату 24 сентября 1820 г. в Крым: «Морем приехали мы в Керчь. Здесь увижу я развалины Митридатова гроба, здесь увижу я следы Пантикапеи, думал я — на ближней горе посреди кладбища увидел я груду камней, утесов, грубо высеченных,— заметил несколько ступеней, дело рук человеческих. Гроб ли это, древнее ли основание башни — не знаю. За несколько верст остановились мы на Золотом холме. Ряд камней, ров, почти сравнявшийся с землею,— вот все, что осталось от города Пантикапеи. Нет сомнения, что много драгоценного скрывается под землей, насыпанной веками» (XIII, 18).

[2] *...переход его по скалам Кикенеиса...*— Здесь Пушкин неточно понял текст Муравьева; в его «Путешествии» описывался переход по скалам Симеиза.

[3] *Горная лестница.*— Разработанный подъем на Яйлу в районе Мухалатки. Подъем этот, известный под названием Чертова лестница (Шайтан мердвень), вырублен был в скале крупными ступенями.

ХОЛЕРА

Текст в рукописи не имеет заглавия, датируется предположительно 1831 г.

Г. В. Краснов (Болдинские страницы. Горький. С. 141) совершенно справедливо отмечает, что в данном тексте Пушкина «многое родственно жанру путешествия,— с образом Путешественника, с отбором нужных эпизодов, событий, с необходимой беллетризацией, с мыслями и замечаниями по поводу излагаемого».

[1] *Один дерптский студент.*— А. Н. Вульф. В вариантах текста встречаем следующее: «ныне он гусарский офицер и давно променял свои книги... на гнедую лошадь и на настоящую войну». Имеются в виду действия царских войск в Польше, которые начались в феврале 1831 г. и закончились в сентябре 1831 г. в Варшаве.

ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ МОСКВЫ В ПЕТЕРБУРГ

В рукописи заглавия не имеет.

Пушкин писал этот текст с декабря 1833 г. до апреля 1834 г. (глава «Москва» написана в январе 1835 г.).

Именно в это время издатели «Северной пчелы» начали борьбу против книги Радищева. Н. Греч публикует статью «Поездка в Москву», сознательно ориентируясь на то, что именно под этим заглавием была известна книга Радищева (см.: Нечкина М. В. Грибоедов и декабристы. М., 1947. С. 413). Булгарин придавал этой статье особое значение (см.: Северная пчела. 1833. № 129, 135, 188). Пушкин

внимательно следил за современной ему прессой и, безусловно, читал эту статью. Свое произведение Пушкин строит, не только ориентируясь на книгу Радищева, но и подчиняя задачам полемики с Гречем.

[1] *...новая московская дорога совсем окончена...*— Сквозное движение по шоссейной дороге Петербург — Москва было открыто в 1832 г., следовательно, условный автор безвыездно жил в Москве с 1817 г. (см.: Еремин М. Пушкин-публицист. М., 1963. С. 190).

[2] *Поправка дорог, одна из самых тягостных повинностей...*— «Самые тягостнейшие личные повинности,— писал П. И. Пестель в «Русской правде»,— состоят в поправлении дорог и в провожании колодников и арестантов» (Восстание декабристов. Т. VII. С. 201). П. Г. Каховский в одном из писем из Петропавловской крепости писал: «Сколько раз дороги были переделываны, сколько тысяч верст изрыто и перерыто; в летние месяцы, когда нужно обрабатывать поля, земледельцы отрываются на поправки дорог, и нивы их пустуют... Почему не запретят губернаторам вводить свои выдумки?» (цит. по: Еремин М. Указ. соч. С. 201—202). Следовательно, в этом вопросе пушкинская позиция совпадает с позицией декабристов.

[3] *...у нас правительство всегда впереди на поприще образованности и просвещения...*— Эта тирада, особенно в ее черновом варианте, почти дословно воспроизводит официальные рассуждения Бенкендорфа: «...у нас со времен Петра Великого всегда впереди нации стояли ее монархи, но что по этому самому не должно слишком торопиться с ее просвещением, чтобы народ не стал по кругу своих понятий в уровень с монархами и не посягнул тогда на ослабление их власти» (цит. по: Еремин М. Указ. соч. С. 200). Пушкинский «путешественник» основывается на официальных постановлениях правительства. Пушкин же, добавляя фразу «Народ следует за ним всегда лениво, а иногда и неохотно», соглашается с Радищевым в вопросе об отношении народа к самодержавию.

[4] *Нравственно-сатирический роман.*— «Иван Выжигин» Ф. Булгарина.

[5] *...московские обеды (так оригинально описанные князем Долгоруким)...*— См. стихотворение И. М. Долгорукова «Пир».

[6] *«Горе от ума» есть уже картина обветшалая...*— Смысл этого высказывания становится понятным при учете статьи И. В. Киреевского о «Горе от ума» (Европеец. 1832. № 1), где, в частности, говорилось, что «оригиналы тех портретов, которые начертал Грибоедов, уже давно не составляют большинства московского общества, и хотя они созданы и воспитаны Москвою, но уже сама Москва смотрит на них как на редкость, как на любопытные развалины старого мира» (цит. по: Фесенко Ю. П. Пушкин и Грибоедов//Временник Пушкинской комиссии. 1980. Л., 1983. С. 108).

[7] *...петербургские журналы судят о литературе...*— Первоначально было: «Северная пчела» судит о литературе».

[8] *...великий меланхолик...* — По мнению В. Э. Вацуро, под «великим меланхоликом» Пушкин подразумевал самого себя, а не Гоголя, как это долгое время считалось (см.: Вацуро В. Э. «Великий меланхолик» в «Путешествии из Москвы в Петербург»//Временник Пушкинской комиссии. 1974. Л., 1977. С. 43—63).

[9] Рапорт Ломоносова напечатан был в журнале «Московский телеграф», 1827, № 22, откуда и выписан Пушкиным.

[10] *Журналист, ошельмованный в общественном мнении...* — то есть Ф. Булгарин.

[11] *...и его преемника...* — то есть Людовика XVI, казненного во время революции. Тема французской буржуазной революции была в русской печати запретной.

[12] *Все это, конечно, переменилось...* — Пушкин дает понять, что положение французского крестьянства улучшилось только в результате революции (см.: Еремин М. Указ. соч. С. 213).

[13] *...о наших народных легендах...* — то есть о собрании русских народных песен П. В. Киреевского и Н. М. Языкова.

[14] *Чудовище, склонясь на колыбель детей...* — Из послания Жуковского «Императору Александру» (1814).

[15] *Простодум в комедии Княжнина...* — «Хвастун» Я. Княжнина, д. I, явл. V.

[16] *А. Х. Востоков определил его...* — См. «Опыт о русском стихосложении» (1817).

[17] *Один из французских публицистов...* — Бенжамен Констан в «Размышлениях о конституциях и гарантиях» (1814). То же самое он повторил в своих позднейших политических трактатах.

[18] *...аристократией пишущих талантов...* — Ср. книгу С.-Т. Кольриджа «Biographia literaria», 9-я глава которой называется «Литературная аристократия, или Существующее безмолвное согласие образованной части публики как привилегированной социальной группы» (см. также примеч. к с. 331—332).

ПУТЕШЕСТВИЕ В АРЗРУМ
Во время похода 1829 года

В апреле 1828 г. после начала военных действий на Кавказе Пушкин и П. А. Вяземский подали на имя Николая I прошение с просьбой отправить их в действующую армию и через Бенкендорфа получили отказ. Однако весной 1829 г. Пушкин решился ехать на Кавказ без царского позволения. За ним было установлено наблюдение. Во время путешествия Пушкин вел путевые записки, сперва подробные и последовательные, далее — отрывочные. Вернувшись, Пушкин приступил к публикации собранного материала в «Литературной газете» (1830, № 6, 5 февр.), озаглавив первый фрагмент «Военная Грузинская дорога» (из него была исключена цитата из стихов Рылеева и описание встречи с Ермоловым).

Однако «Северная пчела» (№ 35) обрушилась с нападками на эту публикацию. Уже 22 марта 1830 г. Булгарин писал: «Итак, надежды наши исчезли. Мы думали, что автор «Руслана и Людмилы» устремился на Кавказ, чтоб напитаться высокими чувствами поэзии, обогатиться новыми впечатлениями и в сладких песнях передать потомству великие подвиги русских современных героев. Мы думали, что великие события на Востоке, удивившие мир и стяжавшие России уважение всех просвещенных народов, возбудят гений наших поэтов,— и мы ошиблись». После этого публичного обвинения в том, что Пушкин не хочет воспеть политику Николая I на Востоке, о публикации текста не могло быть и речи.

Текст полностью (хотя и с цензурными искажениями) был опубликован Пушкиным в «Современнике» (1836. Т. 1. С. 17—84).

14 декабря 1835 г. была несколько облегчена участь сосланных в Сибирь декабристов, но в указе ничего не говорилось о декабристах, сосланных на Кавказ, в действующую армию Паскевича (подробнее см.: Макогоненко Г. П. Творчество А. С. Пушкина в 1830-е годы (1833—1836). Л., 1982. С. 332—337).

В настоящем издании в основной текст вводятся три первых абзаца «Предисловия», оставшиеся в беловой рукописи; в первой главе опускается эпизод посещения Ермолова, не вошедший в текст, напечатанный в «Современнике» (см. «Кавказский дневник», с. 35).

[1] *Граф Пушкин* — В. А. Мусин-Пушкин.

[2] *Кобылиц неукротимых...*— См. примеч. на с. 281.

[3] *...Минарет.*— См. примеч. на с. 281.

[4] *...Дух дикого их рыцарства заметно упал.*— 15 лет назад в письме брату 24 сентября 1820 г. Пушкин писал: «Дикие черкесы напуганы; древняя дерзость их исчезает. Дороги становятся час от часу безопаснее, многочисленные конвои излишними. Должно надеяться, что эта завоеванная сторона, до сих пор не приносившая никакой существенной пользы России, скоро сблизит нас с персиянами безопасною торговлею, не будет нам преградою в будущих войнах».

[5] *Влияние роскоши...*— Попытки прогрессивного преобразования кавказских территорий имели устойчивую традицию в истории русской общественной мысли. Пушкину через посредство Грибоедова могли быть известны следующие сочинения: «Мнение адмирала Мордвинова о способах, коими России удобнее можно привязать к себе постепенно кавказских жителей» и записка В. Ф. Тимковского о «Киргизской орде» (см.: Фесенко Ю. П. Пушкин и Грибоедов//Временник Пушкинской комиссии. 1980. Л., 1983. С. 111).

[6] *...проповедание Евангелия.*— Здесь проявляются представления Пушкина о христианстве как о более высокой форме религиозного сознания, соответствующей и более высокой степени цивилизации. Благотворное влияние христианского миссионерства, по мысли

Пушкина, может внушить народу более высокие нравственные понятия. Таким образом, акцент переносится с вопросов собственно религиозных в морально-этическую плоскость (см.: Иезуитов Р. В. Легенда//Стихотворения Пушкина 1820—1830-х годов. Л., 1974. С. 158).

[7] Цитата из стихотворения Чарльза Вульфа «Погребение сэра Джона Мура». Оно хорошо было известно русской публике в переводе И. И. Козлова, опубликованном в «Северных цветах» на 1826 г. (См.: Ранние романтические веяния. Л., 1972, с. 248).

[8] *...реке на Севере гремящей.*— См. примеч. на с. 281.

[9] *...один путешественник...*— Пушкин ссылается на книгу Н. А. Нефедьева «Записки во время поездки на Кавказ и Грузию в 1827 году» (1829).

[10] *По свидетельству Плиния...*— Ссылки на Плиния сделаны Пушкиным по книге И. Потоцкого «Путешествие в степях Астрахани и Кавказа» (по-французски), 1829. Название реки «Дириодорис», видимо, ошибочно: латинские слова «diri odoris» значат «дурного запаха».

[11] *...подпирающую небосклон...*— См. примеч. на с. 44.

[12] *Ждали персидского принца.*— Приезд в Россию персидского наследника Хозрев-Мирзы был вызван событиями в Тегеране, во время которых был убит Грибоедов. Пушкин ничего не говорит о причинах появления персидской миссии в России, как и о торжественных приемах, которые оказывались посольству по мере продвижения его в России (см.: Северная пчела. 1829. 6, 11, 18 июня; 4, 27 июля; 1, 6, 8, 13 авг.).

[13] *Дорога шла через обвал, обрушившийся в конце июня 1827 года.*— Сведения об этом обвале Пушкин заимствовал из книги Н. Нефедьева, но при этом допустил неточность; в книге сказано: «Такой обвал случился до нас за месяц, и мы в конце июня ехали по громадам снега». Следовательно, обвал произошел в конце мая.

[14] *...у городничего, старого офицера из грузин...*— у Р. С. Ягулова.

[15] *Душа, недавно рожденная...*— Грузинское стихотворение «Весенняя песня» Дмитрия Туманишвили (ум. в 1821 г.). В бумагах Пушкина сохранился оригинал и буквальный перевод песни, сделанный лицом, плохо владевшим русским языком. Пушкин обработал его. На мелодию этой песни, сообщенную Грибоедовым и переработанную Глинкой, Пушкин написал слова романса «Не пой, красавица, при мне...». Ю. П. Фесенко связывает этот эпизод с развитием Пушкиным грибоедовской темы в «Путешествии в Арзрум» (см.: Временник Пушкинской комиссии. 1980. Л., 1983. С. 110).

[16] *Тбилис-Калак.*— У Пушкина ошибочно: Тбилис-Калар. Пушкин пользовался книгой Гюльденштедта «Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа» (1809), где на с. 181 имеется опечатка, повторенная Пушкиным.

[17] *...главную часть народонаселения составляют армяне...*— Пушкин намекает на ту статью Туркманчайского договора, по которой все пленные, изъявившие желание вернуться на родину, передавались России. В основном к ним принадлежали армяне, страдавшие в Персии не только от национального, но и от религиозного гнета. Неукоснительное соблюдение указанной статьи договора явилось заслугой Грибоедова (см.: Фесенко Ю. П. Указ. соч.).

[18] *...за чином асессорским, толико вожделенным.*— Цитата из сатиры А. Н. Нахимова «Восплачь, канцелярист...».

[19] *Несколько грузин сопровождали арбу.*— Этот эпизод, как неоднократно указывали исследователи, несомненно рассчитан на сопоставление с изображением персидской миссии, где Хозрев-Мирза передвигается в сопровождении кортежа (см.: Михельсон В. А. «Путешествие» в русской литературе. Ростов, 1974. С. 28).

Вопрос о том, как доставлялось тело Грибоедова в Тифлис, нуждается в дополнительном изучении (см.: Фесенко Ю. П. Указ. соч. С. 110).

[20] *...какой-нибудь Наполеон...*— Тут Пушкин явно полемизирует с Булгариным, который в «Памятных записках титулярного советника Чухина» (Спб., 1835. С. 119) в 6-й главе выводит образ Александра Сергеевича Световидова, в котором нетрудно усмотреть грибоедовские черты. Булгарин заканчивает свои рассуждения о необыкновенных способностях Световидова репликой: «Он был рожден быть Бонапартом или Магометом» (см.: Фесенко Ю. П. Указ. соч. С. 109).

[21] *Несколько времени потом...*— Хронологически точно определяются тремя годами — после 1824-го до назначения послом в 1828 г. Это время декабристского восстания, арестов, следствия, в том числе и ареста самого Грибоедова (см.: Макогоненко Г. П. Указ. соч. С. 308).

[22] *...последних годов бурной его жизни.*— Грибоедов служил у Паскевича, который предложил ему вести дипломатические дела России с Турцией и Персией. Большой заслугой Грибоедова явилась подготовка и заключение Туркманчайского договора. Затем следовала поездка с договором в Петербург, представление императору, получение наград (чин статского советника, орден Анны второй степени с алмазами и четыре тысячи червонцев) и назначение министром-резидентом в Персию.

Грибоедов осмелился лично просить императора за сосланных. Он сам был на подозрении и свое назначение на Восток считал «политической ссылкой» (см.: Нечкина М. В. Грибоедов и декабристы. С. 500).

[23] *Написать его биографию было бы делом его друзей.*— Это замечание направлено против Ф. В. Булгарина, написавшего «Воспоминания о незабвенном Александре Сергеевиче Грибоедове (Сын

отечества. 1830. № 1), где автор изобразил себя чуть ли не единственным другом писателя. Пушкин отказывает ему в этом праве.

[24] *Это Арарат.*— Ошибка Пушкина: из Гумров виден не Арарат, а Алагез; очевидно, гору ему назвали ее армянским именем — Арагац.

[25] Цитата из оды Горация (кн. II, ода 14).

[26] Цитата из оды Горация Руфу Вальгию (кн. II, ода 9).

[27] *Только успели мы отдохнуть и отобедать...*— Здесь описывается сражение 14 июня 1828 г., в котором принимал участие и сам Пушкин. В «Истории военных действий в Азиатской Турции в 1828 и 1829 гг.» Н. И. Ушакова говорится: «В поэтическом порыве он (Пушкин) тотчас выскочил из ставки, сел на лошадь и мгновенно очутился на аванпостах. Опытный майор Семичев, посланный генералом Раевским вслед за поэтом, едва настигнул его и вывел из передовой цепи казаков в ту минуту, когда Пушкин, одушевленный отвагою, столь свойственной новобранцу-воину, схватив пику одного из убитых казаков, устремился противу неприятельских всадников».

[28] Пушкина интересовала секта езидов, сочетающая веру в единого бога — Аллаха с уважением к христианской религии, а культ дьявола — с эротическими обрядами (см.: Рукою Пушкина. С. 866—871; Стихотворения Пушкина 1820—1830-х годов. Л., 1974, С. 159).

[29] *Гаджи-Баба* — персонаж из английского романа Мориера «Приключения Гаджи-Баба Испагенского» (1824), вольно переведенного в 1830 г. на русский язык О. Сенковским «Ходжа-Баба из Испагени».

[30] *Мушский паша* — Ибрагим-бек, дядя Эмина-паши, бывшего пашой вилайета в городе Муше. Часть вилайета была занята русскими войсками, и Ибрагим-бек добивался, чтобы Паскевич назначил его на место ушедшего с турецкими войсками племянника.

[31] *...генерал Бурцов был убит...*— 19 июля генерал Бурцов был ранен, умер он через три дня. Ранен он был в местечке, находившемся в 130 верстах от Арзрума. Поэтому 19 июля ни Паскевич, ни Пушкин не могли знать о гибели Бурцова (см.: Макогоненко Г. П. Указ. соч. С. 317—318).

[32] *...уединенный монастырь...*— См. стихотворение Пушкина «Монастырь на Казбеке».

[33] *Первая статья, мне попавшаяся...*— Статья Надеждина в «Вестнике Европы» о «Полтаве». В рукописи сказано: «Пущин остановил меня, требуя, чтобы я читал с большим мимическим искусством, «не так, как пономарь,//А с чувством, с толком, с расстановкой». Цитату из «Горя от ума» Пушкин из печатного текста устранил.

[34] Маршрут от Тифлиса до Арзрума сохранился в копии, сделанной рукой Дельвига, следовательно, еще в 1830 г., и в писарской копии, включенной Пушкиным в состав «Примечаний к «Путешествию в Арзрум» (наряду с «Заметкой о секте езидов» на французском языке — выпиской из кн. Ж.-Ж. Руссо «Описание Багдадского пашалыка», 1809; в настоящее издание эта заметка не включается).

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

В данный указатель вошли имена, встречающиеся в основном тексте (кроме имен литературных героев); из комментария и вступительной статьи введены имена лиц пушкинского окружения, а также лица, представляющие для Пушкина исторический или литературный интерес. Аннотации построены так, чтобы на минимальном материале раскрыть причину пушкинского интереса к данным лицам. При этом имена общеизвестные не аннотируются или аннотируются кратко. Более подробные сведения об истории взаимоотношений Пушкина с лицами, упоминаемыми в его автобиографической прозе, см.: Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л., 1975.

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗГОВОРЫ

ЛИТЕРАТУРНАЯ БИОГРАФИЯ

Александр Сергеевич Пушкин

ДНЕВНИКИ
АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОЗА

Редактор
И. В. Стабникова

Художественный редактор
А. С. Кулемин

Технические редакторы
Р. Д. Рашковская и *Г. О. Нефедова*

Корректоры
А. З. Лазуткина, М. Е. Анарцева, Е. С. Куштаева, С. В. Мироновская, Э. З. Сергеева, Л. В. Конкина, Л. М. Логунова

ИБ № 5030

Сдано в набор 02.08.88. Подп. в печать 17.02.89. Формат 84×108/32. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 20,16. Усл. кр.-отт. 20,58. Уч.-изд. л. 20,72. Тираж 100 000 экз. Заказ № 1273. Цена 2 р. 10 к. Изд. инд. ХД-113.

Ордена «Знак Почета» издательство «Советская Россия» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103012, Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 144003, г. Электросталь Московской области, ул. им. Тевосяна, 25.